

ДАША ПАР

РАВНОВЕСИЕ КРОВИ

ОТ НЕЕ
ЗАВИСИТ
СУДЬБА
ЦЕЛОГО МИРА

ДАША ПАР

РАВНОВЕСИЕ
КРОВИ

ОТ НЕЕ
ЗАВИСИТ
СУДЬБА
ЦЕЛОГО МИРА

Annotation

В этом мире все зависит от статуса и от цвета, в который будут окрашены твои крылья, когда ты примешь драконий облик. Для каждой девушки из знатного рода весенний праздник – Равновесие невест – главное событие, ведь на нем произойдет первое обращение. Селеста едет на праздник вместе с сестрой, но почему девушка так боится самого главного события своей жизни?

Что такого важного скрывается в Селесте, что на нее открывается сезон охоты, и главными охотниками оказались русалы из подводного королевства? Или же это морвиусы обрели силу и могущество, чтобы исполнить пророчество и оживить старых богов? А может, король, самое сильное существо на планете, не так добр и хорош, как о нем говорят? Или же дело в маршале, с которым Селесте так хорошо...

- [Даша Пар](#)
 -
 -
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)

- [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
-

Даша Пар

Равновесие крови

© Пар Д., 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

В память о любимом папе, который всегда поддерживал и верил в меня.

Глава 1

Столица Клэрия

Селеста

Я бы хотела оказаться где угодно, только не здесь. Не в этой маленькой карете с закрытыми окнами, такой тесной, что даже через платье чувствую горячее бедро сестры. Здесь душно. И плохо пахнет. От спертого воздуха немного кружится голова и губы соленые.

Эта поездка длится почти месяц. До того мы бедны. Не можем позволить себе купить билет в магический портал. Одежду и личные вещи отправили почтой. Мать кривила губы, подсчитывая, во сколько встанет отправка. Вышло чуть больше, чем если самим перевозить, а риска меньше. Так что мы едем почти налегке.

Отодвинув занавеску, я уставилась на сероватую жухлую траву среди луж. Над полем в окружении светлых облачков сияет весеннее солнце. Вдалеке летит клин птиц, возвращающихся с юга. Весна в этих краях наступает раньше. Дома еще снег лежит, а здесь уже пробивается первая зелень. Через неделю все покроется травой и листвой, тогда как в долине еще месяц пройдет, прежде чем настанет весна.

Мать задергивает занавеску. Я откидываюсь на деревянную спинку, скрещиваю руки на груди и недовольно гляжу на родительницу.

– Я устала. Может, остановимся? Дышать невозможно! – тяну я тоскливо, умоляюще косясь на маму. Сестра рядом встрепенулась. Ей тоже скучно. А вот брат, напротив, углубился в какую-то книжку, и ему все нипочем. Готовится к экзаменам.

– Нет. И хватит об этом. Ты уже просила сделать остановку. Теперь едем до конца. Кучер обещал – к вечеру будем в столице.

Будто в ответ карета подскочила на ухабе, и Кристан от неожиданности чуть не выронил книгу. Этот сероглазый крепыш внешностью пошел в нашу мать, Алисту Винцель, слегка полноватую крупную женщину с роскошной каштановой гривой и пронзительными

светлыми глазами. Когда-то она была красавицей. Но после смерти мужа не перед кем хранить красоту в глуши, и она изменилась.

– Можно подумать, там нам будут рады. Зеленые драконы выбрались из Сатуральских долин и пожаловали в столицу на Равновесие, – пробурчала я негромко, ища поддержку у сестры, но та отвела глаза. В отличие от меня, она на что-то надеется. Глупая, и простаку ясно – зеленым драконам ничего не светит. Мы почти что простолюдины. Почти как серые бесцветные дракоши. И к тому же с изъяном, по меркам приличных семейств.

– Хватит! – гневно воскликнула мать, а брат резким жестом захлопнул книгу. За время путешествия в узком семейном кругу он научился заранее определять назревающий скандал.

Потерев переносицу, выглянул в окно, недовольно крякнул и обернулся ко мне:

– Селеста, мы тысячу раз все обсуждали. Последние два года ты просто невыносима! Пора бы уже смириться и принять свою судьбу, – размеренно заговорил он, а мама в знак признательности сжала его руку. – Ты понимаешь, что у нас нет другого выхода? Если я не поступлю в Академию, а вы не выйдете замуж, то двоюродный дядя воспользуется правом старшего и заберет наши земли. Вы с матерью попадете под его опеку, а я либо буду вынужден работать на него, либо пойду на все четыре стороны. Ты готова поставить все на кон, зная, какой конкурс на бюджет?

– Есть же стипендия, – вновь завелась я. – Как зеленый дракон, ты можешь...

– Это Гадельерская стипендия. Ее может получить только очень талантливый зеленый дракон, такой, как сам Артан. За прошедшие годы полной оплаты обучения удостоились только четыре парня из наших долин.

– Но какой в этом смысл? – не выдержала я и повысила голос, глядя исключительно на мать. – Мы получили приглашение как дочери серебряного дракона! Но ведь и так понятно, что мы обернемся в зеленый. Кристан не пошел в отцовскую масть, значит, и мы тоже!

Мать потеряла руки, поджала губы, но не ответила. Она и так это знала. Дети от одной пары всегда обращаются в одинаковый цвет.

– Да, Сэл, ты всегда умудряешься довести дело до драмы, – проворчала Калиста. – Как ты не понимаешь, столичное Равновесие –

наш единственный шанс чего-то достичь. Что ждет нас дома? Нищета. Изоляция. Да еще эльфы на границе! Ты хочешь снова к ним попасть?

– Кали! – предостерегающе проговорила мама. – Не говори об этом.

– Дома нас ждет любовь, – ответила я очень тихо, опуская голову. – Зеленые драконы женятся по любви. Только после слияния. В любви рождаются дети. И каждый аристократ знает об этом. Нас будут избегать как парий. Ведь у богатых нет любви, все браки по расчету.

– Вот именно, – мягко ответила мама, наклоняясь вперед и осторожно касаясь моего плеча. – Чего ты боишься? Будущий муж точно будет любить тебя. Это покажет слияние. Да любой аристократ счастлив показать, что в его доме живет любовь. Плюс, как ты знаешь, зеленые – самые плодовитые из цветных драконов. У нас большие семьи. Какой дом может похвастаться таким? Да они бегать за вами будут!

– Мам, – укоризненно протянула я в ответ. А она только нахмурилась, сильнее сжав плечо, а после отпустила, отворачиваясь к окну. Всем было ясно, как наивны ее слова.

* * *

Зеленые драконы всегда жили обособленно в Сатуральских долинах, до которых нелегко добраться из-за горной гряды. Основное торговое сообщение шло вдоль рек, широкой сетью опутавших все драконьи владения. Была дорога и сквозь Бросвальскую гриву, выстроенная несколько веков назад благодаря тогдашнему королю Класарию. Но путь через нее облагался налогом, так как расходы по содержанию дороги лежали на плечах самой крупной и богатой долины Гадельер. Жаловаться на размеры податей бесполезно, так как один из сыновей семейства обретался в королевском дворце в качестве первого маршала. Выдающийся представитель зеленых драконов – Артан Гадельер. Говорят, лучший друг короля.

Наша долина, Винцельская, примыкает к королевской границе, за которой начинаются территории эльфов – Ауэрские леса. Давным-давно между эльфами и драконами был заключен мир, однако те

времена прошли, и последние лет десять остроухие «отпустили» свой лес, который по кусочкам захватывает нашу землю.

Долина живет за счет небольших угольных месторождений плюс лесопилок. К сожалению, эльфийский лес непригоден для обработки – во время вырубки он превращается в труху. И пилить его тяжело из-за плотной структуры деревьев. Приходится выкорчевывать и рубить, чтобы он не затронул нормальные леса. Удастся плохо, из-за этого мы теряем как людей, так и территорию.

Пока отец был жив, существовала сделка с эльфами, но что они получали взамен? Никаких документов не сохранилось, а папа отмалчивался. Даже любимой жене ничего не говорил. После его смерти сделка аннулировалась и возобновилась экспансия, с которой мама ничего не могла поделать. Она даже обращалась в королевский Секретариат, но ее запросы остались без ответа.

И ей пришлось выкручиваться самой. Выдерживать натиск налоговой службы. Вкладывать всю скудную прибыль в разработку новых месторождений. Давать налоговые послабления населению за работу на лесопилках и на границах долины.

Я все это видела. Знала, что нищета – единственный способ сохранить род Винцелей. Нашу семью. У мамы есть какой-то план. Всегда есть. Поэтому лет семь назад она распродала свои украшения и нарядные платья, чтобы нанять нам приличного наставника. А несколько лет назад, после отличного дебюта Кристана на Осеннем равноденствии, наняла еще несколько, чтобы дать сыну шанс поступить в столичную Военную академию.

А нас с сестрой мать начала готовить к столичному Равновесию невест. Это единственная возможность выйти замуж за пределами Сатуральских долин. Она обратилась за помощью к нашему дедушке, Брошину Адегельскому, главе Серебряного дома. Несмотря на давние разногласия, он выслал нам приглашения.

Все это – возможности сохранить род Винцель. Сохранить нашу семью.

Если мы с Калистой удачно выйдем замуж, дяде придется отстать. А если брат поступит в Военную академию, то сможет подать прошение о налоговых послаблениях. У аристократов Военной академии была такая возможность.

В этом исключительность Каргатского королевства, единственной в мире многорасовой страны. На нашей территории, кроме драконов, проживают люди, гномы, эльфы, ше'лки и многие другие расы, которых всегда привечали Каргатские короли.

Приближающееся Равновесие невест – один из наших ключевых праздников. Он одинаково важен как для цветных, так и для серых дракониц. В этот день мы впервые принимаем вторую ипостась. Аристократок выдают замуж, а серокрылые драконицы, обретая самостоятельность, покидают родительский дом. В этом главное различие между нами.

Девушка из высшего общества – способ укрепить положение рода, заключить удачную сделку, получить или обменять земли, или просто заработать на выкупе, если вторая ипостась драконицы окажется необычной. Мнение девицы в расчет не принимается. В случае отказа она вполне может оказаться на улице.

Ситуация выправляется после замужества. Особенно если муж не придерживается старых традиций. Перед девушкой открывается светская жизнь, которой до того она была лишена. Теперь она может посещать театры, музеи, выставки, ходить на балы, культурные вечера. Даже, с одобрения семьи, получить образование.

Исключение – Бирюзовый дом. Там девушек наравне с парнями обучают творческим профессиям, и родители снисходительно относятся к брачным вопросам.

Столичное Равновесие – особенное. Престиж невесты, получившей на него приглашение, взлетает до небес. Для девицы из отдаленной провинции – это возможность пожить в королевском дворце, окруженной настоящей роскошью, побыть в центре внимания, познакомиться с первыми лицами королевства. Увидеть короля! В столичном Равновесии она принадлежит себе, так как родители остаются в городе на все время праздника. Так что очень важно среди сотни соблазнов умудриться устоять на своих двоих и не опозориться. Ведь позор невесты падет и на ее семью.

Я смотрю на своих родных, и сердце замирает. Прошло два года, как я отделилась от них, не в силах рассказать о своем позоре. Я стала изгоем семьи, а они даже не догадываются об этом! Но время на исходе, и скоро правду узнают все. И я никак не могу это остановить...

Столица встретила нас необычайно шумной и разношерстной толпой, громоздкой архитектурой жилых домов из кирпича с красной черепицей на крышах, мощеными широкими улицами, на удивление чистыми, учитывая количество экипажей, карет и повозок.

Кристана, как абитуриента Военной академии, высадили в предместье столицы – возле главных ворот внушающего доверие кирпичного здания. До вступительных экзаменов он будет проживать в общежитии.

Прощание с братом вышло скомканным, ведь мы никогда особо не были близки. В следующий раз увидимся через неделю в день весеннего Равновесия. Кристан пожелал нам удачи и велел поддерживать честь семьи. Говорил таким странным высокопарным голосом, что даже мама не сдержала улыбки.

Мы же направились прямо к сияющему королевскому дворцу, видневшемуся с пригорка. Издали открывался вид на покрытые золотом башни-площадки, с которых так удобно пронзять пространство. Талант, доступный только мужчинам.

В ближайшие дни нас ожидало знакомство с другими девицами, медицинский осмотр, репетиция надвигающегося празднества. После недельной изоляции мы предстанем перед королем и высшим светом. По устоявшимся традициям, когда девочка становится девицей, ее прячут от взглядов посторонних. Поэтому бал открытия – это действительно наш первый выход в свет.

На следующий день ни свет ни заря мы отправимся на самую высокую площадку дворца, где примем драконью форму на глазах всей столицы. Во второй половине дня состоится праздничный бал в честь нашего *Равновесия*, во время которого будут объявлены договорные браки.

Затем начнутся совместные обеды и ужины, светские рауты, балы и представления для невест и женихов, чтобы те узнали друг друга поближе, а родители могли договориться о браке. Все это продлится до майского свадебного цикла, когда почти каждый день будут проходить бракосочетания. Примерно тогда же начнутся вступительные экзамены в столичные академии, а в июне уже будут готовы результаты

Кристана. Получается, у нас есть всего полтора месяца на то, чтобы найти себе пару.

К счастью или к сожалению, но моя судьба решится намного раньше.

* * *

Я вижу в себе маленькую девочку, которую вытолкнули на яркое солнце, прилепили на макушку бант и велели улыбаться во весь рот. *«Эй, красавица, ну что ты стоишь надувшись? Улыбнись, видишь, сколько на тебя женихов пришло посмотреть! Один из них станет твоим мужем. Разве ты не хочешь понравиться ему?..»*

Как я могу хотеть того, что никогда не случится? Никто не знает, какая я на самом деле. Редкий дефект, о котором в приличных семьях не принято говорить вслух. А я так и не нашла в себе сил признаться матери. Маленькая дурочка, которая сама виновата, что попала к эльфам. Может, случившееся – это наказание за глупость?..

Как объясниться с семьей? Как признаться? Да я лучше сбегу, чем сознаюсь, кто я есть! Стану еще одной девчонкой, сбежавшей из дома. Благо есть куда бежать...

Но... всегда есть проклятое «но»!

Удрать сейчас – разбить сердце родным. Пройти через Равновесие – стать позором. Все рассказать? Я дотянула до точки невозврата. Надо было говорить, как только поняла, кто я такая, и все было бы решено. Но время не повернуть вспять. Тогда я промолчала, отложила, испугалась, а потом уже не смогла подобрать подходящих слов, чтобы объясниться. Я сама повесила на грудь этот камушек, а как его скинуть? Никак! Особенно сейчас. Я не могу подставить семью.

Поэтому молчу. Ставлю все это себе в вину, плывя по течению и надеясь, что как-нибудь рассосется. Не рассосалось. И я в капкане оказалась.

* * *

Всю дорогу до дворца сестра нетерпеливо тянулась к окну, разглядывая и запоминая каждую черточку столицы Каргатского королевства, названной в честь святой Клэрии, первой королевы.

Калиста никак не могла поверить, что такие большие города бывают на свете. Наш родной город Винц в разы меньше и скучнее, серее, грязнее, тоскливее и совершенно, просто напрочь лишен магии! А здесь было все. И это все хотелось потрогать и не выпускать из рук. И только мама мешала наслаждаться зрелищем, постоянно одергивая и возвращая на землю.

– Клянусь святыми крыльями Клэрии, ты невозможно неприлична! Вертишься как маленькая дикарка, будто я тебя ничему не учила! Посмотри на сестру, бери пример!

Я скептически глянула на мать и неожиданно показала ей язык, введя родительницу в состояние легкого ступора. Но сестра тотчас угомонилась. В отличие от меня, она действительно хотела стать частью этого мира. Ей хотелось попробовать красоту на вкус. Узнать, каково это – быть настоящей кэррой. Что и говорить, из нас двоих она оказалась примерной девочкой.

Но даже ее целеустремленность, желание узнать и понять иной мир не подготовили нас к тому, с чем мы столкнулись. Сатуральская провинция не зря называлась «венец без камушка»: наша удаленность и бедность создали настоящую оторванность от самого слова «мода». Фасоны платьев, причесок, высота каблуков, аксессуары, украшения... что это для девушек, выросших в условиях, где главная ценность – практичность и долговечность?

Наши платья с дороги запорошены пылью, подола испачканы глиной, шеи грязные от пота, потому что в дешевой карете оказалось слишком душно, волосы, в последней придорожной гостинице убранные в косы, растрепались, а лица, не знавшие румян и теней, выглядели по-простецки. И на ногах совсем не туфельки, а обычные ботиночки, ведь обувь дорогая, жаль испачкать единственную пару в дорожной грязи.

Иное дело местные аристократки и представительницы богатых провинций. Разодетые в шелка, с лебяжьими шейками, легким дневным макияжем, окруженные флером пряных и цветочных духов, среди почтительных слуг и подле царственных матерей. Наша семья на их фоне терялась. И только фирменная драконья грация, а также

фамильное ожерелье Винцелей на шее мамы выдавало в нас приехавших на столичное Равновесие представителей аристократии.

Хотя достоинство проявлялось только в том, что мы были плодом мезальянса между серебряным драконом и зеленым. Бабушка была изобретательной женщиной, чтобы тридцать лет назад устроить этот брак. Серебро в нашей крови позволило нам оказаться здесь.

– Когда останетесь среди невест, не вздумайте искать расположения девицы Гадельер. Я знаю ее мать, девочка будет воротить нос и демонстрировать отличие от вас. Держитесь особняком и с гордостью. Не позволяйте себя унижить и не опускайтесь до их уровня. Помните мои предупреждения.

Я прикусила губу, недовольно оглядываясь по сторонам. Несмотря на лоск и презентабельность окружения, двор напоминал рынок в день приезда торговцев. Было адски шумно. Девушки прощались с матерями и опекунами, слуги разносили чемоданы с вещами, где-то плакал ребенок, неподалеку лаял пес, а мажордом пытался убедить какую-то мамашу, что ее дочурка не может претендовать на отдельные покои, какого бы знатного рода она ни была.

Блондинистая девушка с прелестными голубыми глазами и розовыми губками, будто истинно королевская особа, лениво окидывала взглядом двор, едва заметным движением бровей выдавая приговор всему, что видит. Поодаль уже формировались первые группы девиц на выданье, и многие с почтением глядели на блондинку, а мне стало любопытно, кто она такая.

Кали позади меня, не скрывая чувств, выдавала первые паникующие ноты, засыпая мать сотней вопросов, что делать дальше. Нам предстояла неделя без родительского сопровождения, под присмотром дворцовой дамы, главы женского совета.

Поскольку король Никлос не женат, а его родители давно отошли в мир иной, то многие женские обязанности, обычно возложенные на королеву и ее придворных дам, необходимо было кому-то поручить. Так появился Совет Женевры, названный в честь покойной матери Никлоса. Возглавляла совет бывшая компаньонка королевы – Астерия Брунцкая, дама высокой морали, поборница этикета и соблюдения правил из Фиолетового дома.

– Девы! Оторвитесь от материнского подола! Время на прощания вышло. Вы больше не дети, а девицы на попечении короны. Так и

ведите себя соответственно, – громогласно выдала строгая кэрра, встав в парадных дверях женского крыла. Она видоизменила голос, опустив модуляцию до драконьего рыка и тем самым усилив его.

Добившись тишины, она цепким взглядом окинула двор, после чего удовлетворенно кивнула, сторонясь и открывая двери во дворец.

– Мамочка, я тебя очень люблю! – Калиста вцепилась в мать, крепко-крепко обхватив ее за плечи. Я обняла родительницу лишь слегка и поцеловала в щеку.

– Пожалуйста, не позорь меня, – прошептала мама, и я стиснула зубы, выдавая кривую ухмылку. После сравнительного внешнего анализа моя самооценка упала ниже испачканных щиколоток, и мне удивительно, почему молчит сестра.

Распрощавшись с матерью, мы взяли за руки, влились в стройный ряд девиц и вошли в сверкающий дворец.

* * *

Здесь было иначе. Легче, чем дома. После закатного солнца и легкого холодка внутри оказалось на удивление тепло, не затхло и не душно. Потолки горели ровным желтым магическим светом, высвечивая каждый уголок анфилады женского крыла. По дороге кэрра Брунцкая объясняла, что в дальнейшем нас ожидает, где что находится и что будет происходить на протяжении ближайших полутора месяцев.

Двадцать девиц будут представлять свои семейства на столичном Равновесии. По заверениям кэрры Астерии – удивительно, насколько урожайным выдался год.

По напряженному молчанию я догадалась, что это плохо. Чем больше невест, тем меньше женихов. И опять прикусила губу, досадуя на свою нервозность. Лезть в пещеру горного тролля и то легче, чем находиться в таком приличном обществе. Благодаря хорошему слуху я слышала все, что говорят о сестрах Винцель. Побродяжки, зеленая кость, почти человечки, низкородные и множество других куда менее приличных эпитетов. А Калиста, которая тоже все это слышала, все сильнее и сильнее сжимала мою руку.

– Девушки, для каждой из вас подготовлена отдельная комната с уборной и гардеробной. Эта гостиная-коридор соединяется с каждой

из них. Этажом ниже есть библиотека, зал для занятий гимнастикой и выход в подвальные помещения: там сауна и бассейн с морской водой. Если будут вопросы – обращайтесь к своим личным горничным. Сейчас начнется распределение – не зевайте, дважды повторять не буду. Также запомните, что комнаты парные, с внутренней дверью, и у каждой из вас будет компания. По глазам кэрры ясно: следите друг за другом!

Откашлявшись, женщина раскрыла толстую папку и начала зачитывать имена.

– Селеста Винцель – зеленые покои, Паули ван Стейфро – золотые, Агата Вессельмайер – персиковые, Кирнан Грацбургская – покои в зеленых с золотом тонах, – монотонно зачитывала кэрра Астерия, и с каждым именем из ряда стоящих поодаль горничных кто-то выходил. Чтобы было легче ориентироваться, служанок нарядили в цвета комнат. Также в гостиной вдоль стены выстроилась старшая прислуга, заведующая вопросами о распорядке дня и всех дополнительных надобностях невест.

– Позвольте, а почему меня поселили не рядом с сестрой? – не удержавшись, я вклинилась в речь кэрры, чем заслужила ее неодобрительный взгляд.

– Именно потому, что вы сестры. И без разрешения не задавай вопросов! – вздернув бровь, резко осадила меня Астерия.

Покраснев, я расстроено посмотрела на испуганную сестру. Кали нежнее и в чем-то слабее меня. И мы всю жизнь спали в одной комнате. Трудно представить себя порознь. Кэрра продолжила говорить, а мы отошли в сторону, чтобы разговор не вызвал недовольства придворной дамы.

– Эй, не расстраивайся. Мы все равно будем вместе. Ну и что, что по разным комнатам спим, в гости ходить будем, – попыталась я успокоить сестру, но она упорно разглядывала испачканные ботиночки и следы, оставленные на блестящем мраморном полу. Кали выглядела такой потерянной, такой неустроенной, будто думала, что ей не место среди окружающей красоты.

К нам подошла невысокая рыженькая девушка с очаровательной округлой фигуркой, похожей на налитое яблочко. Этакая куколка в бантиках и рюшах. Один только взгляд на ее украшения – и стало ясно, что девица принадлежит к очень богатой семье. А яркие янтарные

глаза намекали на принадлежность к желтым драконам. В драконьей иерархии – простецкий род, но им принадлежала земля вдоль Ангусского побережья, где развивается соляная промышленность и разрабатываются месторождения глины.

– Привет, я Паули. А вы сестры Винцель? – вежливо, но фамильярно поздоровалась девушка, слегка наклоняя голову набок. – Кто из вас Селеста?

– Это я, – подняла я руку, отвечая на приветствие. – Значит, мы с тобой будем жить в соседних комнатах?

– Да, – она широко улыбнулась. – Здорово, правда? Я боялась оказаться соседкой Грацбургской или еще кого из старой аристократии. С их высокомерием – это было бы мучением. А так все удачно сложилось!

– А меня поселили рядом с Миртой Гадельер, – воскликнула негромко Кали, прислушивающаяся к словам Астерии. – Это ведь хорошо? Пойду здороваюсь.

Я было потянулась за сестрой, но одумалась и осталась рядом с Паули. Она проследила взглядом за Кали, которая уверенно двинулась к незнакомой красивой девушке в простом светло-сером платье с вышитыми зелеными узорами. Вскоре между девушками завязался разговор, и я перевела дух.

– А кто это – Грацбургская? – чтобы отвлечься от грустных мыслей, обратилась я к Паули.

– Кирнан. Удивлена, что ты не знаешь ее. Вон та блондинка, – девушка кивком головы указала на девицу, чья мать устроила скандал во дворе. Сейчас она была окружена свитой из нескольких холеных барышень и что-то вещала, слегка задрав нос. – Синий дом.

– Неужели? – протянула я восхищенно. Можно было и раньше догадаться. Синие драконы – это очень старая знать. Обширное и ветвистое семейство, чьи представители занимали крупные посты при королевском дворе. Из этой семьи вышел нынешний канцлер – Вран Грацбургский. И из этого дома чаще всего Каргаты выбирали себе невест. Такой была Женевра, мать нынешнего короля.

– Перед ней все лебезят, но я надеюсь, ты не из таких?

Я мотнула головой, продолжая с интересом разглядывать Кирнан. Это была стройная блондинка с аккуратным бюстом, мягкими пухлыми губами и тонкими чертами лица. Ее волосы завили и

спустили завитками из пучка на затылке, прикрытого тонкой серебристой сеткой. По шее нисходили крупные локоны, так что волосы в распущенном состоянии наверняка спускаются ниже талии. Нежно-кораллового оттенка платье свободного кроя подчеркивало грудь, демонстрируя глубокую ложбинку, сверху прикрытую тонкой полупрозрачной тканью до шеи, на которой покоилась белая камея. Кирнан выглядела очень открыто, но при этом обнаженными оставались только руки ниже запястий да верхняя часть шеи, а платье, расходящееся книзу, демонстрировало исключительно мыски атласных туфель.

Переведя взгляд на свой наряд, я густо покраснела. Мать одела нас в дорожные платья тускло-салатового оттенка, поверх которых каждая из нас накинула темно-зеленое болеро с бантиком. На ногах черные ботинки. Волосы уложены в простые косы, и только на шее небольшое ожерелье с зеленым камушком с гравировкой дома Винцель.

Небо и земля.

* * *

В мою комнату уже занесли чемоданы со сменными нарядами и обувью. Услужливая служанка Анишка сноровисто готовила помещение для проживания, причем даже успела заранее нагреть ванну, чтобы я могла помыться после долгой дороги. Девушка довольно быстро оставила меня одну: вещей не хватило, чтобы заполнить и треть гардеробной, а я жутко стеснялась необходимости перед кем-то обнажаться, так что отослала служанку прочь, самостоятельно уложив волосы и подготовившись к ужину.

Вернувшись в общую гостиную почти в таком же наряде, как и до этого, я почти с завистью смотрела на других. Говоря по правде, я чувствовала себя бедной родственницей на празднике богатых невест.

Заметив мои метания, Паули, только вышедшая из своей комнаты, в знак поддержки легонько сжала мое плечо, шепнув:

– Не переживай так. Я знаю, Сатуральские долины находятся далеко отсюда. И зимой не добраться... у вас было мало времени, чтобы подготовиться.

Согласно киваю, улыбаясь в ответ. Такая версия звучит красивее, чем правда о тотальной нищете нашей семьи.

Пока служанки сервировали столы для ужина, Паули, оказавшаяся любительницей сплетен, увлеченно пересказывала самые популярные слухи столицы. Девушка еще осенью приехала в город и поселилась в доме дядюшки вместе с матерью и компаньонкой из серых драконов.

– Мама говорила, что семейство Кирнан хочет выдать ее замуж за Никлоса. Поговаривают, что им необходимо вернуть былое влияние на корону, – негромко заметила она, когда Грацбургская выплыла из своей комнаты, надменно окидывая взглядом присутствующих и попутно демонстрируя очередной роскошный наряд.

– Король женится? – переспрашиваю я удивленно. Я как-то абстрактно представляла Его Величество, не отдавая себе отчета в том, что он вообще-то мужчина. Затем я сообразила, что королю уже больше пятидесяти лет, треть жизни прожита, пора обзавестись наследником.

– Все указывает на этот год. Восемнадцать лет прошло со смерти короля Словена. Траур по почившим родителям наконец-то официально окончен, сын больше не может его продлять, так что да, наш король скоро должен жениться. И неудивительно, что в этом году оказалось так много невест. У Кирнан достаточно соперниц. Да хоть бы и твоя соплеменница, Мирта! Ее дядя – лучший друг короля. Наверняка ее лично представят ему. А семья Грацбургских много поставила на Кирнан. На ее руку претендовали представители знатных и богатых семейств, но, по слухам, договор ни с кем не был заключен. Значит, она, если не станет королевой, может оказаться в пролете и по остальным пунктам. Драконы не склонны ждать, – несло по кочкам болтушку Паули, явно пересказывающую чужие слова.

– Ты говори, да не заговаривайся, – ледяным тоном оборвала ее Кирнан, словно из ниоткуда появившаяся перед нами. – Куда ящерице земляной знать, что происходит в приличных домах?! Никто не любит сплетен. И тех, кто их разносит, ожидает незавидная судьба.

Паули побледнела и опустила глаза.

– А разве в приличных семьях позволительно так отзываться о соседях? Такие речи свойственны человекам да прочим простолюдинам, но никак не представителю знатного дома! – воскликнула я звенящим голосом, заслоняя новоприобретенную

подругу. Назвать дракона ящерицей считалось страшным оскорблением. И будь я дома, не раздумывая дала бы обидчику прямо в глаз!

– Ты так хорошо в этом разбираешься, наверное, потому, что сама от простолюдинки недалеко ушла? – изящно поведя головой, почти мягко парировала Кирнан, а ее подружки уничижительно рассмеялись. – Ладно, не будем обращать внимания, что там простушки несут. Не стоит опускаться до их уровня.

Девушка невольно процитировала слова моей матери, и я прикусила язык. Мама просила не лезть на рожон. И если я просто в бешенстве от происходящего и мне плевать на последствия, то умом я все же понимаю, какой вред мои выпады могут нанести сестре.

Чуть позже я встретила с весьма довольной Калистой: ей повезло с соседкой, Мирта оказалась совсем не такой, как говорила мама. Они подружились, и поэтому Кали быстро распрощалась со мной, так как договорилась быть за столиком с кэррой Гадельер и еще двумя новыми подружками.

Я же вернулась за стол к Паули и еще двум девушкам: из красных драконов – Анка Асколь и Висса Серцкая из Фиолетового дома. После ужина состыковалась с сестрой и ее новыми подругами. Мы решили сыграть в скрабб, карточную игру на шестерых, так что остаток вечера оказался весьма удачным.

Лежа в постели и анализируя прошедший день, я внезапно понимаю, насколько быстро сейчас все будет меняться. За сутки я получила больше впечатлений, чем за весь месяц нашего непростого путешествия. Неделя перед Равновесием пролетит как один миг – быстрее, чем предыдущие два года ожидания. Я упустила время, и теперь остается либо предать семью, либо понести с честью позор, который все равно ударит по родным...

Острое чувство вины вытащило меня из кровати и притянуло к окну. Так душно в этой комнате и в этом отвратительном и прекрасном дворце. Я хочу вернуться домой! Просто выбраться отсюда!..

На небе почти полная луна серебром освещает комнату и высветляет королевский парк, переходящий в лес до самого горизонта. Потянув за ручку, впускаю в комнату свежий холодный воздух. Нет. Не могу здесь оставаться!

И я вылезаю на карниз.

Глава 2

О чем мечтают короли?

Никлос

Наверное, ему постоянно было скучно. Как король, он знал множество способов избавиться от этого назойливого чувства, но ночью все возвращалось. Скука, непонятная тоска, оторванность. Но о чем может грустить повелитель самого большого королевства на континенте? Какая может быть у него печаль?

Во дворце регулярно устраивали сезонные балы, маскарады, приглашали фокусников, иллюзионистов, выступали музыканты, проводили приемы для иностранных послов и гостей, устраивали сессии для лиц от науки и магии. А в самом городе расцветали опера, балет и театр, все цивилизованные и не цивилизованные развлечения были в распоряжении короля. Охота, кулачные бои, скачки, магические дуэли... Все, чего он мог бы пожелать. Как и прекрасные, удивительные женщины, готовые ради него на все. Перед королем все склоняли голову. Он мог получить все, чего душа желает.

Но в этом и была проблема – душа ничего не желала. Даже войн, которые когда-то будоражили кровь отца. Не желала и затеянной дедом государственной реформы, которую с огромным сопротивлением приходилось внедрять в законодательные акты страны.

Развитие промышленности и науки, налаживание торговых путей с заокеанскими княжествами, королевствами и странами. Историки утверждали – на континент пришла эпоха расцвета. Созидания. Превосходства мира над войной.

Но это было скучно.

Каких-то тридцать с лишним лет назад мир доставлял больше удовольствия. Тогда были живы родители, а он был всего лишь молодым принцем. Тогда они завоевывали пустынную жаркую страну Абарат, полную хищных песчаных демонов, которые нападали на новые границы королевства, полученные в результате переговоров с красными драконами. Те не справлялись с соседями и предпочли стать

наместниками на своей земле, чтобы не быть окончательно поглощенными зыбучими песками.

Они выиграли ту войну. Благодаря молодому адъютанту тогдашнего маршала, который разгадал уязвимость песчаных демонов. Они оба были почти одного возраста, и возникшая симпатия перешла в крепкую дружбу, которую они умудрились сохранить даже после восшествия на трон Никлоса. А Артан Гадельер сменил пожилого Рупера Свенского, оставив его рядом в качестве своего наставника и учителя.

Именно Артан помог пережить Никлосу смерть сначала матери, а потом и отца. Его единственный друг. Единственный, кому он мог доверять.

Иногда Никлос завидовал Артану, у которого была большая семья. Дяди, тети, сестра, племянники и другие близкие родственники. Молодой маршал не стремился домой из-за размолвки с отцом, но это не мешало ему регулярно переписываться с родными или приглашать их к себе в особняк. Это была настоящая большая семья со всеми своими внутренними склоками и мелкими дразгмами, но внешне – сплоченная и крепкая. Те, кто держится друг за друга.

Род короля никогда не был плодовитым. Это особенность черных драконов. Расплата за могущество. За возможность управлять почти божественной силой. Талант Каргатского рода. Плата – один ребенок за поколение. Только один... Женевра так хотела еще раз родить, что рискнула и, несмотря на все старания Словена, отца Никлоса, умерла в родах, вместе с младенцем. Случившееся подкосило короля, как и магия, к которой он обратился за помощью. Эта сила сгубила некогда великого короля, и Никлос стал сиротой.

* * *

Ник просыпался очень рано, и вместе с ним вставал весь дворец. За завтраком король предпочитал получать краткую сводку событий от канцлера Врана Грацбургского и от своего секретаря Богарта, а также от Астерии Брунцкой по делам Совета Женевры, от Артана – по делам военного аппарата, и от ряда других менее постоянных представителей разных органов судебной и исполнительной власти. По мере

надобности иногда к завтраку присоединялись видные ученые, выдающиеся маги и иные гости короля.

В этот день основное внимание было сосредоточено на кэрре Астерии и предстоящем празднестве. Поэтому за столом присутствовали представители казначейства и канцелярии, а также молодой организатор первого весеннего бала – кэрра Винелия Барбская, дивная особа от мира искусств из Бирюзового дома.

Вот уже неделю восточное женское крыло было недоступно для королевских придворных. Невест держали в изоляции, и специально приглашенные эксперты из Магической академии проверяли девиц на пригодность к участию в Равновесии невест.

Сухопарая Астерия, раскрыв на коленях папку, зачитывала итоги последней проверки. И хоть король скучал, раздумывая над более важными делами, приходилось уделять внимание и этому ежегодному празднеству.

– В этом году у нас удивительно большое количество представительниц знатных домов. Некоторые уже должны были быть представлены в прошлые года, однако, судя по медицинским картам, их созревание подошло только сейчас. Поразительное совпадение! – язвительно говорила она. – А после проверок выяснилось, что девы уже давно должны были пройти превращение. Их сознательно держали на зельях, чтобы они подольше протянули в девицах. Разумеется, за такое издевательство над дочерьми их семьям направили письма с предупреждениями. За такое вопиющее нарушение они лишаются права участвовать в последующих пяти столичных Равновесиях. Также есть иные нарушения...

– По-моему, все очевидно, – с мягкой улыбкой перебил ее Вран Грацбургский.

Этот немолодой мужчина, обладатель густой светлой шевелюры и пронзительно голубых глаз, сидел по правую руку от Никлоса и в данный момент меланхолично постукивал чайной ложечкой по яйцу. Его обманчивое добродушие и вид милого дядюшки вводили в заблуждение всякого, кто впервые вставал на его пути. Второй такой ошибки враги не совершали. Да и союзники тоже.

– Да? – заинтересованно протянула слегка смущенная Винелия, сидевшая наискосок от него. От волнения девушка едва притронулась к бекону, и только по чуть-чуть обкусывала остывшие тосты, даже не

сообразив, что их можно подогреть руками и никто не сочтет это неприемлемым.

– Это особенный год, моя дорогая, – принялся разьяснять Вран, как только король наклонил голову в знак поощрения. – Многие семейства считают, что именно в это Равновесие наш король выберет себе невесту. – Вран говорил с Винелией, но смотрел исключительно на Никлоса, отслеживая его реакцию. Тот оставался невозмутимым.

– Да, это многое объясняет, – вмешалась Астерия, метнув на Врана недовольный взгляд, а Артан негромко хмыкнул.

– Что такое? – внезапно обратился к нему король.

Маршал, в этот момент смазывающий хлеб маслом, удивленно посмотрел на Никлоса: он вовсе не ожидал, что его реакцию заметят. И обезоруживающе улыбнулся другу.

Вообще они были совершенно разными. И многие удивлялись, как они сумели так подружиться.

Артан – обладатель светлой кожи, голубых глаз, полных губ и фигуры атлета с широкой грудной клеткой. Сидя за столом, он будто занимал сразу два места, и единственный из всех присутствующих ел с удовольствием и все, что хотел. У него были короткие золотистые волосы, а брови густые и плотно нависающие над глазами. Он казался одним из тех, кого называют «душа нараспашку». Доброжелательный и открытый – и мало кто догадывался, что такой человек не смог бы высоко подняться и столько лет удерживать важный пост. Нужно обладать особыми дипломатическими талантами, чтобы оставаться маршалом армии, которая уже почти тридцать лет не вступала в войну.

Сейчас основная задача военных – это улаживание конфликтов в Заокеании у союзников королевства. Защита границ от темных созданий, идущих из жарких тропических лесов в глубине Заокеанского континента. Разумеется, такая точечная служба не сравнится с настоящей войной, однако она поддерживала престиж Каргатской армии и приносила королевству солидные дивиденды.

Совсем иначе выглядел король Каргатского королевства. Кожа темнее, глаза глубокие, винного оттенка, крупные с черными прожилками, в обрамлении темных и густых ресниц. Такие же темные совсем короткие волосы, полные губы, узкие впалые щеки, густая колючая щетина. Он весь такой – как истинный черный дракон. Его взгляд острый и холодный, готовый в любой момент вспыхнуть гневом

и яростью. В этом и была его притягательность. В том, как тихо тлеет пламя в глубине почти красных глаз. В тонких пальцах, в которых частенько клубится тьма нориуса. В мягких и плавных движениях... Короля опасались за его *вездесущность*.

И никто не понимал, как он мог дружить с Артаном, который, наоборот, располагал к себе людей и как золотое солнце был в центре любой компании. Никлос был из тех, кто предпочитает оставаться в тени, и как искусный кукловод руководил королевством, так что последствия его приказов осознавались спустя годы.

– Распространители слухов заблуждаются. Ваше Величество, вы не из тех, кто будет что-то делать по чужой указке. Мечты выдать дочерей за вас обернутся глубоким разочарованием. А если вы и женитесь, то только когда сами этого захотите, – спокойно объяснил маршал. Поборница этикета кэрра Астерия, судя по ее виду, была готова возмутиться, но вовремя осеклась, понимая, что королю не понравится ее реакция. А вот слова Артана вызвали довольную улыбку.

– Ты прав, – кивнул повелитель. – Отцы невест будут разочарованы, – добавил он, пристально глядя на канцлера. Король знал, что у того есть девица на выданье, и он явно желает сделать ее королевой. – Кэрра Астерия, продолжайте.

Прочистив горло, женщина переключилась на список имен достойных кэрр, добавив, что все они прошли проверку на невинность, физически и эмоционально здоровы, способны к деторождению и готовы к превращению в дракониц. В последний раз такой удачный год был почти сто лет назад, когда Словен Каргатский решил жениться. Тогда королевой стала Женевра Грацбургийская из дома синих драконов.

– Что-нибудь еще?

Астерия замялась, словно не зная, как подать имеющуюся информацию. Она отводила взгляд от Артана, думая, что расстроит его.

– В этом году у нас три особенные невесты. Зеленые драконы. Две девушки из семейства Винцель и одна из дома Гадельер.

– Зеленые? – нахмурился Вран, заглатывая очередное очищенное яйцо. Наклонив голову набок, он заморгал – в глаза попали лучи

солнца, добравшиеся из-за деревьев до верхних окон обеденной комнаты.

– Да, – неожиданно оживился король. – Еще в прошлом году говорили об этом. Сатуральские долины почти семьдесят лет назад окончательно стали нашей провинцией, но от них в столицу прибывают только претендентки из дома Гадельер. Пора активнее включать долины в дела королевства. Поощрить самые богатые семейства, дать шанс разбавить кровь.

Почтительно молчащие представители знатных домов почти синхронно поморщились. Зеленая кость и кровь. Их легендарная плодовитость соперничала с выдающейся силой крови. Почти все дети от разных драконов рождались зелеными. С кем бы они ни смешивались. Зеленые дети. Это не могло радовать. И не говорило в пользу смешения крови.

– Винцель... Винцель... Почему мне кажется, что уже слышал эту фамилию? – заговорил Вран. Сощурившись, он перебирал в памяти события прошлого.

– Мезальянс, – вставила Астерия. – Милош Адегельский из дома серебряных драконов.

– Точно! – вспомнил канцлер, а за ним и многие другие.

Лет тридцать назад одна предприимчивая зеленая драконица притащила в столицу дочь, и та покорила сердце среднего сына главы рода Адегельских. Был дичайший скандал, ведь девушка не была приглашена на Равновесие. Но тогда на это закрыли глаза, ведь для Милоша такой союз неожиданно оказался весьма удачным выходом: по мнению семьи, он был непригоден к военной службе, а значит, не мог рассчитывать на наследство.

– Именно из-за того, что у девочек отец из серебряных драконов, было решено пригласить их на Равновесие, – добавила Астерия. – Это было одобрено их дедом по отцовской линии. Кажется, у него есть подходящие по возрасту женихи. И, судя по медицинской проверке, одна из дочерей не унаследовала этот... *дар* любви, – после паузы проговорила женщина, слегка покраснев и вызвав за столом аналогичную реакцию у мужчин.

– Неплохо, – заключил король, рассматривая притихшую Винелию. – Посмотрим, как покажут себя эти девушки. Если все пройдет удачно, то в следующем году пусть зеленых будет больше, – и

король подмигнул довольному Арту, а потом вновь обратил внимание на организатора празднеств:

– Кэрра Винелия, теперь я хотел бы услышать, как идут заключительные приготовления к Равновесию.

Услышав его слова, встрепенулся заснувший было представитель канцелярии, но первым ответил мужчина из казначейства, возмущенный увеличением сметы. Винелия, яро болеющая за свою идею, тотчас парировала выпад, и диалог перешел в живое русло. Король был рад. Прoshлые Равновесия он сознательно делал скромными и даже тусклыми – в знак скорби по утраченной семье, но траур окончен, пора вновь показать подданным, каким удивительным может быть столичное Равновесие. И Винелия Барбская не зря была выбрана организатором празднеств – молодая женщина в отличие от старших и более опытных устроителей не боялась идти на риск, чем и заслужила внимание и поддержку короля.

* * *

К концу дня Никлос остался наедине с Артаном. Они расположились в одной из малых гостиных за шахматным столом. Кофе, орехи, золотистый мед, полная тишина и неспешный разговор. Оба любили такие вечера и иногда жалели, что редко удается встретиться вот так, без свидетелей. Раньше было проще. Принц и адъютант сбегали от наставников и отправлялись на поиски приключений – на охоту за песчаными демонами. Славные были деньки.

– Ты сегодня рассеян, – заметил Никлос, захватывая очередную шахматную фигуру. – В чем причина?

– Не поверишь – Винцель, – откинувшись на спинку кресла и провожая взглядом уходящего коня, ответил Арт. Подхватив небольшую чашечку кофе, он подогрел ее руками и сделал глоток, наслаждаясь приятной горчинкой дорогого напитка.

Король не торопил друга с разъяснениями, продолжая разглядывать шахматную доску. Он чувствовал, что этой маленькой победой лишь приблизил поражение, но не понимал, где именно допустил ошибку.

– Долина Винцель находится на самой границе с Ауэрскими лесами, – начал говорить Арт, тем временем передвигая пешку на освободившуюся клетку. – И сегодня всплыли некоторые подробности, которые словно сознательно скрывали от нас в королевском Секретариате. Оказывается, последние лет десять вдова Милоша, нынешняя наместница долины, слала письма, в которых сообщала, что их территорию поглощают расплзающиеся эльфийские леса. Более того, пару лет назад одна из дочерей почти три месяца провела в плену у эльфов, когда случайно пересекла «новую» границу между нашими королевствами. А самым интересным является тот факт, что Милош за нашими спинами заключил сделку с ушастыми. И никто не знает об условиях этой сделки. Как и о том, из-за чего она закончилась после его смерти.

– Почему я об этом узнаю только сейчас? – удивленно спросил король, сжимая до скрипа очередную съеденную фигуру. В его глазах мелькнул нехороший огонек.

– Я отправил туда своих людей, так что все подробности узнаем в ближайшие недели, – Арт кивнул на невысказанные мысли короля. – А виновные будут серьезно наказаны. Знаешь, у меня такое чувство, что это не единственная скрытая от нас проблема.

– Как такое получилось? – Никлос щелкнул пальцами, тотчас открылась малая дверца и служанка принесла новый кофейник со свежим кофе. А потом по приказу короля добавила в напиток немного коньяка и с поклоном удалилась.

Проводив девушку взглядом, Арт объяснил:

– Несколько причин. Секретариат увяз во взятках, на главной должности сидел Вискр, представитель фиолетовых драконов, скользкий тип, но с впечатляющими родственными связями. Плюс... зеленые драконы. Сам знаешь, как к нам относится старая аристократия.

– Виновата ваша изоляция и особенности зеленых. Красных вообще не трогают и делают вид, что их нет. Наши «высокие дома» с презрением относятся к тем, у кого нет денег и влияния, как и связей. Однако стоит вспомнить, что желтые, когда присоединились, также были париями, а затем из нищего княжества превратились в одних из самых богатых наместников королевства. Брали бы с них пример!

– Чисто территориально нашим долинам до всего этого далеко. А теперь во весь рост встала проблема – как воевать с эльфами.

– Хорошо, что это случилось с семейством Винцель, – король улыбнулся, захватывая очередную фигуру. Партия начинала складываться удачно. – Кажется, у них есть старший сын?

– Да, в этом году поступает в Военную академию. У парня неплохие задатки, может претендовать на стипендию, – порывшись в памяти, подтвердил Арт. Он пару лет назад стал временным ректором Военной академии и недавно получил списки абитуриентов.

Маршал еще раз передвинул пешку, легко жертвуя более значимой фигурой. Легкая улыбка приподняла уголки его губ. Король не любил такие долгие стратегии, но тем интереснее была игра.

– Пусть получит ее, – в голове короля вырисовывалась идея. – А одну из девиц выдадим за военного с опытом. Желательно ту, которая пострадала от рук эльфов. Пусть он разведает обстановку, поговорит с ушастыми, и если те упрутся, то в дело вступит постоянная армия и ты лично. И мне действительно интересно, что такое нашел Милош, что эльфы согласились на сделку.

– Думаешь, все закончится войной? – с сомнением протянул Арт.

– Мы давно не показывали соседям, на что способны.

– А мне казалось, наоборот. Наше королевство сейчас сильно не армией, а академиями. Все эти годы ты сознательно собирал диссидентов со всех континентов и островных государств. Всех инакомыслящих и сторонников парадоксальных теорий привечал. Это дает плоды. У нас даже школы для человечков открываются. Светское просвещение. Мы одно из самых прогрессивных на планете королевств! В этом наша сила, как и начатая Верноном государственная реформа.

– Да-да, – кивнул король, замечая, как близко белая пешка подошла к краю доски. Он ничего не мог сделать, чтобы остановить ее. В погоне за крупными фигурами он проворонил этот маневр и теперь недовольно кривил губы. Сделав небольшой глоток кофе, король добавил:

– Ум – это хорошо, но физическое насилие запоминается куда как лучше. Вран постоянно об этом говорит, как и Адегельские. Но с другой стороны... это вопрос не ближайших лет. У нас намечается интересная сделка с подводниками, а они дружат с эльфами. Да и пока

девицы замуж выйдут, пока разберемся с Секретариатом... – протянул разочарованный надвигающимся проигрышем Никлос.

– Если получится выдать замуж, – поразмыслив, сказал Арт. – Ты же помнишь? Зеленые драконы женятся по любви.

Ник посмотрел в глаза другу, словно действительно осознал и вспомнил эту особенность.

– Везунчики, вы точно знаете, что вас любят, – тихо проговорил он, наблюдая свое поражение на шахматном поле.

– Вам шах и мат, Ваше Величество, – мягко ответил друг. Они синхронно улыбнулись.

Чуть позже, переместившись на открытую веранду и расположившись в плетеных креслах у решетки с открытым огнем, наслаждаясь видом на ночной парк, украшенный сияющими гирляндами, собеседники заговорили более откровенно.

– Ник, пора двигаться дальше, – негромко заметил Арт, раскуривая трубку с вишневым табаком.

Король разглядывал звездное небо, угадывая созвездия, замечая одиноко падающую звезду. Редко тоска так просто отступала, но в этот вечер ему было хорошо. Завтра начинается Равновесие. Первый бал, знакомство с невестами, куча дел, помимо тех, что приходилось обычно делать, а значит, не скоро удастся вот так просто посидеть на веранде, наблюдая за звездами.

– Я не хочу, – еле слышно ответил Никлос, прикладываясь к пузатому стакану с коньяком. Весна еще не успела согреть воздух, а на деревьях только-только распускались первые листочки, поэтому от легкого ветра немного знобило, и приходилось частично пробуждать внутри огонь. Но так долго делать этого было нельзя.

– Одиноким король... это плохо для такого большого королевства. Как черная метка. Как мишень, – рассуждая вслух, продолжил гнуть свою линию Арт. В отличие от короля, перед выходом он накинул на себя теплое пальто.

– Даже эльфы не осмелятся напасть, – зло пробурчал Никлос, выставляя правую руку вперед и пробуждая нориус. – Знают, на что я способен.

– И тем не менее... Ты ведь даже не пытаешься. Почему?

Ник хотел ответить честно, но и в этот раз не смог, поэтому предпочел сменить тему.

– А ты? Сам тоже в женихах ходишь. А у нас разница – всего пара лет! – лукаво ухмыльнувшись, воскликнул он. Арт в ответ тоже рассмеялся.

– Сам знаешь, я могу жениться только по любви. Если в это Равновесие повезет... да благословит меня святая Клэрия, то да. Женюсь! – он еще громче рассмеялся, протягивая стакан. Стекло звякнуло, и оба сделали приличный глоток.

– Пусть тебе повезет, – искренне поддержал его король.

С минуту было тихо, слышно только, как потрескивает огонь в печке, да со стороны парка доносилось пение ночных птиц. Треск ломаемых веток разбил минорное спокойствие. Мужчины подались вперед, разглядывая, что происходит. Король, как обладатель превосходного ночного зрения, первый заметил молодую девушку, крадущуюся среди деревьев в противоположную дворцу сторону. Понаблюдав за тем, как она теряется в темноте, оба посмотрели друг на друга.

– Хм... Может, ей нужна помощь? – протянул Артан.

– А может, она бежит к любовнику, – иронично добавил Никлос, теряя интерес. – Если так, то это вскроется, как только она приблизится к границе территории дворца.

– Жалко... Не возражаешь, если я прослежу за ней?

Король возражал, он хотел больше времени провести со своим другом, но видя заинтересованность не особо жалующего женское общество Артана, предпочел кивнуть. Кто знает, может, эта непослушная девица окажется той самой и его друг обретет семейное счастье.

Знал бы король, что за этим последует, – никогда бы так не поступил.

* * *

Артаном всегда двигало любопытство. Именно оно, как и отцовское равнодушие, позволило выбраться за пределы родных долин и поступить в Военную академию. И именно любопытство сделало поначалу учебу невероятно сложной, но после настолько же легкой, когда он разгадал правила игры. Он даже получил предложение от

тогдашнего канцлера перейти на тайную службу, но его таланты в стратегии и умение приспособливаться понравились маршалу Руперу, и Арт выбрал военное поприще. Так он стал первым адъютантом и отправился с маршалом на войну, где познакомился с молодым принцем, с которым быстро спелся. Вместе они отправлялись на поиски приключений по опасным землям песчаных демонов. И однажды удача улыбнулась им.

Парни нашли замок под землей и карту к лабиринту мертвецов. Когда-то давным-давно песчаных демонов одолела загадочная болезнь, и они всех инфицированных поместили в подземный город, запечатав входные врата. Арт разобрался в зашифрованных записях в найденном песчаном замке, разгадал, как можно открыть вход, и вместе с Ником проник туда. Они нашли источник болезни, смогли вынести его за пределы территории демонов и передать в Академию общих наук, где ученые придумали, как сделать из этого оружие. Так было покончено с песчаными демонами, и так началась дружба Арта с принцем, которая не ослабла в последующие десятилетия.

Именно это сделало их дружбу особенной. Это – и то, что случилось с родителями Никлоса, когда молодой король оказался буквально раздавлен трагедией, и только Арт смог вытащить его и привести в чувство.

* * *

Артан пошел короткой дорогой: спрыгнул с веранды, бесшумно приземлился на плиточный пол. Прислушавшись, присмотревшись, направился по ступенькам вниз мимо декоративной части парка, в сторону высоких деревьев и узких тропинок. По пути ему встретился патруль, и он велел солдатам обходить дальнюю часть парка, куда они изначально направлялись.

Какое-то время мужчина стоял на месте, прислушиваясь. Сквозь легкий ветер до него доносились негромкие всхлипывания, поэтому он не торопился, давая девушке возможность побыть одной. Но он не хотел оставлять ее в таком состоянии. Его беспокоила мысль об одинокой девице в темном лесу.

Когда Арт понял, что стало тихо, то направился к ней, пытаясь хоть что-то разглядеть в густой листве. Он чувствовал, что она где-то рядом, слышал ее сбившееся дыхание, быстрое биение сердца, но не видел ее. Зато точно знал, что она видит его.

– Уважаемая кэрра, – тихо обратился он в пустоту. – Пожалуйста, не бойтесь меня. Я не причиню вреда.

– Кто вы? – раздался голос откуда-то сверху. Он не стал задирать голову, сообразив, что девушка разместилась в ветвях дерева, под которым он остановился. – Вы... охранник?

– Патрульный. Чуть дальше находится граница парковой зоны. А за ней крутой спуск и начинается дикий лес. Здесь небезопасно ночью. Почему вы сбежали из дворца?

– Я не сбежала, – ворчливо ответила незнакомка. – Просто устала от... да от всего.

Арт слышал, как она удобнее устраивается в ветвях. На него посыпались мелкие веточки, и он отошел в сторону. Так ему удалось разглядеть темно-серую тень примерно в семи метрах от земли. Да она настоящая верхолазка! Это было интересно.

– Вам не нравится быть во дворце?

– Нет, – протянула она. – Мне здесь не нравится! Я хочу домой, но... не могу.

– А вы откуда родом?

– Сатуральские долины, – ответила девушка, и у ее собеседника екнуло сердце. Подумать только! Уже который раз всплывает его родина. Интересно, кто там – одна из сестер или племянница? Наверное, Винцель. Мирта узнала бы его голос.

– Это очень далеко? – слукавил он, делая вид, будто не знает, где находится эта земля.

– Да, там очень красиво, правда, холодно. И не так цивилизованно, как здесь. Свободнее. Я поэтому и не выдержала. Тут как в золотой клетке. А мне нужна свобода. Я уже не первую ночь так поступаю. Хочется хоть немного побыть снаружи!

– Я думал, девиц держат взаперти до замужества? – со скепсисом в голосе протянул Арт, опускаясь на землю и прислоняясь к дереву напротив. Одежда испачкается, но ему хотелось поговорить с незнакомкой. Узнать ее имя.

А девица, видимо, подумав о чем-то похожем и устав громко разговаривать, очень быстро и достаточно ловко спустилась вниз. Ее вид заинтересовал его еще больше. Серая рубашка, заправленная в брюки, высокие сапоги и длинная коса до талии. Совсем не кэрра.

– А я не из таких девиц! – гордо ответила она, отряхивая одежду. – И здесь оказалась почти случайно и явно ненадолго.

– Почему же? – поинтересовался Арт. Девушка подошла к нему и встала против полумесяца, который и так давал совсем мало света. Лица в темноте не разобрать, только по голосу можно предположить, что в ней есть нечто от ехидной лисицы.

– Потому что я не хочу замуж! – гордо заявила она, опускаясь прямо на холодную землю рядом с ним. Как настоящий кэрр, Арт опустил руки, пуская волну жара, чтобы хоть немного стало теплее. Ей это понравилось, и он догадался, что она улыбнулась.

– Если вы не хотите замуж, тогда почему приехали?

– Потому что меня не спрашивали, чего я хочу. Это же очевидно! – объяснила она. – Поэтому... да ладно, все это неважно. Послезавтра будет превращение, и после него я смогу вернуться домой. И все это закончится.

– Вам так не терпится уехать... Неужели столица вас совсем не привлекла?

Девушка пожала плечами, почесала нос и негромко зевнула.

– Все-таки я девица. Что я тут могла увидеть? Раззолоченные комнаты, склонившиеся в поклоне слуги да благородные девы, смотрящие свысока! А дома настоящая свобода. Мы с братом охотились, ходили на рыбалку, лазали в горы, спускались по горной крутой реке... Как это место может сравниться с чем-то подобным?

– Как вам такое позволили? Простите за назойливость, но это... удивительно!

– Мой отец никогда не считал, что девушка должна сидеть под замком, а мать не смела возражать. Я завалила первого оленя в тринадцать лет! – с гордостью объявила она. – Так что я никакая не девица, не благовоспитанная кэрра. Я из зеленых драконов и горжусь этим.

– А можно узнать имя такой отважной деви... драконицы? – почти с восхищением спросил Артан.

– Сэл, а вас?..

– Давай на ты, я Арт.

– Патрульный Арт, приятно познакомиться! – и она протянула руку, полностью нарушая придворный этикет. Хотя о чем тут может быть речь: ночью в лесу на мерзлой земле наедине с незнакомым мужчиной... Весь этикет уже давно вылетел в трубу. И ей это нравилось. Как и ему.

Пожав руку, Арт не удержался и поцеловал пальцы Селесты, а та зарделась – еще никто так ей руки не целовал, и она порадовалась, что в темноте не видно, как покраснело ее лицо.

– А как тебе работать в королевской охране?

– Не скучно, но и не весело, – отмахнулся он. – Зато платят хорошо. Значит, смогу удачно жениться.

– Ну... сейчас должно стать повеселее – столько новых гостей во дворце, столько суеты...

– Да, это Равновесие выдалось урожайным, – кивнул Арт, а Селеста разьяснила:

– Многие невесты мечтают выйти за короля... – Ее собеседник громко расхохотался.

– Что? Что я такого сказала? Все говорят, что в этом году король выберет себе жену! – и она шутливо толкнула его в бок, вызвав очередной приступ хохота.

– О да, главная интрига сезона. Да вот только я слышал совсем иные слухи. Из достоверных источников! Король ни за что не женится по указке тех, кто с какого-то перепугу решил, что он так поступит. Нет. Его Величество если и женится, то только по необходимости. Он ведь в первую очередь король!

– Интересная точка зрения, – девушка поскущнела. – Да мне, в принципе, все равно.

И они замолчали. Беседа, которая странным образом сначала текла весьма легко и фривольно, оборвалась, и оба почувствовали себя неуютно. Словно вспомнив – так и должно быть. Неуютно. Селеста растирает плечи, глядит по сторонам, а Арт пытается подобрать новую тему, но вот досада – ничего не приходит на ум. И несколько минут они хранили молчание, пока Сэл решительно не встала, заявив:

– Ладно, спасибо за компанию, но мне пора. Завтра состоится мой первый бал. Надо хоть немного поспать.

– Я провожу тебя до дворца. Ты чудом проскочила остальные патрули, но на обратном пути может не повезти, – решительно заявил мужчина, вставая на ноги. Так оказалось, что он на голову выше девушки и гораздо крупнее, чем она думала. Смутьившись, Сэл кивнула, и они пошли к выходу из парка.

По пути единственное, до чего додумался Артан, это травить приличные и не очень приличные анекдоты. И опять он удивлялся – многие из самых неприличных были ей знакомы. Вот уж действительно – дикарка. Совсем не как остальные. И это навело его на мысль, что девушке будет очень сложно пережить это Равновесие, – настолько она отличалась от других.

– Тебе помочь вернуться в комнату? – поинтересовался он, когда они оказались напротив женского крыла. – Третий этаж. Высоковато. Ты как вообще оттуда выбиралась?

– Перелезала через карниз, а дальше по колонне. Там еще несколько удобных выступов вдоль желоба – моя комната угловая, повезло, – пожав плечами, ответила она. – А потом спрыгнула. Эй, не переживай – не в первый раз! В конце концов, гораздо сложнее взбираться на горную кручу.

– Может, все-таки попробовать через вход для слуг? Коридорами вернуться? – с сомнением спросил он, когда они оказались прямо возле стартовой точки ее побега.

– Смотри и учись, – улыбнулась девушка.

Здесь было больше света, и он смог разглядеть ее лицо. Она совсем не походила на лисицу. Но что-то в ней было такое... особенное.

– Ммм... спасибо, что не сдал меня, – забирая за ухо растрепавшиеся волосы, осторожно протянула Селеста. – Я знаю, здесь это в порядке вещей...

– Да ладно. С тобой было интересно пообщаться, – усмехнулся Арт. – А ты совсем-совсем не хочешь замуж? Никогда?

Она почесала кончик носа, раздумывая над ответом.

– Я... не найду здесь жениха, – ответила она. – Мы, зеленые драконы, выходим замуж только по любви. А здесь никто не влюбится в такую, как я. И уж тем более не найдется такого, кто захочет отправиться со мной в Сатуральские долины... и дальше.

– И дальше?

– Я хотела бы увидеть мир, – Селеста впервые озвучила свою мечту и немного растерялась. Но так и было. Она хотела именно этого. – Я хочу путешествовать. Хочу приключений. И да, наверное, хотелось бы, чтобы рядом со мной был тот, кто разделит мои желания.

– Это здорово, – улыбаясь своим странным мыслям, согласился маршал Каргатского королевства.

– Спокойной ночи, Арт, – мягко сказала Сэл, а потом, повинувшись легкомысленному порыву, встала на цыпочки и поцеловала Артана в щеку. От него пахло землей и почему-то вишней. Приятный аромат.

Не дожидаясь ответа, Селеста развернулась и, разбежавшись, прыгнула, после чего удачно ухватила за первый выступ. Она легко и непринужденно преодолела еще несколько, подтянулась и заползла на карниз, а позже и на подоконник. Помахав рукой, забралась внутрь и закрыла за собой окно.

– Забавно, – Арт вновь улыбнулся. Этот вечер был невероятно приятным. Повернувшись, он пошел вдоль стены. По пути маршал насвистывал под нос прилипчивую песенку, а сам то и дело касался щеки. И от места поцелуя где-то глубоко внутри становилось все теплее.

Глава 3

Первый бал

Селеста

Эта неделя пролетела как один длинный день. Несмотря на подступающую панику, я постаралась выдержать все испытания и не закатить скандал, не вцепиться в космы Кирнан, ничего не разбить и не сломать. Быть настоящей кэррой. Такой, как сестра, которая на удивление гармонично вписалась в новую обстановку. Каким-то совершенно поразительным образом она умудрялась дружить со всеми, и никто не обращал внимания на некоторую неуклюжесть и незнание столичных повадок. Она оказалась на своем месте.

А вот я не могла похвастаться тем же. Во мне совсем не было хитрости, и я постоянно говорила в глаза, что думаю, чем ставила в тупик и вызывала подсознательное раздражение у многих девиц и дворцовых кэрр. Пожалуй, только Паули действительно относилась ко мне хорошо. Ей нравилась моя прямолинейность. Она находила ее освежающей.

Гораздо сложнее было с самим временем. Оно ускользало, а я никак не могла найти выход. И, пожалуй, только ночные вылазки позволяли держать себя в руках и не кричать от страха. Я не боялась осуждения. Не боялась брезгливости или отвращения. Я боялась того, с чем столкнется мать.

Что сделает кэрра Астерия и король, когда увидят, как выгляжу на самом деле?.. Я не знаю ответа.

* * *

Равновесие невест – период покоя девушки, когда она замирает перед будущим. Промежуток времени между невинностью ребенка и зрелостью женщины. В эти годы окончательно формируется личность и женская суть. Опасный период, когда нужно найти баланс внутри

себя, не скатиться до животной составляющей, но и не остаться девой, витающей в облаках.

Через Равновесие проходят каждая драконица, независимо от того, в знатной семье она родилась или среди простолюдинов. Тяжелее всего приходится богатым, так как нельзя позволить девице попробовать все разом, она должна оставаться чистой для мужа. Хорошенькой девушкой, добропорядочной и верной. Ведь если она не будет такой, как она может стать тылом для своего мужа? Как может родить хорошее дитя? Как может нести ответственность за целый замок? Как может стать наместником провинции, если с мужем что-то случится?

Если девушка не может себя контролировать, не может обуздать свои порывы, значит, в ней есть звериная дикость. А это нарушение Равновесия. Звериная «свобода» ведет к бешенству. К превращению в дракона, одержимого кровью. Ведь только кровь способна удовлетворить зверя. И чем больше он будет пожирать, тем больше будет желать. Такая жажда опасна.

Во времена старых богов на драконов охотились, использовали их магию, приручали как самых обычных животных. Это делали люди, гномы, нимфы, тролли, даже оборотни, имеющие собственные опасные наклонности. Все во благо старых богов.

Несправедливость была остановлена Каргом и Клэрией, вставшими на защиту своего вида. Они сумели снять проклятие, наложенное богами, вернули драконам разум, научили сдерживаться, контролировать свою суть. Но одно осталось неизменным:

Когда девушка теряет Равновесие, когда поддается звериной стороне, то следом за ней идет мужчина. Потому что нет ничего прекраснее сильной и огненной драконицы. Ее страсть отражается в нем, и он падает еще глубже, чем она.

Из-за этого драконицы тысячелетиями не превращались до периода созревания. Но и после не стремились к превращениям, чтобы не выпустить зверя. Они запечатывали его. Даже не понимая, что это тоже нарушение Равновесия, за которое расплачивались сниженной рождаемостью. Нередко – бесплодием.

Только в последние сто лет, благодаря королю Вернону Каргатскому, дедушке Никлоса, возникла тенденция к изменению устоявшихся правил. Теперь драконы лучше понимают свою природу

и саму суть Равновесия. Женщины перестают стыдиться своей второй половины, а мужчины, наоборот, восхваляют сильных и смелых дракониц.

* * *

Первое впечатление – самое важное. Поэтому так много зависело от весеннего бала. Сможешь проявить себя – запомнят. Упадешь лицом в грязь – это будет преследовать до конца Равновесия.

Разумеется, чтобы девушки не кичились состоянием своих родителей, был создан ряд правил, как они должны выглядеть. К примеру, платье обязательно с неглубоким вырезом, никаких жестких костяных корсетов, рукава – чуть ниже локтей, а длина подола – по щиколотку. Каблуки – не выше трех сантиметров. Цвет наряда – оттенки белого, материал – простой, никакого шелка и блестящих вставок. Из украшений – фамильное ожерелье. Желательно максимально аккуратное. Браслеты, серьги, митенки – под запретом. Волосы распущены, без заколок. На лице – дневной легкий макияж. Аромат духов – весенний, не тяжелый.

Задача девушки – быть олицетворением невинности, а не богатства и состоятельности семейства. Скромность превыше всего.

Поэтому мы с сестрой были почти счастливы. Ведь у нас весьма скудный багаж по меркам других аристократов. Конечно, не все дома такие состоятельные, как Грацбургские или ван Стейеро. Были и небогатые девицы. Но не настолько бедные, как мы. Быть самой бедной – отвратительно. Над нами и так частенько подшучивали, но, если они поймут истинные масштабы нашей оторванности от остальных, станет совсем худо.

Пока я решила не думать об этом, а сосредоточиться на настоящем. На ужасных и прекрасных женских процедурах, которые требовали невероятного самообладания, так что я была как сомнамбула к концу.

С утра я приняла горячую как кипяток ванну с лесными травами. Анишка накрутила мои волосы на веревочки, чтобы усилить естественный вьющийся эффект. Она помогла с макияжем, совсем чуть-чуть осветлила кожу и добавила немного румян, чтобы щечки

выглядели свеженькими. Немного теней, и карий цвет заиграл карминовыми оттенками, как бокал терпкого вина. Губы не трогали – нельзя перебарщивать. Мое платье идеально соответствовало требованиям. Легкая шнуровка на спине подчеркнула талию и грудь, а свободный воздушный подол добавил лебединой грации.

– Красавица! – восхищенно воскликнула Паули, когда горничная закончила колдовать надо мной и я вышла в общую комнату.

С Паули все немного сложнее. Ее платье максимально свободного кроя, с невидимым подъюбником, чтобы создать талию и скрыть широкие бедра. Рукава заканчивались ниже локтей, вырез на груди обнажал ключицу, но скрывал ложбинку груди, а специально вшитые в ткань маленькие косточки маскировали складки на талии. Цвет материала – теплый кремовый, чтобы подчеркнуть легкий румянец на щеках и привлечь внимание к роскошной рыжей гриве, которая как огненное пятно выделялась на белом фоне, отвлекая внимание от полноты. Она выглядела очаровательно. И все благодаря портному, который с утра подгонял платье, чтобы оно идеально село по фигуре.

– Как и ты, – отвечаю я, не скрывая удовольствия.

Мне понравилось кружиться по комнате, наблюдая, как платье легко поднимается вверх и так же плавно опускается вниз. Я никому не говорила, что его сшила мама. Что вообще все наши наряды сшиты мамой и ее родственницами из долины Корейро.

– А на мой взгляд, слишком вычурно, – заявила прямо от дверей своей спальни Кирнан. Я думала, самая богатая девушка найдет способ и в простом выделиться, но, на удивление, она поступила совершенно иным образом.

Ее платье – образец истинной скромности. Прямой подол и покрой, как мешок, ничего не подчеркивающий. Свободные рукава, вместо выреза – высокий стоячий воротник. Волосы распущенные, но не уложенные, а доведены до идеальной прямоты и забраны назад. Макияж, как и у меня, простенький. Сама скромница, будто святая. И только один элемент выбивался из образа, но никто не посмеет сказать, что это нарушение.

На шее Кирнан сверкал огромный синий сапфир, висевший на тонкой аккуратной цепочке. Он притягивал взгляды, одним только цветом говоря, кем является его обладательница. А размером – о состоянии семьи.

– Великолепно, – прошептала Паули, словно не услышав обидных слов.

Кирнан гордо задрала подбородок и улыбнулась.

– Вот так, девочки, – вызывающе заявила она, а я скрестила руки на груди. Мне разом стало противно от этой фальшивой скромности.

В дальнем конце зала появилась группа девушек, в центре которой сестра что-то довольно рассказывает остальным. Заметив меня, она машет рукой, а после ободряюще поднимает большой палец вверх. Наши наряды не сильно, но отличаются. У Кали крой свободнее, так как она чуть крупнее и выше меня. Она первая выбралась на свет. Хотя по характеру она получилась нежнее, но считалась старшей сестрой.

Тем временем вокруг Кирнан тотчас образовался кружок из почитательниц, включая абсолютно унылую Милан, соседку со стороны Паули, которая только и умела, что говорить о тряпках да любовных романах. И очень глупо хихикать, во всем подчиняясь богатой и влиятельной дальней родственнице.

– Я так нервничаю. Ненавижу это состояние. От него тянет на еду, а мне нельзя, – тоскливо протянула Паули, растирая пальцы. – Так хочется, чтобы все поскорее началось и в то же время – чтобы не начиналось вовсе!

– Не волнуйся, все внимание будет приковано к Кирнан и прочим представителям старой аристократии. Мы для них что невидимки, – отвечаю я почти равнодушно, а сама пальцами выбиваю нервный ритм. В голове вертится последнее ночное похождение.

Я была так неосмотрительна! Плела что попало, совсем ни о чем не думая! Если об этом станет известно... это просто убьет мать и поставит крест на моей репутации. И заденет сестру.

Мысли металась из стороны в сторону, щекоткой проходясь по натянутым как канаты нервам. Я поцеловала незнакомца! И мне это понравилось. С ним было интересно говорить, Арт мне напомнил брата, такой же добродушный, но с хитринкой... Если бы все было так просто, то я бы... пошла на свидание? Как обычная серая драконица, у которой Равновесие не конец света, а наоборот – свобода?..

Но это лишь фантазии. Или это станет возможным после Равновесия? Когда закрывается одна дверь, открывается другая. Если все пойдет плохо, то... нет. Конечно, нет. Уж лучше я приму *их* предложение и исчезну так, будто сбежала от позора семьи...

– Почему все так сложно, – пробормотала я устало, вжав ногти в ладони.

– Эй, что с тобой? – участливо обратилась ко мне Паули, беря за запястье и поворачивая руку. На коже проступили красные лунки. – А сама говоришь не волноваться. Вон как тебя трясет, – добродушно подколола девушка, проводя пальцами по моей коже. – Не переживай, я рядом. А как первое представление закончится, там и родителей увидим. Впервые за неделю!

– Жду не дождусь. Я соскучилась, – закивала я, отгоняя злые мысли.

– Дорогие кэрры! – прозвучал громкий голос кэрры Астерии. – Вот и настал тот самый час! Идем попарно, согласно списку, держим осанку до самого зала. Сохраняйте достоинство! Ведите себя как истинные кэрры. Вы юные девы. Помните об этом. Скромность и почтительность превыше всего. От того, какими вас увидят сегодня, зависит ваше будущее. И да благословит вас святая Клэрия!

С этим напутствием кэрра Астерия Брунцкая, разодетая в фиолетовые с золотом шелка, открыла главные двери, и мы чинно и плавно двинулись по коридору, соединяющему женское крыло с основным.

* * *

Бешено билось сердце. Я шла на ватных ногах, заставляя себя идти медленно, а не бежать, как обычно поступала в подобных случаях.

Навстречу попадались исключительно слуги, охранники да лакеи, раскрывавшие перед нами двери. Сквозь двухэтажные окна струился яркий дневной свет, из-за тонких занавесок виднелось полуденное ослепительное солнце на чистейшем голубом небосводе.

Тянуло легким холодом, многие окна были открыты, и гулявшие сквозняки разведали подолы платьев, словно стремясь воссоздать лебединый клин из столичной балетной постановки. Невинные девы-лебеди.

Наконец, последние двери раскрылись перед нами, выпуская на широкую лестницу, покрытую красным ковром. Внизу, как ложе,

бальный зал, а напротив, на возвышении с похожими ступеньками – королевский трон. Издалека Никлос Каргатский выглядел как черное пятно на светлом фоне. У подножия возвышения и вдоль стен – толпа придворных, умолкших при нашем появлении. И заговоривших вновь, когда прошел первый знаковый миг.

Я, как и было велено, заняла свое место в последнем ряду, встав рядом с сестрой. Та, не удержавшись, переплела наши пальцы и, улыбаясь, легонько сжала мою руку.

Стараюсь не слишком откровенно глядеть по сторонам, но с интересом подмечаю все новые и новые тонкости бального зала. Расписной потолок с летающими драконами, золоченые детали интерьера, белоснежный с черными прожилками мраморный пол. Высокие окна из чистейшего стекла, сквозь которые пробивалось так много солнечных лучей. В стороне – музыкальный оркестр во фраках с черными бантами, играющий какую-то легкую ненавязчивую музыку. А в зале столько красок! Каждый дракон одеждой или украшением выделил свой цвет, подчеркивая, кто к какому дому принадлежит.

Оглядевшись, шепчу сестре:

– Вон, посмотри направо, видишь, рядом с седым мужчиной в темно-сером костюме? Это мама!

– Ага, – шепчет сестра в ответ. – А с кем она разговаривает?

– Судя по серебристым погонам и шлицам рукавов, а также по характерной внешности, я бы сказала, что это представитель серебряных драконов, – шепотом подсказала невозмутимая Анка Асколь, стоящая по другую сторону от меня. – Военный дом.

– Сэл, а разве наш отец не из них?

– Да, он был серебряным.

– Повезло, – шепотом добавила девица, но не стала объясняться, – начиналось представление невест.

На удивление, все пошло довольно бодро. Как только мы по дуге заняли весь помост, внизу аристократы разошлись в стороны, образуя в центре коридор до подножия королевской лестницы. Откуда-то сбоку, со стороны короля, выступил герольд, и началось представление. Девушки по очереди спускались по ступенькам, соблюдая дистанцию в три метра. Прямые спины, задранные подбородки, походка от бедра и легкие улыбки на устах. Все так, чтобы каждый дракон мог увидеть прекрасных невест этого года.

Белоснежные платья разлетались в стороны, а колону вела самая прекрасная из нас.

– Кэрра Кирнан из рода Грацбургских, Синий дом, – объявил герольд, как только девушка остановилась перед лестницей, склонившись напротив короля в глубоком реверансе.

Я была последней в очереди, только сошла с подиума, а представление видела белым пятном, и больше думала, как бы не споткнуться и не растянуться на мраморном и оттого скользком полу.

Объявление невесты занимало не больше минуты, а дальше девицы расходились в разные стороны, отыскивая в толпе своих родителей и опекунов. На половине пути я встретила взглядом с матерью и едва заметно кивнула, увидев, с какой гордостью она смотрела на нас. Значит, мы все делаем правильно.

Улыбка застыла на моих губах, когда я увидела окружение короля. Я не поверила собственным глазам, но, когда осознала происходящее, чуть не споткнулась. По правую руку от королевского трона стоял давешний патрульный Арт. Только теперь на нем был изумрудный сюртук, украшенный королевскими регалиями. Тут и гадать нужды нет, чтобы сложить два и два и понять, кто он такой.

Артан Гадельер. Маршал королевской армии. Лучший друг короля. И зеленый дракон.

Мне хотелось провалиться сквозь землю от стыда и страха.

Я ему все выдала этой ночью. И имя свое, и свои желания... одно дело болтать с простым драконом, который если что и скажет, то его слова можно оспорить. Но маршал... «Мне конец!» – подумала я с отчаянием.

Случайно встретившись с ним взглядом, испуганно отвожу глаза, глядя прямо перед собой и не видя лопатки сестры. На деревянных ногах делаю очередной шаг, замираю, сквозь вату слышу «Кэрра Калиста из рода Винцель, Зеленый дом». Сестра отходит, освобождая обзор, и я встречаюсь глазами с королем.

И тут мне стало по-настоящему страшно. Так страшно не было детства. Отрепетированно и бездумно склоняю голову, опускаясь в реверансе, мысленно отсчитываю секунды, слушая, как объявляют мое имя, а сама краем глаза вижу отчетливую тьму, расползающуюся от короля в разные стороны.

Время вышло, я выпрямилась, развернулась и так же медленно пошла в сторону, а коридор сомкнулся за спиной. Представление окончено. Меня схватила за руку сестра и повела к матери. Иду спокойно, а сама чувствую, как по спине катится капля пота. Я покрылась холодной испариной и, казалось, вот-вот рухну в обморок от ощущения тяжелого взгляда, сверлящего спину.

– О, милые мои, я так вами горжусь! – восторженно встретила нас мать. Она всплеснула руками, с умилением разглядывая дочерей. Такие молодые, стройные и прелестные. По глазам видно – это один из самых счастливых дней ее жизни. – Как жаль, что отец не увидел вас такими... взрослыми! – на глазах мамы выступили слезы, и она аккуратно смахнула их подушечками пальцев.

– Да, ему бы понравилось, – немного неловко ответила Кали, перехватывая материнские руки и легонько сжимая их. – Здесь так здорово, правда?

– Сэл, а ты чего стоишь как в воду опущенная, что не так? – обратилась ко мне мама, и я дернулась, будто пробуждаясь. – Все хорошо? Ты какая-то бледненькая.

– Душно, – отмахнулась я, пожав плечами.

– Кстати, я хочу вас кое с кем познакомить! – воскликнула мать.

Она подхватила нас и повела мимо гостей к небольшой группе мужчин в темно-серых костюмах с серебристыми вставками в одежде. Только сейчас я обратила внимание на демократичный наряд матери. Зеленое бутылочного цвета платье с черной каймой в знак траура по мужу прекрасно сочеталось с небольшими серебряными украшениями на запястьях и в ушах. Исключение составляло семейное ожерелье на шее с небольшим изумрудом в центре и выгравированной буквой «В».

А потом мое внимание переключилось на представителей семейства Адегельских. Пожилой мужчина и два молодых парня, кажется, всего лет на десять-пятнадцать старше нас, обладали характерным семейным сходством: черные волосы с множеством серебристых прядей, отчетливо выделяющихся на темном фоне, крупные серые глаза, бледная кожа. Лица фактурные, словно выточенные, имеющие круглую динамику – через пухлые губы, подвижные челюсти, выразительные брови и плоский лоб. В этой красоте было нечто знакомое, притягательное. Хотелось коснуться пальцами губ и, закрыв глаза, медленно выводить линии, наслаждаясь

нежностью кожи и выступами скул, крыльев носа и неглубоко посаженных глаз.

Особенно притягательно смотрелся старший из парней, так как имел разную интенсивность радужки глаз – одна была темно-серая, а другая почти белесая.

– Девочки, позвольте представить родственников по отцовской линии, это ваш дедушка, глава семейства и Серебряного дома, Брошин Адегельский, – объявила мать, и мужчина проговорил:

– Рад наконец-то увидеться с вами, прелестные кэрры. – Голос его оказался тяжелым и низким, как и взгляд, забирающийся под кожу.

– А это ваши двоюродные братья от старшего брата вашего отца. Это Деян, – и она кивком указала на старшего парня, – а это Тьен.

– Счастливы услужить, красавицы, – за двоих ответил Деян, но руки поцеловали оба. А Тьен умудрился подмигнуть мне, отчего я немного растерялась. Калиста же поддержала их легкий флирт, естественным образом подчеркнув, что мы все – одна большая семья.

От ее слов я поежилась. Мне было тяжело стоять на месте, чесалась спина, будто по ней букашки бегали, и от этого я никак не могла сосредоточиться на беседе. Мама сообщила, что Кристан не смог выбраться из академии, ему предстояли какие-то важные абитуриентские дела. А Брошин, перехватив инициативу, хотел узнать нас поближе. И судя по довольному материнскому лицу, не просто ради родственных чувств.

– Извините, я вас ненадолго покину! – восклицаю я, перебивая мужчину, и тотчас отхожу в сторону, не дожидаясь ответа.

Мне отчаянно не хватало воздуха. Подхожу к окнам и замечаю, что бальный зал опоясывает веранда, а совсем рядом выход на улицу. Наплевав на мартовский холод, я вышла наружу и задышала полной грудью. Я чувствовала, как за мной наблюдают, но мне не хотелось возвращаться.

В голове вертелись когда-то сказанные кем-то слова, но что именно это было? И почему я так испугалась короля? Что за ложное воспоминание всплывает наружу?..

– С вами все в порядке? – Знакомый голос вывел из раздумий. Я оборачиваюсь, вновь сталкиваясь с взглядом голубых глаз.

– Это вы! – протянула я, нахмурившись. – Вы пришли позлорадствовать? Насладиться удачной шуткой?

– Нет, наоборот – извиниться! – Артан сложил руки домиком, после чего развел в стороны. На лице раскаянье, а глаза как-то по-доброму улыбаются. – Если бы я сразу представился – вы бы бежали куда глаза глядят, и точно угодили бы в беду!

– А вот и нет! Я могу за себя постоять, – возражаю я запальчиво, разворачиваясь к маршалу. – И вообще, вам нельзя здесь находиться. Вы опять нарушаете правила и ставите под сомнение мою репутацию!

– Вы так... наивно об этом говорите. А ведь это не шутки. Здесь не Сатуральские долины. Вы могли пострадать. – Он говорит, а сам продолжает ехидно ухмыляться. Словно вся эта ситуация забавна и смешна. – И почему же нельзя? За нами наблюдает пара сотен глаз! Мы у всех на виду, и единственная причина вас в чем-то подозревать – отсутствие вашей улыбки.

– Что? – переспросила я удивленно, наморщив нос.

– Просто улыбнитесь, прошу! Я еще не видел при дневном свете, как вы это делаете, – объявил он с шутливой мольбой, вновь складывая ладони.

От неожиданности я рассмеялась. Внезапно налетевший ветер взлохматил волосы, а пока я укрощала прическу, Артан отошел к краю балкона, давая мне время и возможность просто уйти, если не хочется говорить. Но я осталась, подошла ближе и облокотилась о парапет. Наклонившись, я уставилась вниз и сделала вид, что наблюдаю за прогуливающейся охраной.

– Простите, что поставил вас в такое неловкое положение, – сказал он после паузы. Я бросила взгляд через плечо, увидела, что он смотрит прямо перед собой и чрезвычайно серьезен.

– Извинения принимаются, – отвечаю я так же серьезно, а потом глубоко вздыхаю.

– Что вас так напугало? Ну... кроме меня?

От вопроса я вздрогнула всем телом, мне стало зябко, тогда маршал стянул с себя сюртук и осторожно набросил мне на плечи. В ответ я с благодарностью улыбаюсь и отвечаю честно:

– Вспомнилось кое-что... – и, поразмыслив секунду, продолжаю: – Пару лет назад я заблудилась и попала в Ауэрские леса. К эльфам. Я очень испугалась, брела куда глаза глядят... – Я нервно сглотнула, замечая, как внимательно слушает Арт. – И там я встретила единорога.

– Немыслимо, – прошептал мой собеседник. – Они же избегают нас!

– Да, я тоже так думала. Но он подпустил меня к себе. Я даже погладила его!

Я погрузилась в воспоминания о том, как увидела это прелестное создание. Спиральный рог чистого белого цвета. Миндалевидные глаза, темные и мудрые. Настоящее волшебство, из-за которого все и случилось...

– Я не знала, что меня держат на мушке. Не знала, что из луков в меня целятся несколько десятков эльфов, и только мое прикосновение к единорогу вынудило их отступить. И даже больше – они захотели узнать меня. Оказывается, до волшебного существа может дотронуться только чистая душа. Единороги не каждого эльфа к себе подпустят, а тут драконица, пусть и малолетняя, – я вновь замолчала. Эту сказку я рассказывала не в первый раз, так что знала, как расставлять паузы, чтобы все звучало достоверно.

Артан временами оглядывался, тяжелым взглядом отгоняя любопытствующих. Видно, ему очень хотелось услышать всю историю целиком. Узнать чуть больше об эльфах.

– Мне было любопытно и совсем не страшно, – продолжала я. – Я была... наивной, но что с меня взять. Они предложили мне остаться погостить у них. Сказали, что мои родные не будут против. Я была так рада, ведь об Ауэрских лесах ходило столько невероятных слухов! Словом, я была действительно очень наивной и даже не думала, через что пришлось пройти матери, – я ногтем провела по каменному парапету, постучала и потянула руку в рот, но вовремя остановилась и вновь опустила пальцы на прохладную поверхность. – В итоге я задержалась на три месяца. Спала в гигантских кувшинках у реки, пила сок деревьев, ела какие-то травки и похлебки. Никакого мяса! И уж тем более охоты. Они пичкали меня смесями, замещающими все, что необходимо растущему организму. И следили, чтобы я не простыла и ничего себе не сломала. А я тот еще сорванец была! Подружилась с такой же эльфийкой...

Запнувшись, я стала озираться по сторонам, а затем жестом велела Арту наклониться ближе.

– Только по секрету. Тебе я почему-то доверяю... – я сделала драматическую паузу, прежде чем добавить: – Я до сих пор навещаю

их. Они называли меня другом Ауэрских лесов. В точности как отца. Кроме нас двоих, больше никто не был удостоен такой чести. Мы можем беспрепятственно переходить границу.

Арт почти до боли сжал мою ладонь и прошептал едва слышно:

– Больше никому и никогда об этом не рассказывай. Иначе... даже не думай об этом. Просто не говори, хорошо?

Я закивала и облизнула пересохшие губы.

– Так почему ты сегодня так испугалась? – вновь спросил он, с неохотой отпуская мою руку.

Я опускаю глаза, прежде чем ответить.

– Там была одна пожилая эльфийка. Говорят, ей около тысячи лет. И она, дескать, обладает даром предвидения. – Арт недоверчиво хмыкнул, и я понимающе кивнула.

– Знаю, предсказания за магическую науку не считаются. Это мошенничество, сплошная профанация, но... В последний день меня привели в маленькую хижину, где возле жаровни сидела она, качаясь из стороны в сторону. Она заговорила со мной таким странным вибрирующим голосом... не знаю. В этом что-то было.

– Что она тебе сказала? – Арт все-таки вновь взял меня за руку, переплетя пальцы над парашютом. И это было так приятно, что я не сразу продолжила свой рассказ, чувствуя, как краснеют щеки.

– Я почти все забыла. Эльфы сказали, что это нормально. Когда потребуется, память вернется. – Я не свожу глаз с наших рук, отмечая, какой маленькой кажется моя ладошка, и с большим трудом сохраняю связность речи. – Сегодня я кое-что вспомнила, – и я сжимаю пальцы собеседника в ответ. Наши глаза встретились, и тогда я выдаю то, что вертится на языке последние несколько минут:

– Во мраке встретишь свою любовь, а потом вывернешься добела под взглядом черного. Бойся ходячего среди теней, за ним следуют старые боги.

Арт первым нарушил напряженную тишину звонким смехом.

– И таковы все предсказания! Туманны до безобразия...

– Вокруг короля клубилась тьма, – замечаю я осторожно, немного разочарованная его реакцией и тем, что он отошел в сторону.

– Естественно, это магия черных драконов! – Увидев, что совершенно не успокоил меня, Артан пояснил: – Тебе не стоит бояться Никлоса. Наш повелитель – самый лучший из всех. Он справедливый,

сильный, мудрый. Ответственный. Все говорят, что под его правлением, королевство достигло эпохи расцвета. В науке, магии, медицине, образовании. В конце концов, мы даже ни с кем не воюем, и это говорю я, маршал Каргатского королевства! – почти с укоризной закончил он.

Под ярким солнцем я согреваюсь, и на губах расцветает улыбка. И правда, чего это я. Навспоминала всякой ерунды, а теперь переживаю! Арт вон смеется над моими страхами. Я кивнула, с легкостью отбрасывая дурацкие мысли.

– Ладно, я знаю, чем тебя развлечь! – прислушавшись к звукам из зала, заявил Артан. – Идем танцевать? Кажется, начинается общий танец кадельер! Очень быстрый! Ты же любишь танцевать?

Я соглашаюсь, стягиваю с себя сюртук и возвращаю его Арту. Он перевесил его через парапет, а сам галантно подхватил меня под руку, и мы отправились обратно в бальный зал.

Глава 4

Зеркало тьмы

Никлос

Король перебирал четки, равнодушно поглядывая на своих подданных. Сегодняшний день особенный, и каждый стремился превзойти себя, показаться во всей красе. Он слышал разговоры гостей, отмечал, как многие поглядывали в его сторону, гадая, у какого дома больше шансов на брак. Ни один из них не задавался вопросом, зачем королю брать в жены молоденькую девушку, которая будет продавливать интересы своего рода за счет других. Он не сможет на нее положиться. Она не будет его любить. И ему не нужна девчушка из замка, которая ничего не знает о жизни. Такими слишком легко управлять. А заключать политический союз – с кем? Они его подданные. А на континенте не осталось свободных княжеств, за исключением подводных драконов, но те подчиняются власти короля-спрута Агондария. Так что затея не имела смысла.

– Начинайте, – велел Никлос, когда, глядя на аристократов, почувствовал, что время пришло, а девушки уже подходят к дверям противоположной части бального зала.

– Да благословит нас святая Клэрия, – прошептала жена Врана Грацбургского, Пиетта, стоящая с мужем неподалеку от короля.

– Не переживай, милая, все пройдет как задумано, – негромко поддержал муж, мельком глянув на скучающего Никлоса.

Двери отворились, и на пороге попарно появились девицы в белых платьях, которые затем расходились по подиуму в разные стороны.

– Красавицы! – раздалось приглушенное восторженное восклицание одной аристократки.

Сразу же взгляд короля приковал камушек на груди одной из невест. Синий на белом фоне. Именно его обладательница вышла вперед, по-царски выпрямив спину и задрвав подбородок. Покрасовавшись минуту, девица вальяжно заскользила по ступеням вниз, а остальные невесты последовали за ней.

– Хм, – отметил ее король, заработав еще один внимательный взгляд Врана.

Никлос знал, кем окажется эта невеста. И когда девушка приблизилась и остановилась у подножия королевской лестницы, когда герольд озвучил ее имя, род и дом, когда она склонилась в глубоком почтительном реверансе, а после выпрямилась, глядя ему в глаза со всей возможной кротостью и нежностью, он ответил ей полным равнодушием и легким кивком головы. Разочарование проступило на лице Кирнан вместе с недоумением. Она скосила глаза на дядю, а после отступила в сторону в соответствии с правилами представления. Девушка явно надеялась на иной эффект.

И потянулась вереница лиц и титулов. Девушки совсем неопытные, девушки со вкусом, глупенькие, умненькие, скромные, с хитринкой, рыжие, брюнетки, на любой вкус и цвет. Это начинало надоедать, лица сливались в одно, и король уже с нетерпением ожидал, когда закончится знакомство и начнутся танцы, после которых он скажет небольшую речь, состоится фуршет с легкими закусками и напитками, и на этом завершится официальная часть, а он сможет покинуть мероприятие. Невесты вернутся в женское крыло, аристократы либо отправятся по домам, либо продолжат празднество в квартале развлечений.

А через несколько часов после восхода солнца состоится самое главное событие весны – первое превращение дракониц.

Мысли короля плавно перетекали с приятных тем на неприятные. Он размышлял о грядущей завтрашней встрече с подводными посланцами, на которой будут обсуждать прокладку нового морского пути. Переключился на Верховную шелку, которая обязательно будет его сопровождать, и которую он на дух не переносил. Король считал, что заключенный его предком союз с утопленницами нес больше вреда, чем пользы, несмотря на их службу по защите морских и речных границ королевства. Он терпел шелку лишь потому, что договоренности были достигнуты над Книгой сделок, а это не то, во что он готов лезть. Слишком опасно.

От мрачных мыслей испортилось настроение, и ему пришлось себя сдерживать, чтобы драконы не заметили сгустившуюся вокруг короля тьму.

Тем временем представление заканчивалось. Предпоследняя, довольно миленькая невеста, была из тех самых Винцелей. Во время реверанса она немного завалилась набок, жутко смутилась, покраснела и встала кое-как, пытаясь оставаться изящной. Еще раз наклонив голову, девушка отошла в сторону, и король встретился взглядом с последней невестой.

«Какие яркие карие глаза, – подумал Ник. – И какие испуганные. Что же она видит во мне, что так перепугалась?» А девушка уже спешит прочь, почти сбегая от короля.

Щелкнув пальцами, Никлос подозвал Артана.

– Ты с ней ночью встретился в парке?

– Да, Ваше Величество, – почтительно ответил маршал.

– С девицей что-то не так. Узнай, что именно.

– Я не представился полным именем, она думала, что я патрульный. Обман раскрылся, ей и стало не по себе, – очень тихо объяснил Арт, но король не поверил его словам. Он чувал, что за этим стоит нечто бо́льшее.

Почесав подбородок, король наблюдал за сестрами Винцель и думал: как странно, что именно этот род последние два дня все время всплывает в разговорах и попадаетея ему на глаза. Опершись на подлокотник, Ник поджал губы.

– Поговори с ней. Я вижу, ты и так собираешься сделать это. Так удели ей больше внимания. И выясни, что на самом деле нужно кэрру Адегельскому от внучек.

Артан согласился, и как раз подвернулся случай осуществить задуманное – молоденькая Селеста сбежала на балкон.

– Ваше Величество, так милосердно с вашей стороны заботиться о самых... слабых семьях королевства, – почти крадучись, приблизился Вран и встал рядом с троном. – Это очень по-отечески, мой король.

А Никлос отмахнулся:

– Ты же знаешь, в первую очередь меня интересует долина Винцель, находящаяся на границе с эльфами, Вран. Это важно.

– Да, Ваше Величество. Кстати, Артан передал последние новости о происходящем в Секретариате. Я послал людей помочь разобраться в случившемся. – Вран нервно водил ладонями по одежде, искоса

поглядывая на повелителя. – А эльфы... ведут себя так дерзко, будто не боятся наших возможностей...

– Прекрати! – отмахнулся король, раздражаясь от военных амбиций канцлера. – Ты говоришь, как Адегельский. Он тоже все о войне грезит, но сам знаешь – нам это ни к чему. Попросту невыгодно воевать, когда мы только-только налаживаем контакт с подводными! – Заметив разочарование в глазах Врана, Ник смягчился: – Не переживай, если потребуется, то эльфы получат по заслугам. Ладно, хватит о делах, сегодня как-никак праздник. Вон твоя прекрасная племянница глаз с тебя не сводит, пообщайся с родными, расслабься.

Канцлер удрученно кивнул и решил отложить на потом скопившиеся доводы, понимая, что король не в настроении их слышать. Его порадовало, что Никлос отметил красоту Кирнан. Значит, есть шанс, что девица зацепила его. Надо с ней поговорить. Пусть приложит больше усилий. Ведь так много зависит от этой молоденькой невесты...

А властитель Каргатского королевства раскинул сети из тонких невидимых нитей тьмы. Они извивались вокруг аристократов, скользя в разные стороны и, распространяясь, притягивали к королю куски разговоров подданных. Он слышал уничижительные речи, хвалебные оды, сплетни, гневный шепот, первые слова признательности, ссору матери с дочерью и множество других мелочей. Но больше всего Никлоса интересовал разговор за пределами бального зала. Туда и направился целый пучок тьмы.

И когда он услышал отрывок этого разговора, довольная ухмылка скользнула по его губам.

«Так, значит, она друг Ауэрских лесов, – подумал он. – Это может пригодиться».

– Начинаем танцы! – хлопнув в ладоши, громко объявил король. Он встал с трона и спустился вниз.

Винелия Барбская, следившая за ним, кивнула и отдала команду оркестру сменить мелодию на кадельер. Король подошел к семейству Грацбургских, одарил кэрр обаятельной улыбкой и пригласил Кирнан танцевать. Это большая честь – открывать с королем кадельер. Девушка, не веря своему счастью, просияла, осторожно вложила миниатюрную ручку в его руку и послушно последовала за Никлосом на середину зала.

Она трепетала. Как и положено девице. Прямо в глаза не смотрела, двигалась плавно и легко, на щеках румянец скромности, очаровательный ротик приоткрыт. Кирнан идеально исполнила первый наклон, копируя королевские движения. И дальше зеркально отражала действия Никлоса, точно попадая в ритм пока еще спокойной музыки.

Выпад рук, кружение, вторая рука за спиной, и резкая смена темпа – теперь все наоборот. И чуть ближе. Она смотрела на королевские губы, лоб, разглядывала ворот пиджака с золотой вышивкой, повторяла про себя шаги, чтобы не сбиться, не упасть и не опозориться.

– Расслабься, – не выдержал Никлос, и они встретились глазами. Ее были огромные от волнения, его – с привычной усмешкой. – Я подхватываю, если оступишься. Ты не кукла, чтобы быть идеальной.

– Спасибо, – едва слышно ответила она, заливаясь краской. – Вы так добры.

Следующий поворот закончился тем, что Никлос оказался позади девушки. Его руки на несколько мгновений задержались на ее талии, прежде чем они разошлись вновь. Музыка зазвучала бодрее. Король закружил Кирнан вокруг самой себя, они отдалились, держась за руки, а позже он притянул партнершу к себе – чтобы быть максимально близко.

Ей это нравилось. Каждое прикосновение к коже что-то пробуждало внутри Кирнан, и она ощутила себя раскрепощенной, желанной. Теперь драконица не просто следовала за кавалером, а сама активно участвовала в танце, руками отражая музыку, глядя с хитринкой прямо в глаза королю, улыбаясь уголками губ.

Танец как тонкое кружево возвратился к самому началу. Руки подняты, партнеры кружатся, не касаясь друг друга, готовясь разойтись. Кирнан не хотела этого, не хотела разрывать контакт, но это кадельер, общий танец, и по сторонам уже образовывались новые пары, скоро их перехватят другие партнеры.

– Спасибо за... танец, – немного хрипло молвила она, когда вышло их время.

– Вы были прекрасной партнершей, кэрра Кирнан, – мягко улыбнувшись, ответил король. Напоследок он захватил ее пальцы, сжимая и целуя нежное запястье.

Музыка изменилась – теперь то, что тянулось медленно, как знакомство, первая встреча, ускорилось и движения обрели резкость.

Никакой скромности – это кадельер, танец, где нельзя сдерживаться.

Перед Никлосом сменялись разгоряченные лица, мелодия звучала все быстрее и быстрее, девушки пытались задержаться, не нарушая ритма, как-то выделиться перед ним, но не хватало времени, смелости и желания короля. Танец захватил сердцевину бального зала, вовлекая все больше и больше участников. Он закончится так же медленно, как и начинался, но уже множеством пар. Говорят, с кем закончишь кадельер, с тем тебе и миловаться...

Каждая невеста стремилась оказаться той самой, но судьба распорядилась иначе: та, кто меньше всего этого желала, возникла перед королем в тот самый миг, когда Винелия Барбская опустила руку и оркестр замедлил ритм. В глазах девицы Винцель не было страха; наоборот, разгоряченная танцем, девушка с наслаждением выполняла все па и движения, двигаясь как маленькая белая змейка, и на ее губах жила искренняя улыбка. До последнего она держалась достойно, выполняя заключительные повороты, кружась вокруг короля, и, даже не стесняясь, глядела ему в лицо, поражая его волшебным сиянием глубины карих глаз.

Чудо случилось, когда их ладони случайно соприкоснулись. Вспыхнула тьма, как лоза, оплетая девичье запястье, спускаясь вдоль вен к локтю, скрывая белизну рукава платья. Девушка хмурится, не понимая, что видит. А король изумленно смотрит то на нее, то на тьму, что поднимается к женскому плечу, лапаясь, как черная змея.

– Ты видишь? – спрашивает он, когда мелодия стихла и они замерли в последней позиции, тогда как остальные уже закончили танец.

Она не ответила, только кивнула. Никлос недоверчиво качнул головой и отпустил девушку. Тьма ушла не сразу. Она, как бы нехотя, медленно сползла по руке Селесты, якобы запуталась в платье, упала на пол, немного покружившись вокруг девичьих ног, и только потом вернулась к королю, растворившись в его теле, будто ничего и не было.

– Вы хорошо танцевали, – слегка наклонив голову перед озадаченной девушкой, заявил Ник. На самом деле он не знал, что сказать.

Она закивала в ответ, выдав невразумительное согласие. Обхватив левой рукой запястье, сжала его, пытаясь согреть. Прикосновение тьмы оставило холодный отпечаток.

– Не бойтесь. Так бывает, когда я позволяю нориусу покидать меня.

– Нориус? – переспросила она, оглядываясь по сторонам, словно ища кого-то в любопытствующей толпе.

– Тьма, – король хотел расспросить Селесту, а лучше еще раз опутать нориусом и понаблюдать за реакцией обеих, но сдержался. Были и иные пути узнать, почему его верный спутник сам вырвался наружу, пытаясь заползти к ней под кожу, словно стремясь... убить?..

– Селеста! – К ним приблизилась пышнотелая дама, внешне похожая на его собеседницу. Следом шла сестра Калиста. Обе были взволнованы встречей с повелителем.

– Благодарю за компанию, кэрра Селеста, – проговорил Никлос. – Я вас оставляю среди родных. Кэрра Калиста, кэрра Алиста, – на последних словах мать девушек прижала руку к груди. Король знает ее имя, это ли не удивительно?

Возвращаясь на трон, он слышал, как Селесту допрашивает мать, осторожно отчитывает за сцену на балконе, а после допытывается, что было между ней и королем.

«Матери, – сердито подумал он. – Вечно лезут, куда не следует».

* * *

Поздно вечером, когда гуляния завершились, девиц отправили по комнатам, а аристократы разъехались по домам и гостиницам, когда официальные дела были выполнены, а слуги успели навести порядок в комнатах и залах, и когда на королевский дворец действительно спустилась благодатная ночная тишина, Никлос все еще находился в личной библиотеке, куда доступ имел исключительно близкий круг короля. Даже служанки не имели права заходить в круглое двухэтажное помещение с купольной крышей, доверху заставленное стеллажами с книгами.

Магические светильники подсвечивали темную фигуру повелителя, замершего на втором этаже возле полок с томами о магии и истории королевств континента. Он вытаскивал одну книгу за другой, листал, читая по диагонали, морщась и напрягая память – не каждый том был написан на каргатском, а король не был силен в

языках. Чем больше книг он перебирал, тем больше понимал, что потребуется помощь. И помочь мог только один человек, которому король уже отправил послание с приказом навестить его.

– Никлос? – раздался голос снизу.

Подойдя к краю, король наклонился и увидел макушку Артана, озирающегося по сторонам.

– Я здесь! А ты не спешил ко мне. Семейные дела? – захлопнув очередной том, почти спокойно заметил Никлос. Запихнув книгу обратно в ряд точно таких же потрепанных произведений, он спустился по круговой лестнице вниз, где застал задумчивого Артана.

Тот ходил вдоль стен, разглядывая лохматые книжные корешки, и по виду ясно – витает где-то еще.

– Что с тобой случилось?

– А? – обернулся Арт, а потом спохватился. – Прости, день выдался не из легких. И ты прав, семья была на высоте.

– Что они сделали? – полюбопытствовал король, подходя к барному шкафу. Каждая приличная библиотека должна обладать подобной коллекцией напитков. Ибо не каждая книга доступна без хорошей порции виски или коньяка.

Король вытащил пузатую бутылку и два низких стакана. Поймав утвердительный кивок собеседника, разлил в стаканы янтарную жидкость, а поверх бросил магические куски льда. Подойдя к замершему на месте Арту, с понимающей улыбкой вручил ему один стакан, а после повел друга к кожаным креслам и диванам, расположившимся в центре комнаты. Нориусом король приоткрыл окно на потолке, выудил сигару из кармана пиджака и вручил ее Арту, которого усадил напротив себя. Минуту они молчали, отдавая должное изумительному напитку десятилетней выдержки. А потом королевский маршал выдал:

– Меня решили женить на Мирте. Племяннице.

– Неожиданно. Ты же говорил, что скорее попытаются через тебя выйти на меня, – удивленно цокнул языком Никлос, раскуривая сигару и ехидно поглядывая на Арта, чем заслужил укоризненный взгляд.

– Лучшее – враг хорошего. Решили не метить слишком высоко. Но как им в голову могло прийти подобное! – возмутился Артан, звонко ставя стакан на кофейный столик. Подбородком опираясь на руки, наклонился вперед, прикрыл глаза. – Я же ее еще младенцем помню!

– Твои заслуги ненаследуемые. Ты не первенец. Они влияют на тебя единственным доступным способом, чтобы утвердиться в столице, – рассудительно объяснил Никлос, опять прикладываясь к стакану и закидывая одну ногу на другую. – Отнесись к этому спокойнее. Ты не обязан следовать их указаниям. Ты подчиняешься только мне.

Арт поднял голову. В его голубых глазах мелькнула странная искра, а потом он будто одумался, отбрасывая грустные мысли в сторону.

– Нет, они ничего не требовали. Вернее, не так. Зеленые драконы не могут требовать подобного. Нельзя заставить кого-то полюбить.

– Любовь и в браке возникает. Не сразу, но со временем, – напомнил король.

– Это не работает с зелеными, – мотнул головой Арт. – Должна быть физическая реакция. От прикосновения, поцелуя, объятий... Если не появилась сразу, то и через пару лет ждать не стоит.

– Расплата за плодовитость, да? – задумчиво протянул король. – У вас много одиночек?

Вместо ответа дракон поджал губы. Потянувшись за стаканом, враз ополовинил его, а затем откинулся на мягкую спинку дивана и уставился в стеклянный потолок. Небо темно-серое от туч, погода к вечеру испортилась: прошел мелкий дождь.

«В лесу наверняка мокро», – рассеянно подумал маршал.

Они молчали, каждый думая о своем.

– Как прошел разговор с девицей Винцель? – Ник постарался, чтобы голос звучал равнодушно, хотя на самом деле его очень волновало, как ответит Артан.

– Она необычная особа, – на губах Арта мелькнула улыбка. – Ее не похищали эльфы, она гостила у них. Представляешь, видела и даже гладила единорога.

– Что-нибудь еще?

Арт вернулся в прямое положение и посмотрел на лениво раскуривающего сигару короля. Он сдвинул брови, хмурясь и вспоминая, что девушка сказала напоследок:

– Когда в последний раз ты слышал о старых богах?

Никлос не до конца дослушал разговор парочки, поэтому эти слова сильно и неприятно удивили его. Старые боги. Старые беды.

– В детстве от няньки. Потом в легендах и сказаниях. Сказки, которые не принято рассказывать. Откуда это всплыло?

– Ей старая эльфийка нагадала, что они придут и что надо бояться ходячего среди теней.

Никлос грязно выругался, сжигая до пепла сигару и растирая руки. Он люто ненавидел предсказания и из-за этого недолюбливал эльфов и людских ведьм. Поднявшись, он прошелся до одного из шкафов, вытащил оттуда какую-то тряпку, чтобы вытереть руки от сажи. Вспышка гнева прошла, выстудилась до звонкого равновесия. А в голове вертелись обрывки воспоминаний.

Слова предсказательницы, сказанные его матери. Слова, из-за которых он потерял семью. Мать рискнула родить, так как ей нагадали, что все получится. Не получилось. И ведьма поплатилась головой, а Словен выпустил закон, запрещающий предсказывать будущее и впадать в транс ради пророчеств. За эти годы пришлось еще четверых нарушителей казнить, прежде чем все успокоилось. Но король ничего не забыл. И продолжал ненавидеть.

– Что еще эта дрянь нагадала девице? – процедил он сквозь зубы, неоправданно долго вытирая руки. Старательно чистил каждый палец, стоя спиной к другу, чтобы не выдать себя ни голосом, ни выражением лица.

– Что-то про мрак, в котором она найдет любовь, черное и белое, и тьма... Она из-за этого и испугалась – увидела нориус вокруг тебя. Странно, не так ли? Его ведь не было.

«Она видит сокрытое!» – осознал король.

– Забудь. Но спасибо. Ведь это все? – Никлос обернулся и внимательно посмотрел на друга. Ни единый мускул не дрогнул, когда Арт ответил:

– Да, Ник. Это все. Больше она не сказала ничего важного.

Король тяжело вздохнул, закидывая тряпку обратно в шкаф.

– Ну что ж, спасибо за доклад. И за компанию. А насчет старых богов – забудь. Предсказатели обожают драматизм. Старые боги мертвы. Даже их последователи, морвиусы, не способны потревожить великое небытие, – проговорил Никлос, возвращаясь к Арту и буквально нависая над ним. Всем своим видом повелитель показывал, что тому пора идти.

– Ты не изменил своих планов насчет девиц Винцель? Выдать их замуж? – поднимаясь, осведомился напоследок Арт.

– Ха, – Ник удивленно сощурился и задал каверзный вопрос: – Что-то многовато мыслей об этой семейке. И ты был весьма заинтересован Селестой. Она тебе нравится?

– Возможно, – бесстрастно ответил Артан, допивая коньяк и ставя стакан на столик. – Но ты не ответил на вопрос.

– Скажем так, эта девица не уедет отсюда незамужней. А вот кем будет ее муж – посмотрим, – выдал король, оценивающе разглядывая друга.

* * *

Одиночество короля продлилось недолго. Когда Артан ушел, повелитель вернулся обратно на второй этаж, где за одним из стеллажей скрывался проход в маленькую комнатку без окон. Доступ сюда был только у членов королевской семьи. Здесь находилось совсем мало книг – не больше двадцати. И все они были написаны на мертвом языке, которым король почти не владел. Словен неохотно рассказывал сыну историю их семьи. Слишком многое было... не таким, как в народных историях. Слишком много темных и грязных пятен таилось на полках этой комнаты.

Никлос прошелся рукой по пыльным страницам, призвал нориус очистить помещение от скопившейся пыли, сам уселся в полукруглое кресло, развернул на посеревшем от старости столе одну из книг. Символы ускользали от дракона, он почти ничего не понимал из прочитанного. От досады король выругался, осознав, что действительно придется обратиться за помощью к человеку, который знает язык мертвецов.

Слова о старых богах вкупе со странной реакцией тьмы на девицу Винцель сильно не понравились Никлосу. Он привык доверять интуиции, и потому отправился в хранилище семьи, чтобы отыскать подсказки, которые помогут ему понять, что происходит. Словно было что-то, ускользнувшее от его внимания и напрямую связанное с событиями, случившимися тысячелетия назад.

Ник услышал шаги на первом этаже и ощутил пряный запах магии. Дэр Томар Бай. Бессменный ректор Магической академии. Близкий друг отца, а до того и деда. Колдун многому научил короля, и последний воспринимал его как своего наставника и друга. Ректор был единственным человеком, знавшим о существовании комнаты, и даже касался этих опасных книг в присутствии королей Вернона и Словена. Но он не имел права заходить в это место. Никлос собирался нарушить устоявшееся правило.

– Ваше Величество? – голос не стариковский, хотя возраст обладателя давно перевалил за двести лет.

Покинув хранилище, король увидел стоявшего в центре соседней комнаты обладателя голоса. Как маг, Томар мог выглядеть моложаво до самой своей нескорой смерти. Он был уникальным колдуном. Когда-то очень давно, гонимый инквизицией заокеанского княжества Лапалии, переплыв океан, он бежал в королевство драконов, где его приютил тогдашний король, отец Вернона, – Борий.

Колдун сумел убедить драконов принимать таких, как он, обещая полную лояльность Каргатам, и основал Магическую академию. Была заключена особая Сделка, по которой каждый студент академии присягал на верность королевству. В случае отступничества он терял магию, что равнозначно самоубийству для любого колдуна. Так Каргаты получили полностью лояльных короне свободолюбивых магов.

Дэр Томар Бай обладал густой и короткой черной шевелюрой, крупными зелеными глазами, тонкими губами и широкими бровями, отчего вид имел суровый и даже злобный. А вот голос, мягкий и деликатный, резко контрастировал с внешностью. И сам колдун производил впечатление дипломатичной личности, увлеченной магией и своими студентами, над которыми трясся как над родными. Уж очень хорошо он помнил костры инквизиции родного княжества, которые хоть и потухли более ста лет назад, но оставили на его теле весьма живописные следы. Даже магия была не в силах их стереть, и маг носил их как напоминание о людской жестокости.

– Здравствуй, Томар, рад, что ты так быстро откликнулся, – спускаясь по лестнице, ответил Никлос. В глазах мага сияла искренняя заинтересованность, а взгляд все время обращался наверх, к незакрытой дверце в потайную комнату.

– Ваша просьба была весьма туманна. Я так понял, что случилось нечто важное.

– Да, присаживайся, – король жестом указал на диван, на котором недавно сидел Арт, и сам опустился напротив. – Речь пойдет о нориусе. И о старых богах.

Любопытство гостя усилилось, и маг весь обратился в слух, а когда король закончил говорить, несколько минут напряженно думал, задавая дополнительные вопросы о поведении нориуса. И был весьма разочарован, когда король не смог точно процитировать слова пожилой эльфийки.

– Если люди и могут ошибаться в своих видениях, то эльфы такой оплошностью не страдают. И как бы вы ни относились к предсказателям, к ее словам стоит отнестись серьезнее, – заговорил Томар, растирая руки и мысленно прикидывая, где бы поискать информацию о единорогах. – Могу предположить, что нориус отреагировал на то же самое, что и единорог. Мифическое понятие невинности. И я не думаю, что речь идет о девственности девицы. Подозреваю, дело куда как глубже. Стоит покопаться в ее генеалогическом древе. Кем были ее предки, не было ли чего необычного. Также стоит проверить сестру, хотя бы на контакт с нориусом, раз единорога достать не получится. И... я не смогу точно вам ответить на вопрос о поведении вашей магии и сказать, к чему это может привести. У меня нет источников, они все были либо уничтожены одним из ваших предков, либо...

– Помещены в ту самую верхнюю комнату, на которую ты бросаешь такой алчный взгляд, – спокойно закончил за него король. – Ты прав, я пригласил тебя, уже зная, как ты ответишь. Да, я предоставляю единичный доступ в ту комнату.

– Позвольте спросить, почему вас так это взволновало? – полюбопытствовал Томар, мысленно предвкушая наслаждение коснуться недоступных, но таких притягательных книг.

– Как ты знаешь, нориус не просто магия. Нориус обладает чувствительностью, подобием воли. Это делает тьму эффективной. И то, что она делала сегодня... самостоятельно... – Никлос попытался подобрать слова, но они ускользали, оставляя лишь странное чувство падения в бездну. – Словом, если бы я не остановил нориус, он бы забрался к ней под кожу и вполне мог убить девушку.

Глава 5

Бабочка из кокона

Селеста

Из густого подлеска, укутанного в плотный сизый туман, взлетают зеленые светлячки, добавляя сказочности и без того призрачно прекрасному месту. На покрытых мхом поваленных деревьях сияют неоновым светом грибы, а сова, спрятавшаяся в ветвях дуба, сонливо ухает, взъерошив перья.

Я рассматриваю руки, все еще пораженная их голубоватым свечением, вызванным особой травкой, благодаря которой я могла без опаски ходить по Ауэрским лесам. Любой хищник, почуяв морской запах и заметив этот свет, пройдет мимо, зная, что меня трогать нельзя. Так я смогла побывать во многих удивительных местах этих лесов.

Но время вышло. И Фелия, мой компаньон и спутник, ведет меня к выходу в долину Винцель. Пора возвращаться домой.

– Я обязательно вернусь на следующей неделе, честно-честно! – говорю я торопливо, опуская руки и глядя в огромные оливковые глаза подруги. – Посмотреть на брачный танец ночных бабочек... И потом, когда вылезут из воды фрейки. Ооо... святая Клэрия, здесь столько всего интересного! Не хочу уходить!

– Так останься, – мелодично отвечает эльфийка, беря меня за руку и прижимая пальцы к шелковым губам. Ее глаза будто бездонное озеро, – потребовалось время, чтобы научиться читать девушку, узнавать, что она чувствует, когда говорит вот так отстраненно. Сейчас это была бескрайняя грусть. – Нэрва права – тебе нельзя в столицу. Там опасно!

– Я не могу подвести маму, – высвободив руку, я обхватываю себя за плечи и отворачиваюсь. Моя боль и тоска по близким вынудили светлячков хаотично летать вокруг моей головы, выводя причудливый танец.

– Ты и так подведешь ее, зачем делать еще больше? – мягко спрашивает Фелия.

– Потому что они – моя семья. Потому что мой уход сделает их жизнь невыносимой. Со всем остальным мы справимся вместе, – я поворачиваюсь обратно и с грустью смотрю на нее.

Она знала, что я так скажу, и не стремилась меня переубедить. В этом особенность эльфов – ненавязчивость. И покорность судьбе.

– Тогда пообещай, что если станет больно, если ты поймешь, что больше не выдерживаешь, и если одолеет страх, ты улетишь из столицы в гавань, которая с неба формой напоминает женское лицо, позовешь меня по имени и дождешься ответа. Я заберу тебя, и все твои горести закончатся, – с несвойственной ей горячностью заговорила эльфийка, обнимая меня и разворачивая к себе лицом. От нее исходила волна тепла и нежности, заботы и любви. Она была как вторая мама, с болью отпускающая дитя в опасный мир.

И когда я кивнула, соглашаясь с ее словами, Фелия поцеловала меня в лоб, едва слышно прошептав:

– Ты вспомнишь об этом, когда придет время...

И время пришло.

Рассвет я встречаю у окна, до крови сжимая пальцы. Я искусала губы, доведя себя до точки и понимая, что через несколько часов вся моя жизнь изменится. Все узнают правду.

Я так и не смогла сбежать. Не смогла преодолеть страх и бросить семью. Значит, пришла пора встретиться со своими демонами.

* * *

Нас подняли с первыми лучами солнца, когда только-только проступили пастельные тона и над травой поднялась предрассветная дымка из миллиардов мельчайших капель росы. Я умудрилась задремать прямо на подоконнике, даже не зная, сколько проспала – минуту или час?

Необычайно бодрая Анишка быстро взяла меня в оборот, направив в ледяную ванну и явно ругаясь про себя на мой невыспавшийся вид. Однако сейчас не требовалось ничего экстраординарного, достаточно было заплести волосы в тугую косу, немного освежить личико да помочь застегнуть все мелкие пуговицы на удобном, обтягивающем как вторая кожа, белом комбинезоне.

Никаких украшений, подвесок, бисера и камешков, лишь простая одежда и такие же тапочки на твердой подошве. На спине мама вышила зеленые с серебром листья, такие же пустила вдоль рукавов, копируя образ драконьих крыльев. Аналогичная вышивка присутствовала и на обуви.

Это был единственный допустимый способ украсить одежду. Все остальное легко потерять или испортить во время первого превращения. Бесконтрольное дикое животное начало не даст в полной мере сконцентрироваться, и нередко девушки теряли все до последней нитки, превращаясь обратно в человека.

Застыв перед зеркалом, я скрипнула зубами в попытке изобразить улыбку. Даже горничная скептически вздернула бровь. Попрощавшись и пожелав удачи, девушка оставила меня одну.

Я сильно сжала запястье, прижав руку к животу, и зажмурилась до рези в глазах. От напряжения прикусила язык и оттого очнулась. Все. Ты знаешь, что делать. Пройдешь через испытание, тебя все увидят, и после сбежишь, не выдержав позора. Это поймут. Примут. Никто не подумает на семью. Я их не подставлю.

* * *

У нас не было завтрака, да никому кусок в горло и не полез бы – впереди первый полет. Девушки, все как одна, сгрудились возле диванчиков в общей гостиной и тихонько переговариваются.

Сестра, увидев меня, сорвалась с места, чтобы сжать в крепких объятиях. Она тяжело дышала, а сердечко билось так быстро!

– Ну-ну, чего ты так боишься? – обнимаю я ее в ответ, касаясь нежных как шелк волос Кали. – Все через это проходят, и ни один дракон не умер во время превращения!

– Всякое бывает... а что, если я окажусь серой? А что, если не смогу толком взлететь? А что, если не получится? А что делать, если получится? – ее вопросы да прямо в ухо, а сердце бьется все быстрее и быстрее! Она высвобождается и смотрит с такой паникой, что просто невыносимо. Даже перед балом сестра так не переживала, как перед первой трансформацией.

Я обхватываю ее за локти и притягиваю к себе лицом к лицу, глаза в глаза. Мы с детства так делали, когда еще не думали о будущем, когда были просто маленькими девчонками и проказничали в замке и окрестностях.

– Послушай меня очень внимательно. Ты – сильная, смелая, ты боец! Вспомни, как кузену Гансу нос надрала за все его насмешки? А ведь он был крупнее и старше нас. Даже не задумываясь – просто вмазала изо всех сил, а он свалился в лужу! Помнишь?

Ее глаза потеплели, и она робко улыбнулась, вспоминая.

– А как ты прыгала с высоченного дуба в речку? В ту самую бурную речку, да первая из нас всех!

– Мишка все задирался, он уже подрабатывал в кузне и все кичился, но не прыгал, а я сделала это! – довольно закивала она, уже вовсю улыбаясь. Нервная дрожь немного сошла и проявлялась только краткими остаточными всплесками. – Ты права, я сама себя накрутила. Просто... это ведь магия? Это стать собой, узнать себя... и это так страшно! Так высоко!

Я прижимаю ее к себе, целую в макушку, поглаживаю по спине, чувствуя под пальцами аккуратную материнскую вышивку.

– Я буду рядом. И мама будет на трибунах. И Крис. И... папа, он обязательно посмотрит на нас с небес, ведь мы окажемся так близко! Он увидит, какая ты красивая.

– И ты тоже, – заметила она, подняв голову. – Две зеленые драконицы!

Я закивала, выпуская ее. Она почти полностью успокоилась.

– Эй, Калиста, ну что ты так распереживалась? – К нам подошла Паули, одетая в приятный светло-серый комбинезон из странной серебристой тянущейся ткани. – Хотите хорошую шутку? Оглянитесь и сами скажите, кто из этих девиц уже превращался.

– Что? – удивленно захлопала ресницами сестра, недоверчиво глядя на Паули.

Та захихикала, демонстрируя белоснежную улыбку и абсолютное спокойствие перед предстоящим.

– А что? Думаете, все такие правильные и честные, чтобы тащить кота в мешке на столичное Равновесие? Естественно, они это делали не сразу после того, как физически созрели, а недавно, скорее в этом

месяце, и не больше пары раз, чтобы не спалили на проверке, но они делали это. Оглядитесь, и вы их увидите.

И правда, среди нервничающих, кусающих губы, с мечущимся обеспокоенным взглядом девушек выделялись те, которые с каким-то затаенным превосходством поглядывали на остальных.

– А Кирнан нервничает. Не так, как другие, с достоинством, но переживает, – заметила Кали, остановив взгляд на самой яркой красавице, сидящей на диванчике в окружении подруг.

Она опять шла по пути скромности – чистый светло-серый комбинезон был совсем без украшений, а вот материал такой же, как и у Паули, даже более блестящий и обтягивающий. Значит, очень дорогой.

– Еще бы, – нарочито громко заявила Паули, так, чтобы все услышали. – Ведь если кто узнает, что девица уже превращалась, то сразу можно ставить крест на удачном браке. Я уж молчу про шансы понравиться королю. Такую драконицу попросту изгонят с Равновесия. И будут правы!

– Никто не любит обманщиков, – прошептала я негромко, опуская взгляд.

Я знала, что другие лгунишки поступили так же.

* * *

Паули не успела ничего добавить – открылись двери, и в комнату вошла кэрра Астерия в сопровождении двух других не менее почтенных женщин из Совета Женевры. По контрасту с нами они казались тусклыми в своих тяжелых фиолетовых платьях, и я задалась вопросом: «Хоть одна из них летала в этом году? Десятилетия? Или же, родив детей и закончив с циклом, они закрылись в человеческих телах как ракушки и забыли, что такое быть живыми?»

– Девушки, вы очаровательны! – с воодушевлением начала Астерия, встав в центре комнаты. – Впереди вас ожидает самое захватывающее событие в вашей жизни. Первый полет! Принятие истинной ипостаси. Познание равновесия вашей души и тела. Помните, как я вас учила? Не забывайте себя. И примите то, кем являетесь, – на щеках сухопарой женщины появился легкий румянец,

глаза заблестели, и я тотчас раскаялась в том, что так дурно о ней думала.

Нет, она превращается. Но делает это как настоящая драконица, не делящая зверя и человека, а принимающая себя. Так, как говорила мама, объясняя, что такое Равновесие. Мы не люди, а драконы. Это – наша суть.

– Мой первый полет был неуклюжим, – с легкой улыбкой продолжила Астерия. – Я запуталась в крыльях, чуть не упала на землю, но – я поддалась зверю, высвободившемуся дракону, и поднялась в небеса! Потребовалось время, чтобы спуститься к зрителям на сцену, но это было восхитительно! Помните об этом и ничего не бойтесь, – горячо закончила она, оглядывая каждую из нас, и, как-то странно скривившись, остановилась взглядом на мне. – Есть какие-нибудь вопросы?

Вопросов не было. Все они были заданы на подготовительных уроках, когда мы ходили на доступные смотровые площадки и смотрели, как в полете превращаются драконы, чтобы пронзить пространство.

Это самая удивительная, самая странная, волнительная и до жути притягательная часть нашей жизни. То, что отличает нас от других видов. Что делает нас особенными, ведь ни гном, ни человек, ни оборотень-волк, никто другой не был способен покорять небеса. Даже колдуны с помощью магии сильно рисковали, пытаясь подняться выше облаков. Это иссушает их тела, так что небо принадлежит исключительно нам.

– В таком случае Равновесие невест начинается! Идемте, кэрры! Готовьтесь раскрыть ваши крылья.

* * *

Всю дорогу сестра сжимала мою руку и не отступала ни на шаг. В присутствии почтенных кэрр девицы сохраняли спокойствие, так как во главе шествия была Астерия, позади – ее помощницы, а все вместе выглядело как конвой – вдруг сбегут? Или сознание от страха потеряют, а ступеньки крутые, падать высоко...

На всем пути в каменных стенах выдолблены вытянутые окна-бойницы, за которыми открывалось прекрасное голубое небо. Только со стороны пролива тянулась белая полоса из туч, но шторм придет во второй половине дня. Паули говорила, это неспроста. С морским дождем приходят подводники. Любопытно, как они выглядят?..

– Интересно, многие ли из нас после превращения сменят дом, – задумчиво протянула подруга, оторвавшись от Мирты и Анки, шедших позади нас. Я настороженно уставилась на нее, требуя пояснений. Мне ответила Мирта:

– Дети от смешанных браков могут сменить дом, если их крылья не совпадут по цвету с родным. Перейти в дом отца или матери. Так иногда поступают, – пояснила девушка, застенчиво улыбнувшись. Как и все мы, она заметно нервничала, а на меня поглядывала особенно пристально, будто пытаюсь разглядеть что-то особенное.

Я знала, что так бывает. По первенцу ясно, какими будут остальные. Мальчики обычно идут в отцовскую породу, девочки – в материнскую. Но бывает и наоборот. И совсем редко бывает, когда дети рождаются разными. Поэтому практикуются разводы, если первенец женского пола. Не любят мужчины рисковать, учитывая, как нечасто появляются дети. А с другой стороны, аристократы идут на смешанные браки, зная, что так потомство рождается более крепким, выносливым и здоровым. Так что приходилось делать непростой выбор. И, как следствие, у детей таких пар возникала возможность выбора. Опасная тенденция.

– Мы будем зелеными, – тихо сказала Кали, улыбаясь Мирте, с которой сдружилась за прошедшую неделю. – Крис превратился в зеленого, так что... – она пожала плечами, но я увидела тень сомнения на ее лице. Будто она предполагала иное.

– Да, я помню его, – Мирта переглянулась с Анкой, слегка покраснев. – Твоя семья приезжала как-то на Осеннее равноденствие в Гадель, и ваш брат превращался со всеми. Это было феерично!

– Да уж, мальчикам только и надо, что подраться, – пробурчала я, вспоминая тот год.

Мама хотела, чтобы Кристан обзавелся друзьями за пределами родной долины, а Осеннее равноденствие – всего лишь повод покрасоваться. Мальчики превращаются рано, лет в десять-двенадцать. И постоянно летают на небольшие дистанции. К шестнадцати они уже

могут преодолевать сотни километров, не спускаясь на землю. И в этом возрасте встречаются на Осеннем равноденствии, участвуя в соревнованиях и показывая, на что способны. Этаким аттестат зрелости. Говорят, в столице этот праздник отмечается не менее масштабно, чем наше Равновесие невест, так как выдающиеся юноши получают возможность занять более высокое положение в обществе. А дома – это просто развлечение и повод повеселиться.

Один из видов поединка – выпускание огня. Тогда брат спалил половину поля. Нам не пришлось платить, так как это не посчитали нарушением правил. Но нас он изрядно напугал.

– Кристан был лучшим в том году! – заступилась за него Мирта. – Зря ты так. Твой брат большой молодец – он обязательно получит стипендию! Ну... если мой брат его не опередит, – и она лукаво подмигнула мне.

Что-то мне все меньше и меньше нравилась Мирта. Вроде говорила с теплотой и участием, и глаза такие большие, добрые и милые, но было в ней нечто фальшивое. Словно она не искренняя, а преследует какие-то свои цели, пытаюсь с нами обоими подружиться.

Наконец, подъем закончился, и мы собрались в небольшой комнате перед площадкой, по пути преодолев сотни три ступеней широкой круговой лестницы. В этом помещении принято оставлять верхнюю одежду, так как, трансформируясь, мы можем потерять часть вещей, сохраняя только то, что плотно прилегает к коже.

Первым делом мы облепили окна, пихаясь локтями, чтобы хоть что-то рассмотреть внизу. Наше зрение позволяло увидеть выступающую центральную королевскую ложу, другие огороженные ступенчатые веранды и блестящих солнечных зайчиков, пускаемых родственниками в знак поддержки. Однако лиц отсюда не разглядеть, слов не услышать, а высоту – как будто не преодолеть.

– Девушки, – мягко отвлекла нас Астерия, – мои помощницы, кэрры Вира и Арнел, будут рядом на площадке. Именно они проследят за вами и проконтролируют ваш первый полет. Помните, с вами ничего плохого не случится. Даже если по какой-то причине вы потеряете контроль – они помогут не упасть, – на этих словах кто-то позади громко выдохнул и тяжело задышал. Вся мягкость слетела с лица нашей наставницы, сменившись укоризной: – В самом деле, кэрры!

Внизу наблюдает за вами король! Неужели вы думаете, что он не спасет вас, если вы начнете падать?

– Нориус, – прошептала я едва слышно, а Кирнан, стоящая неподалеку, оглянулась на меня. В ее глазах ничего нельзя было прочесть. Этакая ледышка, королева льда и снега. Но ручаюсь, она поняла, о чем речь.

– Кто будет первым? – спросила Анка, девица из красных драконов. Малоизвестный дом, последним присоединившийся к Каргатскому королевству около тридцати лет назад. Они предпочитают хранить свою породу и неохотно отправляют дочерей на столичное Равновесие. И всегда выбирают паршивых овец. Ненужных, неприкаянных, дурных характером или внешностью. Так говорила Паули, в очередной раз доказывая, как все непросто почти для каждой невесты.

– Поступим так же, как и вчера, – заявила Астерия, подходя к широким дверям, ведущим на площадку. Она раскрыла их нараспашку, жестом поманила нас за собой. Сюда мы еще не поднимались – это самая высокая часть замка. Отсюда обычно мужчины скользят сквозь пространство, преодолевая тысячи километров!

Мы замерли возле дверей, застигнутые врасплох сильным порывом ветра. Действительно – между небом и землей большая разница.

– Маленькие утята! – заявила Астерия, поддразнивая нас. Наша бесстрашная предводительница подошла к самому краю, у которого даже минимального бортика не было.

Каменный белоснежный пол под ногами испещрен глубокими следами когтей и крыльев. С этой площадки взлетали миллионы раз, и вот черед дошел до нас. Мы, держась друг за друга, и правда похожи на гадких утят, боящихся превратиться в прекрасных лебедей. Но вот одна из нас отбрасывает сомнения и делает решительный шаг вперед.

– Молодец, кэрра Кирнан! – захлопала Астерия, когда девушка встала рядом с ней. Легкий комбинезон на таком ветру совсем не спасал от холода, и Кирнан мелко дрожала. Она держала голову прямо, даже не глядя вниз.

Астерия наклонилась вперед и кивнула, заметив сигнал.

– Ладно, девушки, пора начинать. Вы же помните, что после вас идут простолюдинки? Для них это тоже особенный день, и они хотят

как можно скорее начать праздновать начало взрослой жизни. А вы для них – пример для подражания.

Астерия указала в сторону ухоженного дворцового парка, за которым начинался густой лес, а уже за ним в низине находилась Вендорская поляна, где готовятся праздновать горожане. От нас по левую руку – морские глубины и крутые скалы, а по правую – город и его предместья. Там, где собираются обычные драконы, спуск к морю невысокий, метров двадцать-тридцать – именно с него после нас будут прыгать молодые серые драконицы.

По правилам, мы должны совершить облет вокруг города и навестить их, а последняя, то есть я, помахать крыльями в знак поддержки, давая добро на превращения.

Словом, я размышляла, как бы не разбиться, летя с такой высоты, да и вообще как это делается – крыльями махать, а мне придется лететь и что-то там поддерживающее изображать. Занервничав, я опять прикусила губу, и в этот раз до крови. Солонуватый привкус отрезвил меня, и я сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться.

– Идемте, кэрры, давайте дадим Кирнан пространство, – заявила Астерия, заставив нас потесниться и отступить. От голода сводило желудок, а еще больше – от взгляда на прямую спину кэрры Грацбургской, замершей на самом краю. По бокам нее в отдалении остались кэрры Вира и Арнел, следящие за первой подопечной. Белое на голубом, косы, разлетающиеся на пронзительном ветру, и сжатые в кулаки руки – последнее, что я увидела, прежде чем двери закрылись, погружая нас в полутьму.

Мы поспешили к окнам, но из них не было видно, что происходит на площадке, а два ближайших к ней окна загораживали плотно закрытые ставни, сохраняя право на приватность.

Сначала ничего не происходило. Паули что-то горячо нашептывала сестре, а Милан молилась святой Клэрии, как и еще несколько девушек. Кто-то пожаловался на голод, кто-то, не выдержав, отошел от окна и сел на лавочку, закрыв голову руками. Минуты тянулись невыносимо медленно, но, думаю, прошло не больше пяти, прежде чем я услышала восторженный вопль:

– Смотрите, она полетела! Кирнан – дракон!

Я тотчас протиснулась к окну, умудрившись пролезть в самый низ, но разглядела совсем чуть-чуть – синее пятно, где-то внизу

уходящее за край башни.

– Эй, куда она! – обиженно воскликнула Агата Вессельмайер, ставшая практически лучшей подругой Кирнан. – Могла бы и перед нами покрасоваться! Все-таки первая!

– А крылья синие, с золотистым отливом... красиво...

– Видели этот мастерский поворот в воздухе? Как она так смогла?..

– Я теперь еще больше боюсь – Кир сделала просто совершенное превращение, идеально!

– Скорее бы самой в воздух, аж не терпится вно... впервые полететь!

– Ну что, уточки? – довольный голос Астерии прервал живое обсуждение. – Пора следующей на взлет отправляться. Удачи, милая, – отечески добавила она, когда еще одна представительница синего дома вышла вперед. Набожная и стеснительная Милан была из голубой ветви, небогатая часть семейства, но родовитая, поэтому шла второй.

И вновь потянулись минуты. Одна за другой невесты покидали комнату и под восторженные восклицания совершали первое превращение. Кто-то делал это быстро. Агата вообще прыгнула с разбегу, и до меня донеслись тихие, едва различимые в общем шуме проклятия Астерии – та догадалась, что драконица делала это прежде.

Не было никаких сюрпризов, девицы превращались в ожидаемые цвета. И каждая имела какое-то уникальное отличие – будь то гребешок над носом, дополнительный цвет на крыльях, особая форма строения: двойная или тройная. Отличилась Анка Асколь, которая вызвала настоящий фурор, выдав гигантскую струю пламени в небо: очень редкий случай, когда женщина оказывается носителем огня. Теперь ее ждет блестящее будущее.

Словом, время кончалось. Нас покинула Паули, которая бочонком прыгнула до того, как закрылись двери. Ее крик потряс своей мощью – он перешел в настоящий звериный рык. Подруга не постеснялась покрасоваться перед окнами, демонстрируя ярко-желтый теплый цвет чешуи, как и золотистые гребни вдоль спины и острые как бритвы когти на краях крыльев. Потрясающий вышел зверь! И сохранивший свою человеческую игривость...

А потом нас покинула бледная до изнеможения Мирта. Она чуть не потеряла сознание, выйдя на площадку, там ее подхватили кэрры, и

двери закрылись. Астерия устало вздохнула, но глянула на нас с сочувствием.

– Не бойтесь, девочки. Видите, все идет как по маслу! – и аккуратно на этих словах за стеной что-то бахнуло и ухнуло. Астерия тотчас бросилась к дверям, а там Вира и Арнел лежали вповалку, обескураженно глядя друг на друга. Над ними воспарил зеленый дракон, поднимаясь все выше и выше в небо.

– Что случилось? – воскликнула Астерия, помогая помощницам подняться.

– Она как вторую кожу сбросила, даже не прыгая начала превращаться! Вот что стресс с девицами делает! – заворчала приходящая в себя Арнел. Приложив руку к глазам и прячась от солнца, она проводила взглядом пикирующую к земле Мирту. – Потрясающая девушка! Такая естественная грация!

А потом все трое обернулись к нам, и я поняла – пришло время сестры.

– Я боюсь! – Кали вцепилась в меня как клещ, до боли пальцами сжимая плечи. В ее глазах – бездна отчаяния. Даже запах изменился – словно кислятину разлили, настолько перепуганной сделалась сестра. И опять мне показалось, что она скрывает какую-то тайну. Может... такую же, как и я?

– Кэрра Астерия, я могу остаться с сестрой? – обратилась я к наставнице, а Кали умоляюще уставилась на нее.

– Простите, девочки, но это тоже часть Равновесия, – с фальшивым сожалением ответила Астерия, вставая рядом с моей сестрой. Кэрра проявляла ко мне странную антипатию, и я не знала почему. – Я понимаю, вы близнецы и привыкли все делать вместе, но это ваша суть. Индивидуальность. Присутствие сестры делает тебя слабой, Калиста, – мягко добавила она, осторожно перехватывая руки Кали и плавно уводя сестру в сторону к обрыву. – Ты боишься высоты, так бывает, но страх пройдет после прыжка. Он исчезнет, как только поддашься ему, не сдерживаясь, как человек. А растворившись, ты увидишь, на что способна. Но ты должна сделать это. Иначе ни один мужчина не посмотрит в твою сторону. Ведь тот, кто не превращается, ничем не отличается от человечков. Но ведь ты не земляной червяк, не так ли? Ты дракон. Так покажи это!

Передо мной закрывают двери кэрры Арнел и Вира, я вижу на их лицах холодное безразличие и усталость из-за длительности Равновесия...

Так я осталась одна. Подойдя к окну, жду, когда увижу сестру. Вновь прикусив губу, не моргая гляжу в небо и дрожу как осиновый лист. «Вдруг... ну вдруг! А что, если?.. Но если так, то...» – дурные мысли разъедали изнутри, и я даже начала ногой притоптывать, пытаюсь отвлечься от странного напряжения в груди. Будто натягивается нить, она становится все тяжелее и тяжелее, цепляясь за сердце, тянет его за собой, и боль вызывает сдавленный стон. Наклоняюсь вперед, прижимаясь рукой к холодному стеклу, и нить лопаётся одновременно со звериным ревом, доносящимся снаружи. Подняв голову, я вижу улетающего серебряного дракона с длинным хвостом, увенчанным шипастой булавой. Преобразившаяся сестра скрылась в пелене подошедших с моря кучевых облаков.

Открылись двери, и на пороге возникла кэрра Астерия. Она была в восторге до того момента, когда увидела мое обеспокоенное лицо.

– Твоя сестра пошла в отца. Я предполагала, что так будет, но не знала наверняка.

– Почему вы так считали? – спрашиваю я, подходя к ней.

Она покачала головой, усмехнувшись:

– Вас проверяли. Кэрра Калиста не унаследовала особенность зеленых драконов. Поэтому...

– Я поняла, – закивала я, прижимая руку к груди. Тяжесть ушла, а вместо нее пришло странное чувство одиночества. Потери. Словно я только что лишилась сестры. – А я унаследовала?

На лицо женщины набежала тень, она обернулась к своим помощницам и попросила их удалиться, добавив, что сама мной займется. Как только кэрры ушли, наставница поджала губы, разглядывая меня.

– Твои результаты смазанные, – спокойно ответила Астерия, выводя меня за руку на площадку. – В отчете мы указали, что ты сохранила зеленый дар, но на самом деле это неизвестно, как и неизвестно, здорова ли ты, невинна ли, достойна ли быть невестой. Скажи спасибо ректору Магической академии, дэру Томар Бай. Именно он счел, что ты чиста и подходишь для Равновесия, а результаты искажает магия эльфов, у которых ты когда-то побывала.

Она искоса поглядывала на меня, а когда остановились у края, развернула к себе лицом и схватила меня за подбородок:

– Я не доверяю человеческому волшебнику. И считаю, что ты что-то скрываешь. Это видно по тебе. Ты еще совсем ребенок и не умеешь лгать. К счастью, то, чего боишься больше всего, случится сейчас. И мы узнаем твою тайну, не так ли?

Я побледнела. Слова застыли на ледяном ветру, как и мое одеревеневшее тело. Меня раздирали отчаяние, чувство стыда и страха. Когда кэрра попыталась сдвинуть меня с места и у нее ничего не получилось, в ее глазах отразилось затаенное торжество. И тогда она изо всех сил толкнула меня в пропасть.

Глава 6

Взмах крыльев

Никлос и Артан

Артан оставил семью в ложе Зеленого дома, а сам направился к королю. Ему не хотелось быть сегодня с родными. Надоело слушать разговоры о достоинствах Мирты и терпеть намеки, как было бы здорово, если бы они сошлись. Разумеется, родные понимали – все зависит от слияния, но не могли не говорить об этом. Ведь дети Артана вырастут в столице рядом с другими детьми аристократов. А это связи и полезные знакомства. Выгодно для семьи.

Поэтому он выдумал предлог для того, чтобы удалиться, и разместился в королевской ложе на ступень ниже самого короля. Тот с самого утра уже был на месте, занимаясь планированием и обсуждением важных деталей с личным секретарем Богартом дэ'Винье, парнем из простолюдинов, серым драконом. Последний добился такого успеха благодаря выдающемуся уму и успешной учебе в Королевской академии общих наук. По традиции там выделялась стипендия для одаренных ребят с шансом получить работу в государственном аппарате. Богарт оказался лучшим на потоке, и десять лет назад король взял его к себе в помощники. А поскольку парень был сиротой, то оказанная ему честь сделала из него самого преданного секретаря, весьма ревностно охраняющего секреты повелителя.

– Проклятые подводники, – бурчал Никлос, разглядывая список послов. Его удивило, что их возглавит Сэлавелия, любимейшая дочь подводного короля Агондария. План изменили в последнюю минуту, а новый состав указывал, что разговор пойдет о чем-то более важном, чем новый морской путь. – Верховная уже здесь?

– Да, она разместилась в Нимфеуме, – кивнул секретарь. – Говорят, она в благостном расположении духа.

– Значит, что-то затеяла, – почти обреченно заметил Ник, прикрывая рукой глаза. Король сильно не любил Верховную. Она была вдвое старше него, а вела себя как маленькая девчонка. Любила

покапризничать. Ее сестры, наоборот, олицетворяли собой чистую невозмутимость и ледяное хладнокровие, как и подобает потусторонним существам. Рождение шелки – смерть живой девушки. В этом суть утопленниц.

– Ей подготовили акулю требуху, это должно занять Флаксу на какое-то время, – добавил Богарт, шурша бумагами в любимой папочке.

Тем временем трибуны заполнялись. Прибывающие семьи подходили к королю на поклон, выказывая свое почтение, а те родители, чьи дочери сейчас поднимались на площадку, удостаивались пары ободряющих слов от повелителя. Родители Кирнан даже расположились в соседней ложе, чтобы у девушки было больше шансов покрасоваться перед Никлосом.

К повелителю подошел и Брошин Адегельский со своими внуками, а вместе с ними и Алиста с Кристаном Винцель. Парень держался в стороне от Деяна и Тьена, учившихся на последних курсах Военной академии, и по виду был не в восторге от отцовских родственников. А вот кэрра Алиста сияла от счастья – будто сбылись все ее мечты.

И это походило на правду: гардероб женщины обновился, сегодня она блистала в расшитом серебряными нитями бутылочного цвета платье с утягивающим корсетом и пышной юбкой. В волосы вплетены блестящие серые ленты, а на груди сверкало фамильное украшение. Однако пристальный наблюдатель мог заметить, что на пальцах кэрры уже появилось несколько серебряных колец с черными драгоценными камнями, которые она носила поверх шелковых перчаток. Всем своим видом дама показывала, что благородное семейство Адегельских приняло ее как вдову их отпрыска. Что значит – она и ее дети под защитой влиятельного военного рода, чей глава является и главой Серебряного дома.

Выказав свое почтение, Брошин собирался уже увести семейство, но был остановлен королем, а Артан внезапно обратился к молодому Винцелю:

– Я слышал, кэрр Кристан, вы поступаете в академию? На какой факультет?

– Пока там общая программа, – смутившись, ответил парень. – После первой сессии будет решено, к какому виду службы я пригоден.

– Поступаешь по моей стипендии, не так ли? В этом году у тебя четыре соперника, включая моего племянника. Ты готов к такой конкуренции? – немного ерничая, продолжал Артан, испытующе разглядывая Кристана.

– Я уверен в своих знаниях и способностях, кэрр Артан Гадельер. И приложу все усилия, чтобы получить стипендию. Это мечта всей моей жизни – попасть в Военную академию и служить нашей родине, – с неожиданной ледяной твердостью ответил Кристан, расправляя плечи и с вызовом глядя на посерьезневшего первого маршала. Его мать с опаской посмотрела на сына, испугавшись резких слов. Она все еще видела в этом двадцатилетнем пареньке своего ребенка, а не взрослого мужчину.

– Достойный ответ, – вмешался король. – Надеюсь, ты окажешься действительно таким, как о себе говоришь.

Парень кивнул, низко поклонился, и все семейство, за исключением Брошина, сошло с помоста, отправляясь в свою ложу.

– Жаль, что его крылья не окрасились серебром, – сказал кэрр Адегельский, провожая их взглядом. – Из него получится отличный военный. Лучше, чем отец.

– Талантливый дракон нигде не пропадет. Даже если его крылья зеленого цвета, – веско парировал Артан, с прищуром глядя на Брошина. Один из сыновей старика должен был стать адъютантом Рупера Свенского, но тогдашний маршал нарушил устоявшуюся традицию и взял к себе мальчишку с улицы. Это не понравилось Адегельским, но им пришлось проглотить обиду. И это читалось в глазах Брошина.

– Посмотрим. Иногда кровь решает лучше, чем кажется, – кисло ответил он, после чего обратился к королю: – Ваше Величество, у вас есть ко мне вопросы?

– Да, я хотел еще вчера обсудить ваш интерес к дочерям Алисты. Они ожидаемо будут зеленого цвета, но вы пригласили их. С какой целью?

– Я планирую женить одного из внуков на девице Винцель, – спокойно ответил старик. – Получится хороший брак, ведь один из них по окончании академии отправится младшим послом в заокеанское княжество Лапалия. А туда посылают только женатых мужчин.

– Но ведь девицы с изъяном? – почти деликатно заметил Ник, тем временем отпуская притомившегося секретаря и подзывая слугу с подносом охлажденных напитков. – Почему именно они?

Брошин слегка нахмурился. Ему не нравилось так долго стоять на месте. И глядеть на короля снизу вверх тоже не добавляло уверенности. Как и скопившееся в отдалении количество аристократов, пытающихся услышать, о чем же так долго Никлос говорит с ним.

– Именно из-за изъяна, – проницательно воскликнул Артан. Он даже хлопнул в ладоши от своей догадливости. – Для отборочной комиссии важно быть уверенными в благонадежности послов. А что может быть надежнее влюбленного в свою жену мужчины? Он не загуляет с местными красотками. А рождение детей еще больше укрепит семейные узы. Княжество Лапалия, хоть и распустило костры инквизиции, все же остается подвержено религиозному влиянию, поэтому они предпочитают семейных послов. Вы далеко смотрите, кэрр Брошин.

– Но немного промахнулись. Ведь вы рассматриваете теперь только Селесту? – добавил король, делая приличный глоток легкого вина. Глянув на замерших аристократов, а после посмотрев наверх, в сторону площадки, куда вот-вот должны подняться девушки, он взмахом руки отправил семейства по местам. Разговор был важнее, чем их приветствия.

– Как только узнали, что Калиста не унаследовала дар, – да.

– В таком случае рекомендую рассмотреть другие кандидатуры, например кэрру Мирту Гадельер, или вовсе оставить надежду на этот изъян. Так как тот, кто женится на Селесте, не покинет пределов королевства, а наоборот – отправится к ней на родину. И скорее станет послом к эльфам.

Артана передернуло от этих слов, хоть он и знал о планах короля. Ему претила сама мысль, что Селесту рассматривают только как дополнение к миссии. И Никлос не думает о ней как о личности. А ведь она не просто девица на выданье. В ней есть нечто диковинное...

– Я буду учитывать ваши пожелания, Ваше Величество, – учтиво поклонился Брошин, и взмахом королевской руки был отпущен на волю.

Теперь в королевскую ложу вернулись ближайšie соратники, включая благодушного Врана с женой Пиеттой, а также кэрру Винелию Барбскую, которой король явно благоволил, дозволив организовать прием дочери подводного правителя.

Над трибунами засверкали сотни маленьких зеркал, направленных в сторону дворца и усиленных магией, чтобы невесты почувствовали поддержку близких. Никлос задрал голову и увидел на краю площадки фиолетовое пятно, бывшее Астерией Брунцкой. Она ожидала только его приказа. Он вскинул руку, и над трибуной вспыхнуло ярко-белое пламя:

– Да начнется Равновесие невест! – Голос короля мощным рыком зазвучал на всех площадках королевства, знаменуя начало самого главного весеннего праздника.

Аристократы захлопали и затопали ногами, их голоса зазвучали по-звериному, а на лицах расцвели довольные улыбки. И тогда Никлос поднял руку и щелкнул пальцами, погружая трибуны в напряженную тишину. А герольд, стоявший в специальной боковой нише над сценой, хорошо поставленным голосом объявил:

– Кэрра Кирнан Грацбургская!

И в тот же момент сверкающей вспышкой в небесах раскрылся дракон.

– Цвет крыльев – синий! – дополнил герольд, и на трибунах раздался ответный рев.

Дева-дракон удивительно красиво заложила вокруг башни вираж, взмыла в самую высь и камнем рухнула вниз, входя в крутое пике.

Амфитеатр, который заполнили зрители, находился на некотором удалении от здания, но так, что все трибуны, включая центральную ложу, смотрели на сцену, за которой начинался малый парковый ансамбль. Самая высокая площадка располагалась в центре дворца, и получалось, что драконицы отправлялись в полет по левую сторону от амфитеатра, кружили прямо над сценой и заходили на посадку с правой стороны. Кирнан поступила круто – не дав себе времени на снижение скорости, она отправилась в пике четко напротив зрителей, изрядно усложнив себе задачу, но повысив зрелищность своего полета. И справилась с блеском!

Она изящно сложила крылья, вовремя выгнув хвост, чтобы снизить скорость, и довольно ловко приземлилась на широкую сцену,

освобожденную от всех театральных конструкций. Когтями вспоров каменный пол, драконица опустила на все четыре лапы, выгнула спину и издала пронзительный победоносный рев. Но без пламени. Огнем она не была одарена, отчего фыркнула, постепенно сворачиваясь как змея и становясь маленькой худенькой девушкой, с трудом устоявшей на ногах.

Ее комбинезон совсем не пострадал, а лицо осталось чистым и красивым. Она отдышалась, выпрямилась и с достоинством поклонилась аплодирующим придворным. Подбежавший служка помог девушке спуститься вниз и проводил в ложу к счастливым родителям.

– Блестящее исполнение, кэрра Кирнан, – доброжелательно сказал Никлос, поглаживая колючую щетину и с удовольствием разглядывая девицу, открывшую свою суть. В ее глазах зажегся огонь, она почувствовала в себе зверя и теперь знала, на что способна. Эта уверенность легко переходит в самоуверенность, поэтому ее ответ был:

– Я всегда готова повторить это удовольствие, Ваше Величество. И с радостью разделила бы счастье полета с будущим мужем. – Девица обворожительно улыбнулась, присаживаясь на свободное кресло и поднимая с подноса слуги бокал охлажденного вина. Королю понравилась ее откровенность, поэтому он отсалютовал своим бокалом, и они вместе выпили.

Только мать Кирнан, кэрра Арава, выдохнула и так сжала запястье дочери, что оставила глубокие синяки. Позже девушка будет серьезно наказана за свою дерзость, но на людях мать сохраняла достоинство и притворную улыбку на губах.

Герольд объявил следующую драконицу. Равновесие текло своим чередом. Девицы сменяли друг друга, свершая первый полет, оглашая окрестности звериным рыком, показывая цвет крыльев и красуясь в небесах. Не у всех получалось хорошо. Кто-то падал, не долетев до сцены, кто-то путался на подлете в крыльях. Одна желтокрылая девица как мешок картошки рухнула прямо в центр амфитеатра и в такой же позе обратилась – пятой точкой к зрителям. С трудом поднявшись, она заулыбалась счастливо и вздернула большой палец вверх, вызвав дружный смех на трибунах и даже улыбку на лице короля. Отряхнувшись, она спустилась вниз и, немного прихрамывая, отправилась к своим близким.

Словом, всякое случалось на Равновесии. И смешное, и грустное. Одной из девиц прямо на сцене канцлер Вран Грацбургский сделал выговор – ее обвинили в превращениях до Равновесия, а представленные канцлером доказательства не оставили шанса. Девушку дисквалифицировали, что автоматически лишило возможности выйти замуж за пределами дома. А может, и вовсе оставило в старых девах.

Никлос не стал вмешиваться, хоть кэрра и смотрела с отчаянием и мольбой, но закон есть закон. Первое превращение как зеркало души и тела. Никто из аристократов не знает, но король видит больше, чем они, когда смотрит на трансформацию дракониц. Он видит, есть ли в них звериный изъян, который нельзя допустить до видных членов королевства. Та девица, в которой преобладает зверь, будет под благовидным предлогом выставлена из дворца и отлучена от благородных семей. И... даже больше. Короли связывали женское естество, чтобы не плодились дети с изъяном. Делалось это на протяжении веков, поэтому сейчас таких девушек почти не встречалось среди старой аристократии. Но они еще попадались среди аристократии молодой.

И именно это он увидел в роскошном красном драконе, выдавшем в небесах длинную огненную струю. Темное начало превалировало в кэрре Анке Асколь, а значит, ее судьба решена, несмотря на живое обсуждение среди молодых женихов королевства и самодовольных улыбок старших сестер Анки.

Артан знал об этом королевском досмотре, и, видя, как скривился друг, цокнул языком. Маршал с сожалением поглядел на ликующую девушку, сходящую со сцены под оглушительные аплодисменты.

– Жаль, такая талантливая, – негромко проговорил он, чтобы услышал только Ник.

– Чем больше зверь дает, тем больше забирает, – так же тихо ответил король, сжимая плечо друга. – Увы, но тут ничего нельзя сделать. Она обречена.

И вот настал момент, которого так ждал Артан. Стоило герольду начать произносить имя Мирты, как сверху будто взрыв раздался, а следом рев – зеленый камень ринулся к земле, на полпути собрался и взмыл обратно в небо.

– Потрясающе! – ошеломленно воскликнул канцлер и дружелюбно ткнул Артана в плечо: – Твоя племянница обратилась

прямо на площадке, ну что за чудо! Великолепное в этом году Равновесие!

Арт с искренним изумлением рассматривал полет Мирты, которая возвращалась, покружив над лесом. Она легко держалась в воздухе и по сравнению с другими драконицами чутко понимала воздушные потоки, так что на отлично справилась с первым полетом. Арт хотел обратиться к Нику, обернулся и увидел из ниоткуда появившегося Томара Бай, который что-то нашептывал королю с важным выражением лица.

– Даже так? – воскликнул повелитель. Непередаваемая череда эмоций отразилась на его физиономии. – В любом случае скоро узнаем, прав ли ты, и если да... святая Клэрия, это многое изменит. Да вообще все!

– Все в порядке? – обратился к Нику насторожившийся Вран, переглядываясь с Артаном, но король отмахнулся. Он предложил магу занять свободное кресло, а сам погрузился в размышления. Да так, что довольно рассеянно отреагировал на безупречное превращение Мирты, даже не услышав, как высоко Артан отзывался о племяннице.

Никлос поглядывал вверх и все сильнее хмурился. Только Томар видел, как вокруг короля собирается невидимый нориус, щупальцами расплзаясь во все стороны. Ник вынырнул из раздумий только после очередного изумленного выдоха толпы: предпоследняя драконица оказалась с серебряными крыльями, а не с зелеными.

– Об этом Равновесии будут говорить и годы спустя, – задумчиво протянула Винелия Барбская, прикладываясь к бокалу с вином. Она впервые сидела в королевской ложе и ни на минуту не могла расслабиться, так как ей приходилось обдумывать культурную программу для молодой подводной принцессы и делать заметки в свой блокнот.

– Не годы – десятилетия, – хмыкнул Никлос.

Тем временем небо полностью заволочло пока еще белыми тучами. Спустившаяся драконица покрасовалась на сцене, демонстрируя прелестный окрас крыльев, а потом плавно превратилась в очаровательную раскрасневшуюся девицу, которая выполнила идеальный реверанс.

– Ваше Величество, по праву цвета крыльев прошу дать разрешение на смену родовой фамилии. Прошу позволить мне перейти

в дом отца под крыло кэрра Брошина Адегельского, – в полной тишине обратилась к королю девушка.

Король недолго держал паузу. Он уже получил молчаливое согласие главы Серебряного дома.

– Это твое право, кэрра. Отныне ты не кэрра Калиста Винцель, теперь твое имя – кэрра Калиста Адегельская. Судьбой твоей распоряжаться будет глава Серебряного дома – кэрр Брошин Адегельский, твой дед.

Девушка выполнила еще один глубокий поклон, с помощью слуги спустилась вниз и в полной тишине прошла в ложу серебряных драконов, мимо побелевшей матери и застывшего брата. Она опустилась в кресло между Деяном и Тьеном, которые по очереди обняли новообетенную серебрянокрылую. Брошин сказал ей что-то довольным голосом, и она заулыбалась, кивая в ответ. Только мать и брат не смотрели на девушку, будто ее и не было. Для них случившееся стало тяжким ударом.

– Кэрра Селеста Винцель! – объявил герольд, и король подался вперед.

– Что за?.. – воскликнул Артан, вскакивая с места.

На их глазах девица падала вниз – словно ее столкнули с площадки. Ни звука не доносилось сверху, а она все падала и не превращалась. Никлос молниеносно протянул щупальца тьмы к ней, но не успел: тело девы пропало, сменившись драконьей тушей, выходящей из вертикального пике обратно к небу, причем с таким мастерством, на которое не каждый опытный мужчина способен. Но не это поразило придворных, вызвав шоковую тишину и вздох облегчения у Томара.

– Цвет крыльев... белый! – запнувшись, выговорил герольд, но никто не услышал побледневшего беднягу. Все провожали взглядом стремительно удирающую в сторону крутых скал драконицу.

– Лети за ней, Арт, – резко велел Никлос. – Не дай ей покинуть территорию королевства, слышишь? Верни ее!

– Ты знал?! – огорошенно спросил Арт и без ответа понял – да. Это и была новость колдуна. Пообещав королю вернуть Селесту, он выбежал на сцену, на ходу превращаясь в зеленого дракона, и стремительно взлетел в небо вслед за ней. А на трибунах нарастал озадаченный и почти испуганный шепот.

– Да уж, – канцлер выудил из внутреннего кармашка пиджака небольшую флягу и сделал приличный глоток. – Такого Равновесия не было никогда.

Со стороны серебряной ложки донеслись первые крики, которые свидетельствовали о начавшемся скандале.

* * *

Артан не сразу увидел крылья Селесты. Белая чешуя сливалась с облаками, скрывая драконицу. Только поднявшись выше плотной пелены, он заметил неуверенную фигуру, пытающуюся удержать высоту. Теперь она двигалась с неловкостью новичка, или как олененок, впервые вставший на ноги. Взмахи крыльев без ритма, головой вращает из стороны в сторону и забавно водит хвостом, будто пытаюсь идти, а не лететь.

Драконица ничего вокруг не видела, но явно летела не в пустоту, так как вдруг нырнула вниз, скрывшись в молочных тучах, а когда Артан последовал за ней, то увидел, как четко девушка летит в сторону небольшой гавани, формой напоминавшей женское лицо. Это место было окружено высокими неприступными скалами и имело ровную береговую линию, достаточно широкую, чтобы на нее мог сесть дракон. Однако Селеста промахнулась и плюхнулась в воду у самого берега.

Чуть ускорившись, Артан опустился на галечный песок, легко меняя шкуру на человеческую плоть. После звериной плотности и мощи ему стало жарко, и он расстегнул верхние пуговицы рубашки, ощущая, как плотно сдавливал шею воротник. Закатав рукава, сбросил ботинки и скинул носки, с удовольствием погружая разгоряченные пальцы в прохладный песок. Завернув штанины брюк до колен, всунул руки в карманы и только тогда посмотрел перед собой.

Селеста тоже успела превратиться в человека. Но не так удачно, как он. Она стояла на карачках в море и усиленно отфыркивалась, наглотавшись соленой воды. Комбинезон разошелся четко по шву вышивки на спине и плечах, отчего верхняя часть держалась на честном слове. Коса расплелась, волосы висели сосульками, частично уходя под воду. Ей никак не удавалось подняться, пока Артан не

поспешил на помощь и с легкостью не вытащил ее на берег. Он усадил девушку на ровную поверхность и стал растирать ее плечи. Она дрожала. Но не от холода.

Страх. Первый полет. Оголенный нерв превращения. Раскрывшийся зверь... Все это смешалось в тугий канат, и каждая мысль натягивала его все сильнее и сильнее.

Артан молчал. Он знал, любое слово сейчас неправильное. Она должна сама решиться. Посмотреть на него, отбросив спутанные волосы с мокрого лица.

А пока он держал ее в объятиях, грея как дитя и зная, что тепло – то единственное, что способно ослабить узел внутри ее сердца.

– Я знала. Давно уже знала, что так будет, – всхлипнула Селеста, слегка запнувшись на первом слове. Девушка погрузила пальцы в гальку, сжала руку в кулак и расслабилась. Она все еще смотрела прямо перед собой, не решаясь встретиться глазами с Артаном. Но и не пыталась высвободиться. Ей давно уже хотелось выговориться.

– У нас нет такого разделения между аристократами и простоллюдинами. Мы с деревенскими детьми росли вместе. Играли, ходили в школу, учились управляться с хозяйством. Гонять коз, готовить на костре, собирать урожай и ходить в лес за грибами и ягодами. Когда все живут в бедности, границы размываются. Только с годами мы отдалились, когда для них учеба превратилась в ежедневную работу, а мы стали учиться чему-то совсем для деревенских непонятному. Но дружба так не уходит. Как и соперничество, – она шмыгнула носом и, отряхнув пальцы от песчинок, заправила прядь за ухо. – Соседский мальчик все бахвалился, что забирался на утес на границе территории эльфов, и, мол, прямо на нем растут цветы мальвинки. Особенности эльфячьи цветы, которые ценятся своими лечебными свойствами и за которые торговцы на рынке готовы платить золотом. Он все говорил о том, что видел, и поспорил с братом, что тот не рискнет залезть на территорию эльфов. Но ведь это утес! Они и не заметят... Я полезла. Оставила записку, зная, что в случае чего с меня спрос меньше, чем с наследника.

Селеста умолкла, разглядывая нахмурившееся небо с надвигающимися свинцовыми тучами, подсвеченными пробивающимися сверху лучами солнца.

– Я сделала это. Залезла на самый верх, и на краю, на самом краю росли они! Мальвинки. Но только я потянулась за ними, как увидела единорога. Он жевал один из цветков, совершенно не обращая на меня внимания. А когда я неловко двинулась, топнул копытом, и камень, за который я держалась, отвалился вместе со мной. – Девушка выдохнула, мотнув головой. Поднявшийся легкий ветерок взлохматил волосы Артана, а когда он поправил их, наткнулся на внимательный взгляд Селесты.

– В момент опасности включаются инстинкты, не так ли? И у меня включились – я превратилась. Достаточно, чтобы не разбиться насмерть, но недостаточно, чтобы не сломать пару костей. Вот так на самом деле я встретилась с эльфами. И они не тронули меня, потому что я была ранена. Сломала руку, правую ногу, несколько ребер и вывихнула плечо. Не считая ряда глубоких порезов и потери сознания. Очнулась на следующий день уже на их территории. И по правилам эльфов стала их гостем. Нельзя трогать того, кому ты спас жизнь, – девушка вновь выдохнула.

Артан сжал ее пальцы, успокаивая нервную дрожь. А она смотрела на него, как раненый зверек, боящийся удара хозяина. Не загнанная в угол, но ранимая.

– Это было всего один раз. Я больше не превращалась, даже когда они просили об этом. Зачем, ведь я уже знала, кто я такая. Дефект. То самое исключение, которое прячут с глаз долой, но о котором все равно знают. Серокрылая. Как простолюдинка, – Селеста шмыгнула носом, вновь закрываясь в скорлупу.

– Сэл, но ведь это неправда, – осторожно произнес Арт, разворачивая собеседницу к себе лицом, чтобы она не спряталась в себе, не замкнулась. – Твои крылья – белые...

– Я видела их! Они были серыми! – вспылила Селеста, вырываясь и с каким-то гневным отчаянием глядя на него. Она оперлась на руки, как каракатица отползая назад. – Так бывает, ничего особенного! Просто еще одна пустышка!

– Сэл! – крикнул Артан, потянувшись к ней. – Послушай внимательно. Мы все видели тебя. Твои крылья – белые. Драконица-альбинос. Это как сказка. Волшебство, в котором нет ничего плохого, даже наоборот – это делает тебя... особенной.

– Особенной? – Селеста обмякла и не отстранилась, когда Артан приблизился и вновь сел рядом. – Это плохо?

– Я не знаю, – простодушно ответил он, вновь сплетая их руки и видя, что девушка от этого успокаивается. – Но теперь все будет по-другому. Никлос решит, как именно, но боюсь, дальше будет непросто. Белые крылья были еще у одной драконицы. И ты знаешь, как к ней относятся.

– О, святая... – в изумлении прошептала Селеста и хлопнула ладонью по рту. До девушки дошло, насколько все серьезно.

– Белоснежные крылья – символ Клэрийского Ордена. Тебя сочтут новым воплощением Клэрии, первой Каргатской королевы.

– Были и другие?..

Артан поджал губы, пытаясь что-то вспомнить. Но на ум приходило только одно имя – и то он не был уверен. Детская сказка, поэтому маршал промолчал, лишь сильнее сжав пальцы девушки.

– Тебе необходимо поговорить с королем. Он точно знает, что с тобой произошло и чего следует ожидать. Сэл, ты должна вернуться во дворец. Твой побег может плохо кончиться. Ведь неизвестно, что еще, кроме цвета крыльев, есть в тебе от святой Клэрии.

Селеста застыла, переваривая полученную информацию. Вот уж чего она не ожидала, так это оказаться особенной, а не изгоем. Как лавина сошла, утащив за собой все связные мысли. Голова свинцовая, во рту пересохло, а на губах – соль. И что делать?

Арт, читая по лицу драконицы весь хаос ее мыслей, притянул ладонь девушки к губам и, повинувшись импульсу, осторожно поцеловал ее пальцы. Это возвратило ее на землю, и она моментально покрылась пятнами смущения. Высвободив руку и прижав ее к сердцу, Селеста несмело кивнула.

– Значит, ты останешься со мной, Сэлли?

Артан осторожно потянулся к ней, а она нерешительно улыбнулась.

Глава 7

Политика и еще раз политика

Никлос

После фееричного окончания Равновесия, когда пришлось использовать нориус, чтобы призвать разбушевавшихся аристократов к порядку, король отправил Мирту, как самую устойчивую и готовую к повторному превращению, к простолюдинам. Они не должны понять, что что-то не так. Хотя шила в мешке не утаишь, к концу дня все послы будут в курсе, что в Каргатском курятнике завелась золотая курочка. Придворным было объявлено, что у кэрры Селесты, как это бывает у новообращенных, сдали нервы, но Артан, как первый кэрр королевства, вернет ее домой. На вечернем балу у всех будет возможность поздравить прекрасную белоснежную драконицу с первым превращением.

Эта новость была встречена с воодушевлением, и на этом утренняя часть Равновесия закончилась. Благородные кэрры вместе с невестами отправились по домам: изоляция окончена, соскучившиеся девушки могут навестить родных.

А король подозвал канцлера и отдал лаконичный приказ.

– Кэрру Астерию Брунцкую найти и арестовать. Она столкнула девушку. Это могло закончиться трагедией, – прошептал Никлос, когда они остались наедине.

– Разумеется, Ваше Величество. Будет исполнено, – кивнул посмурневший Вран, у которого жена отобрала флягу с коньяком. Настроение, и так бывшее хуже некуда, теперь стало безнадежным, грозясь разбудить застарелую язву желудка. – Ну что за год такой! И ведь не круглый, не особенный, а все одно к одному!

– Задайся вопросом, как об этом раньше нас узнала Сэлавелия. В жизни не поверю, что ее прибытие – совпадение.

– Узнаем, Ваше Величество, – и канцлер с поклоном удалился.

А на его место спустился ждавший в отдалении Томар. Его лицо, разгоряченное от случившегося, менялось как у опытного фокусника:

столько эмоций переполняло колдуна. Он не успел присесть, как король поднялся и жестом велел следовать за ним.

Поодаль следовала немногочисленная свита. Вся компания направилась к небольшому причалу, от которого отходили лодки к Нимфеуму, чтобы подготовиться к встрече с подводной принцессой.

– Ты был прав, Томар. Белокрылая драконица. Какая редкость, да так некстати! – недовольно говорил Никлос, ускоряя шаг. Нориус вокруг него сходил в небольшие смерчи, отпугивающие птиц и отгоняющие любопытствующих придворных. Король был не в духе.

– Ваше Величество, простите мою прямоту, но это было ожидаемо. Мне искренне жаль, что ваш отец не уделял должного внимания книгам из хранилища, иначе вы бы об этом знали.

Король резко остановился, и Томар, чуть не налетевший на него, едва успел отшатнуться. Лицо короля потемнело, он сощурил глаза:

– О чем ты говоришь?

– Ну... такие драконицы и раньше появлялись. Последовательность заметили не сразу, но она есть, – у колдуна смягчилось лицо. – Белый рождается, когда остается только один черный дракон. Я проверил по датам. Белокрылая родилась в день, когда умер ваш отец. Подозреваю, что в ту же секунду, как остановилось его сердце. Я допрашивал мать девушки, она подтвердила – роды были преждевременные, а Калиста была буквально вытолкнута сестрой на свет, – так Селеста торопилась родиться.

Король молчал, разглядывая Томара и гадая, как много тот узнал из книг. Ведь не все было записано, некоторые истории передаются только устно, от отца к сыну. Опасную правду лучше никому не знать. Иначе можно запросто лишиться головы.

– Продолжай искать. Мне нужно больше информации о белокрылых, – сухо сказал Ник, беря колдуна за плечо. – И никому ни слова обо всем, что касается магии и белокрылых. Понял?

– Да, Ваше Величество, – закивал колдун и все-таки осмелился спросить: – А что будет с ней?

Голос короля стал еще тише, а нориус разлетелся в стороны, создавая вокруг них плотную непроницаемую завесу от любопытных ушей.

– В книгах написано, что белый дракон обладает магией? – спросил Никлос так, будто знал ответ заранее.

Томар кивнул, добавив:

– Как и то, что белые рождаются исключительно женского пола.

– Магия скоро проявится. Это может стать проблемой, так что тебе придется взяться за ее обучение. Магические азы, умение контролировать дар, сдерживать опасные порывы. И так будешь изучать ее. Нужно понять, что именно связывает белого и черного драконов.

– Я опасаясь, что не смогу обучить девушку, ведь ее магия будет похожа на вашу, а не на человеческую, – осторожно возразил Томар. – И потом, в книгах было еще кое-что написано о связи между...

– Просто сделай все, что в твоих силах. Остальное я сам решу, – обрывая колдуна, отмахнулся Никлос. – Теперь ты свободен. И спасибо за помощь. Я этого не забуду, – отрывисто добавил он, когда завеса рассеялась.

Отпустив колдуна, он велел остальным двигаться к Нимфеуму, а сам, выйдя на пустое пространство, разбежался, на ходу превращаясь в дракона. Ему нужно было о многом подумать.

* * *

Когда Ник, становясь человеком, в прыжке опустился на крышуплощадку Нимфеума, его взяла в оборот сноровистая Винелия Барбская. Она успела понять: кто первый настиг короля, тому проще добиться того, чтобы повелитель его выслушал и вник в его проблемы. С остальных уже идет спрос.

Кэрра с ходу начала говорить о предстоящем представлении для принцессы. За столь короткое время ей удалось придумать, как сделать прием Сэлавелии по-настоящему королевским. Девушка привлекла выпускников Магической академии, договорившись с дэром Бай о частичном списании выпускных экзаменов у иллюзионистов и практиков. Также подключила своих родственников из Бирюзового дома, организовав подводное пение выдающегося оперного певца Барсии Лицкого. И рассказала много иных нюансов, находя ответ на любые вопросы короля.

– Ты молодец, – похвалил Винелию повелитель, когда она закончила отчет, и пригласил ее в малую приемную. Он успел отдать приказ вызвать Верховную, а также получил легкие закуски и напитки. Все благодаря расторопности секретаря, который как тень маячил на периферии. – Я подписываю смету, так что давай, дерзай.

– Благодарю, Ваше Величество, – просияла Винелия, протягивая готовые документы и получая на них отпечаток щупальца нориуса. – Скажите, будет ли принцесса присутствовать на вечернем балу?

«О, она обязательно об этом пожелает», – раздраженно подумал Никлос, присаживаясь за стол и приступая к трапезе.

– Зависит от результатов переговоров. Но на всякий случай подготовься.

– Разумеется, – и кэрра, исполнив безупречный реверанс, откланялась.

Королю нравилась эта девушка, преданная своему делу. При организации торжественных мероприятий она была везде и всюду. Сначала она выступала как один из помощников предыдущего главного организатора, а потом, заняв его пост, развернулась вовсю, фонтанируя необычными и современными идеями. Что само по себе удивительно – первая женщина на таком важном посту. Кажется, ее продвинул Артан, первым заметивший талант упорной драконицы.

«Надо бы как-то отметить ее заслуги», – мелькнула мысль в королевской голове и пропала, вытесненная рядом проблем, возникших сразу, едва Богарт открыл рот.

Слухи молниеносно разнеслись по континенту, и уже трое послов изъявили желание встретиться с королем. Завтра нужно будет созвать общее собрание и в присутствии всех делегаций поставить точку в этом вопросе. Как и перед аристократами сегодня вечером. Чтобы не было соблазнов, как это случилось с Брошином.

Если бы взглядом можно было убить, то Никлос, который не любил, когда ему пытались навязать чужую волю, давно был бы мертв. Он ненавидел, когда под притворством прячут алчность и меркантильные желания.

Сразу после отлета Артана кэрр Адегельский возник перед королем с просьбой передать девицу Селесту под его опеку наравне с сестрой. Старик привел сто и один довод в свою пользу, начиная с бедности семейства Винцель и заканчивая сходством серебряного и

белого цветов. Король был вынужден резко осадить главу дома и отправить его заниматься внутрисемейными разборками. Алиста Винцель в открытую ругалась с дочерью, полностью забыв о дворянской сдержанности. А в стороне по той же причине кузены готовы были вцепиться друг другу в глотки.

Именно это вынудило Никлоса использовать нориус, чтобы прекратить назревающую потасовку. И именно это окончательно испортило ему настроение.

Так что появление в приемной Флаксы стало лишь очередной черной тучкой в темном водовороте королевских мыслей. Босая миниатюрная девушка с полупрозрачными волосами, в легкой серебристой тунике ступала по ковру, оставляя за собой мокрые разводы и внося в помещение ощущение стылости. Шелки не считала нужным сдерживаться. Предыдущая Верховная лучше подстраивалась под традиции живых, но эта была не такой.

Флакса стала шелки более ста лет назад, но подводные годы совсем не изменили утопленницу. Ее живо интересовало происходящее на земле, поэтому она была выбрана следующей Верховной. Шелки нужен был предводитель. Та, что ведет их за собой.

В далеком прошлом на них охотились и безжалостно истребляли как подводники, так и земные. За то, кем они являются. Утопленницы. Девушки, сбежавшие из семей от боли и страха. Те, кому причинили такие невыносимые страдания, что они бросились в воду, а там их нашли шелки и избавили от мучений, подарив новое существование и стерев память о прежней жизни.

Их единственная треба – плоть и кровь. Они с удовольствием питались морскими животными, но их истинной страстью были земные мужчины. В своей жажде они забирались далеко на сушу, порой истребляя целые деревни и оставляя в живых только женщин. За это их и ненавидели.

Никлос в точности знал, как именно его далекому предку удалось усмирить воинственных существ. Он считал заключенную сделку огромной ошибкой, но ничего нельзя было исправить, так что теперь шелки охраняли морские и речные пути, уничтожая пиратов и морских чудовищ, что раздражало Подводное королевство. Им не нравилось, что шелки продолжают охотиться на акул и косаток, так как это якобы нарушало естественный баланс.

Этот конфликт не перерастал в бойню только из-за силы Каргатов. Нориус – грозное оружие, и подводники не решались выступить против. Пока не решались.

– Ваше Великолепное Величество! Ну что за прекрасный день! Слышала, нас посетило чудо! Из куколки выбралась белоснежная бабочка, – голосок Флаксы под стать внешности, тонкий и звонкий. Ее округлые глаза полны беспросветной блестящей черноты, лицо белое до серости, а под бескровными губами скрывался рот, полный острых акульих зубов. Она выглядела прекрасной и ужасающей одновременно. С холодной до мокроты кожей, длинными пальцами, увенчанными острыми когтями, жабрами, скрывающимися под выпуклой шеей, прикрытыми длинными, тонкими, как паутинка, волосами, способными оглушить жертву, как это делают медузы щупальцами.

Шелки беззвучно прошла по комнате, замерла перед королем в быстром реверансе, а затем опустилась на один из диванчиков, расположенных вдоль стен.

Дворец Нимфеум был специально построен для приема подводных жителей и состоял из двух частей. Первая – человеческая со всеми атрибутами классического дворца, а вторая находилась под водой и была спроектирована русалками.

Официально у подводников не было посольства на территории Каргатского королевства, так как они считали, что все моря и океаны принадлежат им. Неофициально – Нимфеум являлся именно таким посольством.

– Тебя хорошо приняли? – Никлос проигнорировал легкую иронию в голосе Верховной.

Он отставил пустую тарелку и переместился на диван рядом с ней. Нориус растекся вокруг короля и спустился к ногам шелки. С этим король тоже ничего не мог поделать. Раньше он пытался контролировать тьму, отводя ее от утопленниц, но они слишком нравились нориусу, так что приказы быстро переставали действовать, а он возвращался к шелки, ластясь, как мартовский кот.

– Более чем, – почти пропела Флакса, осторожно поглаживая прильнувшую к груди тьму. – А вот вы в дурном расположении духа. Не понравился рыбий сюрприз? А ведь подводники скоро явятся. Погода портится. И они будут говорить о *ней*.

– Что ты об этом знаешь?

Девушка покрутила головой, закатив глаза и уставившись в потолок. Облизнула губы, почесала нос, явно испытывая на прочность королевское терпение.

– Русалки общаются с эльфами, Ваше Величество, – осторожно начала она, наклонившись к Нику. – А эльфы верят в предсказания. Было сказано нечто особенное несколько лет назад. Разумеется, ушастые своими руками ничего не делают, они выше этого. А вот русалки не такие. Они будут действовать. И начнут с сегодняшнего дня.

Нориус слетел с обнаженных коленок утопленницы, собрался клубками и втянулся в тело разозлившегося короля. Никлос вскочил на ноги, подошел к окну и распахнул его, подставив лицо холодному морскому ветру.

А после и вовсе вышел на балкон, откуда открывался вид на волнующееся море. Обхватив пальцами перила, сжал их, сдерживая эмоции. Теперь он знал, чего ожидать, и от этого хотелось убивать.

– С удовольствием посмотрю, как вы прищемите жабры и хвосты этим рыбам, – довольно сказала Флакса, обнимая короля за талию и запуская под рубашку мокрые ледяные ладони. – А если они станут сопротивляться – помогу справиться с этими анчоусами, рачками и планктоном. Пусть знают свое место. Что нам эти предсказания, не так ли? Старые боги мертвы.

Король схватил ее за запястья и притянул к себе.

– Говори да не заговаривайся, Верховная. Ты здесь, только чтобы русалки знали, кто конкретно будет их первым бить, если начнут войну. Но право принимать решения ты не имеешь. Ты – моя служанка. Меч для левой руки, не более. Не думай, что когда-нибудь я позволю тебе думать и говорить больше, чем ты заслуживаешь. Я знаю, как вас связал договором мой далекий предок. И знаю, что вы мечтаете о свободе, понимая, чем она для вас обернется.

Все благодущие слетело с мордочки шелки, черты исказились в жуткую гримасу ненависти, она оскалилась, скрючив пальцы, но сдержалась и вновь стала миленькой покойницей. Король отпустил ее, зная, что даже крохотного синяка на запястьях девушки не останется.

– Как я могу что-то решать? Я же мертвячка. Утопленница без прошлого. Вы, мой король, – будущее. Я почитаю за счастье служить

столь прекрасному и великому повелителю. И нориус показывает – мы родственные души...

– В нас нет ничего общего, Верховная, – отрезал Ник, отходя назад. Волны вспенились, взлетели, окатив обоих столпом соленых брызг. – Ты – порождение тьмы. В тебе нет доброты и света. Все, чего ты хочешь, – убивать и пить кровь. Твое чрево мертво, а душа человека заперта в клетке из сгнивших ребер. Год за годом темница стачивается, однако пройдут столетия, прежде чем ты сдохнешь, как предыдущая Верховная. Но ничего не принесут тебе эти годы. Ты пустышка.

– А разве вы – нет? – она широко улыбнулась, а затем обернулась к морю. – Вот и подводники пожаловали. Пойду встречу их, как полагается, – и она будто перетекла через перила, нырнув в разбушевавшееся море.

Никлос тяжело облокотился о перила, уставившись на воду. Муторно ему стало. Больно. Но никому и никогда не признается король в боли, которую ему причинила утрата. В своем одиночестве.

– Я не такой, как ты, – прошептал Ник, прогоняя из сердца тьму.

* * *

Нимфеум – необычный дворец, плод трудов двух талантливых архитекторов своего времени, создавших чудо на воде. Здание построено в тихой гавани, метрах в трехстах от берега, трехэтажное, с мощными сваями, уходящими в морской песок на глубину тридцати метров. Там – первый этаж, подводный, над ним половинчатый – часть под водой, часть над ней. Второй этаж без стен, там только массивные опорные колонны, несущие третий этаж. Омываемый высокими волнами, Нимфеум погружался под воду почти до третьего этажа во время прилива, а в отлив – полностью раскрывал второй. Он слегка качался во время плохой погоды, но его усилили магически обновляемыми подпорками.

Белоснежный, с покатой полупрозрачной крышей, с небольшой площадкой для приземления драконов, с высокими колоннами, открытыми балконами и узкой пристройкой для лодок, дворец Нимфеум своей формой напоминал подводное святилище, что строили русалы в честь богов прошлого.

Король встречал делегацию на втором этаже в особой центральной комнате, спроектированной таким образом, чтобы бассейн для подводников и пол человеческой части шли вровень. С одной стороны зал не имел стены – вместо нее было толстое стекло, за которым виден спуск под воду на первый этаж. В центре стояли несколько удобных подводных кресел, оплетенных водорослями и ракушками, а также небольшой столик с выемками, в которых уже разместили закуски из мидий. Аналогично и в наземной части – мягкие кресла, столик с фруктами и напитками. Словом, это помещение было зеркалом равных партнеров, как это представляли себе русалки. Иллюзия равенства.

Вместе с королем в комнате присутствовал канцлер, успевший кратко доложить о положении дел. Кэрра Астерия была изолирована. Помощники канцлера перенаправили десятки запросов послов насчет белой драконицы, сгладили слухи среди простолюдинов: белые крылья заметили, но никто не понял, что это значит.

– Отлично, спасибо, Вран, – кивнул Никлос. – Артан уже вернулся?

– Он сейчас с ней. Девушка эмоционально нестабильна, поэтому маршал решил остаться рядом из соображений безопасности. – По лицу Врана нельзя было прочесть, о чем он думает. Мужчина опустился в одно из кресел, где устроился с максимальным комфортом, поправил воротник белой рубашки и облизнул влажные губы. Определенно, сотни комбинаций выстраивались в его голове, но он пока об этом молчал.

– Вот еще развлечение на наши головы, – не сдержался король, хмуря брови и до красноты расчесывая щетину на подбородке. – Ладно, Селестой я лично займусь, а ты проследи, чтобы придворные не докучали нашей бедовой белокрылой. – Вран хотел уточнить, что именно Никлос имеет в виду, но не стал, только склонил голову, соглашаясь с его решениями. – А ты будь рядом с Сэлавелией. Проследи, чтобы драгоценная принцесса нос куда не следует не совала.

– Как вам будет угодно, – кивнул канцлер.

В бассейне за клубилась вода, тысячи пузырьков взлетели, поднимая мелкую пену. На подводной лестнице показались два русала, внимательно оглядывающиеся по сторонам. Осмотревшись, они

разошлись в стороны, оставшись под водой, тогда как следующая золотохвостая гостья величественно и неторопливо всплыла прямо перед королем.

Ее лицо претерпело изменения, так как под водой оно имело рыбы очертания – без век, ресниц и носа, без волос и с чешуей на голове, а на поверхности у гостьи, как у текучей глины, проявились человеческие очертания. Принцессу, обладательницу рыжей мокрой шевелюры и заостренных лисьих черт, можно было даже назвать красавицей, если бы в памяти отчетливо не сидели ее рыбы черты.

– Ваше Величество, – заговорила она, сохраняя в голосе нотку высокомерия, – рада вас видеть. Мы так редко встречаемся, и все по каким-то особенным поводам. Вы нас совсем не навещаете...

И это правда. Король, хоть и мог находиться под водой благодаря нориусу, не любил подводный мир. Слишком чуждыми были рыбы. Холодными, как моря, в которых обитали.

– Ваше Высочество, сияющая Сэлавелия, счастлив вас лицезреть. Вы прекраснее любых драгоценных камней, что я посылаю вам на каждый праздник, – принцесса довольно улыбнулась и прижала руку к щеке, лаская красный камешек – последний подарок Каргата. – Не будь я королем, все дни посвящал бы вашей компании. Но долг перед королевством превышает любых желаний, вам ли этого не знать, – со всей возможной учтивостью и откровенной лестью говорил Никлос, отдавая дань уважения прекрасной подводной принцессе.

– И вот очередная встреча, очередной особенный повод, – на ее устах мелькнула новая улыбка.

Обменявшись поклонами, они опустились в кресла напротив друг друга. Принцесса обернула золотой хвост вокруг кресла, а ее сопровождающие остались позади, даже не думая всплывать. Более того, их уши были закрыты ракушками, а значит, разговор пойдет о конфиденциальной политике и вещах, недоступных пониманию простых подводных жителей.

То есть начистоту.

На подводной лестнице показалась Верховная, вынудив охранников принцессы обнажить на руках острые гребни. Шелки проигнорировала их, легко всплыв к бортику, а там перебралась на человеческую половину и зашагала к креслам, оставляя мокрые следы. Текучесть движений, насыщенных водой, плавность и вальяжность

жестов – все обман, чтобы, не сказав ни слова, подразнить принцессу. Флакса опустила на последнее свободное кресло и немигающе уставилась на Сэлавелию.

– Разумеется, и ты здесь, Верховная, – недовольно уронила принцесса, холодно оглядывая шелки. – Там, где проплывают твои мертвячки, в воде остается привкус гнили, который так любят акулы. Они с удовольствием бы полакомились вашими трупами, не будь вы таким противоречием природы.

– Да ну, брось, Сэла, мы не пахнем. И не нарушаем драгоценный баланс. Наоборот – поддерживаем. Помогаем кораблям без опаски ходить по морским путям, раз вы не в состоянии выполнять свои обещания и контролировать своих хищников.

– Это все равно что контролировать ураган! – вспылила принцесса, хлопнув рукой по мокрой ручке кресла. – А вот твои мертвячки убивают дельфинов, которые вообще никакого вреда людям не несут!

– Где доказательства?! Мы не нападаем на животных без причины! Эти наветы уже порядком осточертели! – парировала Верховная, а королю пришлось вмешаться:

– Остыньте. Ваши претензии бездоказательны, принцесса. Вы сами говорите, что не можете контролировать своих хищников, так откуда такая уверенность, что дельфинов убивают шелки?

– Потому что под водой ничего не меняется. Каждый хищник занимает свою нишу. Каждое существо действует по строгому алгоритму выживания, сложившемуся за тысячи лет! Дельфинов и правда убивают косатки и акулы, но остаются следы. Мы читаем эту смерть и понимаем, когда она естественна. А вот то, как сейчас погибают дельфины вблизи от Каргатского побережья, ни на что не похоже! И только один хищник действует под водой и имеет разум, чтобы совершить нечто подобное, – шелки, – убедительно и с жаром заговорила принцесса, глядя прямо в глаза Никлосу. Она действительно верила в свои слова, и ее раздражала необходимость что-то доказывать королю.

– Но это не мы! – воскликнула Флакса, стиснув подлокотники. – А твои слова не похожи на вещественные доказательства!

– Довольно, – осадил ее Никлос. – Ваше Высочество, Верховная права. Предоставьте реальные улики, и виновные будут наказаны.

Пока этот разговор основан исключительно на застарелой антипатии между подводными жителями и шелки.

– Вы просто не представляете, какую змею на груди пригрели ваши предки, – возмущенно ответила принцесса, разводя руками. – Но вот увидите, я доберусь до правды.

– А пока вернемся к нашим делам. Изначальная цель визита – прокладка нового морского пути. Ничего не изменилось? Вы согласны на наши условия?

Принцесса опустила руку под воду, запустив ряд пузырей в сторону охранников, и тогда один из них вытащил откуда-то со спины большую плоскую раковину, которую отправил к ней. Поймав раковину, девушка вытащила из нее сухие зеленоватые листы и протянула их поднявшемуся с места Врану.

– Чуть позже прибудет секретарь, и можно будет обсудить детали. Однако цель моего визита лишь косвенно связана с этой задачей. – Сэлавелия замаялась, поджав губы и переводя взгляд с Врана на Флаксу. – И она касается королевских особ, то есть должна остаться только между нами.

Король подозревал, что именно так она скажет, и отпустил канцлера изучать документы, а Верховную просто выставил – позже он еще разберется с ней и ее вольностями в отношении принцессы.

– Так о чем вы хотели поговорить?

– Вы умный дракон, Ваше Величество, – начала издалека принцесса. Она опускала пальцы в воду, проводила мокрыми подушечками по лицу, насыщала кожу и прятала проступающую чешую. – Думаю, вы уже решили задачку и знаете ответ.

– Белая драконица.

Сэлавелия прерывисто втянула воздух.

– Не сравнивайте нас с эльфами. Они – да, они видят в ней угрозу из-за предсказания, но у нас иная связь с белыми крыльями. Старые времена, старые сделки, – все так же туманно продолжала она, глубже опускаясь под воду.

Ее волнение передалось окружающему дворец морю, и волны ударили в прочные стены, гулким эхом пройдясь по этажу.

– Что вы имеете в виду?

– Наши подданные поклоняются святой Клэрии. Мы высекаем из подводных скал статуи и возводим храмы в ее честь. Мы знаем, как и

чем именно она, вместе с черным драконом, одолела старых богов.

– Так просветите меня, – спокойно ответил король, а сам невозмутимо вытащил яблоко из фруктовой тарелки и с аппетитом откусил кусочек.

Такое пренебрежение не понравилось принцессе. Золотые чешуйки блеснули под водой, хвост развернулся, как у недовольной кошки. И сложился обратно.

– Я пришла с миром, Ваше Величество. Отнеситесь к этому с уважением, – терпеливо заговорила она, задирая подбородок, но без вызова глядя на короля. – Ничем не прикрытая экспансия ваших предков давно стоит поперек горла всем уважаемым королевствам, вызывая между нами сильное напряжение. Так знайте же, появление белой драконицы – повод для оливковой ветви. Мы готовы к открытому диалогу.

– Я правильно понимаю, речь идет о Северном пути? – осторожно переспросил король, опуская руку с яблоком и обращаясь в слух.

– И не только.

– Но почему? Какая связь?..

– Как я уже говорила, это не первое возрождение белой драконицы в вашей истории, – продолжила говорить Сэлавелия, немного странно поглядывая на короля. – И каждый раз ее появление совпадало с чередой великих открытий и свершений в вашем королевстве. Практически все чудеса, содеянные Каргатскими королями, совпадали с появлением белокрылых. Вспомните, когда в прошлый раз появилась белая, король Класарий пробил магией дорогу сквозь Бросвальскую гриву. Да даже этот дворец был построен во времена белокрылой драконицы, – с воодушевлением и каким-то благоговением говорила девушка, оглядываясь по сторонам и будто глядя воздух, будто собственной русалочьей магией ощупывая нити, насквозь прошивающие здание.

– И о чем это говорит?

– Как сказал отец, белокрылая способна принести процветание вашему королевству. И тем, кто в мире с вами. Если мы будем воевать, это принесет много бед. И может... каким-то невероятным образом возродить старых богов.

– Это невозможно. Но я понял, о чем вы говорите, – согласился король.

Его мозг бешено заработал, переваривая огромное количество новых открывающихся возможностей. Какова бы ни была причина внезапной откровенности скрытных подводников, в этом стоит покопаться. Нужно подстегнуть Томара, чтобы он всерьез занялся разбором старых книг. Найти причину, по которой отец так странно обращался с памятью о прошлом. Именно эта уязвимость, недостаток информации раздражали Никлоса, так как он видел по глазам принцессы – она знает больше, чем он, и многое недоговаривает.

– Если вы открыты к сотрудничеству – я рад. Но на каких условиях?

– Начнем с простого. Я хотела бы побывать на вечернем балу в честь окончания Равновесия. Хотела бы лично познакомиться с вашей драконицей. Узнать ее, – мягко заговорила принцесса, соскальзывая в воду и подплывая к бортику. Она легко перекинулась через него и спрыгнула на пол, уже обладая очаровательными ножками. Ее волосы отросли, закручиваясь спиралью, скрывая обнаженную грудь и таз, а пряди добирались до колен.

Первым желанием Никлоса было отказать, но, подумав, он все же согласился. Девушка в ответ захлопала в ладоши, почти искренне улыбнувшись.

– Раз с делами покончено, хотелось бы знать, что вы приготовили для меня?..

Король щелкнул пальцами, впуская обратно канцлера. За открытыми дверями виднелось успокаивающееся море и несколько слуг, готовых услужить принцессе. Охранники русалки последовали за ней, ничуть не смущаясь своей наготы, и демонстрируя отсутствие первичных половых признаков.

Ник со всей возможной учтивостью отклонил приглашение сопровождать принцессу, перепоручив это Врану, а тот и рад: новые документы требовали обсуждения, и желательно с ней, а не с секретарем, поэтому гостю ожидал весьма насыщенный день.

Откланявшись, король поднялся на крышу и взлетел в небо, направляясь обратно во дворец. Было еще много вещей, о которых нужно подумать. Главное, что за странные обвинения бросила Сэлавелия в сторону шелки? Убитые дельфины – не почерк утопленниц. Что за этим стоит?..

Черные крылья поглощали солнечные лучи, пробивающиеся сквозь тучи, и дракон походил на чернильную каплю, катящуюся по небосводу.

На душе было скверно, и нориус тревожился, окружая короля мелкими вихрями. Он предчувствовал беду. А еще волнение от предстоящей встречи с самой любопытной загадкой в его жизни.

Глава 8

Когда выбирают меня

Селеста

Моя комната теперь выглядит совсем крошечной. Маленькой-маленькой и такой далекой, что даже не верится, что раньше она казалась просторной. Два широких окна, уборная с ванной, гардеробная. Просторная кровать с лоскутным одеялом, дубовое трюмо и комод. Прикроватная тумбочка с магической лампой, занавески на гардинах, пушистый кремовый ковер под ногами. На стенах морские пейзажи, в углу высокая ваза с высушенными цветами.

И повсюду мои следы: небрежно висящий халатик, тапочка, выглядывающая из-под свисающего одеяла, на трюмо – расческа с длинными каштановыми волосками, на столе раскрытая книга и огрызок яблока. Служанка была отпущена на праздник, так что щипцы для завивки волос лежат раскрытыми на неглубоком кресле.

Утром отсюда ушла молодая, нервничающая перед превращением невеста, а вернулась я.

Подойдя к окну, вижу, как непрекращающийся дождь пускает ленты по стеклу, за которым лес укутался в сизо-серую дымку. Мне больше не холодно. Внутри вокруг сердца расплзся такой шарик тепла, что руку протяни – и он раскроется огненным вихрем, и я снова стану собой.

Человеческое тело – лишь оболочка вокруг роскошного чешуйчатого зверя, которому подвластны небеса. Только приняв этот облик, понимаешь, в какой клетке находишься бо́льшую часть жизни. Когда сбрасываешь оковы – впервые видишь их очертания. Становится ясно, какой маленькой жизнью живешь.

И я спрашиваю себя: почему мы остаемся в человеческом теле? Что такого привлекательного может быть в этой тщедушной тушке после величия дракона?

Артан сказал, что каждый сам находит ответ на этот вопрос. Что те, кто не могут найти, исчезают, и возможно, где-то за линией

горизонта есть огненные земли, куда они улетают, но нам об этом неизвестно.

Кэrr Гадельер остался со мной, защищая от непрошенных гостей и утешая, успокаивая в ожидании королевского вызова. А поводов для утешения оказалось предостаточно. Сестра отреклась от семьи. Она бросила нас. Отказалась от мамы и брата. Как она могла предать меня? Свою сестру-близнеца? Что это за безумие? Что за жестокая шутка?!

Мне так хотелось поговорить с ней, встретиться с родными, вместе решить, что дальше делать. Но даже простая прогулка по коридорам дворца дала понять горькую правду: я теперь как за стеклом. Все знают, что я не такая, как они...

Да лучше бы мои крылья окрасились в серый!

– Сэл, присядь. Поешь! – почти с укором обратился ко мне Арт, приглашая за стол.

Ожидание затянулось, поэтому маршал вызвал слуг, чтобы они накрыли на стол и организовали легкий ужин. Мясо барашка, овощи, небольшой самовар с чаем, фрукты... А мне кусок в горло не лезет. Хотя моментами и накатывает зверский голод.

– Не могу, все слишком давит, – пожаловалась я ему, отворачиваясь от окна. Артан спокойно разделывал баранину, невозмутимо отправляя в рот кусок за куском и полностью игнорируя овощи. – У меня даже идей нет, что будет дальше! Белые крылья – что это значит? Что со мной будет?

Промокнув губы салфеткой, Арт откинулся на спинку стула, скрестил руки на груди и посмотрел мне прямо в глаза.

– Я не знаю, – спокойно ответил он, а затем поднял указательный палец. – Но я знаю Никлоса. Он все объяснит, поможет разобраться. В конце концов, он уже знал, какой ты будешь, до превращения.

– Да?!

– Кажется, об этом сообщил Томар, – задумчиво протянул Арт, а я все-таки присела за стол, чинно сложив руки на кружевной скатерти и отодвинув тарелку с мясом. – И еще я думаю, что ничего плохого не случится. Я помню, мне рассказывали легенды о белых драконах. Кажется, одна драконица бывала в наших краях лет триста назад, когда мы присоединились к Каргатскому королевству в обмен на нормальный торговый путь. Тебе не рассказывали об этом?

– Бросвальская грива? – нахмурилась я, наливая себе чай из самовара. – Я знаю, что Класарий проложил путь сквозь горную гряду, фактически открыв нас миру, и заключил договор с эльфами, чтобы они прекратили захватывать наши земли.

– Мать в детстве рассказывала сказку про белую драконицу Алессу, в которую влюбился король Класарий. Его любовь была так сильна, что рухнули камни и появилась Бросвальская грива. Так мы стали частью Каргатского королевства и оказались под защитой черного дракона от эльфийских посягательств.

– Что-то это не шибко помогло моей долине, раз отцу пришлось заключать сделку с эльфами. Я начинаю подозревать, что это как-то связано со мной.

– Мы вместе во всем разберемся, – пообещал Арт, потянувшись через стол и накрыв мои дрожащие пальцы своей рукой. – Сэл, не бойся, я помогу тебе.

– Зачем тебе все это?

Высвободившись, я вскочила и вновь заметалась по комнате, остановившись только тогда, когда уткнулась ему в грудь.

– Потому что тебе было так больно и страшно в ту ночь, когда мы встретились, помнишь? Я тогда понял, что не могу оставить тебя в беде, – с добротой в голосе ответил он, прижимая меня к себе и ласково поглаживая по волосам. Я уткнулась подбородком в его рубашку, запрокинув голову и уставившись на него.

– Значит, ты спаситель дев, попавших в неприятности?

– Только если они симпатичные, как ты, – лукаво улыбаясь, ответил он.

Раздался стук в дверь, и мы отшатнулись друг от друга, будто застигнутые на месте преступления. Слуга принес сообщение от короля – он готов нас принять.

* * *

В общей гостиной многолюдно. Суеящиеся девицы прихорашиваются друг перед другом, щеголяя родовыми цветами с акцентом на особенностях своего превращения. Здесь были все, и это неудивительно, ведь до начала вечернего бала осталось всего

несколько часов, так что невесты уже навестили родных и сейчас готовятся к вечеринке.

Наше появление будто повернуло выключатель – все, уставившись на меня, умолкли. Я заметила Паули в ярко-желтом платье и с двухэтажной прической на голове, поодаль скромную Милан в неброском голубом платьишке, а также невозмутимую Анку, с любопытством разглядывающую меня. И Кирнан, глядящую с холодным прищуром, и ее прихлебательниц, копировавших ее поведение... и сестру, сидящую рядом с ней в роскошном серебряном платье с родовым украшением Адегельских. Не было только Мирты и Агаты.

В глазах Кали столько сожаления, недоверия, но и вызова. Столкнувшись взглядом со мной, она не смутилась, вздернула подбородок, изогнула бровь. Мол: «Сестра, прими меня такой и не смей осуждать. Я сделала выбор». И это как удар в сердце.

Артан перехватил меня за локоть и повел на выход, взглядом отсекая любые вопросы. Стоявшие у дверей Вира и Арнел разошлись в стороны. Как только миновали порог, позади зашелестел, забушевал ветер сплетен. И четче всего оказался сестринский голосок:

– Что вы пристали ко мне? Откуда мне знать, что с ней не так? Я не часть Зеленого дома, мой род – Адегельские. Что мне до нее?..

От слов сестры я пошатнулась и только благодаря поддержке Артана сохранила равновесие. Вцепившись в его руку, я прикрыла глаза с мыслью: «Надо было все-таки что-нибудь поесть...»

– Ты в порядке?

– Справлюсь, – отвечаю я, призывая на помощь все свое самообладание, и вслед за королевским слугой мы покидаем крыло, двигаясь боковыми коридорами, чтобы не сталкиваться с придворными.

Нас привели в тихую красную гостиную в королевской части дворца, куда не допускались посторонние. Внутри за небольшим столиком обедал сам Никлос Каргатский, одновременно просматривавший стопку документов странного зеленого цвета. Поглощенный чтением, он не сразу отметил наше появление, а увидев, выдал короткую улыбку и жестом предложил разместиться на уютном диванчике перед потухшим камином.

Здесь было действительно тихо после шумных коридоров дворца, готовящегося к вечернему празднеству. Только слышно, как умиротворяюще барабанит дождь по окнам.

– Арт, спасибо, что позаботился о ней, – обратился Никлос к маршалу, закончив с делами и поставив подпись на последнем документе. Поднявшись, он передал бумаги слуге, наказав разыскать Врана и отдать их ему. – Только ты мог сделать это настолько деликатно. Надеюсь, кэрра, кэрр Артан был с вами любезен?

– Более чем, – откашлявшись, закивала я в ответ, изрядно нервничая. Я так сильно сжала правую руку, что она заболела. Разжав пальцы, увидела красные отметины, – значит, скоро проступят новые синяки. Дурные мысли, дурные привычки.

– Может, расскажешь теперь, в чем, собственно, дело? – тем временем невозмутимо спрашивает Артан, однако король качает головой.

– Извини, Арт, если бы все было просто – ты бы узнал первым. Но это касается королевской семьи. Я вынужден попросить тебя удалиться. Долг выполнен, можешь вернуться к семье.

– Не понимаю, – нахмурился Арт, наклоняясь вперед и сцепив пальцы. – Я твой маршал, дела государства – моя работа. Кому, как не мне, ими заниматься, только дай приказ! И Селеста – не член королевской семьи.

– Прости, друг. Но разговор, который пойдет в этой комнате, касается только черного и белого драконов, больше никого, – голос короля испугал меня. Никлос замер возле дверей, и я вижу, как из его груди расплывается черная клякса нориуса.

– Ты уверен, что все именно так? – вставая, холодно уточнил Арт. Увидев утвердительный кивок, он тяжело вздохнул и повернулся ко мне: – Я буду ждать. Помни, все будет хорошо, – он протянул руку, чтобы сжать мою, заметил на ладони красные следы и нахмурился, раздумывая, стоит ли уходить. Я порывисто высвободилась, изображая лучезарную улыбку, чтобы показать, что все в порядке.

Артан расслабился, но перед выходом задержался рядом с королем, что-то пытаясь сказать ему взглядом, однако Никлос не отреагировал. Закрыв за другом дверь, он секунд пять простоял спиной ко мне, а после, развернувшись, выдал дежурную улыбку.

– Может, вина, кэрра Селеста? – дружелюбно спрашивает он, опуская градус официоза. – Я вижу, как вы напряжены. Поверьте, разговор будет серьезным, но не смертельным. Вино поможет принять грядущие изменения.

Я кивнула. В горле совсем пересохло, и я боялась сказать что-то глупое. Никлос казался черным гигантом, его глаза поблескивали в полутьме красным, но голос звучал дружелюбно, поэтому я старалась не слишком сходить с ума из-за того, что находилась наедине с мужчиной, да еще и с королем.

Сбоку от стола находился высокий застекленный буфет с рядами красивых фужеров, рюмок и бокалов. А на столе – откупоренная бутылка почти черного вина. Разлив напиток, король протянул его мне. Мы звонко чокнулись, Никлос будто беззвучно сказал странный тост в мою честь, и залпом опрокинул в себя вино. Я же пила так, как учила мама, – деликатно и неторопливо, хотя от голода в голове все равно зашумело и желудок выдал предательский спазм.

– Давайте начнем с простого, кэрра, – заговорил Никлос, прохаживаясь по комнате. Король не торопил меня, вопросами подготавливая к чему-то важному. – Что вы знаете о белых драконах?

– То, что рассказал кэрр Гадельер, – что иногда рождаются драконы с белыми крыльями. И что одна из них когда-то помогла Сатуральским долинам с Бросвальской гривой и из-за этого мы перешли под протекторат к Каргатскому королевству. И что я как-то связана со святой Клэрией.

– То есть почти ничего, – заключил король, остановившись возле бокового кресла, а после элегантно опустившись в него. В его руках новая порция вина, с которой он явно обращался более бережно, чем с предыдущей. – Как, впрочем, и все. Только слухи да сказки. Опасное сочетание, учитывая, как в королевстве относятся к святой Клэрии. У вас уже появилось много поклонников – как среди аристократов, так и за пределами наших земель. И, конечно, есть еще дурацкое предсказание эльфов, согласно которому вы можете стать причиной пробуждения старых богов.

– Все не так! Об этом предсказании никто не знает, кроме Артана, а эльфы – мои друзья, они не станут вредить мне! – заговорила я возмущенно, сжимая бокал и немного расплескав вино себе на платье.

Я отвлеклась, а когда вновь посмотрела на короля, он качал головой, будто видел перед собой неразумное дитя.

– Кэрр Артан Гадельер – мой маршал. Разумеется, он все мне рассказал. А эльфы... не стоит считать друзьями тех, кто собирался сковать драконьи крылья. Вас, милейшая кэрра, спасло только то, что нужно добровольное согласие, а вы, когда подошло время, даже бежать из столицы не захотели! – назидательно проговорил король. – Эльфы не любят марать руки, так что сами они вас не тронут. Однако не думайте, что они не найдут способа вас нейтрализовать. Поверьте, сторонников у этих древних существ предостаточно. И первый претендент уже прибыл в столицу – прелестная принцесса Сэлавелия.

В ответ на его речь я поджала губы, а после ополовинила бокал. В голове будто молоточки застучали, и из-за натопленной комнаты меня еще сильнее повело. Я прижала левую руку к обивке дивана, вдавив в нее пальцы и сосредоточившись на задумчиво разглядывавшем меня Никлосе.

– И что теперь? Вы так ничего и не сказали о белых драконах.

– Да, точно, – собеседник как будто опомнился. – Начнем с определения. Вы – не белый дракон, то, что с вами случилось, называется «альбинизм». То есть отсутствие цвета. Чистый дракон. Кстати, ваши дети точно унаследуют цвет отца, от альбиносов не рождаются белокрылые. Это редкая... аномалия, – я заметила, что он хотел сказать как-то по-другому, но не стала уточнять, как именно. Что такое альбинизм, я знала, такое бывает среди животных.

– А теперь важное, – продолжал король, и его глаза странно блеснули при свете огня. – Сейчас вы должны поклясться, что вся последующая информация не покинет пределов этой комнаты. – Дождавшись моего кивка, он повел речь дальше: – Белые драконы обладают магией сродни той, что есть у черного дракона, – на этих словах нориус заволновался, спускаясь туманом к ногам хозяина. – Вы видите его, верно? Остальные видят, только когда я этого хочу, но для вас он всегда рядом. – Король тяжело вздохнул. – Скоро вы почувствуете в себе перемену. Это случится в ближайшие день-два. Будет странно, мощно и страшно. Но вам понравится. Внешнее проявление – зеркало нориуса, и носит имя – ариус. Белый дым, выступающий сквозь поры кожи. Сила ариуса сравнима с нориусом. Но слабеет по мере удаленности от меня, так что в ваших интересах

быть всегда рядом, – король чарующе улыбнулся, вновь поднимая бокал в мою честь, пока я пыталась свыкнуться с мыслью, что у меня что-то такое зарождается под кожей. Тьма нориуса пугала до рези в животе. Поверить, что нечто подобное есть и во мне, – невыносимо!

От напряжения я вся взмокла, ощущая, как между лопаток стекают противные капельки пота. Тогда король пересел ко мне и осторожно отобрал пустой бокал, а после взял мои руки и, нежно сжав их, заговорил мягким, вкрадчивым голосом:

– Вы молодая и очень красивая девушка из маленького бедного рода, принадлежащего удаленному от политики и власти дому. Зеленые драконы, за исключением кэрра Гадельера, не имеют никаких способностей и возможностей, чтобы защитить вас. Фактически вы идеальная белая овечка, и любой хищник с удовольствием вас съест. И это до известий об ариусе! Вы уязвимы. В силу молодости и неопытности вами легко манипулировать. У вас есть близкие, которые также попадут под перекрестный огонь. Любой аристократ, который мечтает о власти, узнав о вашем существовании, захочет вас использовать. Тем или иным способом. И это – не считая предсказания эльфов, возникшей из ниоткуда заинтересованности подводников, а также активизировавшихся последователей старых богов, среди которых есть и колдуны. Многие захотят захватить вас и вашу магию. Пора делать ставки, кто и когда вами воспользуется.

– Хватит, – ответила я тихо, поежившись. На самом деле я была заморожена тем, как Никлос держит мои руки. Как близко сидит. Как медленно дышит и каким тяжелым взглядом смотрит на меня. Он словно поймал меня, как бабочку, и пригвоздил к месту. От королевских слов мне стало не по себе. Я задыхалась, пытаюсь просто понять, к чему же ведет король. – Ваше Величество, вы все это говорите не просто так? К чему вы ведете? Сейчас вы напугали каждую клеточку моего тела, и я не понимаю зачем. Что вы хотите этим сказать? – я подняла голову и посмотрела на него, поражаясь, насколько яркой вблизи выглядит красная радужка его глаз.

– Начнем с моих алчных подданных. Как кэрру Селесту Винцель, принадлежащую к дому зеленых драконов, я не могу вас защитить, не нарушая закона. А аристократы найдут лазейки, чтобы все было прилично и в рамках законодательства. Поясню подробнее, чтобы вы понимали, в каком положении сейчас находится наше королевство, –

король отпустил меня. Поднявшись с места, он забрал со стола пустые бокалы и направился к буфету. Выудив бутылку красного, Никлос пальцами вытащил пробку и до краев наполнил один из бокалов. По комнате разлился пьянящий аромат сладкого напитка. Король довольно облизнул губы. Мельком глянув на меня, подхватил со стола тарелку с мясными закусками и налил в мой бокал воды.

– Спасибо, – поблагодарила я собеседника, с удовольствием отправляя в рот маленький бутерброд и запивая его водой.

– Так вот, объясню совсем по-простому. Если наши соседи решат, что в королевстве процветает диктатура, они объединятся и нападут на нас. Не уверен, что у них получится победить, так как никто из ныне живущих не сталкивался со всей мощью нориуса, но это сильно испоганит нам всем жизнь на ближайшие пару сотен лет. Я не готов идти на такой риск.

– И что вы предлагаете? – спрашиваю я осторожно, отодвигая тарелку и глядя на Никлоса. В глазах короля мелькнула странная искра, а вот слова прозвучали буднично:

– Заключим сделку. Вы поступите так же, как и ваша сестра. Отречетесь от Зеленого дома. Из-за цвета крыльев вы имеете право так поступить. И попроситесь под протекцию короны. Таким образом, вы получите фамилию Каргат, и любое давление на вас станет давлением на королевскую семью, и это уже совсем другие законы и последствия. Более того, чтобы вы чувствовали себя спокойнее, ваш брат поступит в академию по королевской стипендии, земли вашей семьи освободят от уплаты налогов на ближайшие двадцать лет, и я лично проконтролирую ситуацию с эльфами на границе. Ваша сестра, как и было изначально запланировано Брошином, выйдет замуж за одного из братьев Адегельских, и они отправятся в посольство северного княжества Лапалии, откуда ее никто не достанет. Ваша мать вернется домой, а на время обучения Кристана я направлю в вашу долину хорошего управляющего, который сможет привести дела в порядок до возвращения будущего главы рода.

– Как в волшебной сказке. Только согласись, и все желания исполнятся, – мне не верилось, что все так просто и так прозаично, я нутром чуяла подвох. – Что взамен? Извините, Ваше Величество, но я не верю в бескорыстность. Какова ваша выгода?

Видимо, ему понравился мой ответ, настолько широкой сделалась его улыбка.

– Я буду решать ваше будущее. Как до этого делала ваша мать. Вы будете учиться управляться с ариусом под контролем дэра Томара Бай. Будете изучать политику, искусство придворных интриг, проходить силовые тренировки как человек и как дракон. Вам запрещено будет покидать столицу. Любые новые контакты будете согласовывать со мной. И так до тех пор, пока не выйдете замуж и не перейдете под опеку мужа. Но, опять-таки, замуж вы выйдете только за того, кого я сочту достойным. И лишь после того, когда вы научитесь контролировать ариус. Самое главное: став замужней, вы все еще будете находиться под опекой короны. Это важная деталь.

Я не сразу нашлась с ответом, настолько оглушительно звучали его четко продуманные слова. Он *буквально* собирался забрать мою жизнь, привязав ниточки к моим запястьям, и все это якобы из желания помочь и защитить от многочисленных новоявленных врагов. Каждое королевское слово вело к этому. И по его глазам я понимала, что в случае отказа он демонстративно оставит меня одну разбираться с последствиями.

– Я могу подумать? – спросила я наконец, растирая виски, которые сверлила тупая боль.

– Простите, кэрра, но времени нет. Только сегодня на балу у вас будет шанс поменять дом. После уже ничего нельзя сделать.

– Но до бала всего несколько часов! – воскликнула я с отчаянием. Лицо короля смягчилось, я даже заметила некоторое сожаление, но он остался непреклонным.

Вновь поднявшись, собеседник протянул мне руку и помог встать.

– Я обещаю, кэрра Селеста, что позабочусь о вас. Вы ни в чем не будете нуждаться. Никто и пальцем вас не тронет. Даю слово Каргатского короля, – он сжал мою руку, вглядываясь в лицо и пытаясь прочесть на нем, о чем я думала. В тусклом оранжевом свете его глаза стали сплошной тьмой, в которой то и дело вспыхивали красные угли. Нориус поднялся вверх, обвивая наши запястья. И, клянусь предками, я чувствую, как он вибрирует от удовольствия, вращаясь вокруг наших рук.

Я высвободилась и попятилась, а король с сожалением опустил голову.

– У вас есть эти часы. Вы дадите свой ответ прямо на балу.
И я убежала, ничего не сказав в ответ.

* * *

За пределами комнаты совсем мало света. Несколько тусклых светильников на стенах коридора, и никого нет. Я разглядываю руки, всматриваюсь в ладони, а в голове от выпитого вина так гулко. Мысли, как ленивые рыбы, шевелятся в мозгу, но я ничего не чувствую. Как выключилась. А потом налетает яркая вспышка: «Ты должна за несколько часов определиться со своей жизнью. Должна сделать выбор». И от этого не сбежать, не отстраниться, позволив кому-то другому решить. Тут надо самой действовать. А мне так страшно...

Мысли утекают, оставляя меня в ленивом ступоре. Медленно иду по коридору обратно, пытаюсь вспомнить, сколько раз я сворачивала. И удивляюсь, а почему здесь никого нет.

– Сэл? – услышала я голос откуда-то сбоку. Повернувшись, я увидела Арта на диване в длинной узкой нише, рядом с выходом на небольшой балкон. В руках он держал книгу, но что-то мне подсказывало: он ни строчки в ней не прочитал. Поднявшись мне навстречу, он увлек меня за собой наружу, подальше от случайностей и любопытных глаз и ушей.

Здесь сыро и холодно. Дождь не прекращается, но благодаря широкому козырьку на нас почти не падают капли. Из этой части дворца открывался вид на сад-лабиринт, за которым скрывалась королевская усыпальница. Густая темнота из-за плотно сбитых облаков совсем не рассеивалась небольшими фонарями, стоящими по бокам от главного входа в лабиринт. С правой стороны доносился шум прибоя, волны ударились о крутые скалы, взбивая пену и соревнуясь в высоте брызг, а над едва видимой линией горизонта раскрывались зарницы слабой грозы, уходящей в сторону океана.

– Что сказал король? – спросил Арт и поспешно добавил: – Я пойму, если ты не ответишь.

– Он объяснил, что моя прежняя жизнь закончилась навсегда. Что крылья сделали меня особенной и из-за этого многие захотят воспользоваться мной, – на удивление, голос мой звучал ровно и без

эмоций. – Он сказал, что позаботится обо мне и моей семье, но сделает это, если перейду под протекцию короны. Это единственная форма защиты, которую он может мне дать.

Я не смотрела на маршала, стоя вполоборота к нему, лицом к ветвистому лабиринту. Положив ладони на мокрый металл ограждения, я ощущала ладонями лед. А под кожей бушевало пламя. И оно нагревало перила, выделяя пар. Отдернув руки, я прижала их к груди и посмотрела на собеседника:

– Я не такая сильная, Арт. И я не знаю, что делать. Король все логично и очень понятно объяснил, буквально по полочкам разложил, но я не понимаю. Ничего не понимаю. И мне страшно, Арт. Я до жути боюсь его. Этот нориус, он будто повсюду следует за мной... Арт, я не могу согласиться! Но если я откажусь, то...

– Тише-тише, – заговорил он, порывисто притягивая меня к себе. – Если не хочешь, не делай. Не соглашайся. Я сделаю все, чтобы защитить тебя, слышишь? Никто не пойдет против меня. Я позабочусь о тебе, Сэлли. Моя милая Сэлли...

Он отстраняется, чтобы увидеть мои полные слез глаза. Сердце застучало так быстро, когда Арт наклонился ко мне и его губы накрыли мои. Огненное тепло разлилось от сердца к языку, а сквозь закрытые веки я вижу яркие вспышки. Не хочу прерывать свой первый поцелуй, но эти вспышки буквально ослепляют, и я распахиваю глаза.

– Что происходит, Арт? Что это?

– Все в порядке, Сэл. Все так, как и должно быть.

Я вижу его улыбку так четко, будто наступил полдень, ведь наши тела сияют, как светлячки в ночи. Голубые глаза сверкают от счастья, он смотрит так, словно видит самое драгоценное чудо на всем белом свете. И я тянусь к этому счастью, ощущая, как внутри раскрывается бутон жаркого цветка. Мне кажется, что я обрела нечто утраченное и в то же время неизвестное. Сродни обретению целостности для того, кто всегда считал себя цельным. И это так всеобъемлюще, что захватывает дух.

– Это слияние, Сэлли, – шепчет он, и я смеюсь во весь голос, так как не могу сдержаться от счастья. – Я знал... чувствовал с самой первой встречи, но даже не подозревал, что это такое!

– Неизведанная земля, – отвечаю я, продолжая улыбаться, а сама тяну к его лицу руки, ощупываю щеки, нос, пробегаю пальцами по лбу

и губам, замираю на закрывшихся глазах с мягкими ресницами, спускаюсь ниже до подбородка, а потом еще ниже, так что ладонь остается у сердца. И я чувствую, как быстро оно бьется – и так жарко, что этот жар невозможно скрыть.

– Так изведем ее вместе, Сэл? – он выглядел человеком, постигшим истину. Когда все стало простым и понятным. Очевидное решение. Самый верный путь. Он встает на колени прямо на мокром полу, захватывает мои ладони и притягивает к себе. – Кэрра Селеста Винцель, вы выйдете за меня замуж?

Глава 9

Теперь выбираю я

Селеста

Когда я переступила порог своей комнаты, первое, что бросилось мне в глаза, – великолепный наряд на манекене. Роскошное белоснежное платье, приталенное, с пышной юбкой, украшенной ажурной цветочной вышивкой. Открытые плечи, небольшие полупрозрачные рукава, оканчивающиеся чуть выше локтей, и элегантный вязаный чокер. Рядом на подставке-подиуме – аккуратные туфельки на маленьком изящном каблучке.

К моей комнате Артан приставил охранника, наказав пускать лишь горничную, так что только мы с Анишкой могли оценить эту красоту.

– Кэрра, какое восхитительное платье! – прошептала она, входя следом за мной. – В этом вы будете на балу?

Я подошла к наряду, вытащила из складок небольшой конверт с запиской: «Будьте благоразумны, кэрра». И простая черная клякса, сделанная нориусом. Я поняла это, когда волосы на руках встали дыбом. Буквально физическая реакция на следы тьмы.

– Нет. Достань платье, которое приготовила мама, – ответила я горничной, скомкав записку. – И поспеши, у нас мало времени.

Девушка вздохнула, но не решилась возражать. Она и так смотрела на меня с восторженным обожанием. Такая реакция была почти у всех людей и серых драконов. Будто чудо узрели. И мне все больше становилось не по себе.

По сравнению с этим роскошным видением меня ожидало очень и очень скромное платье. Анишка вытащила из чехла темно-зеленый наряд с длинными рукавами, украшенный несколькими рядами пайеток и прозрачным газом в тон. Вдобавок привезенное из дома платье было приталенное, усиленное небольшим корсетом с серебристой вышивкой, формой напоминающей доспехи и подчеркивающей грудь. Также над вырезом шла газовая ткань, закрывая кожу до шеи и заканчиваясь простым воротником. На

свободной атласной юбке по бокам спускались цветы, сливающиеся по цвету с платьем. К наряду прилагались обычные атласные туфельки, которые мама передала на днях: она купила их в местном магазине, так как дома не смогла найти ничего подходящего.

– Красивое, – с неловкой улыбкой сказала Анишка, расправляя платье на кровати. – Какую хотите прическу?

– Просто завей волосы и уложи, чтобы показать шею. Чуть освежи лицо, но ничего яркого. Из украшений – фамильное ожерелье, – отдала я ей указания после краткого раздумья, и девушка принялась за работу.

Сначала душ, потом подогретые бигуди. Когда я уже была в платье и горничная колдовала над моим лицом, в смежную дверь постучали и, не дожидаясь ответа, вошли.

– Паули? – воскликнула я удивленно, так как не ожидала гостей.

Драконница нерешительно замерла у порога. На лице читалось острое любопытство, смешанное с неловкостью. Видя, что я не гоню ее прочь, она вошла, плотно закрыв за собой дверь и прижавшись к ней. Теперь я увидела ее прекрасное шелковое платье. Низко декольтированное, с каскадной юбкой плиссе, начинающейся прямо от центра, украшенного рядом алмазов. Ее волосы свободно лежали на плечах, украшенные тонкими лентами, подкрепляющими блестящие локоны.

– Сэл, я так рада видеть тебя! – тихо сказала подруга, рассматривая комнату и замерев при виде белоснежного платья. – Какое чудо! – воскликнула она, подходя ближе и поднимая подол, чтобы рассмотреть вышивку. – Откуда оно? Ты будешь в нем на балу?

– Я буду в цветах своего дома, – ответила я сухо, когда Анишка закончила возиться со мной. Оценив свои старания и дождавшись утвердительного кивка, она приступила к расплетению спутавшихся бигуди.

– Да-да, конечно, – Паули опомнилась, с виноватой миной обернулась ко мне и поглядела на зеленый наряд. – Тоже красивое. Тебе все к лицу. Любой фасон, любая ткань.

– Ты блестяще выступила на Равновесии, Паули, – я попыталась заполнить паузу, не понимая, зачем подруга пришла. После разговора с королем мне везде мерещился обман.

– Спасибо. Отец был в восторге. Кажется, он нашел несколько подходящих женихов, и сегодня я с ними познакомлюсь. Представляешь, он дал мне разрешение самой выбрать одного из них! – с воодушевлением заговорила она. – А ты? Выйдешь замуж за одного из Адегельских?

В ответ я хмыкнула, немного поморщившись, когда Анишка окончательно освободила меня от бигуди и волосы развалились на неаккуратные локоны. Служанка смазала руки сухим гелем и приступила к сооружению высокой прически, сжав губами с десятков заколок-невидимок.

Мне очень хотелось поделиться с кем-то случившимся. Хотелось выйти на улицу и закричать во все горло о том, что я влюбилась. Что это не мираж, что одна только мысль об Артане вызывает упоение и хочется танцевать от кипящей внутри энергии! Но я сдерживаю себя. Как бы ни хотелось сразу всем все объявить, сначала Артан должен обратиться к маме и сообщить о слиянии. Кэрра Алиста Винцель, разумеется, даст согласие, и после этого все узнают, что мы поженимся. А пока я спрятала под фамильным украшением маленький камешек-сердце. С обратной стороны украшения есть небольшая выемка, сделанная специально под него. Так греет любовь и обещание у зеленых драконов.

– Нет, – ответила я на вопрос Паули. – Мне еще предстоит узнать, как сложится моя судьба после всего случившегося. – Анишка развернула меня лицом к трюмо, так что Паули видела только мое отражение.

– А твоя сестра точно удачно выйдет замуж. После Равновесия она... изменилась, – деликатно высказалась желтокрылая, подходя к нам и вставая позади дамского столика. – Теперь она лучшая подружка Кирнан взамен выбывшей Агаты.

– Что с ней случилось?

– Раскрыли, что она превращалась до Равновесия. Выгнали с треском. Семья уже покинула столицу.

– О-о-о, – протянула я негромко, при этом совершенно ничего не чувствуя. – Сколько осталось до начала?

– Чуть меньше часа. Не терпится, правда? – Паули ходила как по минному полю, осторожно подбирая слова. Во взгляде читалось

жгучее любопытство сплетницы. Она жаждала услышать хоть что-нибудь о том, что случилось, но не знала, как подобраться.

– Не мучайся, – со вздохом заметила я, уставившись на отражение. – Мне объяснили, что так иногда бывает. Я альбинос. Вот и все. Среди животных такое встречается. Ничего необычного.

– А я столько услышала сегодня, – протянула она, опершись подбородком о раму зеркала. – Говорят, что белые драконы приносят удачу. Что их дети точно будут здоровыми и сильными и унаследуют второй цвет. Что белые способны на удивительные вещи. Я даже слышала, что вы как знамение грядущих перемен! – восторженно прошептала она, и это было похоже на прорвавшуюся плотину из слов. – Еще слышала, что подводная принцесса будет на балу только ради встречи с тобой! Представляешь? Настоящая принцесса!

Эта новость настолько ошеломила Анишку, что она даже прекратила возиться с моей головой.

– Принцесса! Я никогда не видела принцесс... Какая она? – затаив дыхание, спросила девушка, а Паули только плечами пожала. Она тоже ее не видела. – Как здорово... хотела бы я побывать на балу!

– Поменяйся местами с какой-нибудь официанткой и все увидишь, – предложила подруга, и горничная просияла. Она уложила последний игривый завиток, спускающийся сзади из общей прически, и теперь придирчиво рассматривала мое отражение, легонько поправляя волосы и проходясь пушистой кисточкой по лицу, чтобы смахнуть лишнюю пудру.

– Спасибо за отличную работу, Анишка. Ты свободна, – сказала я ей, когда она закончила. Девушка изобразила простой реверанс и быстро удалилась.

Оставшись со мной наедине, Паули сделалась непривычно молчаливой. Будто между нами провели невидимую линию и мы оказались по разные стороны баррикад.

– Ладно, я пойду. Увидимся на балу, да? – неуклюже попрощалась она, возвращаясь к смежной двери. – Ты выглядишь роскошно, Селеста.

– И ты, Паули. Удачи с выбором, – пожелала я ей вслед.

Как только она скрылась, в дверь раздался стук и на пороге появился охранник.

– Кэрра Селеста Винцель, велено проводить вас к кэрре Алисте Винцель.

– Да-да, конечно! – воодушевилась я, поднимаясь с места.

Хорошо, что мама нашла способ встретиться со мной до бала. Я сама скажу ей о случившемся, и, возможно, прямо на балу объявим о помолвке.

* * *

Меня отвели в противоположную часть женского крыла, где находились свободные гостевые комнаты. Пустые тихие коридоры немного пугали, как и приглушенный верхний свет, и у меня неприятно засосало под ложечкой. Почему мама не решилась сама навестить меня? Правилами это не возбранялось...

Охранник подвел меня к одной из дверей, сказав, что мне сюда, а после быстро откланялся, так что я даже не успела ничего ответить. Нерешительно потоптавшись на месте, дернула тяжелую медную ручку и вошла внутрь.

Первой я увидела уставшую маму. Она словно посерела лицом и, несмотря на красивый серебристо-зеленый наряд, выглядела тускло, даже потерянно. Одиноко. Следом я заметила величественного Брошина Адегельского, со значением глядящего на меня.

– Мама? – обращаюсь я к ней вопросительно. А она быстро подходит ко мне, обнимает, да так крепко, что я чувствую биение ее сердца. Она целует мои волосы, гладит меня по голове, прижимая к себе как в последний раз.

– Милая моя доченька, – дрожащим голосом заговорила она, но тут сзади раздалось негромкое мужское покашливание. И мать замерла, разомкнула объятия и сделала несколько неуверенных шагов назад, глядя так, будто прощается со мной.

– Что происходит? – желание сбежать из этой пугающей комнаты накрыло меня с головой, так что усилием воли мне пришлось его подавить. Только сжала руки, так сильно, что ногти впились в ладони. Мимолетная боль ослепила, но в то же время отрезвила.

– Дорогая внучка, – вместо мамы заговорил кэрр Адегельский, подходя ближе и цепляя фальшивую доброжелательную улыбку. – В

свете случившегося на Равновесии мы с твоей мамой обсудили варианты твоего будущего. И пришли к выводу, что как дочь кэрры Винцель ты не сможешь занять достойное положение в обществе. Более того, цвет твоих крыльев привлечет много алчных охотников за редкостями. И тебе, и твоим близким могут нанести вред. И, как Винцель, без крепкого тыла вы не сможете позаботиться друг о друге.

Сердце у меня ушло. Я перевожу взгляд на маму и вижу – она не решает, а следует за ним.

– Что вы предлагаете? – спрашиваю я холодно. Человек, прежде не вызывавший никаких чувств, вмиг опротивел мне и стал похож на слизняка.

– Я вижу идеальный вариант, который даст всей твоей семье прекрасное будущее, – невозмутимо продолжал кэрр, подходя ближе и кладя руку на мое плечо. – Ты выйдешь замуж за Тьена и станешь кэррой Адегельской. Останешься в столице, будешь купаться в роскоши. А там... как сложится. Твоя сестра уже помолвлена с Деяном, так что и она не будет одинокой, а если твой брат Кристан не получит стипендию, наша семья оплатит его обучение. А твоя мама получит солидное содержание и опытных управляющих, чтобы долина Винцель приобрела устойчивое положение. Связи моего дома велики – мы найдем, что сможет предложить долина королевству, и сделаем это выгодным. Видишь? Все складывается одно к одному, не находишь? – Его улыбка стала еще более медоточивой, но слова звучали жестко, утвердительно, подавляюще, а рука тяжелела с каждым мгновением.

Я высвободилась, подошла к маме и схватила ее за руки.

– Мам? О чем он говорит? Ты согласна с этим? – заметив, что она собирается кивнуть, я воскликнула: – Но ведь так нельзя! А как же слияние? Я не люблю Тьена, а он не любит меня! В таком союзе не будет детей. Не будет счастья! – Голос мой сорвался, когда я увидела, что слова доходят до матери, но она с болью пропускает их мимо ушей.

Позади меня встал Брошин и вновь положил руки на мои плечи.

– Стерпится – слюбится. Есть разные тропинки к счастью. Мы найдем их. Вместе. Как семья, – дед наклоняется и шепчет прямо в ухо: – А если не согласна, вспомни, что твоя сестра теперь Адегельская. Я вершу ее судьбу. Захочу – выдам замуж и осыплю золотом и серебром, а нет – заточу в башне замужем за стариком, и она

никогда не взлетит, не увидит счастья, – он отстранился и встал рядом с матерью. – Что решишь, Селеста? Объявим на балу о помолвке?

Рука сама потянулась к фамильному ожерелью. Я сжала крупный камень и перевернула его, показывая маме сердце.

– О, святая Клэрия, – испуганно прошептала Алиста, во все глаза смотря на яркий зеленый камушек. – Кто? Как?..

– Что это значит? – злобно спросил Брошин, хватая мать за запястье.

– Я прошла слияние с кэрром Артаном Гадельером, – ответила я, недобро глядя в глаза деда. – Мое счастье – маршал Каргатского королевства. Лучший друг короля.

– Ох, недооценил я тебя, девчонка, – процедил он в ответ, с ненавистью глядя на украшение. – Ставки повышаются, не так ли? Но суть не меняется. Что ты предпочтешь – свое счастье или сестры? Она уже моя, независимо от того, кем будет твой муж. И твоя мать не даст разрешения на этот брак.

– Мама? – с мольбой обратилась я к ней.

– Да, кэрра Алиста, кого ты выберешь – Селесту или Калисту? И помни, выбирая Калисту, ты дашь благополучие и Селесте, и Кристану.

Мама замаялась. Она и так стояла как воды в рот набрав, а теперь имела совсем жалкий вид. Нервно комкая ткань платья, глазами, полными слез, смотрела себе под ноги. А я вспоминала нашу поездку в столицу и уже знала, что она скажет.

– Прости, Сэлли, – вымученно ответила поникшая женщина. Она отвернулась, вытирая слезы, и отошла к окну. Я подавила ответные слезы и уставилась на Брошина, загородившего от меня мать.

– Вы рискнете связываться с Артаном? – спрашиваю я с отчаянием, настолько тяжело оказалось предательство матери.

– А кто он такой? Мальчишка. Король играет с ним в дружбу, но, когда дойдет до дела, он обратится к тем, кто поколениями служил короне. К проверенным воинам, а не к приبلудным щенкам. Так что – да. И король не станет вмешиваться в наши отношения. Дела семейные, – с иронией закончил он. Видя мое поражение, дед смягчился. – Ну что ты ерепенишься, милая? Так уж ужасное я тебе предлагаю! Всего лишь договорной брак. Обещаю, если сама не захочешь, даже спать с Тьеном не придется. Детей от этого брака я не жду. Мне нужны... твои *иные* таланты, – он вновь потянулся ко мне,

дотронулся до лица и смахнул со щеки слезу. – Обещаю, больно не будет. Наоборот, увидишь, что в мире есть более интересные вещи, чем любовь.

– И что это?

– Власть, прелестная кэрра. Власть намного лучше любви. Ты это поймешь, – и он несвойственным для себя жестом прижал меня к себе, а я увидела, как отсутствующе наблюдает за нами мама. Она уже попрощалась со мной. Приняла свою слабость и ждала лишь окончания этого Равновесия.

* * *

При подходе к бальному залу нас нагнали остальные члены рода – Тьен с Деяном и сияющая Калиста. При виде меня ее улыбка немного померкла, но сестра сохранила присутствие духа. Еще бы, новоявленные родственники не поскупились и нарядили ее в роскошное черное платье, прошитое серебряными нитками. Я на ее фоне выглядела нищенкой.

Она ступала под ручку с Деяном, и вместе они выглядели идеальной парой. Высокие, худые, в прекрасных нарядах и с одинаковым высокомерным выражением лиц.

Теперь я вижу, что сестра не просто отдалилась от меня. Утром порвалась наша нить близнецов, ее крылья окрасились серебром, а к вечеру в каштановых, прекрасно уложенных волосах на самом видном месте проявились серебристые пряди, как у настоящей представительницы дома Адегельских. Теперь она одна из них и больше не нуждается в моей поддержке.

– Роскошно, просто роскошно! – удовлетворенно заявил Брошин, который оказался у меня за спиной и подталкивал меня к Тьену, с вежливым интересом оглядывающему меня.

– Рад встрече, кэрра Селеста, – доброжелательно заявил он, целуя мою руку, а я вздрогнула, будто меня поцеловало привидение. Вся эта семейка вызывала ассоциации скорее со змеями, чем с драконами. И удивительно, что мой отец оказался совсем не похожим на них. Он был добрым и честным, не то что *эти*...

– Аналогично, – отвечаю я сухо, позволяя Тьену взять себя под руку. От неприятного соседства немилосердно жгло яремную ямку, там, где кожи касался камешек Артана. Я старалась держаться как можно дальше, но Тьен цепко сжимал мой локоть, так что я чувствовала его холодное дыхание, когда он склонял голову ко мне, словно намереваясь что-то сказать.

– Здорово, что наша семья объединяется! Поначалу столица выглядела чуждым недружелюбным местом. Я счастлива, что это оказалось не так и мы нашли родных так далеко от дома, – и Кали очаровательно улыбнулась, подставляя щеку под поцелуй Деяна.

– А я рад найти тебя, – с нежностью отвечает он.

Мама молчит. Она будто язык проглотила с того момента, как мы вышли из комнаты. Улыбка пытается раскрыться на устах, но срывается в гримасу сожаления. Мама идет под руку с Брошином, опустив голову и стараясь быть как можно менее заметной. От этого щемит сердце, но я не знаю, как помочь.

Мы приблизились к бальной зале, к тому самому подиуму, где вчера нас представляли всему цвету аристократии. Тогда было очень страшно, но я даже представить себе не могла, чем обернется мой страх. Я не испытала облегчения, когда раскрылась тайна цвета моих крыльев, наоборот, – стало еще хуже. Непроизвольно я сжала руку Тьена, замедляя шаг. Я знала, что как только мы переступим порог, идя следом за другими драконами, герольд объявит каждого из нас, и начнется обратный отсчет до королевской речи о Равновесии невест, после которой семьи объявят о договорных браках. До этого момента я принадлежу себе. После – моя судьба решена.

– С тобой все в порядке? – тихо спрашивает Тьен, наклоняясь ближе, чтобы остальные не услышали. – Если хочешь, мы можем задержаться. Ты так бледна.

– Все хорошо, – я мотнула головой, высвобождаясь. Еще не хватало идти в зал под ручку с Тьеном. Это как досрочное объявление о помолвке.

И все-таки он поддался моему желанию и замедлил шаг, увеличивая дистанцию от остальных.

– Селеста, я знаю о планах деда. И знаю, что ты будешь счастлива только в браке по любви. И... если ты не хочешь – просто скажи. Я найду способ вразумить его.

Я с удивлением уставилась на собеседника. По правде говоря, я совершенно не ожидала найти поддержку в лице Адегельского. Он был красив, будто вышел из старых богов, и черты лица словно высечены из мрамора. А глаза не такие, как у старшего брата, в них было больше... человеческого, что ли. Доброго. Да, я вижу его всего второй раз, и заранее считать всех серебряных врагами неправильно, но именно так я стала думать, когда узнала, что сестра предала род ради их дома. А теперь получается, что и среди сереброкрылых есть хорошие парни.

– Не получится, – ответила я так же тихо, печально улыбнувшись. – Белые крылья – слишком привлекательный приз, чтобы отказаться так просто. Не ты, так другого твой дед найдет в доме. И все равно получит свое.

Парень наклонил голову, поджав губы.

– Я приму и помогу исполнить любое твоё решение. Даже... если оно не будет связано с... Каргатским королевством, – со значением проговорил он, взглядом пытаясь раскрыть скрытый смысл слов.

Побег. И он явно знает, что мне есть куда бежать. Вот только не знает, что эльфы могут оказаться еще худшим вариантом, чем его семейство. Хотя... я и в этом не уверена. Как не уверена ни в чем с тех пор, как попала в столицу.

Поудобнее перехватив его локоть, я изобразила самую обворожительную улыбку:

– Идем, не будем создавать очередь на входе.

* * *

Всего пара встреч с королем, а я уже читаю нориус как отражение его эмоций. Мой наряд и появление в обществе Адегельских не остались незамеченными. Он этим недоволен. Да так, что тьма взлетала вертикально вверх, а после бросалась вниз, задевая ближайших подданных, отчего те морщились как от холода.

В пестром и ярком зале, под светом магических желто-песочных сфер, летающих вдоль потолка, собрался весь цвет каргатской аристократии. Разодетые в роскошные наряды, с вежливыми обманчивыми улыбками, наполнявшие негромкими голоса по-

весеннему украшенную бальную комнату. Небольшой оркестр играл легкую ненавязчивую мелодию, а официанты в черных строгих костюмах сновали меж гостей, разнося игристые вина и тарелки с закусками. Вдоль стен также разместили широкие фуршетные столы, поставили небольшие ширмы и раскрыли балконные двери, чтобы гости могли уединиться.

Наше появление вызвало бурный интерес. Все внимание сосредоточилось на мне, и шум, на мгновение исчезнувший, усилился. Из уст в уста передавали сплетни обо мне и чуть ли не тыкали в меня пальцами. Тьен уверенно вел меня, и я не слышала, что они говорили, – от биения сердца в ушах звуки мешались в вязкую кашу. Не будь рядом партнера, я упала бы со ступенек, а так спокойно спустилась вниз и вроде даже улыбаться не перестала.

Тьен, будто чувствуя мое настроение, увел меня от остальных членов семьи, чтобы не приходилось выдерживать натиск множества любопытных знакомых деда. Так к нам не рисковали приближаться. Многих останавливал его высокомерный взгляд и серебро в волосах. Адегельские имели вес в обществе, и сейчас это чувствовалось острее.

Я поискала глазами Артана и увидела его возле родственников. Он обсуждал что-то с обеспокоенным видом, но, заметив мой взгляд, удивленно вздернул брови. Я виновато пожала плечами и мотнула головой. А Тьен, почувствовав чужой недобрый взгляд, хотел было увести меня, когда мы неожиданно услышали мелодичный женский голос:

– Вы, должно быть, та самая белая драконица, не так ли?

Перед нами возникла прелестная рыженькая особа с тонкими чертами лица и до синевы прозрачной кожей. На ней красовалось совсем простое белое платье из странного тягучего материала, словно сотканного из миллионов мельчайших пайеток, имеющее на свету перламутровый оттенок. Рядом с ней, но чуть поодаль, стояли двое мужчин в похожих костюмах, облегающих их как вторая кожа. Они чем-то неувлимо напоминали ее, но вели себя как телохранители.

– Позвольте представиться, – мягко добавила она, видя наше недоумение. – Мое имя – принцесса Сэлавелия, я дочь подводного короля Агондария, наследница Вольных морей и океанов. – Говоря, она с наслаждением смотрела, как вытягиваются наши лица.

– Ваше Высочество, – я первой опомнилась и сделала глубокий реверанс. Тьен последовал моему примеру, также склонившись перед принцессой.

– Я хотела бы с вами, дорогая Селеста, поговорить наедине, – и она окатила льдом моего спутника, а ее сопровождающие сделали шаг вперед. – Ваш король не против, так что...

Тьен замешкался, словно действительно боялся оставить меня наедине с принцессой-русалкой, но все-таки отступил, а позже его окончательно оттеснила охрана Сэлавелии.

– Пройдемся? – без прежнего пиетета обратилась ко мне девушка. Не дожидаясь моего согласия, она подхватила меня под руку и уверенно повела к столику с закусками. Ее охрана встала спереди и сзади, выступая мощным щитом на пути всякого, кто захотел бы приблизиться. Они же распугали стайку молодых придворных, шушукающих за ширмой в углу, так что возле выбранного принцессой столика никого не осталось. Она удовлетворенно кивнула, видя, что никто нас не подслушает, взяла с одной из тарелок маленькую тарталетку и ловко запустила в рот, медленно пережевывая ее и пристально разглядывая меня.

– Ваша Высочество, вы что-то хотите? – спросила я с напряжением, буквально чувствуя острый взгляд короля, от которого не укрылся маневр принцессы.

– Узнать тебя, Сэлли. Можно к тебе так обращаться? Здорово, что даже наши имена похожи. Зови меня Сэла, – невинно заговорила русалка, подхватывая со стола бокал с виноградным соком. Она с интересом изучала предложенные закуски, выбирая, что бы еще съесть. – В моем мире есть множество легенд о белых драконицах. Так что я была удивлена, когда узнала, что в вашем мире о них вообще почти ничего неизвестно. Даже тот простой факт, что альбиносами рождаются только девочки, – с иронией в голосе добавила она.

– Здорово. Интересная информация. Но к чему вы ведете? – меня уже начала раздражать ее непринужденность. А от взгляда короля немилосердно чесалась спина, и я никак не могла унять противный зуд.

– В Подводном мире, дорогая Сэлли, к белокрылым относятся с уважением, зная, на что они способны, – туманно заговорила рыжая, возвращая на стол пустой бокал. – Сила, сравнимая с божественной

силой, – девушка скосила глаза на короля и облизнула губы. – Баланс и равновесие эпохи, – совсем загадочно добавила она. – Под водой уважают такие способности. И ценят. Не разбрасываются попусту ради дешевых интриг, – со значением сказала русалка, наклоняясь ко мне так близко, что я смогла сквозь пряные духи ощутить исходящий от нее запах свежей рыбы. – Скажи мне, Селеста, у тебя есть здесь верные и преданные друзья, которые придут тебе на помощь, несмотря ни на что?..

Я все никак не могла сообразить, что ей ответить. Чего она хочет от меня? В словах принцессы я слышала иносказательную речь короля. Все те же угрозы и предложения, которые исходили от него. И это пугало. Действительно пугало, потому что я чувствовала, что русалка говорит все это не просто так. Она не врет. И уж точно не собирается отступить. Она совсем как король или Брошин Адегельский. Еще один игрок в игре, где победитель получает глупого белого дракона.

– Я вас поняла, – говорю я сухо. – И если мне будет что ответить, то я найду способ с вами связаться.

– Не спеши, – она поняла мой настрой, и ее вкрадчивый голос сгладилась. – Но и не медли. Я пробуду в гостях совсем мало дней. Дольше король не вытерпит моего общества.

«Да он с радостью прямо сейчас вышвырнул бы тебя куда подальше», – подумала я, замечая змеиного нориуса, вьющегося как лоза по стене над нашими головами.

– Внимание! – звучный голос герольда остановил музыку, и придворные смолкли, обернувшись к королевскому трону. – Говорит Его Королевское Величество Никлос Каргатский!

Тут в зале материализовалась новая партия официантов с подносами черного шампанского. Они заскользили между аристократами, раздавая драгоценный напиток, открываемый только по особым случаям. Как рассказывала Паули, его достают раз в двадцать-тридцать, а то и в пятьдесят лет, когда рождаются или женятся черные короли. Словом, обычное Равновесие не должно было стать поводом для того, чтобы откупорить бутылки.

Официант остановился перед нами, но бокал взяла только я. Сэлавелия предпочла безалкогольный сок и явно не собиралась пить драконий напиток.

Никлос поднялся с места с бокалом в руках. Он ненадолго замер, оглядывая зал и дожидаясь полной концентрации внимания своих гостей.

– Дорогие подданные. Блистательные представители высшего света нашего великого Каргатского королевства. Сегодня особенный день. Каждый год в день весеннего равноденствия мы приветствуем наших прелестных молодых невест, готовых вступить в новую эру. Для каждой он останется в памяти как самый волнующий, самый особенный день в их жизни, – король сделал небольшую паузу. – И я рад, что с годами наши девушки становятся только сильнее и краше. А этот год – особенный. В наших рядах появились прелестные драконицы, те, кто сразу приняли свою вторую суть, те, кто способны дышать огнем, и те, кто с первого раза идеально исполнили полет дракона. Я поднимаю этот тост за вас! – еще одна многозначительная пауза, и взгляд останавливается на мне, скромно стоящей в углу зала. Я чувствовала, как многие аристократы проследили за ним и также уставились на меня.

– Но не только выдающимися талантами одарила нас эта весна. В этом году нас посетило редкое чудо. Проявилась белоснежная драконица. Истинное счастье нашей великой родины, – он не сводит с меня глаз, а я плотнее обхватываю золотистую ножку бокала, краснея с ног до головы. – Это послание для всех нас – королевство входит в золотую эпоху. И я вижу в этом знаке отражение века Просвещения. Возрождения магических наук. Доступности образования для всех жителей нашего королевства. Это награда за наши старания. Символ удачи. Но... в то же время это простая драконица. Девушка, которая не выбирала белых крыльев, а хотела простой судьбы невесты. Пожалуйста, не забывайте об этом, – с обманчивой мягкостью добавил король. – Не забывайте в своих попытках прикоснуться к счастью, как больно это может ее ранить. И помните, что того, кто обидит чудо, ждет век проклятий, – холодно закончил он, тяжелым взглядом награждая глав семейств, в особенности невозмутимого Брошина Адегельского, обнимавшего за талию мою мать.

Напряжение рассеялось не сразу, и когда король неожиданно улыбнулся, поднимая бокал, за ним последовали не все.

– Так давайте же выпьем за столь чудесное Равновесие, случившееся в этом году! Выпьем за всех наших прелестных невест!

Да будет их жизнь наполнена счастьем! Клэрат! Клэрат! Клэрат! – громко прокричал тройной тост Никлос Каргатский. Ему вторили из всех уголков зала, залпом выпивая нежный, игристый напиток, что на вкус как черника с ежевикой и маленькими уколами счастья. Я даже немного прослезилась от шипучего привкуса на языке.

Алкоголь мягко прошелся от горла до желудка, разлившись приятной остротой в мыслях. Я огляделась и заметила неугасающее внимание к моей фигуре. Заметила острый взгляд Брошина. Ощутила игривое любопытство принцессы. Тревожное переживание Артана. Настороженное внимание сестры. Только мама не смотрела на меня, пригвожденная к месту тяжелой рукой свекра. Он что-то напористо говорил ей на ухо, отчего она ниже клонила голову.

– Время вышло, – прошептала я едва слышно, ставя пустой бокал на стол.

– Что? – переспросила принцесса, но я не стала отвечать.

Сжав руки в кулаки, сделала глубокий вдох. Если я не решу, то решат за меня. И прямая, как стрела, двинулась к королю, а подданные лишь безмолвно расступались передо мной в стороны. Остановившись внизу королевской лестницы, я сделала глубочайший реверанс. Дождавшись внимания и тишины, заговорила громко, чеканя слова:

– Ваше Величество, правом, дарованным цветом крыльев, прошу вас дать разрешение покинуть родовой дом. – Договорив фразу до конца, я подняла голову и распрямилась.

– И в какой дом ты хочешь перейти, коль цвет твоих крыльев белый? Можешь выбрать любой.

Я не сразу поняла, зачем король так сделал, но, обернувшись, увидела, как главы домов выступили вперед. И услышала их громкие голоса, наперебой предлагающие кров и защиту для белокрылой. Я многое поняла в этот момент. И приняла единственное решение, в котором был хоть какой-то смысл.

– Ваше Величество, – обратилась я к Никлосу, – я прошу взять меня под протекцию короны.

Минуту он держал паузу. Очень долго для звенящей тишины, надвигающейся со всех сторон. Король наказывал меня за нерешительность.

– Ваше желание, кэрра, исполнено, – ответил он, вставая с трона и спускаясь ко мне. Никлос взял меня за руки и добавил: – Отныне вы

будете именоваться кэрра Селеста Каргат, подопечная Каргатской короны под защитой Каргатского короля Никлоса Каргатского.

Глава 10

И пробежала черная кошка

Артан

До бала оставалось совсем немного времени, поэтому Артан решил навестить наставника, который в силу преклонного возраста очень редко посещал общественные мероприятия, предпочитая наслаждаться садоводством. Давным-давно Рупер Свенский покинул свой род и перебрался в королевский дворец. Теперь его можно найти в библиотеке или в оранжерее. Вышедший в отставку маршал, не имевший жены и детей, предпочитал вести уединенный образ жизни в специальной должности главного дворцового садовника. Он писал мемуары о войне с песчаными демонами, иногда выступал с лекциями в Военной академии, временами навещал родственников и почти никогда не покидал столицу.

Артан нашел его в восточной части оранжереи, среди колючих растений с жаркого континента. Седовласый мужчина в полосатом теплом халате и домашних тапочках уместился за небольшим столиком на скрипучем стуле. При желтом свете магической лампы он под лупой изучал маленькое зеленое растение, формой напоминавшее кувшинку.

– Кэрр Рупер? – проговорил бывший ученик, и старик поднял голову. В светло-серых глазах не сразу зажегся огонек узнавания, настолько глубоко он погрузился в свое занятие.

– Арт? Мальчик мой! Давно тебя не видел, – заулыбался мужчина, пожимая руку подошедшему ученику. – А я тут, как видишь, делом занят. Любопытнейшее растение привезли на днях, и название такое интересное – суккулента! А конкретно – каменная роза. Красиво, не правда ли?

Молодого маршала не интересовала растительная экзотика, но он выслушал наставника и даже задал несколько вопросов, чтобы поддержать беседу. Разговаривая, они вышли к западной части зимнего сада и оказались у небольшого озера с фонтанами и водопадами, которые создавали прекрасную среду для тропических цветов и

растений. Здесь было тихо, только раздавалось журчание ручейков да негромкое пение вечерних птиц под высоким застекленным потолком.

Собеседники остановились около небольшого каменного грота, внутри которого располагались удобные лавочки, покрытые подушками и пледами.

Артан помог старику опуститься на скамейку, а сам зажег небольшую лампу под потолком и уселся рядом. Рупер некоторое время молчал, вглядываясь в темноту сада, освещенного лишь маленькими светильниками, а затем спросил:

– Сегодня особенный день, мой дорогой ученик. И ты не просто так пришел навестить бывшего маршала. Слышал, Равновесие прошло феерично. Белокрылая девица взлетела в небеса. Чудо чудное, – бывший маршал размял затекшую шею, искоса поглядывая на молчаливого Артана. – Что беспокоит тебя?

Вместо ответа Арт вытянул из-под рубашки фамильный медальон и раскрыл его, продемонстрировав пустую нишу.

– Мой мальчик, тебя можно поздравить? – Рупер не сразу вспомнил, что это значит, а как осознал, просиял от счастья. Он относился к Артану как к сыну и новость о слиянии – бальзам на старое сердце. – Кто же та девушка, что осчастливила тебя?

Закрыв украшение и вернув его на место, Арт сцепил пальцы на коленях, безучастно уставившись перед собой.

– Это кэрра Селеста Винцель, – негромко ответил он.

– Подожди, а разве не... о-о, – сообразил старик, теперь понимая, в чем сложность. Он нахмурился и решительно вытащил из кармана халата небольшую трубку с пакетом табака. Закурив, выпустил сизую струю дыма. – А без нее никак?

Арт закашлялся, подавившись слюной, и обескураженно уставился на вернувшего себе невозмутимость Рупера. Он потянулся забрать трубку у пожилого наставника, но, наткнувшись на взгляд с прищуром, оставил эту затею. В конце концов, сам он такой же. Следовал за своим кумиром во всем, и точно так же пристрастился к куреву.

– Вообще не вариант. Я когда-то рассказывал о слиянии. Это то, от чего нельзя уйти. В момент сияния соприкоснулись наши души. Мы чувствуем друг друга на расстоянии. И будем тянуться друг к другу и искать встречи. Другие отношения никогда не сравнятся с этими. Не

заменяет, не заглушат чувство дома в сердце, когда возлюбленная рядом. С годами чувства становятся сильнее, а когда один умирает, второй ощущает себя лишь половинкой целого и вряд ли сможет вновь полюбить. Слияние – это навсегда. Ни с чем не сравнимое ощущение, – Артан приложил руку к груди, ему казалось, будто по венам бегут маленькие букашки, настолько пьянящим было это чувство. Закрывая глаза, он видел ее. Слышал нежный голос и смех, чувствовал запах полевых цветов, мягкость губ и ласку рук. Его буквально тянуло на северную сторону дворца, и он видел сияние сквозь плотно прикрытые веки.

– О, мальчик мой, ты попал, – тяжело вздохнул Рупер, видя, как изменился благодушный весельчак Артан. Под маской души компании в действительности скрывалась замкнутая натура.

Когда-то Артан сбежал от равнодушия отца в столицу. Здесь у него не было ни друзей, ни родных, а только рекомендательная записка от одного старого соглядатая тогдашнего шефа тайной полиции Андрэ Грацбургского. Парень «поработал» на эту организацию и получил возможность обучаться в Военной академии. Именно такая самостоятельность, пробивной характер, упорство и недюжинные способности привлекли внимание маршала, и он сделал из парня своего адъютанта.

Арт стал для Рупера больше чем просто личный помощник. Для бездетного мужчины он превратился в сына, а сам Рупер стал мальчику отцом. Парень так и не простил родного отца и долгое время вообще не навещал долину Гадельер. Эта оторванность от родины, от привычных традиций и склада жизни привела к раздвоению личности парня. У него было много знакомых и приятелей, но, кроме Никлоса, не было друзей. Как раз поэтому они так и спелись. Родственные души.

А теперь молодой мужчина менялся на глазах. Появился еще один человек в личном круге. Перемены пойдут на пользу, но белокрылая... Это проблема, большая проблема.

– Вы не будете счастливы, Арт, – заговорил Рупер, понимая, что мальчика нужно спустить с небес на землю. Старик откинулся назад, опустил трубку и провел носовым платком по пересохшим губам.

– Я один из самых старых жителей столицы, мне почти сто пятьдесят лет. И я многое помню. Например, историю о последней

белокрылой драконице. Она была родом из Сатуральских долин, и звали ее – Алесса. По лицу вижу – тебе знакомо это имя. Но знаешь ли ты, как это было? Знаешь ли, что король Класарий влюбился в нее до такой степени, что сила нориуса, живущая в его венах, усилилась во сто крат, позволяя ломать скалы, будто они сделаны из стекла? – старик замолчал, вновь раскуривая потухшую трубку. – Вижу, не понимаешь, о чем я говорю. Так объясню по-другому. Белокрылая драконица связана с черным драконом. В преданиях говорят, что именно эта связь послужила истоком возникновения Равновесия невест. День, когда черный встречает белую. День, когда увеличивается сила черного дракона...

Артан внимательно слушал пожилого учителя. Неприятное чувство поселилось в его сердце, умело раздуваемое словами бывшего маршала. Старик знал, как правильно донести до ученика, что того ждет.

– Пойми, Арт, с того момента, как крылья Селесты окрасились белым, она превратилась в магнит для каждого, кто мечтает о власти. В ней самой заключена великая сила, раскрывающаяся рядом с черным королем. Твои чувства – ничто по сравнению с тем, что ее ждет и какой она станет рядом с Никлосом. Добела горящая драконица, – старик осекся, вспомнив, с кем говорит. Друг короля. Но слушает так внимательно и с таким напряжением, что Рупер решил досказать все, что смог вспомнить.

– Алесса дотла сгорела на глазах мужа почти сразу после рождения сына. Такова была сила любви Класария. Любовь и ненависть – что синонимы. Селесте не избежать этой же участи.

– Что за история? Почему ты думаешь, что с нами произойдет нечто подобное? Я не Класарий, я на такое не способен! – неправильно истолковал слова учителя Артан. Он резко поднялся, встал у лестницы и вгляделся в темноту сада, чтобы успокоиться.

– С чего ты взял, что это про тебя? – старик нахмурился, сообразив, что пересек черту. Зачем вносить смуту в дружеские отношения? Зачем Арту знать, на что действительно способны Каргатские короли?

– Вот что, мой мальчик. Если без нее – никак, то бери ее в охапку и беги домой, и как можно скорее! Подальше от дворцовых интриг, – решительно заговорил он и протянул руки, чтобы ученик помог

подняться. Используя как опору плечо Артана и кряхтя, старик встал, прикрыв глаза от легкого головокружения.

Недолго оставалось жить пожилому дракону. Годы брали свое, а впереди шаг за грань, где его дожидались погибшие в бою или в игре со старостью боевые товарищи и верные друзья. В этом мире его держали только непутевые родственники по дому да единственная отрада – Артан Гадельер.

– Артан, ты умный парень. Но дворцовые интриги – не для тебя. Ты хорош в военной тактике, но не способен увидеть, как хитрецы манипулируют двором ради собственной выгоды, – осторожно продолжал Рупер Свенский, щурясь в скудном свете и пытаясь разглядеть лицо Артана. – Поэтому уезжайте. Бегите в Сатуральские долины под защиту родных гор. Надеюсь, там до вас не доберутся. – Рупер убрал руку с плеча Артана и стал самостоятельно подниматься по ступенькам, используя как опоры выступы в стене.

Артан остался стоять на месте, задумчиво разглядывая спину сгорбившегося старика. Он не понимал, что хотел сказать Рупер, но по глазам видел – учитель переживает за будущее ученика и его возлюбленной. А значит, стоит прислушаться и поступить так, как тот советует.

Рупер Свенский был очень старым драконом. Его память, некогда безупречная и точная, все чаще терялась в дымке разрозненных мыслей. Вот и сейчас он посветлел лицом, забыв о тяжелых думах, и с улыбкой обратился к бывшему ученику:

– А какие цветы любит твоя девочка, Артан? Розы, астры, мимозы или что-нибудь более экзотичное?..

* * *

После непростого разговора с наставником Арт почти на автомате переоделся в праздничный темно-серый костюм: военный мундир с погонами, парадные брюки и блестящие ботинки. Вместе с фамильным медальоном он также надел королевские награды. Это официальный бал, здесь нужно быть при параде.

Нехорошее предчувствие поселилось в его сердце. Он колебался, и время уходило сквозь пальцы. В мыслях обращался к иным

решениям, иным поступкам. Надо было действовать по-другому, быстро и твердо. Сразу идти с Селестой к ее матери. Разговор с Рупером показал, насколько все непросто.

В зале Артан с семьей появился одним из первых. Дежурные приветствия, пустая болтовня ни о чем... Он все время тянулся взглядом к раскрытым дверям, ожидая появления Селесты. И когда это случилось, сердце предательски екнуло. Ей было страшно, и он это чувствовал.

Арт видел свою красавицу в окружении родственников, в родовых цветах, и понимал – Адегельский что-то задумал. Арт видел, как мужчина хищно следил за Селестой, как Алиста отмалчивалась, пряча глаза, даже не пытаясь посмотреть на дочь. Как странно близко все время был Тьен, младший из Адегельских. Предчувствие беды усилилось.

Арт собирался подойти и все выяснить, но девушка взглядом остановила его. Сжала камешек на груди. Она шла по залу как по кипящей лаве, осторожно ступая среди аристократов. Присутствие Тьена отпугивало многих, но подводная принцесса не из их числа, она ловко увела Селесту подальше от любопытствующих и заняла беседой.

– Арт, где ты витаешь? – раздраженно воскликнула Трана Гадельер, его властная сестра.

Женщина, родившая шестерых детей и старшая из пятерых Гадельеров, обладательница внушительного бюста и густой каштановой шевелюры с проседью, считалась праматерью их семейства после почившей маменьки. Она была замужем за Вартом Гадельером, который вошел в род из боковой ветви дома и успешно возглавил всех Гадельеров, взяв на себя обязанности отца Артана – Сверта, отошедшего от дел.

Артан любил родных. Но на расстоянии. Так как общий сбор всегда приносил смуту и слишком много просьб и предложений от нынешней главной четы Зеленого дома. Уж больно Варт оказался деятельным и прогрессивным в своем стремлении выйти за пределы Сатуральских долин и закрепиться в столице. Трана была ему под стать.

– Прости, дорогая, много дел. Ты что-то хотела? – переспросил он, обернувшись к сестре.

– Я хочу, чтобы ты больше времени проводил с семьей, – упорствовала она, а стоящий рядом племянник Клост усиленно закивал головой. Парнишке было всего пятнадцать, и он отчаянно желал остаться в столице рядом с обожаемым дядей Артом и братом Вестом, который в этом году поступал в Военную академию.

– Мы видимся каждый день, куда уж чаще? – проворчал он, перехватывая у слуги бокал с темно-красным напитком под недовольным взглядом сестры. Она головой указала на молодого Клоста, который явно был не против отведать вина. Арт усмехнулся и демонстративно ополовинил бокал. Он встретился глазами с Никлосом, который иронично приподнял правую бровь, и улыбнулся еще шире. – Кстати, а куда делась Мирта? Сегодня ее триумф! Разве она не должна блистать в центре зала?

– Бедняжка заболела. Мне передали патронессы невест, что после полета такое бывает, – мать явно была этим недовольна, но больше беспокоилась о здоровье дочери.

– Мам, не переживай. Сестренка сильная, завтра уже будет на ногах. Нам же сказали, что так бывает, если драконица обратится слишком быстро. А сестра с ходу натянула вторую шкуру! И потом повторила маневр для короля! Неудивительно, что она ослабла, – рассудительно заговорил Клост. Парень стремился походить на Артана, поэтому копировал его интонации и манеру разговора. Внешне он еще был худым и нескладным, но к двадцати обещал стать таким же крупным, как старшие братья и дяди.

– Жалко. Будут еще празднества, но Равновесие только раз в жизни бывает, – с сожалением констатировал Артан.

– А такое, как это, вообще уникальное! – переключилась Трана на самую главную тему вечера. – Ты ведь говорил с ней, этой белой драконицей? Она ведь из Винцелей, да? Это семейство такое странное, вроде мы все в одном доме, но они всегда стоят особняком. Интересно, что будет дальше?..

Молодой маршал внимательно посмотрел на сестру, собираясь поделиться с ней новостью, но не успел. Им под нос сунули бокалы с черным шампанским, вызвав громкий восторженный выдох Клоста. Трана не стала противиться, все-таки такое дорогое вино не каждому удается отведать. И король начал говорить.

Селесту увели из зала сразу после сенсационного заявления. Изумленный Арт хотел последовать за ней, но его остановил король.

– Останься со мной, – приказал он. – Позже поговорим.

И маршалу пришлось подчиниться. Весь остаток вечера он провел как на иголках, пытаясь понять, что случилось.

У них был план. Простой и идеальный. Не замешанный ни на какой интриге, абсолютная истина для любого зеленого дракона. Слияние. Это то, с чем нельзя спорить. Что же пошло не так?

Арт видел, что кэрр Адегельский был буквально в ярости. Видел, что Тьен почему-то воодушевлен случившимся. Что Алиста в шоке, а Калиста застыла и побелела, и непонятно – то ли от страха, то ли от удивления. Странная смесь эмоций поставила перед ним занимательную задачу, но больше всего его интересовало: да как вообще такое произошло?

И только Никлос сидел на своем троне, загадочно улыбаясь. Во время танцев он охотно спускался с королевской лестницы, танцевал с невестами, несколько раз кружился по залу с принцессой, которой явно больше не нравилось общество короля, но которая не могла ему отказать. Никлос получал удовольствие от вечера. Счастливее него была разве только Кирнан, которой он подарил больше парных танцев, чем остальным невестам.

А вот Артан отклонил все приглашения, за исключением сестринского. Не мог отказать любопытной Тране, как не мог и удовлетворить ее любопытства.

Только глубокой ночью он и Никлос остались вдвоем в гостиной. Перед ними разложена шахматная доска, расставлены фигуры, но партия не начинается. Арт ждет, когда король объяснится.

– Я знаю, что ты и Селеста обрели друг друга, – флегматично заговорил Никлос, раскуривая сигару и прикладываясь к стакану с виски. – Прости, но свадьбы не будет.

– Что? – очень тихо спросил Арт, опуская руки на стол и задевая белые фигуры. Опрокинулся ферзь, покатился по ровной поверхности и упал на ковер. Но никто этого не заметил.

– Если бы я знал, что такое возможно! – внезапно разозлился Никлос, скрипнув зубами. Но сумел сдержаться. – Вы не можете

пожениться, пока она не усвоит свою... магию.

– Вот о чем вы говорили! – прозрел Артан, а потом до него дошло: – У Селесты есть магия?

– Именно. И она не менее опасна, чем нориус. Да, Арт, Селеста потенциально может стать сильной, как я. Но ей придется многому научиться, чтобы самой управлять своей жизнью. И начать придется с контроля над собой. Проклятье, Арт... – король вновь завелся, настолько бесило его происходящее. – Ваше слияние – это как масло в огонь. Вокруг девушки и так куча смерчей вьется, а еще это! Когда я впервые обратился и во мне проснулся нориус... Мой друг, я разнес свои комнаты вместе со стенами! Ты об этом не знаешь, мне было всего десять, и ночью мне приснился обычный кошмар. С ней будет хуже.

– И поэтому ты считаешь, нам нельзя быть вместе? – очень тихо переспросил Артан, а в голове все вертелись слова Рупера. Этот маленький недоверчивый червячок влез в его мозг и теперь пожирал доверие к другу.

– Нет, – отмахнулся Ник, возвращаясь к стакану с виски. – Я не дам разрешения на брак, так как под протекцией короны ей безопаснее, чем быть женой маршала Гадельер. Прости, но в мировой политике ты не играешь никакой роли. А на Селесту охотятся уже как минимум эльфы и подводники. Это не считая подлого удара со стороны родных и Брошина Адегельского. Ты знал, что он шантажировал Селесту?

– Как ты узнал об этом?

– Для таких вещей у меня есть Вран и мой секретарь. Кстати, завтра устроим допрос и узнаем, по какой такой причине уважаемая кэрра Астерия Брунцкая решила столкнуть Селесту с площадки. Или ты уже забыл, с чего начался этот замечательный день?

На Артана было больно смотреть. Каждое слово короля все сильнее впечатывало его в кресло. Червяк сдох под гнетом вины. Никлос Каргатский в первую очередь думает о безопасности, а не о всяких глупостях. А он...

Ухватившись за край шахматного столика, Арт поднял с пола ферзя и вернул его на место. Теперь до него стал доходить масштаб происходящего. И он понял: чтобы уберечь любимую, ему придется сделать очень многое.

– Это закончится, когда Селеста обретет полный контроль над ариусом, как я когда-то над нориусом. Только когда она покажет свою силу, от нее отстанут. А чтобы девушку не пытались запутать интригами, она получит соответствующее образование, через которое когда-то прошел я. Благо способности у нее есть. При всей своей неопытности, она прошла по тонкому льду и не провалилась. Она догадалась не делиться моим предложением с Адегельским, и тот не смог этого предвидеть и предотвратить. Теперь все его угрозы обесценились. Даже Калиста, ставшая Адегельской, не пострадает. Она выйдет замуж за Деяна, и они уедут в далекое посольство, где Деян, даже если захочет, не сможет причинить жене вреда. Так что все наладится, Арт. Но потребуется время. Очень много времени.

– Ты мог предупредить. Мог сказать мне, кто она. Тогда я не спешил бы целовать Селесту, а без поцелуя слияние не случилось бы. Сейчас ей было бы намного легче, – с горечью ответил Артан, разглядывая разрозненные белые фигуры на фоне ровных черных рядов.

– Прости. Я никогда не видел слияния. Не знал, что все так быстро происходит.

Арт вскинул голову, по-иному глядя на друга. Внезапно до него дошло, что он не говорил королю о случившемся. И в тот момент поблизости никого не было. Откуда Никлос узнал? Но дракон не стал делиться подозрениями. Он лишь улыбнулся углами губ и кивком головы предложил все-таки сыграть партию в шахматы.

В середине процесса в дверь постучали. На пороге возникли кэрры Вира и Арнел, вдвоем замещавшие арестованную Астерию. За ними следовал один из стражников, но он остался в коридоре, когда женщины вошли внутрь.

– Ваше Величество, – заговорила перепуганная Вира. – Что-то не так с Миртой Гадельер. Мы послали за врачом, но его не было на месте. И... у девушки изо рта идет черный дым.

– Идем, – выпалил король, вскакивая с места и вихрем проносясь мимо патронесс. Арт последовал за ним, пытаясь сообразить, что женщины имели в виду.

Бегущая рядом Арнел договорила все, что уже сообщала ему сестра: днем, во время подготовки к вечернему балу, Мирте стало плохо. Закружилась голова, пришли сонливость и апатия, будто ее

разом все силы покинули. Прибывший доктор констатировал переутомление и слабость от обращения в дракона, прописал постельный режим и обильное питье с кровавым супом. Как сообщила служанка, Мирту вырвало едой спустя минут десять после ужина, а потом она забылась тревожным сном. Девушка осталась при кэрре, ночью проснулась от странных звуков, увидела, что Мирта кашляет черным дымом, перепугалась и побежала за помощью.

– Кто еще, кроме вас двоих и служанки, входил в комнату? – резко спросил король, возглавлявший группу.

– Больше никто, остальные спят, – заикаясь, ответила Арнел. Женщина в ночном халате и с растрепанной косой соображала с трудом, не до конца понимая, с чего такой переполох.

– Пусть так и будет, – приказал Никлос. По его взгляду Артан понял – дела плохи.

На входе в женскую часть дворца их ожидала перепуганная служанка. Девушка ходила взад-вперед, прижав руки к груди. Подойдя, король лишь взглянул на нее, и она упала без сознания, после чего ее подхватил нориус и унес в одну из свободных комнат.

– Никому к ней не входить! – наказал король. – А вы двое, если почувствуете себя дурно, голова закружится или появится кашель, – немедленно сообщите, вам ясно?

Женщины закивали, до смерти напугавшись. Они схватили друг дружку за руки, отодвинулись в сторону и кивком головы указали на злосчастную комнату. Дверь оказалась приоткрыта, и Никлос выругался.

– Арт, стой, где стоишь! – приказал король, поднимая руку.

Виднелась только полоска света из-за двери гостиной, но ни звука не доносилось оттуда. Никлос медленно подошел к входу, потянулся к дверной ручке и замер на пороге. Мужчина осторожно заглянул внутрь и заметил под одеялом темную фигуру, от которой шел тихий, сыпучий как песок, звук дыхания. Король ступил в комнату, плотно закрыв за собой дверь.

Быстрый осмотр помещения подтвердил его опасения. Взмах рукой – и прекрасные черные цветы в вазе осыпались пеплом. Никлос подошел к окнам, раскрыл их нараспашку. И только потом приблизился к больной.

Под одеялом завозились, раздался негромкий кашель, и показалось осунувшееся женское личико.

– Ваше Величество? – едва слышно обратилась к нему Мирта, сонно потирая глаза. В тусклом свете очертания короля терялись, их завлакивал густой черный туман, от которого хотелось кашлять.

– Тише-тише, кэрра, – нежно ответил король, присаживаясь на край постели. Он провел рукой по влажному лбу и поправил одеяло, с грустью глядя на осунувшуюся девушку. – Вы серьезно заболели. Вам нужен покой и свежий воздух. Хотите воды?

Она закивала в ответ, и Никлос наполнил стакан из кувшина на столе. Сев обратно, он помог девушке приподняться и собственноручно напоил водой. К сожалению, это вызвало еще один приступ кашля, и изо рта Мирты вырвался густой дым.

– Что со мной? – опускаясь на кровать, испуганно спросила она.

– Не думайте об этом. Сейчас важно то, чем я могу помочь. Вам станет легче, но, к несчастью, процедура болезненна. Прошу простить, что нет иного способа облегчить ваши страдания. Наберитесь терпения и сил, хорошо? – король вытащил ее руку из-под одеяла и крепко сжал ее.

Дождавшись нерешительного кивка Мирты, он выпустил нориуса, который оплел ее запястье, как змея поднялся выше к груди, а затем заполз в рот, нос и глаза, вынудив девушку выгнуться в мучительном подобии агонии. Только с силой прижав ее к постели, король смог остановить страшную судорогу, от которой она запросто могла сломать позвоночник. Боль прошла каждую клеточку тела девушки, и когда нориус покинул ее, утаскивая за собой длинные полосы черного дыма, она закричала изо всех сил. Крик оказался таким мощным, что лопнули стекла, а Мирта обмякла, погружаясь в глубокий, спокойный сон.

– Что, морвиус побери, здесь происходит?! – заревел Артан, врываясь в комнату. Представшее перед ним зрелище ошеломило маршала, и он прижался к стене, в изумлении глядя на колючий черный шар, вокруг которого летал нориус, сдерживая того внутри себя. Никлос махнул рукой, и эта жуткая конструкция вылетела наружу и скрылась в темноте.

Позади Артана зазвучали новые голоса. От шума проснулись невесты, а Арнел с Вирой, наплевав на собственные страхи,

примчались на крик подопечной и застыли рядом с Артаном.

Король вновь поправил одеяло на Мирте, провел рукой по ее похолодевшему лбу и тяжело поднялся. Он не решался посмотреть в глаза друга, так как знал, что ничего хорошего теперь не будет.

– Подготовьте кэрре Гадельер новые покои. С большими окнами, хорошо проветриваемые. Найдите врача и сиделку. Велите невестам вернуться в свои комнаты, Мирта нуждается в тишине, а девицы излишне шумят. Скажите им, что их подруга серьезно больна. И больше ничего, вам ясно? – обратился он к женщинам. По его взгляду они поняли, что возражения и вопросы бессмысленны. Засуетившись, патронессы выскочили из комнаты, закрыв за собой дверь и оставив любопытствующих в темноте гостиной.

Артан подошел к кровати, с тревогой глядя на племянницу. Девушка измождена, но словно сбросила с себя тяжелый груз и от этого крепко спала.

– Что с ней? – глухо спросил он. Король приблизился, и, как бы опираясь на друга, положил ему руку на плечо.

– Этот яд называется «Черная пьетта», он назван в честь одноименного цветка. Растение выпускает пыльцу, вдохнув которую дракон получает сильнейшее отравление дыхательных путей. Отсюда и черный дым изо рта. Но... это необычное растение. Как и дым. Это...

– Как нориус, – пронизательно выговорил Артан. Ему стало больно смотреть на Мирту. Теперь он начал понимать, почему король говорил так осторожно и мягко.

– Это растение используется нашей семьей, чтобы укрощать первые проявления нориуса в период созревания. Им пользовался мой отец, а до этого его отец и так далее. Однажды я воспользуюсь этим цветком, когда родится наследник. А пока оно растет в королевской оранжерее в закрытой секции, куда доступ есть только у меня.

– Что с ней будет?

– Я изгнал из нее дым, но это лишь лечение симптомов. Противоядия нет. Дальше будет хуже. Каждый день я буду изгонять это из нее, и каждый раз все будет так же болезненно. Ей станет непросто есть и пить, спать она сможет только после процедуры. Остальное время, пока Черная пьетта будет скапливаться в легких, девушка будет

задышаться. И так пока однажды не закончится воздух или она не умрет во время очередной процедуры.

Артан резко обернулся и обхватил Никлоса за плечи.

– Но должно же быть какое-то лекарство? Она не должна так мучиться! Ей же всего восемнадцать лет!

В глазах короля застыла безысходная печаль, и он не сопротивлялся, когда Артан встряхнул его, пытаясь достучаться до него. Нет способа побороть недуг.

– А Томар? Он опытный колдун, разве магия не может это исправить? – Арт попытался ухватиться за соломинку, но король покачал головой:

– Как можно вылечить то, с чем ты никогда не сталкивался? Этот цветок, по легенде, родом с горячей огненной земли, и сейчас он растет только в моей оранжерее. Никто никогда не изучал его. Все, что есть, – истории, как драконы случайно заражались им. По недосмотру или любопытству! И всегда это заканчивалось смертью, – в отчаянии воскликнул Ник, беспомощно глядя на друга.

Тот сжал кулаки, упрямо, как озлобившийся бык, мотнул головой. Оттолкнув короля, маршал устремился к выходу.

– Арт, постой, да погоди же ты! – но дракон выбежал из комнаты, оставляя Никлоса одного. – Проклятье! – выпалил король, встревожив заворочавшуюся от шума девушку. Однако ее усталый сон оказался сильнее злости короля.

* * *

Никлос

Утром весь дворец знал, что случилось с Миртой. Какая-то заморская болезнь одолела бедняжку, так что жить ей осталось недолго. Горничная не заразилась, ее осмотрели и отправили домой, а к кэрре приставили опытную сиделку, чтобы та кормила девушку и ухаживала за ней. Доктора, как и ожидалось, ничем не могли помочь, только назначили травы, чтобы облегчить дыхание и снять приступы боли.

Король, когда Мирта пришла в себя, навестил ее и подробно все рассказал. Он не считал нужным скрывать правду.

– Как скоро я умру? – Мирта сжимала в кулачках край одеяла, глядя прямо в лицо Никлоса. Семья ожидала за дверью, уже зная, что девушка обречена, и последней совсем не хотелось видеть своих родных. Она чувствовала себя ужасно, но пока еще не понимала, в чем заключается ужас.

– Ты сильная, значит, до последнего будешь сопротивляться. Это может затянуться на месяцы, – ответил король, мягко разжимая ее пальцы и накрывая их своими руками. – Прости, что так случилось с тобой. Я найду, кто это сотворил. Только скажи, откуда в твоей комнате эти цветы.

– Там была записка: «Самой прекрасной зеленой драконице от Н.» – опустив глаза, тихо ответила Мирта. – Я никогда не видела таких красивых бутонов, поэтому наклонилась, чтобы почувствовать запах, но это было похоже...

– На едкий дым, – договорил Ник. – Ты решила, что они от меня?

Она закивала, высвобождая руки и прижимая их к шее.

– Я такая глупая, – покраснев, заговорила девушка. – Вы не стали бы дарить цветы такой, как я. Они, наверное, ошиблись комнатой, – и она заплакала.

Осознание пришло с тяжестью. Вчера после Равновесия, возвращаясь к себе в комнату, Мирта была счастлива, ее переполняла энергия после первого превращения, а король так смотрел на нее! С такой гордостью! В комнате были эти цветы, и она решила... Но запах оказался дурной, и Мирта отсоветовала служанке их нюхать, сказав, что только драконы его поймут. Она, сама того не ведая, уберегла человека от ужасной гибели.

Мирта вновь закашлялась, и изо рта вылетело маленькое рассеянное облачко дыма.

– Ты не глупая, кэрра, – Никлос дотронулся до ее щеки, стирая слезу. – И ни в чем не виновата. Обещаю, я сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь тебе.

Девушка закивала головой, но больше не смотрела в глаза короля, боясь увидеть правду, боясь, что это всего лишь попытка утешить ее. Ведь лекарства нет.

Глава 11

Те, кто играют с судьбой

Артан

Артан всегда знал, почему стал маршалом.

Разумеется, главной причиной являлся опыт, который Арт получил за годы военной службы. Кэрр Рупер Свенский был строг со своим адъютантом, гонял мальчишку только так, постоянно отправляя в вылазки с разведчиками, приставляя к десятникам, даже выпуская на поле боя. Все, чтобы парень прочувствовал на своей шкуре, что такое война, понял, что из себя представляют военные, заимел связи и «понюхал пороху». После войны Арт доучился в академии, и с выпуском отправился в Заокеанию помогать дружеским странам воевать с кочевыми троллями, агрессивными соседями и воздушными змеями. Домой он вернулся героем и с солидным состоянием.

Но за такое маршала не дают.

Он получил высший чин как единственный друг Никлоса. Как тот, кому король доверяет.

За то, что был рядом после смерти родителей Ника. За то, что отогнал разбушевавшихся подводников. За то, что приструнил шелки. Не дал витиеватым эльфам изменить договор «О совместных границах». И помешал аристократии провести ряд нехороших законов.

Все это было сделано, пока Никлос сходил с ума от одиночества. Пока бушевал нориус и король не мог собрать себя воедино. Фактически через Арта служащие королевства решали вопросы, пока молодой правитель был не в себе. И когда Ник вернулся, а Рупер Свенский попросился в отставку, это был первый приказ о назначении.

За исключением двух главных родов королевства – Грацбургских и Адегельских, возражений не последовало. А простой люд так и вовсе был в восторге. Еще бы, ведь Арт не позволил отменить закон короля Вернона о свободном перемещении простолюдинов и дозволении оным владеть землей на территории королевства.

Однако чем занимается маршал королевства в мирное время?

Получилось, что Арт в основном заведовал делами посольств, отправлял выпускников Военной академии в командировки в Заокеанию, руководил делами полиции на территории всего королевства, организовывал экспедиции в Неизведанные земли. И, разумеется, вел дела академии, временно занимая пост ректора.

Чем не заведовал маршал, так это делами тайной канцелярии. Не было у него доступа в аристократические семьи, как и не было таланта разгадывать подковерные интриги и разбираться со шпионами других государств. Это была работа Врана Грацбургского, и справлялся он с ней на отлично.

В ситуации с Миртой Арт не хотел обращаться к Врану, помня о недоброжелательности его семьи. Единственное, что пришло на ум, так это воспользоваться связями, полученными до академии.

Когда молодой Гадельер прибыл в столицу и познакомился с тогдашним канцлером Андрэ Грацбургским, его отправили под прикрытием в одну своенравную банду, промышлявшую незаконной торговлей антиквариатом. Его задача была не закрыть эту развеселую лавочку, а добыть список клиентов и кое-какие магические артефакты из Подводного мира.

В конце концов все кончилось погоней, дракой и арестом главаря банды, а за время работы Арт успел крепко сдружиться с одним норовистым коротышкой по прозвищу Клычок.

Чистокровный человек умел вскрывать любые замки и обладал кое-какими магическими способностями. Такая интересная комбинация привела к тому, что он был изгнан из Магической академии, но сделала весьма примечательным новичком на теневой сцене.

Благодаря Артану он был одним из немногих, кто пережил разгром банды. А за эти годы успел зализать раны, вновь ступить на кривую дорожку и добиться примечательных успехов. Без должного обучения маг ничем не отличается от обычного смертного, поэтому тридцать лет – это почти половина человеческой жизни. На старости лет Клычок, которого теперь уважительно называли дэр Алесандро Конморио, занял приличный ресторанчик, женился и остепенился, но старых связей не растерял, а стал собирателем сплетен и слухов. И за разумную плату – их продавцом.

К нему и направился Артан, надеясь, что таинственный отравитель действовал через посредника-профессионала, так как иначе непонятно, как он мог проникнуть в королевскую оранжерею. Если удастся выйти на заказчика, возможно, он знает противоядие. А если нет, тогда он сгорит в чистом пламени Каргатского правосудия.

* * *

Утро после Равновесия для всех разное. Драконы отдыхают, спят до полудня, приходят в себя. Но не обычный люд. Для них ничего не меняется. Крестьяне и фермеры просыпаются с рассветом, весенний день – ранний, так много всего нужно успеть. Город встает позже, но и там нет утром приятного расслабления. Работа не будет ждать. Помощники торговцев и курьеры развозят товар по ресторанам, дворники дometают улицы, служанки вытряхивают белье и намывают полы. Где-то уже работает кухня, на улицах появляются первые извозчики. Пока шум города приглушен, за исключением рабочих кварталов, откуда простой люд отправляется на дневную смену, но как только солнце поднимется выше крыш, картинка изменится, и улицы наводнят прохожие.

А пока Артан на белом в яблоках коне направлялся в сторону веселых кварталов, где находился центр развлекательной жизни города. Там театры, музеи, кафе и рестораны, уличные представления, фокусники... Эти улицы как раз спали – их время начинается ближе к вечеру и завершается после полуночи. Нередко веселье и до утра длится. Так что в такой ранний час было тихо, только цоканье копыт по мостовой эхом разносилось по улице.

Приблизившись к небольшому ресторану с вывеской, на которой изображены русалки с золотыми хвостами и крупной надписью: «Морские Пампушки», он спешил. Обойдя парадный вход и ведя коня в узде, нырнул в небольшую затемненную улочку, а затем свободно зашел на задний двор, где уже хозяйничала дворничиха с метелкой. Заметив благородного кэрра, женщина выпучила глаза и открыла рот. Вот уж чего она не ожидала в такое сонное утро!

– Хозяина кликни, скажи, что Пират хочет его видеть, – спокойно бросил ей Артан, привязывая коня к коновязи. Но только когда

прикрикнул, женщина опомнилась и кинулась в дом.

Оставшись один, Арт растер руки, согреваясь внутренним огнем. Весной да после вчерашнего ливня было чересчур свежо. Он замер на месте, отгоняя назойливые мысли. Все должно быть не так. Сам факт покушения на племянницу выходил за любые разумные рамки. Такого не могло случиться в их королевстве. Только не с невестой. Не в день Равновесия. Не так.

– Пират? – хриплый спросонья голос донесся от черного хода. На пороге в полутьме замерла расплывшаяся фигура в полосатом халате и сползшем ночном колпаке. Человек вышел наружу, щурясь от дневного света и недоверчиво разглядывая старого знакомого.

– Здравствуй, Клычок. Давно не виделись, – сказал Арт.

Хозяин ресторана затряс головой, втягивая ее в плечи и оглядываясь по сторонам. Он стянул колпак, убрал его в карман и пригладил взъерошенные седые волосы.

– Не думал, что снова увижу тебя, – голос окреп, а взгляд заострился. Рукой Клычок поманил гостя внутрь. – Идемте, ваше сиятельство, пока никто не увидел вас у меня в гостях.

В доме было хоть и скромно, но чисто. Спускавшуюся с лестницы седовласую женщину хозяин, достопочтимый дэр Алесандро, развернул обратно, а сам повел Арта в одну из боковых кабинок, созданных для частных ужинов гостей. Пропустив дракона внутрь, пожилой дэр кликнул девицу с кухни и велел тащить еду и выпивку.

Сам зашел следом за гостем и тяжело уселся напротив, уместив на маленьком диванчике расплывшуюся тушу. Окна заменяла небольшая магическая лампа под потолком, дававшая достаточно света, чтобы Алесандро мог внимательно рассмотреть старого друга.

– Хорошо тебе, почти не изменился. Разве в плечах стал шире, да мужественнее лицо. Окреп, растерял весь молодецкий пыл. И не скажешь, что нынешний маршал короля когда-то лазал по домам да шатался по кабакам с обычными ворами. Глаза только прежние остались. Все еще горят. А я вот – постарел. Отошел от дел. Видишь, какой ресторанчик отстроил? Да в каком приличном месте? Все, как мечтал!

Клычок как был коротышкой, таким и остался, только округлился, обрюзг, заимел лысину на голове и куцую бороденку. Мясистые пальцы отстукивали по деревянному столу незамысловатый ритм, на

пухлых губах улыбочка, голос вальяжный, говорит солидно, не спеша, а вот в глазах сохранилась лихая искорка. Хитрость, как у лиса, весь внутри собрался, речь толкает пустую, а сам смотрит да мотает на ус. Как Артан одет, почему рубашка мятая и с пятнами на шее, волосы влажные, спутанные, на лице щетина, и сам держится устало, потерянно. Значит, не за ним пришел. Не по его душу. А за помощью. А что попросит? И что потребовать взамен?

– Вот что, Клычок или дэр Алесандро Конморио, – оборвал его Артан, опираясь на локти и наклоняясь над столом. – Для других соловьем разливайся, а мне сказочки не пой. Я знаю тебя, старик, – передразнил он бывшего вора. – Не отошел ты от дел, а сменил поле деятельности. Слухами да сплетнями торгуешь. И предоставляешь нейтральную территорию для всяческих сомнительных сделок. Человеческому градоправителю мзду даешь, чтобы не лез не в свое дело, так и место это получил когда-то – сторговал за интересные слухи.

– И ты пришел меня судить? – с иронией осведомился хозяин, совершенно не чувствуя угрозы.

Он уже разгадал Артана, как разгадал его и в те годы, когда молодой парнишка прибил к их банде. Но тогда помалкивал, понимая, кто за парнем стоит. Да и понравился ему умный молодой дракончик. А потом кто кого спас: Клычок, предупредивший Пирата, что того раскрыли, или Артан, не арестовавший Алесандро, когда банду накрыли? В любом случае старик знал, что Арт пришел за помощью, и ждал, когда тот выскажется.

Раздался стук, и в комнату вошла худенькая девчушка в сером переднике. В руках она несла тарелки с дымящейся похлебкой, мясом и отварными овощами. Расставив посуду и столовые приборы, она удалилась, а на ее место явилась другая девица, неся поднос с чайником и чашками.

Артан, приятно удивленный таким приемом, а также осознав, как хочется есть, накинулся на еду, отдавая должное тушеной говядине и рассыпчатой картошке. Алесандро же сосредоточился на похлебке с хлебом. Какое-то время собеседники не разговаривали, а когда они закончили, молодой маршал все же решился:

– Ты как всегда прав. Хоть и молчишь, но знаешь: мне нужна помощь. Когда-то давно мы были с тобой друзьями. Коли поможешь

мне, я помогу тебе. Чем смогу, – быстро добавил Артан, намекая, что не стоит вовлекать его во всякий криминал.

– Говори, старый друг, и я придумаю, как решить твои беды, – кивнул Алесандро, поглаживая живот, а сам пристально глядя на дракона.

– Хочу знать, не слышал ли ты о залетных ворах, которым по силам влезть туда, куда никто не сможет забраться.

– Пират, хватит. Перестань говорить загадками. Скажи прямо, и я тебе прямо отвечу, – перебил Алесандро, с укоризной поглядывая на маршала.

Артан замер и почесал нос, слегка нахмурившись. Уж больно не хотелось раскрывать все карты, но он понимал – иносказанием ничего не добьешься.

– Кто-то залез в королевскую оранжерею, стащил очень редкий ядовитый цветок и принес в комнату невесты. Девушка вдохнула запах и отравилась.

– Это невозможно, – безапелляционно заявил бывший вор. – Прости, старый друг, но мне нечем тебе помочь. Никто в этом мире не посмел бы залезть во дворец на территорию короля. Бывали воры, рисковавшие и кравшие что-то из дворца, но личная территория Его Величества... нет, таких безумцев нет на свете.

– Тогда как это произошло?

Хозяин задумался. Почесал подбородок, поковырялся в зубах, выпил еще чаю, прикидывая различные комбинации, и задал несколько уточняющих вопросов. Есть ли еще места, где растут эти цветы, кто имеет доступ в оранжерею, где находилась невеста, кто имеет доступ туда, каков был распорядок дня и так далее. В итоге подытожил:

– Это был не вор. А убийца. Его наниматель – высокопоставленная фигура, важная дворцовая птица. Скорее всего, из ближайшего окружения короля. И эта птичка имеет связи с колдунами. Только вся эта конструкция указывает на один простой факт. Не та жертва, – и Алесандро засмеялся неожиданно глубоким и приятным смехом. – Ой, не могу, такая забавная штука получилась!

– Что в этом смешного? – насупился недоумевающий Артан.

Хозяин ресторана хлопнул в ладоши, выстраивая в голове интересную ретроспективу случившегося.

– Первое: ваш исполнитель уже труп. На такое подписывают заносчивых смертников, и я знаю парочку подходящих кандидатур. Подергаю за ниточки, но вряд ли найду таким образом заказчика, а имя исполнителя вам ничем не поможет. Мертвецы не разговаривают. Второе: жертвой ошиблись. Твоя племянница – не та личность, чтобы так изощренно пытаться ее убить. Сам подумай, способ-то зверский. Это что-то личное. Да не просто личное, а связанное с королем. Это камень в его огород, а значит, жертва особенная. Чья смерть, да таким образом, заденет Его Величество. Тот, кто это придумал, гений. И цели у него масштабные, – продолжил Алесандро. – Ищите среди своих. Но я уверен, что все это неспроста.

– Что еще?

Хозяин вновь побарабанил пальцами по столу, тяжело глядя на бывшего друга.

– Наступают злые времена, Пират. Темные, хоть и кажется, что все благополучно. Нет войн, развивается наука, образование дают даже таким босякам, каким когда-то был я сам. Человеческие дети реже голодают, в бедняцких кварталах открываются бесплатные столовые и рабочие дома. Вроде звучит здорово? Да не совсем. Вы, драконы, заперлись в своих прекрасных домах и носу не кажете на простых улицах, только налоги собираете, а сами живете как в гнездах на высоких деревьях. А наш градоправитель каждый день пишет в Секретариат, что рыбаки находят на побережье неестественные трупы животных. Дельфинов, акул и тюленей со вспоротыми животами. А среди бедняков ходят слухи о морвиусах, вооруженных маленьких детей, в которых есть хоть капля магии. В лесах находят искореженные магией тела зверей и птиц, следы ритуалов поклонения старым богам. Все это происки старого колдовства. Так болтают. Об этом шепчутся, – Алесандро говорил негромко, вперившись взглядом в застывшего Артана. – А вы, драконы, обсуждаете все это? Шепчетесь по ночам, что грядет их возвращение?

– Довольно! – маршал стукнул кулаком по столу, тарелки с остатками еды подскочили, а по дереву расползлась трещина. – Что за сказки ты рассказываешь? Сам слышишь, что несешь? Возвращение старых богов? Полная чушь – они мертвы! Эти легенды наравне с легендами о святой Клэрии – вымысел!

Бывший вор с честью выдержал все обвинения и спокойно парировал:

– Может, и сказки. Может, и вымысел. Однако убить во дворце собирались белую драконицу, Пират. Она сейчас для всех символ добра. Противостоящий той тьме, что надвигается. Те, кто верят в возвращение старых богов, хотят ей смерти. Так что берегите свою белокрылую. И мне жаль, что так получилось с твоей племянницей, кэрр Гадельер. Бедная девушка, грустно, когда умирают молодые.

Артан ничего не ответил. Он провел рукой по трещине, облизнул пересохшие губы. Остро заболела голова. Сюда он спешил со слабой надеждой, а получил такие странные ответы. Нет, Арт не был глупцом, и он собирался проверить эти слухи. В конце концов, Секретариат уже терял сведения. Как знать, может, и правда за этим что-то стоит.

А самое главное было то, во что дракон поверил сразу и безоговорочно. Тот, кто спланировал это, находится рядом с королем. А значит, пора побеседовать с Астерией. Ну не бывает таких совпадений. Никак не бывает!

* * *

Возвращаясь, Арт столкнулся с удивительным столпотворением в коридорах дворца. Аристократы, обеспокоенные странной болезнью Мирты, пытались попасть на прием к королю или канцлеру, чтобы забрать дочерей домой. Так что маршала облепили со всех сторон, пытаясь узнать, что случилось, однако он отмахнулся от них, смерив свирепым взглядом, и драконы отшатнулись. Среди присутствующих не было старой знати. Ни Адегельские, ни Грацбургские, ни Свенские – никто из военной братии не присутствовал, а значит, они точно знают, что происходит и что будет дальше.

Артан миновал сутолоку в королевской части дворца и напрямиком направился в комнату, где заперли Астерию. Как он и предполагал, там уже находились Никлос с Враном. Оба наблюдали за завтраком невозмутимой пленницы. Ее хладнокровию можно было бы позавидовать, однако все же бросалось в глаза, что она провела бессонную ночь. Синяки под глазами, покраснение век, сухость губ.

Она исподлобья глянула на вошедшего маршала и демонстративно отставила тарелку с пресной кашей.

– Он тоже будет меня допрашивать? – холодно спросила она.

– А у вас есть возражения? – поинтересовался король, с беспокойством глядя на друга. Тот так быстро исчез из дворца, что Ник переживал, как бы Арт не наделал глупостей. Но вид собранного маршала успокоил его.

– Не многовато ли чести для обычного недоразумения? – высокомерие буквально сочилось из благородной кэрры.

Тревожная ночь в изоляции не сломила ее характер, наоборот, Астерия успела продумать стратегию поведения и сейчас показывала чудеса самообладания. Чинно сложив руки на столе, она невозмутимо оглядела каждого, задержавшись на короле.

– Я вообще не понимаю, что происходит. Как можно обвинять в таком чудовищном поступке главу Совета Женевры? Ваше Величество, я была компаньонкой вашей матери! Вы росли на моих глазах! И после этого такое обвинение? Вы оскорбили меня до глубины души.

– Я видел, как вы толкнули кэрру Селесту Винцель. В падении она чуть не задела головой кладку башни. Она могла разбиться. Это совсем не похоже на недоразумение.

– Девушка оступилась, я потянулась, чтобы удержать ее, но не успела и сама чуть не упала, – с горечью заговорила женщина, чуть ли не с отчаянием глядя на присутствующих. – С земли это могло выглядеть искаженно, но...

– Но я видел все так, будто стоял напротив вас, – перебил ледяным голосом Никлос.

– Это просто смешно! – всплеснула руками кэрра. Она говорила со всей возможной искренностью. – Кэрр Грацбургский, вы же знаете меня. Неужели я способна на нечто подобное? Зачем мне творить такое?

Вран поджал губы, скептически глянув на короля. Он и правда считал случившееся кошмарной ошибкой и не понимал, почему Никлос упорствовал.

– До момента толчка вы обвиняли девушку во лжи. Считали, что она что-то скрывает. И хотели перед всеми раскрыть эту тайну, –

спокойно дополнил свою версию король. – Как я уже говорил, можно считать, что вместе с вами я находился наверху.

Женщина смертельно побледнела, нахмурилась, приложила руку к виску, пытаясь унять колющую боль.

– Но... я не понимаю, – забормотала она. – Это было не так. Я не обвиняла ее. Просто объяснила, что результаты смазаны, а она попятилась назад и неудачно споткнулась о камень. Мирта своим превращением повредила пол, вот и получилось так нелепо... – Астерия сильнее сжала голову, а присутствующие настороженно переглянулись.

– Вызывайте Томара, – хрипло сказал Артан. – Это похоже на ментальную магию.

– Или магию эльфов, – заметил Вран, выразительно глянув на задумчивого короля. Он помнил о словах подводной принцессы. – Они любят пудрить мозги.

– Кэрра Астерия, пока вас не осмотрит Томар Бай, вы останетесь здесь под охраной. Если выяснится, что вас околдовали... простите, что подвергли такому испытанию, – вставая, обратился король к бормочущей женщине. Она хмуро глянула на него, но ничего не ответила.

Мужчины вышли из комнаты. За их спинами возле двери замер стражник, получивший наказ пускать только служанку и дэра Томара Бай.

– Где ты был? – поинтересовался Никлос, когда вся троица медленно пошла в сторону зала заседаний, в котором в течение часа должен был начаться еженедельный Совет. Убийства убийствами, но дела королевства нельзя отложить. А тут еще послы активизировались, да и новый договор с принцессой, которая тоже явится на Совет, надо было утвердить.

– Навестил старого знакомого, – нехотя ответил Артан, не желая делиться подробностями в присутствии Врана. Однако тот неожиданно сам заговорил об этом деле:

– Из-за случившегося с племянницей? Примите мои искренние соболезнования. Такое не должно было случиться. – Он тяжело вздохнул и пригладил топорщащиеся волосы. – Я все же думаю, что целью была Селеста. И во дворце действует целая группа преступников. Возможно, что тут замешаны колдун, аристократ из

нашего окружения и заколдованные исполнители. Сразу, как только я обо всем узнал, я направил людей за горничной Мирты, чтобы еще раз ее допросить. Но вот незадача – с ней случился несчастный случай. Подавилась во время завтрака. Следов магии не обнаружено, но это легко скрыть, если дело связано с водой.

– Оперативно, – хмыкнул Артан. – Примерно то же самое я узнал и от своего знакомого.

– Значит, надо раскрутить Астерию. А к Селесте надо приставить телохранителя. Отныне девушка не покинет пределов дворца, пока мы не найдем заговорщиков, – заключил король, встав напротив входа в зал Совета, где его уже ожидал невозмутимый Богарт. – Вам придется допросить всех невест и их служанок. Поминутно восстановить тот день. Я же с Томаром буду искать лекарство.

Надежда вспыхнула в глазах Артана, но он понимал, насколько она призрачна. В его ушах все еще стоял пронзительный вопль племянницы. Он нарастал и затихал, но оставался напоминанием о грядущей утрате.

* * *

После обескураживающего Совета Арт направился в свою вотчину – Военную академию. Именно отсюда начинали путь все военные таланты королевства. Академия имела внушительный разноплановый преподавательский состав и индивидуальный подход к каждому студенту. С самого поступления за молодыми внимательно следили, подбирая каждому самые подходящие занятия для грядущей блестящей карьеры. Такое отношение выводило в королевство сплоченную братию молодых кэрров, готовых служить родине.

Артан занял главный пост всего три года назад после скоропостижной смерти предыдущего ректора, и не собирался на нем задерживаться. По планам, через несколько лет его должен будет сменить один из офицеров, а пока ему приходилось успевать и там, и там.

На пороге маршала, принимающего поклоны от встречающихся студентов и преподавателей, перехватил секретарь с пачкой документов. Нужно было подписать расписание экзаменов у

выпускников, обсудить с бухгалтерией ремонт дальнего полигона и просмотреть дополненный список летних стажировок. Надо было разобраться с весенними учениями, на которые отправился Виклош Адегельский, и куда Артану тоже надо было съездить, да теперь никак не получалось... Дел выше крыши, а мысли совсем не о том!

Короткая и нервная встреча с сестрой после отвратительного Совета вымотала дракона, ведь у него не было ни утешений, ни объяснений для нее. Более того, король запретил навещать Мирту, пока не прояснится дело об отравлении. Даже невест не выпустили из женского крыла, также подвергнув изоляции, что вызвало волну негодования со стороны аристократии.

А женщины из Совета Женевры подняли шум из-за исчезновения Астерии, что вынудило короля весьма жестко осадить своих подданных. У него не было ответов, а только масса подозрений, и все это всплыло после окончания международной части Совета, когда в зале остались только подданные его королевства. Такая вспышка разногласий впервые случилась в этом зале, и Арт пытался понять, как подобное могло произойти. Он понимал, что основная волна идет от Брошина, недовольного потерей Селесты, но его поддержали и другие главы домов, даже Вран осторожно прошелся на тему опасного цветка.

Словом, Арт, оказавшись в родной академии, был и смертельно уставшим, и немного счастливым от того, что все проблемы здесь просты и понятны.

Только одно беспокоило его больше всего остального – он так и не увиделся с Селестой после злополучного бала. Никлос обещал ближе к ночи устроить встречу, но, глядя на внушительный список дел в блокноте секретаря Диоса, маршал понимал, что задержится здесь до самой ночи.

– Кэрр Гадельер? – нерешительный голос вывел его из раздумий, и, обернувшись, Артан заметил Кристана. Парень, уже переодевшийся в темно-серую форму абитуриента, ожидал в коридоре возле кабинета ректора.

Кивком головы отпустив секретаря, Арт подошел к парню.

– Простите, что беспокою по такому мелкому поводу, но вчера я не смог присутствовать на вечернем балу Равновесия, и только сегодня до меня дошли странные слухи о моей сестре Селесте. Может быть, вы помните ее?

Артан сглотнул, с интересом оглядывая парня. Ага, как же, не смог он! Не захотел видаться с семьей, вот верное определение. У Кристана своя гордость, и он явно был против такого откровенного сближения с семейством Адегельских.

– Разумеется, мы с вашей сестрой почти друзья, – Арт не стал делиться подробностями. – Она произвела фурор во время Равновесия. И на балу тоже.

– Значит, это правда? Моя сестра перешла под протекцию короны? – сдерживая злость, уточнил молодой дракон. Внутри него оборвалась еще одна ниточка. Сначала Калиста сменила фамилию и род, потом мать поддержала ее и также приняла защиту и поддержку этих проклятых Адегельских, а теперь и Селеста ушла из семьи. Он чувствовал, что все его предали. И только одна деталь выбивалась из общей картины, и он не понимал, что она значит.

– Это был разумный выход из той ситуации, в которую она попала, – уклончиво ответил Артан. – Под защитой короля ей будет безопаснее.

– Сегодня мне пришло письмо о получении королевской стипендии. Это как-то связано со случившимся?

– Разумеется. Ваша сестра, молодой человек, заключила сделку с короной. Она хотела, чтобы и остальные члены семьи получили защиту и обеспеченное будущее. Так и будет.

Кристан скрипнул зубами от злости и негодования. Променять близких на подачки? Стать фактически сиротой при наличии семьи? Отказаться от родных ради жизни в роскоши королевского дворца? В голове Кристана вертелись доводы, почему сестры так поступили. Они променяли родную долину на сказку. Поверили аристократам и теперь наслаждаются жизнью, даже не задумываясь, что будет с их домом. Но Кристан не такой. Ему не нужны королевские подарки. Вытащив из-за пазухи смятое письмо, он протянул конверт маршалу и сквозь зубы процедил:

– Я отказываюсь от стипендии. Если и поступлю в академию, то только по результатам своих знаний и умений. Я все еще могу претендовать на Гадельерскую стипендию?

– Ты уверен? В этом году большой конкурс. Четыре соперника, и один из них – мой племянник Вест.

Как будто услышав свое имя, к ним быстрым шагом подошел молодой дракон в точно таком же костюме абитуриента. Вест Гадельер имел взъерошенный вид: кудрявые каштановые волосы торчали в разные стороны, он тяжело дышал, и, видимо, только ради дяди перешел на приличный военному шаг.

– Дядя, я только получил вести от матери: сестра больна? Что случилось?

Арт про себя выругался. Он велел ей молчать, но Трана всегда идет на таран, когда хочет достичь цели. И сейчас она придумала самый лучший способ, как узнать, что происходит. Но просчиталась.

– Да, Мирта заболела. Серьезно. Ее нельзя беспокоить. Возможно, болезнь заразна, так что изолировали и остальных невест, включая твоих сестер, Кристан. Что за недуг – выясняют. Об этом – не болтать. Больше ничего не имею права рассказать. Все ясно? – четко и по-военному ответил Артан, а парни, с тревогой переглядываясь, вытянулись по струнке, соглашаясь с маршалом. Оглядев их с прищуром, он остался доволен увиденным. Кажется, парни сдружились. Это хорошо для обоих.

– Отвечая на твой вопрос, кэрр Кристан. Да, ты можешь сдать вступительные экзамены. Но никаких поблажек не будет. Наоборот, с вас обоих спрос будет выше. С тебя – по причине заносчивости и пренебрежения королевским даром, а с тебя – из-за родства со мной. Блата в этом учреждении не будет. Все понятно?

– Так точно, ваше превосходительство! – хором ответили абитуриенты.

Глава 12

Разлетелись искры от белого костра

Селеста

Я просыпаюсь в совершенно иной обстановке в другой части дворца. Будто и не было прежней меня. Кэрра Селеста Каргат, подопечная короны. Нет больше зеленой драконицы из Сатуральских долин. Вместо нее белокрылая сирота под защитой Каргатского короля. Я променяла семью на безопасность. Сбежала от обиды на мать и сестру. Бросила брата. Бросила прошлое, чтобы получить новое будущее.

Это полностью выбило меня из колеи. Прошлый день смутными картинками встает в памяти, и я зажмуриваюсь, самой себе не веря, что все это случилось за один лишь день! Превращение в белого дракона, разговор с королем, слияние с Артаном, предательство родных и поступок, полностью изменивший мою жизнь.

Рядом со мной молчаливые серокрылые служанки. Старательные, вежливые девушки, неуклонно контролирующие мой новый распорядок дня. Став подопечной короны, я получила более деликатный подход к созданию собственного образа кэрры. Если Анишка могла только помочь привести меня в порядок, то эти девушки, используя сотню косметических процедур, взялись за переделку всего моего внешнего и внутреннего вида. От косметики до депиляции, от полезной диеты до утренней зарядки. Я даже не подозревала, сколько всего еще до завтрака, оказывается, делает благородная кэрра!

После завтрака меня представили стилисту из Бирюзового дома, который должен был окончательно преобразить меня, помогая избавиться от черт и повадок девушки из Сатуральских долин. От прически и макияжа до новых платьев и костюмов – все в моей жизни теперь будет новое. Он же взялся обучить меня придворному этикету. Став подопечной короля, я заняла более высокую ступень в дворцовой иерархии, а это иные нормы поведения, которые требовалось изучить.

Кэрр Маркл собственноручно снял с меня марки, сообщив, что сегодня же возьмется за создание коллекции нарядов для блестящей белокрылой драконицы. Он продемонстрировал альбом с первыми набросками платьев, обещая, что я буду сверкать как настоящий каргатский бриллиант. Пока же меня переодели в наряд из салона, ушитый в соответствии с моей фигурой.

Это было платье с полупрозрачным чехлом, на талии прихваченное поясом из черно-золотого бисера с вышитым королевским гербом (вокруг креста обвивается оскалившийся дракон). Под чехлом блестящая шелковистая ткань, сшитая с ним на плечах на манер туники с обтягивающим запястья открытым рукавом. Платье длинное, до пола, с хаотичной вышивкой на плечах и по бокам подола. Цвета короны – черный с золотом, в такой расцветке и был выполнен роскошный наряд.

Это так непривычно – носить повседневное платье, которое стоит как все мои предыдущие наряды, вместе взятые. В голове не укладывалось, что в этом я буду ходить только сегодня, а завтра меня, как куклу, переоденут во что-то другое.

Но не это тревожило. Проснувшись, я не обнаружила на прикроватной тумбочке своего украшения. Расспросив служанок, я так и не добилась ответа, куда оно запропастилось. И не за фамильную ценность я переживала, а за маленький камешек в виде сердца, вставленный на обороте...

Только к одиннадцати часам утра стилист с горничными закончили творить из меня благородную придворную кэрру. Мои волосы завили в аккуратные локоны, уложили в вязаную корзинку на голове, обнажив шею и спустив сзади пару «случайных» прядей. Подвели черным карандашом глаза и брови, нанесли помаду, чтобы губы казались полнее, подчеркнули скулы и курносый нос.

Я видела себя красивой на первом балу. Но это было жалкое подобие того, во что меня сегодня превратили. Сейчас из зеркала на меня смотрела незнакомка, к шее которой стилист Маркл подбирал оправу, на которую сядет фамильное каргатское украшение, уже лежащее на бархатном ложе в чехле. Это крупный черный камень, внутри которого клубилась тьма. Его доставили пару часов назад с запиской от короля. Он извинялся, что сегодня не сможет навестить меня, так что я буду в обществе колдуна Томара Бай, а вот вечером

приглашает на «домашнее» чаепитие, что довольно-таки необычно. Но что я могу знать об отношениях королевских подопечных с королями? Ничего.

Мне оставалось любоваться своим новым обликом, благодарить мастериц и мастера, а также гнать прочь все, что снилось ночью. Всю ту тьму, что ползала по мне, пытаюсь забраться под кожу и разодрать сердце в клочья.

– Кэрра Селеста Каргат? – в дверь постучали, и на пороге появился привлекательный молодой человек. Военный шаг, темно-серого цвета форма, короткая стрижка ежиком, спортивное телосложение. Глаза льдистые, цепкие, губы плотно сжаты, а скулы высокие и узкие. От него веяло спокойной силой, но мне он не понравился.

Поднимаясь из-за стола, разрешаю ему войти.

– Дэр Владис дэ’Дьякович, к вашим услугам. Меня назначили вашим телохранителем, – щелкнув каблуками, отрекомендовался он. – Велено сопровождать, куда бы вы ни направились. И в данный момент поступило распоряжение сопроводить вас до Магической академии к дэру Томару Бай.

– О! – это все, что я смогла сказать в ответ.

* * *

Меня удивила некоторая поспешность, с которой мы покинули дворец через потайной выход, возле которого нас ожидала неприметная карета с кучером. По словам Владиса, во дворце случилось небольшое происшествие с одной из невест. Вроде как она заболела, и оттого поднялся переполох. Но ничего страшного, скоро все наладится. Кто именно пострадал, он не знал. И вообще отличался немногословностью.

Мой спутник запретил отодвигать занавески ради соблюдения инкогнито, так что я еле-еле могла разглядеть город через маленькую щелочку, в основном отмечая лишь яркие вывески, да носом чую запах готовящегося мяса из открытых дверей ресторанов.

– А вы из какого дома? – поинтересовалась я у спутника, чтобы отвлечься. Карету подбросило на ухабе, и я вцепилась в сиденье, тогда

как мой спутник не двинулся с места.

– Из простых, – скупое ответил он, глянув мельком.

– И вы учились в Военной академии?

– Да, в Сером отделении.

– Мой брат поступает в этом году. Скажите, учеба сложная?

Много отсеивается?

– Если абитуриент сдаст вступительные экзамены и переживет первый курс, значит, он достоин образования и достигнет максимума своих возможностей, – уже подробнее ответил Владис, а после опять замолчал. Я попыталась вновь заговорить с ним, но опять получила односложные ответы и перестала пытаться.

Наконец мы покинули пределы города и выбрались на дорогу, ведущую к колдунам. Сама академия, названная в честь Бория, прадеда Никлоса, располагалась на отшибе у реки. Ее окружала высокая металлическая ограда. Здание оказалось из кирпича темно-серого цвета, двухэтажное, продолговатое, с колоннами. Никакой воздушности или легкости, присущей магии. Исключение – четыре обзорные башни на каждом углу.

Как я слышала, главная задача здания – выстоять под натиском молодых дарований. Тут не до красоты. И учитывая, что уже дважды за время своего существования академия лишалась нескольких башен, такой стиль постройки был вполне обоснован.

У входа нас ожидала закутанная в черный плащ фигура, стоящая под палящим солнечным светом. После вчерашнего ливня воздух посвежел, а благодаря солнцу из набухших почек появилась первая зелень. Еще день-два, и все вокруг окончательно преобразится.

Встречающий оказался сухим старичком с крючковатыми пальцами и острым взглядом из-под низких надбровных дуг. Голос под стать внешности – колючий и скрипящий, я с трудом разбирала, что он говорит.

– Уважаемая кэрра Селеста Каргат, мы рады приветствовать вас в стенах Магической академии имени Бория Каргатского. К сожалению, ректор не смог лично встретить вас, его ждут неотложные дела, так что мне было поручено показать вам здание и провести экскурсию, пока он не освободится.

Видимо, мое лицо вытянулось уж больно заметно, так как он закричал, надуваясь как индюк, но не успел ничего добавить: одна из

массивных входных дверей открылась и появилась весьма милая молодая веснушчатая девушка с копной рыжих до ржавчины волос и пронзительно-зелеными глазами. В темно-синей форме абитуриента она казалась совсем маленькой, как лисичка, еще не успевшая сменить зимнюю шубку на летний наряд.

– О, профессор Свентр! Рада, что успела вас застать! Мне было велено передать, что вы свободны и можете вернуться к своим делам. Я составлю компанию нашей благородной гостье, – и она улыбнулась, продемонстрировав белоснежные зубы с необычайно вытянутыми клыками, что еще больше сделало ее похожей на лису.

– Но... – завохтал старик, однако дружелюбный оскал девушки и выразительный взгляд в мою сторону вынудили его умолкнуть. Поклонившись мне, он с достоинством откланялся.

– Фуф, – выдохнула рыжая, вытирая со лба воображаемый пот. – Я так и подумала, что ректор его выберет. Такой зануда способен часами говорить ни о чем, вгоняя всех в бесконечную тоску. Круто, что я от него избавилась, а? – она подмигнула мне, после чего протянула руку и представилась: – Дэра Амалия Бай, абитуриентка!

– Кэрра Селеста Вин... Каргат, приятно познакомиться. – Я пожимаю горячую ладонь, слегка запнувшись на собственной фамилии. Я не скоро привыкну к тому, что больше не зеленая драконица. Стоявший поодаль телохранитель проигнорировал приветствие и вообще сделал вид, что его тут нет.

– Ну что, пойдём? Покажу тебе наши хоромы. У нас тут крутой музей есть, а экскурсий мы не устраиваем, когда еще увидишь такое? – затрещала Амалия, ловко подхватывая меня под локоток и уводя с солнцепека в прохладную темень обители магических знаний. – Зови меня Маля, не люблю весь этот официоз...

– Тогда для тебя я – Сэл.

Внутри мы свернули направо, миновали длинный коридор, обшитый дубовыми панелями, прошли мимо студентов и преподавателей, мимо портретов с бывшими профессорами и достойными магистрами магии, и везде нас сопровождал любопытный шепот да настойчивые взгляды в мою сторону. И только следующий за нами Владис, злобно зыркающий по сторонам, отпугивал любопытствующих.

– Наверное, здорово колдовать. Я всегда хотела уметь что-то такое... запускать в небо маленькие звездочки, менять по желанию цвет глаз, научиться дышать под водой, – заговорила я негромко, мечтательно глядя вперед.

– Знаешь, сколько этому нужно учиться? Да еще и не каждый способен к магии. Да еще и помереть можно в процессе обучения, если случайно сделаешь что-то не так! Магия опасна. Непредсказуема. А вот ты можешь превращаться в настоящего дракона! Это же офигеть как круто! – Маля оказалась весьма своей девичьей с пацанскими замашками. Она вообще не парилась о том, кто я есть, и явно ко всем так по жизни относилась. Это было необычайно приятно после всех тех девушек, с которыми я общалась последнюю неделю. Даже Паули и та была повернута на этикету, что уж говорить об остальных.

– Ты представилась как Бай, я правильно понимаю, что ректор – твой отец?

– Ага. Вот я везучая, а? У меня тот еще папаша... – фыркнула Маля, с лукавой печалью поглядывая в мою сторону.

Мы прошли мимо ворчливой уборщицы с подозрительно зелеными волосами, которая собиралась сказать Мале что-то гневное, но заметила следующую за нами внушительную фигуру, осеклась и только проводила нас прищуренным взглядом. Дорога привела нас к заколдованным дверям, которые открылись, когда колдунья сделала пас рукой.

– Сложности с отцом? – спросила я, когда Владис замер у входных дверей и не мог услышать вопроса.

– Я случайность. Он же маг, а они всегда сами колдуют себе защиту. А тут сходил в публичный дом развеяться, а через год на порог дома заявляется очаровательная рыжуха с претензиями! И главное все четко, не ошибешься, чья дочь и чья ошибка. До сих пор припоминает и себе, и мне! – объяснила она, вводя в полукруглое помещение музея. – Дамочке выплатил отступные, я меня оставил. Да как иначе – мне только пара месяцев исполнилась, а я уже предметы заставляла летать, да глаза зеленющие и в темноте светятся. Как тут не признать... Так и росла при вечно занятом папочке. И с детства училась магии, чтобы давать сдачи и не отставать, – она многозначительно выгнула брови. – Уж больно шкодливой была, да

папане мои проделки поперек горла стояли – вот и драл до красноты, пока сама не научилась отпираться. Так и повелось.

– Лихие у тебя отношения с родителем, – выдохнула я в ответ, а сама с удивлением оглянулась по сторонам.

– Да какие есть. У тебя-то небось родаки попроще, подороже да светским этикетом замороченные, да? – За детской беспечной бравадой явно скрывалась обида на отца, но Маля по привычке затолкала ее поглубже, скрываясь за ехидными фразочками да едкими комментариями.

– Папа умер лет восемь назад, а мама... хм... не будем о грустном, хорошо? Мне тоже не повезло с родителями, так уж получилось.

– Сочувствую. Но ведь сейчас все сложилось к лучшему? Ты под защитой аж самого короля! Что может быть круче? – воскликнула неунывающая Маля и закружилась вокруг своей оси. Ну и как ей объяснить, что это ничуть не лучше, а наоборот, похоже на самую жуткую ошибку моей жизни?..

Покачав головой, я отошла от девушки, решив самостоятельно осмотреть музей. Я останавливалась возле витрин с магическими предметами, разглядывая таблички и удивляясь, когда некоторые экспонаты начинали говорить как живые и рассказывать о себе.

Позади Амалия вещала что-то звонким голосом, и внезапно скелет дикого дракола под потолком ожил, покрылся чешуей и изрыгнул малое иллюзорное пламя, вызвав мой восторженный крик. Этих существ почти не осталось в природе, увидеть его – как увидеть настоящее чудо! Даже Владис был впечатлен, а Маля сделала грациозный реверанс.

Заметив, что я остановилась возле самой пыльной и отдаленной витрины с высоким куполом и раскрытой на развороте книгой, она поспешила ко мне. Здесь не было табличек, не было спецэффектов, а сами листы казались пустыми. И только приглядевшись, я заметила на бархатной зеленой тряпке под увесистой подложкой небольшую бумажку с одним-единственным словом.

– Морвиус, – подсказал взявшийся словно из ниоткуда ректор Томар Бай. – В переводе с языка мертвецов – сделка с вечностью. Или популярное ругательство наших дней.

Его дочь поскучнела. Отец пристально глянул на нее, выражая недовольство, и она опустила глаза, сделала небольшой поклон и,

помахав рукой, удалилась.

– Что это значит? – поинтересовалась я у него.

Ректор едва заметно улыбнулся, осторожно касаясь пыльного стекла.

– Самая старая магия на земле. Она древнее старых богов. Она – сама основа мироздания. Непреложный закон хаоса. Любой может ею воспользоваться, если будет готов заплатить высокую цену.

Я вся обратилась в слух. Видно, как трепетно Томар смотрит на книгу. Как в его глазах мелькают странные огненные искры поклонения. Он почитал то, о чем говорил. Дорожил знаниями об этой магии.

Заметив, что отвлекся, колдун кивнул своим мыслям, прежде чем объяснил:

– Об этой магии не принято говорить в высшем обществе. Обычные драконы забыли ее и не вспоминают, и уж тем более не обращаются к ней. Но каждый может заключить сделку, достаточно только пожелать и произнести слова «морвиус-нориус-ариус», – он делал паузы между слов, четко разделяя их, но давая понять – их следует произносить вместе, как единое целое. – Последняя визуализация этой сущности волшебства – книга, куда участники вписывают условия сделки. Книга назначает цену. Если участники с ней согласны, они расписываются кровью, и сделка считается свершенной. То, что за витриной, – образец, созданный по моим воспоминаниям.

Я уставилась на пустые листы, раздумывая над словами мага.

– По окончании обучения студенты-маги дают клятву на крови, что отражается в книге, но сама она не является, так как это является частью особой сделки, заключенной между королем Борием Каргатским и мной, когда была основана эта академия, – добавил ректор. – В стародавние времена именно с помощью этой книги черный дракон со своей возлюбленной смог победить старых богов. Взамен остальные драконы лишились магии и почти полностью стали невосприимчивы к ней.

– Почему об этом не рассказывают? Я никогда не слышала об этой книге...

– Потому что короли тысячелетиями противились тому, чтобы драконы участвовали в сделках. Слишком опасно, – разъяснил

ректор. – Не зря говорят, что новая сделка между драконами может нарушить предыдущую, тем самым потревожив вечный покой старых богов. И к тому же книга теперь является только избранным. Почему – никто не знает.

Томара Бай отвлек подошедший секретарь, который что-то передал волшебнику, и ректор, извинившись, отошел, оставив меня наедине с невозмутимым телохранителем.

Я стояла возле витрины, разглядывая металлические углы книги, полупрозрачные страницы, сквозь которые виднелись размытые буквы. В голове моей вертелись странные обрывки воспоминаний. Что-то знакомое, откуда-то из прошлого. Будто мне уже говорили о сделках. О том, как опасно их заключать.

Это скрытое воспоминание растекалось из сердца волной, и мне становилось тяжело дышать. Я будто билась с тенью, пытаюсь прорваться сквозь белую вуаль, за которой скрывалась женская фигура.

– Во мраке встретишь свою любовь, а потом вывернешься добела под взглядом черного. Бойся ходячего среди теней, за ним следуют старые боги.

Я тянусь к фигуре, и пальцы проходят сквозь невесомую прозрачную ткань, погружаясь в нее как в молоко. Это пожилая эльфийка в темном шатре, вокруг нее тысячи огоньков, а она склонилась над котлом с кипящей жидкостью. В ее глазах – абсолютный белый цвет. И она смотрит прямо на меня. Старуха Нэрва.

– Твоя любовь – погибель миру. Забудь о ней, прими другого, а коли сердцу не прикажешь, придется сделку с темным заключать, тем самым путь открыв для мертвецов. Свой разум от любви ты потеряешь, утонешь в ней, а он спасет, и вытащит из тела лед, тем самым пробудив богов. Так кончится эпоха снов...

Монотонно и нараспев говорила эльфийка, убаюкивая ритмичным голосом под бой приглушенных барабанов. А когда я почти погрузилась в сон, она больно вцепилась в мои запястья и прокричала:

– Не следуй по этому пути, Селеста! Не убегай!

Все заволочла белая пелена. Как туман, накрыла с головой, и стало тихо, а в мозгу молотки забились в такт биению сердца. Я прикладываю ладони к вискам, ощущая жар, и опускаюсь на колени. Внутри что-то растет, что-то огромное и бесконечное. Качаюсь из

стороны в сторону, пытаюсь сдержаться, удержать это в себе, ведь если оно вырвется...

– Селеста! Селеста, хватит! Остановись! – доносится снаружи крик, и что-то ударяет меня в грудь, опрокидывая на спину.

Туман рассеивается, показывая надо мной качающийся по странной амплитуде скелет дракола. Молоточки стихают, но, когда я поднимаю голову, чувствую тупую боль в затылке. Оглядевшись, от шока открываю рот. Витрины и открытые статуи разбиты на мелкие осколки. Часть экспонатов разрушена. Книга, возле которой я застыла, буквально на глазах рассыпалась песком, когда рухнула последняя ваза.

Я втянула голову в плечи, озираясь, и только тогда наткнулась взглядом на двух колдунов, без сил сидящих на полу. Амалия и Томар тяжело дышали, настороженно глядя на меня. В углу неподвижно лежал телохранитель. Только по едва вздымающейся грудной клетке я поняла, что он жив, просто без сознания после столкновения со стеной, на которой осталась внушительная трещина.

– Что случилось? – спрашиваю я хрипло, обхватывая саднящее горло.

– Ариус пробудился, – выдал Томар. Он сплюнул сгусток крови на пол и скривился. – Боюсь, мы не сможем помочь обуздать его. Только король способен на равных противостоять тому, что внутри тебя.

Я приподнимаюсь на локтях, ощупывая измятое, местами порванное платье, разглядываю ладони, пальцы, но не вижу ничего необычного. Как будто ничего и не было. Только окружающие разрушения говорили, что это действительно случилось.

– *Не следуй по этому пути, Селеста! Не убегай!*

Слова эхом зазвучали в голове, живот свело от неприятного чувства. Оно судорогой свернуло кишки, и меня вырвало на пол желчью с чем-то белым и густым.

* * *

После случившегося Томар Бай решил отправиться со мной обратно во дворец, чтобы лично сообщить королю о случившемся. Владиса поместили в лазарет – его слишком сильно ударило о стену,

так что он до сих пор не пришел в сознание. На прощание Амалия пообещала меня навестить, как только представится такая возможность. Оказалось, что телохранитель о многом умолчал, и Томар Бай объяснил, что произошло прошлой ночью.

– Она выживет? Как вообще такое опасное растение попало в ее комнату?

– Неслучайно. Ей преподнесли цветы как подарок короля. Девушку хотели убить. И если не найдется лекарства, так и будет.

– Но вы же найдете убийц? Вы один из самых опытных колдунов нашего королевства. Вы так много знаете. И магия... она ведь на все способна! – искренне воскликнула я, наклоняясь к нему и касаясь его рук. Он вздрогнул и непроизвольно отшатнулся, как и я в ответ на его реакцию. – Извините...

– О, это вы извините. Для меня – вы не просто белокрылая драконица, а чудо, которое я и не надеялся увидеть своими глазами. Легенда, – мужчина откашлялся. – Мы постараемся найти лекарство, но... да благословит нас святая Клэрия!

– Знаете, мне странно слышать, что меня сравнивают с ней. Я в детстве читала столько сказок о святой Клэрии. Что она лечила людей, изгоняла беды, с ее помощью черный дракон уничтожил старых богов...

– Не совсем так, – прервал меня Томар. В его глазах проснулся огонек ученого-историка, и он улыбнулся своим мыслям. – Клэрия теперь представляется как сказочная героиня, которая спасла мир вместе со своим возлюбленным Каргом, впоследствии ставшим Каргом I. Их ребенок уже звался Каргатским королем. Но история совсем не так проста, как кажется. То, что я расскажу, никому не передавайте и ни с кем не обсуждайте. Не стоит беречь старые истории.

– Обещаю, – я кивнула, с любопытством глядя на колдуна. Он горел желанием поделиться своими знаниями, и смотрел на меня с таким жадным любопытством, словно я – та самая Клэрия, и все из-за белого цвета крыльев. Странное чувство.

– Старые боги использовали драконов как ездовых животных, в них было мало разума и много звериных инстинктов. А еще была способность пронзать не только пространство мира, но и его грани, отправляясь в соседние миры. Одна из легенд маленького островного

племени гласила, что драконов низвергли до такого состояния за неподчинение богам. Их гнев стер разум драконов, и те пресмыкались перед разумными как подводные драконы, в чьих желудках можно спрятать целый мир. В том же племени есть история о тьме, сорвавшейся с небес и, как метеорит, павшей на землю. Обожженное существо попало к богам, и те вылечили плоть и собрали кости. Так открылся черный дракон. Он обладал невероятной драконьей магией и по силе был сравним с богами. Они приняли его как своего, ведь дракон не признавал в неразумных существах своих собратьев, и был счастлив среди богов. Одно терзало дракона – он был одинок и не помнил прошлого. Его нужду не могли утихомирить прекрасные богини, а боги не находили пару своему равноправному другу. И тогда появилась она. Откуда взялась эта дева – неизвестно, похоже, сами боги вытащили ее из той трещины мироздания, откуда явился черный. Главное, девушка была не такой, как черный дракон. Она была белой. И милосердной. Даже пыталась помочь драконам. Но только рядом с Каргом просыпалась ее сила. Сама она ни на что не была способна. Она боялась черного дракона, пыталась убежать, найти способ вернуться домой, но боги поймали ее и принесли к нему. Они пригрозили Каргу, что если он не усмирит девицу, то они убьют ее, – неожиданно Томар замолчал, погрузившись в свои мысли.

– И? Что было дальше? – не выдержала я. Наша карета достигла пределов дворца и остановилась на заднем дворе. Я не спешила выходить, настолько меня захватила эта странная история, совершенно не похожая на сказки, рассказанные родителями в детстве о зарождении нашего королевства.

– Карг был одержим этой девушкой, а она поняла, что нет способа вернуться домой. И началось время сделок. Помните, я рассказывал вам о книге? Карг заключил сделку с Клэрией. Она становится его женой, а он помогает спасти драконов и остановить вечных, чьи действия вредили не только нашему миру, но многим иным мирам. После этого Карг заключил лживую сделку с богами, которая усыпила их мертвым сном. Но что это была за сделка? И как они согласились на нее? Ответа нет. Я не знаю, правда ли то, что рассказываю вам, кэрра Селеста. Эта история сложилась по осколкам старых легенд за пределами Каргатского королевства, так как короли планомерно стирали историю, сохраняя только хорошее и убирая плохое. Если

жители узнают, что первый черный дракон был одним из старых богов, то что они сделают с его потомком? – в голос Томара вернулась мягкость, а он сам почему-то стал выглядеть очень уставшим. Так, будто тащит на себе невероятный груз, которым не может поделиться. – С другой стороны, кем же все-таки были старые боги? Чего хотели? На кого они походили? Если эту историю я смог собрать по частям, то про них осталось только устное предание разных народов и видов, которые по-разному относились к богам.

– Я надеюсь, что все так и останется, – заметила я, когда утомленный колдун откинулся на обитую плюшем спинку кареты. – Не хочу ничего знать об этих богах, пусть историю окончательно занесет пеплом. Мы живем в прекрасное и удивительное время расцвета эпохи драконов. И все благодаря Каргатским королям. Не стоит беречь старые раны.

– Вы удивительно разумны и умны, кэрра Селеста, – с теплотой в голосе отозвался Томар. – И правда, зачем вспоминать горькую правду о первом короле? В конце концов, его любовь к Клэрии спасла целый вид и создала такое королевство, где даже таким, как я, нашлось место. Если бы не он, то я бы сгорел в пламени инквизиции своей родины. Есть о чем подумать, не правда ли?

Глава 13

Подопечная

Селеста

Томар сдал меня с рук на руки причитающим горничным, которые пришли в ужас от моего внешнего вида. Пока мы шли от черного хода до моих покоев, нам встретились только слуги, но я догадывалась, что они обязательно посплетничают о том, как выгляжу.

А девушки быстро затащили меня в ванную, вновь вымыли и накрутили волосы, подобрали наряд примечательного вида: костюм из мягких материалов, а под ним шелковое нижнее белье: маленький корсет без косточек и невесомые шортики. Просторная рубашка и свободные штаны черного цвета, украшенные золотистой геометрической вязью. На талию сел красивый золотой пояс из бисера, а на ноги надели тапочки в цвет наряда. Совсем чуть-чуть макияжа, волосы распустили кудрявой волной, а на запястья нанесли пряный с корицей аромат духов.

– Я как из заокеанской сказки, – говорю я, восторженно крутюсь перед зеркалом под довольными взглядами служанок.

– Да, кэрра, вам очень идет такой неформальный стиль!

Улыбка моя померкла. Действительно, в таком виде не покажешься перед придворными. Это домашний наряд, хоть и очень красивый. Я провела пальцами по мягкой рубашке, дотронулась до пряжки с королевским гербом, поправила маленькие сережки в ушах и вновь посмотрела на свое отражение. Красивая. Но будто не я, а кто-то другой смотрит из зеркала.

– *Не следуй по этому пути, Селеста! Не убегай!*

Что же имела в виду старая Нэрва, когда говорила это?

Пока я красовалась перед зеркалом, принесли легкий ужин и несколько книг из королевской библиотеки, чтобы я не скучала. Из-за случившегося с Миртой я пока не могла покидать своих комнат и бродить по залам дворца и королевскому парку. Что сильно меня расстроило, так как я надеялась увидеть других невест, поговорить с сестрой и матерью, связаться с братом, да и вообще – нас всех и так

неделю держали взаперти, а вокруг ведь самый настоящий дворец! Мне просто было интересно прогуляться, узнать получше это место.

Мне до дрожи хотелось еще раз обратиться в дракона. И я просто мечтала скорее увидеть Артана. Поговорить с ним, обнять его, еще раз почувствовать тепло его рук и губ, побыть девушкой в объятиях влюбленного мужчины. Это было как сказка, где нет страшного серого волка-оборотня.

Я очень ждала и встречи с королем. Хотела рассказать о слиянии, о том, что мы с Артаном будем вместе и что все наладится. И вообще, к морвиусу предсказания старой эльфийки! Никлос доказал, что все предсказания, – сплошная профанация. И я верю ему!

* * *

На королевское вечернее чаепитие меня сопровождал один из стражников, временно замещавший Владиса. Остановившись возле входа в гостиную, я жестом отправила его назад, а сама нерешительно замерла на пороге. Последняя встреча с королем была непростой. Мне нужно было остаться пару минут наедине с собой, чтобы подготовиться к новой встрече. И тут до меня донесся разговор на повышенных тонах.

– Ник, а как они вообще посмели разговаривать с тобой в подобном тоне? Как такое в принципе возможно? Такие обвинения, да еще с таким наездом! Это возмутительно! Почему ты их не остановил?

– О, милый мой друг, иногда ты обескураживающе простодушен. Что могу сказать, военная муштра отличается от политических интриг. Здесь иной подход нужен. И к тому же меняется сама основа государственного строя, разве ты не замечал этих изменений?

– Не понимаю, о чем речь, – ворчливо заявил Артан, а король рассмеялся.

– Тогда проведем небольшой урок. И ты, дорогая Селеста, прекращай подслушивать, заходи и садись рядом, тебе тоже полезно узнать такие вещи.

Я покраснела с головы до ног. Потянув ручку, открыла дверь и вошла в уютную комнату в заокеанском стиле. Мужчины сидели на полу, подложив мягкие подушки, перед ними стоял низенький столик с

чайным набором и корзинками, полными заокеанских сладостей. Позади горел камин, разбрасывая по комнате теплые золотые лучи и подсвечивая изумленные лица драконов. Видимо, я и правда изменилась, раз даже король потерял дар речи от моей внешности. Так я еще больше покраснела, опуская взгляд.

– Маркл великолепен, он превратил тебя в настоящее чудо, – охрипшим голосом сказал Никлос, а Арт вскочил с места, чтобы буквально утопить меня в своих объятиях.

Это соприкосновение сняло напряжение, и я полностью расслабилась, будто купаясь на волнах счастья. Сквозь полуприкрытые глаза вижу, как вновь разгорается белый свет нашего слияния, и замечаю странный взгляд Никлоса. Неужели он завидует нам?..

– Я так соскучился по тебе, – шепчет Арт, а я погружаю пальцы в его кудрявые волосы, чтобы он слегка отстранился, и я могла поцеловать его. От поцелуя закружилась голова, меня куда-то качнуло и в груди вновь раскрылось жаркое солнце. Я оторвалась от Арта и попятилась назад, прижав руку к сердцу. Нет-нет-нет, только не опять!

В панике я уставилась на молчаливого короля, хотела что-то сказать, но онемела, и тут это случилось. Из пор кожи выползает белый плотный дым, он расплзается во все стороны, завиваясь спиралью, оплетая руки и ноги.

– Сэл, не двигайся, – очень тихо говорит Ник, тогда как Арт безрассудно идет ко мне, и тогда дым атакует его, отбрасывая к стене. Если бы не король, он повторил бы подвиг Владиса, однако нориус вовремя поймал в полете Арта и невредимым опустил на пол.

Другая волна тьмы столкнулась с ариусом, и они как настоящие звери зашипели странным стрекочуще-скрипящим звуком. Ник поднялся, и я сделала несколько шагов вперед, рассматривая полосы от своих рук до сплетающегося и расплетающегося клубка света и тьмы.

– Кажется, они притираются друг к другу, – заметил Ник, когда звуки сменились на странное урчание и нориус с ариусом перестали походить на рассерженные шарики. Теперь они словно ластились друг к другу.

– Как это убрать? – мой голос плаксивый, как у нашкодившей девчонки, так испуганно я себя чувствовала, не сводя глаз с сюрреалистичной картины над столиком.

Никлос поморщился, но объяснил:

– Пока не сможешь призвать душой, проси вслух. – Он махнул в сторону своей груди, отчего нориус, по которому прошлась мелкая рябь, отхлынул от ариуса и крайне медленно втянулся в короля.

– А-ариус, вернись ко мне, – запинаясь и чувствуя себя крайне глупо, попросила я. К моему удивлению, это сработало. Даже было приятно, когда он, как котенок, лаская мою кожу, влез внутрь, вызывая легкую щекотку.

– Так просто будет не всегда, – заметил Ник, помогая Артану подняться. – Именно об этом я говорил Арту, предупреждая, что вас ждет. Ариус собственник, как и нориус. Вы оба слишком молоды, и пока не установите границы, пока не сольетесь воедино, ариус всегда будет реагировать на сильные чувства и будет пытаться перехватить контроль. Присутствие нориуса успокоило его, но нам просто повезло. В другой раз все может пойти плохо. Как это уже было сегодня.

Я кивнула, виновато глядя на обоих. Мне было стыдно и обидно как за свои эмоции, так и за поведение. Я почувствовала себя деревенщиной, и это было неприятно. Вдвойне обидно, когда король донес до меня вчерашний ночной разговор с Артом. Когда объяснил, что нельзя объявлять о помолвке. Что мне нельзя замуж. И как мой попечитель, он запрещает мне покидать дворец, а видиться с Артом я теперь смогу только на людях. Никаких личных встреч.

Любое слово против он резко обрывал, объясняя, что будет, если вырвется ариус, а нориуса не окажется рядом. Ариус не просто белый дым, который, как ветер, поднимает предметы, он способен в пыль стереть дворец. Точно так же, как когда-то нориус проложил путь сквозь Бросвальскую гриву.

Артан все-таки обнял меня, удрученно поглядывая на друга. Мы сели напротив Ника, держась за руки. Кажется, это все, что нам дозволено, и от этого стало еще горше.

– Селеста, все наладится, – попытался успокоить меня король. – Это не навсегда. Пару лет...

– Несколько лет? – воскликнула я шокированно, до боли сжимая руку Арта. – Почему так много?!

– Я учился контролировать нориус почти десять лет, – осторожно заметил Ник. – Несколько лет – это прекрасная цифра. Если ариус такой же своенравный, как и нориус, все затянется. Будем смотреть по обстоятельствам.

Мы с Артом переглянулись. Так странно, но мы как будто читали мысли друг друга, и это успокоило возмущение. Слияние – это навсегда. Что такое несколько лет перед долгими годами совместного будущего? Да и потом, может, мы не сумеем пожениться, но наша связь уже начинает действовать. Я чувствую его, а он меня. И это греет нас обоих.

– Справимся, – ответил Арт. – И я думаю, что ариус примет меня гораздо раньше. Если связь ариуса с носителем хоть отдаленно напоминает слияние – все произойдет гораздо быстрее.

– Как одна душа на двоих, не так ли? – улыбнулся Ник. – Рад, что вам так повезло, хотя все произошло не в самый удачный период.

– Да, мне рассказали, что случилось с Миртой, – я обняла Арта, прошептала: – Держись, выход обязательно найдется!

– О, я тоже хочу в это верить, – заметил Ник, а сам совсем попростому разлил по чашкам чай из самовара и протянул мне тарелку со сладостью, которую обозвал рахат-лукумом.

– Так объяснишь свою точку зрения, Ник? – перехватывая у меня лукум, спросил Арт. Мы устроились рядом, я положила голову ему на грудь, он обнял меня за талию, и все это получалось так естественно, словно было всегда. Два камешка с идеальной ложбинкой и выпуклостью. Мне даже щекотно стало от этой ассоциации.

Необычно быть одним целым с кем-то, кроме сестры. А ведь только мысль о ней – как нож по сердцу. Арт чувствует этот удар, сильнее прижимая меня к себе и говоря мысленно: «Я рядом, я здесь и никуда не денусь».

При тусклом свете камина лицо Никлоса напоминает глиняную маску, исчерченную черными линиями морщин от усталости. Он откинулся на подушки и запрокинул голову.

– Это начал дед Вернон. Он был дальновидным правителем и понимал, что у государства нет развития без изменений самой основы нашего строя. Мы не можем торговать и сотрудничать с эльфами, пока нас считают диктаторами, пока в нашей стране процветает подобие рабства, пока простые люди голодают, тогда как аристократия процветает, ничего не делая. Столетия страна развивалась за счет военных операций, нашего продвижения вглубь материка, присоединения независимых драконьих домов, подавления мелких людских княжеств и гномьих общин. Все это давало мощный толчок

экономике, как и налаживание контактов и совместные военные операции с нашими заокеанскими союзниками. Но темп сильно замедлился, и дед начал искать способы, как все изменить.

– Он принял закон о свободном перемещении простолюдинов и дозволении им владеть землей на территории королевства. Я помню, с каким жаром главы Серебряного и Коричневого домов отстаивали поправки к этому закону, которые фактически его ликвидировали. Они упирали на то, что такая свобода губительна для отдаленных регионов и увеличивает количество преступлений, – напомнил Арт, специально для меня углубляясь в подробности. Он догадывался, как мало я вообще обо всем этом знаю.

– Не только это, но направление верное. Дед вместе с женой Грициллой из Бирюзового дома, по сути, создали то, что сейчас называют расцветом Каргатского королевства. Те законы, которые он ввел, а затем поддержал отец, привели к тому, что сейчас я не могу просто выпустить нориус на Совете, чтобы утихомирить аристократов. Это будет конец всему, что они делали. Сама суть изменений – уход от диктатуры силы и страха. Как оппонент может со мной не соглашаться, если боится нориуса? Другое дело знание, что сила подчиняется строгому и справедливому закону. Только благодаря такой политике мы нашли понимание у подводников. Только благодаря четкой государственной структуре наши зарубежные партнеры имеют с нами дела. Вся наша система выходит на новый уровень власти, и мы не можем возвращаться к прошлому.

– Потому что иначе они объединятся и уничтожат нас? – задумчиво протянула я, невольно перебив короля. – Вы именно так объяснили мое положение.

– По крайней мере, попробуют. И поэтому я обязан слушать своих подданных, а не затыкать им рты, если мне не нравится услышанное. В конце концов, то, что я делаю, приведет к тому, что наши знатные семьи не всегда будут у власти. Я готовлю новый пакет законодательных актов, по которым серокрылые смогут претендовать на посты благородных. Отец открыл для них бесплатное образование в академиях, с обязательной отработкой в государственном аппарате. Сейчас видно, что это было успешное предприятие. И я намерен продолжить его начинание.

– Подожди-подожди, я правильно понимаю, ты собираешься уничтожить саму основу аристократов? Наши дома и так перемешиваются из-за смешанных браков, а теперь это? Серокрылые у власти? Что потом? – Артан сжал мою руку, с неприятным удивлением глядя на Ника.

– Сильно не забегай вперед, – рассмеялся тот, отсалютовав чашкой с чаем. – Дед оставил свои дневники, и та реформа, что он начал, будет длиться несколько поколений. Если все будет идти так, как идет, то к тому, о чем ты говоришь, придет мой внук. О, какое замечательное настанет время!

А я вот сижу и думаю, зачем мне все это знать? Это было настолько далеко от меня, что я просто в ступоре поела сладкое и пила чай, пытаюсь хоть немного осознать, о чем они говорят.

– Ладно, мы немного утомили кэрру Селесту политическими разговорами, предлагаю сменить тему и сыграть в карты. Например, в лахту? – заметив мое выражение лица, предложил Никлос и вытащил из шкатулки, инкрустированной мелкими драгоценными камешками, колоду золотистых карт.

Возражений не последовало, а наоборот, лично я вздохнула с облегчением. Мне была знакома эта игра, и я была рада отвлечься от всех проблем. Поначалу в партиях активно выступали только мы с королем, Арт витал где-то в облаках, пропуская ходы и забывая о козырях, но постепенно он вернулся на землю, и игра пошла бодрее. А потом они на пару начали травить байки о своих приключениях в красных песках во время войны с песчаными демонами, и стало еще веселее.

Я не знаю, сколько прошло времени, но играть мы закончили точно ближе к рассвету. Под конец вместо чая мы пили красное вино, я расслабилась и сама вспомнила несколько забавных историй из босяцкой юности, когда мы с братом лазали по горам и охотились на горных троллей. Хорошо, что ни одного не нашли, зато было что вспомнить.

Как-то незаметно, в ходе беседы пару раз мы перешли с королем на ты, а потом и вовсе стали обращаться друг к другу по имени, и это случилось вполне естественным образом. Удивительно, но в этой маленькой гостиной вместе с Артом король был совсем иным, чем на троне, где от него так и веяло холодом. Он много шутил, не стеснялся

подтрунивать над нами, с азартом резался в карты и вообще казался абсолютно нормальным человеком, а не абстрактным повелителем Каргатского королевства.

Наверное, так получилось, потому что я вошла в его близкий круг, став его подопечной. А еще мы с Артом теперь всегда будем вместе, а он единственный близкий друг короля. Не знаю, как сложатся наши отношения в дальнейшем, все-таки я немного побаивалась короля из-за нориуса, но эта ночь была одной из лучших за последние несколько лет. Я оказалась так далеко от той девочки, которая всего полторы недели назад сошла со ступеней кареты во двор королевского дворца... Больше не дочь Калисты Винцель, не та девочка из бедной семьи, которая зависит от мнения матери.

Теперь я стала совсем другой. Даже если не думать о белизне крыльев, то, сделавшись подопечной короны, я попала на шахматную доску в качестве пешки. И коли я окажусь достаточно умной, то превращусь в настоящую фигуру в придворной игре.

Именно об этом вскользь всю ночь говорил король. Намеками давая понять, что мне придется очень много работать и учиться быть не обычной кэррой, а настоящей приемной дочерью Каргатского короля. Не быть мне просто женой маршала Артана Гадельера. А быть ему мужем кэрры Селесты Каргат из Черного дома.

* * *

Сон на рассвете – самый паршивый из всех. От него не высыпаясь и чувствуешь себя отвратно, да еще и муть всякая снится. Какие-то обрывки вчерашнего дня вперемешку с воспоминаниями о жизни среди эльфов. И в замке долины Винцель я наверняка бы проспала до полудня, но у меня теперь новый дом и новые правила жизни.

Подъем в восемь, хлопоты горничных, новое платье в королевских тонах, изысканные украшения, духи, и все это ради обычного завтрака, правда, в необычной компании. Оказывается, по традиции король собирал вместе доверенных подданных за завтраком в малой столовой.

Он уже с утра вел дела, несмотря на затянувшиеся ночные посиделки. И для остальных участников не было исключений. Так что моя первая встреча с аристократами в новом статусе случилась утром, и только благодаря умелым рукам горничных я выглядела пристойно.

Я не успела покинуть комнату, когда постучали, и вежливый молодой посыльный передал мне голубую коробочку с блестящим бантом. На записке аккуратным женским подчерком пожелания счастливой жизни и поздравления с прошедшим Равновесием от подводной принцессы Сэлавелии. Судя по всему, подарок должны были отдать вчера, но из-за досмотра доставка затянулась, и только сегодня он попал ко мне в руки.

Внутри на белом атласном ложе покоилась крупная перламутровая ракушка.

* * *

В малой столовой меня посадили по правую руку от Никлоса, по левую уже сидел Арт, рядом с которым находился Вран Грацбургский с женой, чуть поодаль еще несколько придворных, представившихся как служащие Секретариата и казначейства. Со мной села Винелия Барбская, чуть дальше Вира Брунцкая – как заместитель главы Совета Женевры, и дэр Томар Бай. Словом, узкий круг.

В беседе я не участвовала, только мотала на ус, как и что говорят придворные. Старалась перенимать придворный этикет, следила, как другие женщины двигаются и ведут себя за столом. И из-за этого ела как цыпленок, по зернышку, с любопытством наблюдая, как раскованно это делал Артан. Большому кораблю большое плавание, маршал ел на зависть всем, да с каким удовольствием!

– Вчерашний Совет оставил странное послевкусие, – как бы вскользь заметил канцлер, аккуратно помешивая сахар в кофе. Пиетта, его жена, цокнула языком, отправила в рот виноградинку и покосилась на меня, будто взвешивая на весах и прикидывая, что же со мной делать.

– Разумеется, кэрр Брошин повел себя неделикатно, выступая перед принцессой с обвинениями против короны. Но ему так хотелось уделить внимание нашим проблемам, что он спутал внешний и

внутренний Советы, – с прохладцей в голосе ответил Ник, разделявая на тарелке кусок вареной курицы.

Дальняя сторона стола, где сидели представители Секретариата и казначейства, притихла. Особенно занимательно выглядел нервный мужчина лет восьмидесяти со смешными усами, торчащими в разные стороны. Он поминутно вытирал пот с лица и шеи и явно чувствовал себя не в своей тарелке, боязливо косясь то на Арта, то на короля, то на канцлера.

– Непростительно, – закивал Вран. – В такую трудную минуту... но согласитесь, странно, что все так совпало с прибытием Сэлавелии. Тот же день, почти тот же час. И наша драгоценная невеста пострадала...

– Грязные инсинуации! – внезапно вскипела Винелия, со звоном бросая столовые приборы. – Принцесса является представителем древнейшего вида на нашей планете, она образец доброжелательности и лояльности к нашему королевству. Именно она последние годы проталкивает через отца все совместные сделки. Как можно подозревать ее в подобном? – продолжала негодовать драконица, к вящему удивлению присутствующих.

– Винелия, я уважаю ваш пыл, но он неуместен, – спокойно осадил девушку Никлос. – Как и домыслы, не подтвержденные доказательствами, – а это уже был камешек в огород Врана, который криво улыбнулся в ответ, допивая кофе.

– Я не обвиняю, просто замечаю, что Брошина можно понять. В любом случае расследование активно ведется. Думаю, скоро мы узнаем, кто виновен в случившемся, – и Вран бросил весьма выразительный взгляд на Винелию, которая только досадливо фыркнула. Она промокнула губы салфеткой и, с разрешения короля, вышла из-за стола.

– Какие все нервные, – засмеялся Арт, подмигивая мне. – А вы, кэрр Сторен, почему так тревожны? Неужели моя задачка оказалась вам не по силам?

Мужчина затрясся, качая пухлой головой. Его лицо сильно покраснело, он раскашлялся и потянулся за стаканом воды, но уронил его на стол, и во все стороны потекли ручейки. К нему устремился один из прислужников и спешно принялся наводить порядок, пока Сторен и его соседи вышли из-за стола и отошли в сторону.

– Я... я... справляюсь. Да-да, справляюсь. Завтра... в крайнем случае послезавтра, отчет о действиях кэрра Викра будет у вас на столе! – запинаясь и посекудно кланяясь, проговорил Сторен. Мелкими шагами он попятился к дверям и, замерев на мгновение у порога, пулей вылетел из комнаты.

Заметив мой озадаченный взгляд, Арт пояснил:

– Это один из заместителей бывшего начальника Секретариата, кэрра Викра Брянского. Именно через это учреждение поступают все письма от наместников, мэров, градоправителей и простых жителей нашего королевства. Недавно вскрылось, что часть писем просто исчезает в архивах, вот я и затеял небольшую кадровую перестановку. Выбрал заместителя, не состоящего в близком родстве с Викром, поручил ему провести ревизию и оценку действий бывшего начальника, который дает признательные показания...

– Тайной канцелярии, – с радушной улыбкой на устах закончил за него Вран. – Взятки, кумовство, пренебрежение дальними провинциями – все это необходимо искоренить. Плохо, что такое масштабное дело наложилось на случившееся во дворце.

– Вран, твоя задача – найти отравителей. А Секретариатом пусть Арт занимается. Если он не будет справляться, отдам Богарта в помощники, он умный, разберется, – заметил Никлос, завершая трапезу и переключаясь на напитки.

– Когда невесты смогут навестить родных? – робко спросила Вира, которая за время завтрака так и не притронулась к еде.

Король жестом подозвал слугу и потребовал, чтобы ему принесли чашку кофе, выгадав таким образом время для ответа.

– Вран, девушек уже допросили?

– И не один раз. Никто ничего не видел и не слышал. Как и горничные.

– Никто больше не заболел, так что снимаю карантин. Они свободны, но им нельзя покидать пределы столицы. К сожалению, все празднества отменяются вплоть до свадебного цикла. Он состоится при любом раскладе.

– Я могу навестить Мирту? – неожиданно для себя самой спросила я у Ника, и за столом стало тихо. Все присутствующие уставились на меня, будто мебель заговорила. Под такими взглядами

мне стало некомфортно, и я пожалела, что волосы забраны в сложную прическу и я не могу за ними скрыться.

– Мое мнение – не стоит белокрылой находиться рядом с зараженной неизученной болезнью девушкой, – тотчас влез Вран, а его жена медленно кивнула и все посмотрели на короля.

– Если ты этого хочешь – почему нет, – пожав плечами, ответил Никлос. – Для тебя эта болезнь не смертельна.

– Да? – удивился Арт, но, переглянувшись с королем, понял почему. Ариус.

Глава 14

Так много яда

Селеста

В женское крыло меня сопровождал сам король, с Артом я не успела перемолвиться – он убежал по делам в Секретариат. Прошлой ночью мы договорились, что не будем никому сообщать о слиянии. Пусть это останется тайной, насколько это вообще возможно, учитывая, что обо всем знает Брошин.

Томар Бай, который за завтраком молча ел и с интересом слушал застольные беседы, также отправился с нами. Видимо, у них с Никлосом потом будут какие-то дела, а пока колдун развлекал меня беседой о русалках. Рассказывал какую-то странную сказку о русалочке, которая не могла сама отрастить себе ноги и поэтому обратилась к подводной колдунье. А король всю дорогу общался со своим секретарем Богартом, весьма милым юношей с толстенной папкой срочных дел в руках.

– Какая глупая сказка, – заметила я, когда Томар закончил. – Неужели она не могла научиться писать? Она же понимала, что говорит принц, значит, знала устную речь. Научиться писать: «Это я спасла твою жизнь» не так сложно! Да и вообще, пантомима на что?

– Это всего лишь сказка о жертвенности и предательстве. Об осторожности для влюбленных.

– Только концовку будто шелки сочинили: вырвать сердце из груди принца – какая в этом любовь?

– А что бы вы сделали? – лукаво поинтересовался Томар.

– Кроме очевидного? Не заключала бы сделку с ведьмой. Сделки до добра не доводят, – фыркнула я, поджав губы. Колдун кивнул, будто соглашаясь, но в глазах его мерцали темные искры, и мне слышался благоговейный шепот о книге сделок.

В женском крыле ничего не изменилось, кроме самой атмосферы подавленности и грусти. Девушки собрались на диванчиках, о чем-то переговариваются негромко, перед ними на кофейных столиках легкий десертный завтрак с напитками, но мало кто к нему притрагивается.

Наше появление вызвало оживление среди невест. Многие потянулись за маленькими зеркальцами, чтобы поправить макияж и прически, но центральная кэрра только медленно встала, чтобы тотчас опуститься перед королем в глубоком реверансе. Ее кремово-розовое воздушное платье с корсетной вставкой от легкого сквозняка разлетелось мягкой волной и опало в такт ее движениям.

Я бы позавидовала Кирнан, ее грации и легкости, безупречности и совершенству, но... это чувство позавчера было утрачено, когда до меня дошло, что нам нечего делить. Мы идем разными путями, и наши дорожки никогда не сойдутся.

– Ваше Величество, какой приятный сюрприз, – мягким грудным голосом заговорила она. – Вы пришли с благими вестями?

– Не такими, как нам всем бы хотелось, – в тон ей ответил король, оценив ее деликатность. – Дорогие кэрры, период вашей изоляции подошел к концу, вы можете отправляться по домам. Разумеется, если не захотите остаться. К сожалению, празднества в честь Равновесия в этом году отменены. Исключение – свадебный цикл. Я не собираюсь лишать вас достойного будущего.

– Я хотела бы остаться рядом с кэррой Миртой, моей дорогой подругой. В этот горький час нельзя оставлять ее одну, – тотчас сориентировалась Кирнан, и несколько ее подруг закивали, поддерживая главную.

– Как пожелаете, – безэмоционально ответил король.

Распрощавшись с девицами, мы направились в самые дальние комнаты женского крыла. По дороге меня попыталась перехватить бледная до синевы сестра, но я увернулась, мне не хотелось ее видеть. И вообще я чувствовала себя отвратительно под пристальными завистливыми взглядами невест, среди которых встречались и, наоборот, благоговейные. Это как искупаться в чане с медом и дегтем. Мерзкое, липкое ощущение.

* * *

В комнате очень холодно. Настоящая уличная свежесть при открытых нараспашку окнах. Занавески поднимаются параллельно полу, раздуваются от сквозняка, гоняя по лицам солнечных зайчиков.

На большой кровати под балдахином на белой простыне под одеялом лежит девушка, некогда бывшая домашним солнышком. Сейчас только макушка торчит наружу, а все остальное скрывается от солнца в глубине постели.

Никлос торопливо подошел к кровати и буквально сдернул с девушки одеяло, открывая лицо солнечным лучам. В ответ Мирта зашипела как кошка и попыталась натянуть одеяло обратно, но не смогла и тогда сама, как гусеница, полезла вниз, чтобы спрятаться. На белом постельном белье отчетливо виднелись черные кляксы, измазавшие подушку и простынку.

– О, святая Клэрия! – воскликнула я непроизвольно, приближаясь к ним.

Тогда Ник выпустил нориус, и это действие будто цепями сковало меня. Его тьма обвила руки и плечи девушки и вытащила ее целиком из постели. Мирта закричала, извиваясь и пытаясь скрыться от света, но крик оборвался диким кашлем с черным дымом, она обмякла и потеряла волю к сопротивлению.

– Так быстро прогрессирует, – задумчиво протянул Томар. – Я надеялся, у нас есть как минимум месяц. Но счет идет на дни.

Напряженный взгляд Ника – вот ответ. Он опустил девушку поверх одеяла, а сам присел рядом. Положив на нее руки, мужчина еще раз выпустил нориус, который влез в нее, чтобы вытащить, как крючком, тонкие нити черного дыма.

Тьма окружила тьму, сплетаясь в большой шар и медленно уплывая через окна на улицу. Назад вернулся только нориус. Он покругил по комнате вокруг Мирты, замер надо мной, а после неторопливо вернулся в хозяина.

Лицо Ника – белое и покрыто испариной. Ему тяжело далась эта процедура, хотя со стороны казалось, что он ничего не делал. Сейчас король нежно гладил руку девушки, и даже издалека были видны совсем крошечные нити нориуса, вползающие в вены Мирты и выползающие сквозь поры. Когда Никлос закончил, к нему подошел Томар, чтобы помочь встать, настолько изможденным выглядел король. Замерший поодаль Богарт догадался выйти в коридор, где разогнал девиц по комнатам. Никто не должен видеть повелителя в таком состоянии.

– Сэл, побудь с ней, пока не проснется. Потом Томар тебя сменит, хорошо? – едва слышно попросил Ник. Колдун осторожно обхватил его за плечи, чтобы удобнее было вести. Не было нужды отвечать, я понимала, насколько все серьезно.

Случившееся не просто трагедия, это настоящая катастрофа для королевства. Равновесие – ключевое событие в жизни каждой драконицы. Столичное празднество – основа союзов аристократов, так как Равновесие включает в себя договорные браки, и все самое важное за год происходит именно весной. Ведь дворцовые невесты – будущие жены глав родов и матери грядущих первых лиц государства. Поэтому всем так важно получить приглашение на это событие. Поэтому случившееся – пощечина по драконьим лицам. Страшное оскорбление, как издевка, нанесенная самым прямолинейным способом. Отравить невесту ядом из личной оранжереи короля. Медленным ужасающим способом, да еще таким, чтобы даже всемогущий правитель не мог справиться с ним... Это как...

– Попытка переворота... или унижение? – прошептала я негромко.

– Что? Что ты сказала? – Ник остановился у самых дверей, стряхнув руки Томара. Он уставился на меня, будто я сказала нечто новое.

– Слишком демонстративно. Деморализующе, – я облизнула губы, пытаюсь найти подходящие слова.

– Это слишком ярко, – продолжала я, собравшись с мыслями. – Вызывающе. Нагло. Но, кем бы они ни были, они не могут победить нориус. Не могут свергнуть вас. А значит, хотят унижить, растоптать уверенность, подавить, заставить следовать своей воле. Будут еще провокации, – догадка была как прозрение. Я точно знала – так и случится. Как и Ник, в напряжении раздумывающий над событиями.

– Ваше Величество, нам надо идти, – осторожно намекнул колдун, когда король слишком долго простоял на одном месте. Очнувшись, он кивнул и без поддержки направился к выходу, сказав только:

– Поразмышляй над этим. Свежий взгляд со стороны, без вовлеченности, то, что надо, – и он улыбнулся углами губ, вызвав ответную улыбку. Я даже почувствовала немного гордости за себя, раз смогла хоть чем-то помочь.

Оставшись наедине с Миртой, я без стеснения прошлась по комнате, порылась в комодах, нашла свежее белье. Мне пришлось разбудить девушку, аккуратно вытащив из-под нее подушки, чтобы заменить наволочки, а затем сменить простыню. Даже мимолетный взгляд на черную слизь вызывал отвращение, и я скомкала ткань, свернула в узел и унесла в ванную, где тотчас замочила в широкой раковине.

Едва я коснулась черноты на ткани, волосы на моих руках встали дыбом, и я ощутила мелкие мурашки. Из пор проступил дымок ариуса, который влез в мокрую ткань, покрывая поверхность раковины молочной пеленой, полностью скрывшей руки. Замерев на месте, я осторожно подняла руки, вызывая мелкие завихрения. И ариус медленно-медленно, как влажный воздух, вернулся ко мне, покрывая кожу липким ознобом.

Ткань же осталась совершенно белой. Будто и не было ничего.

* * *

Мирта долго не приходила в сознание, оставаясь на границе между сном и явью. Тревога кривила ее лицо, она что-то шептала неразборчиво, махала руками, ворочалась, борясь с внутренними демонами, и только через час, наконец, погрузилась в глубокий, спасительный сон. Даже я немного задремала, пока ждала ее пробуждения.

– Зачем ты здесь? – выдернул меня из дремы безучастный голос.

Подняв веки, я натыкаюсь на словно посеревшие от усталости глаза. Ее обескровила эта болезнь. И она знала, что обречена.

– А почему бы мне не быть здесь? – отвечаю я в тон, но слегка хмурюсь. – Тебя небось уже тошнит от приторного сочувствия остальных невест? – она дернула бровью, но не ответила. – А где твоя семья? Где мама и папа? Где братья и сестры? Вас так много, но ты одна?

– Все боятся меня, – и она закашлялась в руку, быстро пряча ее под одеяло, чтобы я не увидела новую порцию слизи. – Кто-то пустил слух, что я заразна, и их всех как ветром сдуло. Даже люди отказываются приходить.

– Seriously? Король ведь говорил – ты не заразная. Опасно растение, а не ты. Забавно, многие девицы в гостиной изъявили желание остаться во дворце, чтобы ухаживать за тобой. Как же они будут это делать на расстоянии?

И она улыбнулась. Даже более того, улыбка была искренней. Довольной.

– Да пошли они. Но я, конечно, не откажу себе в удовольствии поиздеваться над ними. Особенно над задавакой Кирнан. Она вся такая беленькая, чистенькая, но даже порога комнаты не преступила, издав желала скорейшего выздоровления, – лицо Мирты искривила злоба. – Лицемеры. Я умираю, а они все мне свою фальшь в физиономию тычут. Я вдруг поняла, что бесит именно это. Не смерть, а равнодушие и даже раздражение, которое от них идет. Будто я не слышу, как они специально под дверями вчера обсуждали, что их заперли из-за меня и, скорее всего, отменят все празднества. Что я виновата в том, что понюхала эти цветы и заболела. Проклятые гадины! – и она горько заплакала.

Я молча слушала ее отчаянную тираду, а когда прорвало плотину, забралась к ней в постель с ногами и прижала страдальницу к груди, глядя ее спутанные, огрубевшие волосы. От девушки неприятно пахло чем-то гнилостным и затхлым, вблизи слышался клекот в груди, и слезы мешались с чернотой, а всхлипывания с надсадным кашлем.

Пытаясь успокоить ее, я что-то несвязное говорила шепотом, утешала как малыша, разбившего коленку, следя только за интонацией и вкладывая всю возможную нежность в свои слова. Немного сочувствия, немного тепла, просто чтобы ей стало легче дышать. Чтобы она поняла, что она не одна.

И это сработало. Я даже уговорила ее подняться и помогла принять ванну, собственноручно жесткой мочалкой вымыла тщедушное тельце, намылила волосы, расчесала и даже слегка прошлась горячими руками, подсушивая, а после заплетая в косы. Такие простые процедуры успокоили девушку, она ни разу не закашлялась, пока я ее мыла, а наоборот, вспомнила, как сама купала шестилетнюю двоюродную сестру, когда та измазалась в малиновом варенье.

Когда вернулся Томар, мы уже общались как старые подруги. Ледок, который чувствовался до всех этих событий, разбился. Я

узнала, что Мирту хотели выдать за Артана, но между ними не было искры, возникшей между нами. Девушка позавидовала, как легко я нашла общий язык с Артом, ведь сама она робела в его присутствии. А когда она узнала, что мы слились в одно целое, то буквально расцеловала меня в обе щеки, по-настоящему обрадовавшись за нас.

Правду говорят, слияние понячь способен только зеленый дракон...

* * *

С Миртой я провела почти шесть часов и довольно сильно проголодалась за это время. Томар обещал разобраться, почему горничные избегают больной, и дал слово, что за ней будут лучше ухаживать. А я дала понячь, что лично прослежу за этим. Меня удивило, как серьезно колдун отнесся к моим словам. Видимо, я могу быть убедительной.

Уходя, я заметила легкий румянец на щеках девушки и порадовалась, что ей стало лучше. Неудивительно, что она так быстро угасала – без малейшей поддержки, брошенная, с ворохом сомнений в голове – ей даже не с кем было поговорить. А я просто оказалась рядом и выслушала ее. Иногда этого достаточно.

Миновав коридор и оказавшись в общей гостиной, я увидела сестру. Она сидела на диванчике, склонив голову над книгой, с идеально прямой спиной, в серебристом закрытом платье с воротничком под горло. Ее прекрасные волосы стремительно окрасила седина, которую подчеркнули с помощью прически. В облике Калисты не осталось и намека на зеленую кровь. Она полностью перевоплотилась в серебряную драконицу.

Услышав шаги, девушка вскинулась и с тревогой впилась глазами в мое лицо, ища хотя бы намек на понимание. Она вскочила с места, уронив на диван книгу, стремительно пересекла комнату, порывисто обхватила меня за плечи и притянула к груди.

– Прости, пожалуйста, прости меня, о святая Клэрия, ты никогда не сможешь простить меня, как же я виновата, как я могла... но как я могла представить, что все так обернется?! – бессвязно запричитала сестра, цепляясь за меня и словно пытаясь таким образом выразить

всю свою вину. Она сделала попытку склонить наши головы в привычном жесте, когда мы касались друг друга лбами, но я отстранилась.

Кали обхватила себя за плечи, дрожа словно от холода.

– Клянусь святыми, я не знала! Нет-нет, не знала, что все так будет! – с мольбой заговорила она. – Брошин лишь намекнул, что одна из нас может оказаться серебрянокрылой, и уговорил на этом основании перейти под его опеку, а он уж позаботится о достойной партии... И Деян, он так смотрел на меня, Сэлли! Поверишь ли ты, что я влюбилась как девчонка и просто не смогла остановиться? Я думала, раз мои крылья серебряные, значит, твои точно будут зелеными. И Брошин говорил маме, что поможет Кристану с поступлением. И я поверила, что он позаботится о нас, ведь он наш дедушка! – Сестра запрокинула голову, чтобы сдержать поток слез – на ее лице достаточно макияжа, чтобы остались следы, если она заплачет. – А потом стало слишком поздно. И Брошин оказался... совсем не таким милым. Когда он понял, что потерял тебя, он собирался отыграться на мне, однако Деян во всеуслышанье заявил, что мы помолвлены. Деду ничего не осталось, кроме как поддержать это решение, – она замолчала. Резко остановила словесный поток, заметив кого-то за моей спиной.

Обернувшись, я увидела Кирнан, которая с прищуром глядела на Калисту. И тогда сестра взяла себя в руки, нацепив дежурную улыбку. Она вновь обняла меня, но в процессе развернула в сторону от Кирнан.

– Сэлли, приходи ночью в парк. К высокому дереву, стоящему у ограды. Я должна сказать тебе кое-что очень важное. Пожалуйста, ты должна выслушать меня! – едва слышно прошептала она. Выпустив меня из объятий, сестра громко заявила: – Я так рада, что ты нас навестила, сестра Селеста. Своим присутствием ты разогнала тучи серости над этим местом. Хотела бы я увидеть тебя в гостях в поместье Адегельских, где остановилась наша мама.

– Как подопечная короны я своим временем больше не распоряжаюсь – на все воля короля. Но для тебя, сестра Калиста, я попытаюсь найти свободное окно, – моей ледяной улыбке позавидовали бы шелки, а сестра едва заметно кивнула, понимая подоплеку моих слов.

До вечера я была одна в своих комнатах, окруженная книгами из королевской библиотеки. Под впечатлением о прошлой ночи я погрузилась в сказания о красных песках и погребенном городе демонов. Пока я должна была оставаться в изоляции, но скоро начнутся занятия с учителями, которых выбрал Никлос.

Сегодня что Арт, что Ник заняты, так что вечерних посиделок не намечалось и я опять ужинала в одиночестве. Ближе к вечеру мне принесли красивые полевые цветы из оранжереи. Это горные колокольчики, родом из Гадельерской долины. В записке Артан обещал скоро навестить меня, он что-то интересное задумал, чтобы я немного развеялась.

Незаметно наступила ночь. От желтокрылой подруги, приславшей мне прощальное письмо, я уже знала, что из невест остались только Кирнан с Милан и Калистой, а также Анка и еще несколько девиц. Остальные, включая саму Паули, разъехались по поместьям и городским домам в ожидании майского свадебного цикла. Многие так и не обзавелись женихами, так что их родителям предстоит устраивать случайные встречи в городском квартале увеселений, в королевском парке, на набережной и так далее.

Мою подругу-сплетницу особенно интересовало, почему Кирнан до сих пор не обзавелась женихом. На нескольких страницах она изложила пропущенные мной события в жизни невест: несколько небольших скандалов, разбитых сердец и горьких слез. Родители Кирнан отвергли все предложения крыла, руки и сердца, а значит, игра продолжается. Паули особенно просила писать обо всем, что происходит во дворце.

С наступлением ночи стало совсем тихо. Горничные подготовили меня ко сну, намазав лицо странной маской и наказав во сне не вертеться, после чего удалились. Выждав до полуночи, я наскоро обтерла кожу полотенцем, смывая остатки смеси, спешно переоделась из ночнушки в один из «домашних» нарядов с удобными тянущимися бриджами, натянула на ноги легкие гибкие ботинки и смело перелезла через карниз.

Эти комнаты не такие удобные, как в женском крыле, так как теперь я находилась на четвертом этаже, где не было широких

выступов. К тому же самой большой проблемой было расположение королевской части дворца – сторона, противоположная от женского крыла, от парка и... святая Клэрия, сестра не могла найти место попроще? Я не могла пройти внутри здания, ни на кого не наткнувшись. Мой единственный шанс – спуститься вниз, пробраться к отвесным скалам, превратиться в дракона, пролететь у самой воды до парковой зоны, там вновь сменить шкуру и добраться до места встречи. И все это сделать незамеченной. А потом повторить в обратном направлении.

Если меня поймают, то Никлос точно порвет на мелкие кусочки, так долго он объяснял, насколько для меня важно оставаться в своих покоях. А я вот такая дурная взяла и нарушила обещание, да еще ради сестры, которая теперь Адегельская. То есть почти... враг? Это мне и хотелось узнать.

Так что я упорно карабкалась вниз, про себя радуясь, что эта часть дворца не подсвечивается огнями и вообще скрывается во тьме. Перед королевским крылом разбили высокий лабиринт из живой изгороди и украсили его кустами в форме животных. Вокруг раскидистые деревья, а позади всей композиции располагалась королевская усыпальница.

Спустившись, я как лисица быстро преодолела открытое пространство и скрылась в гуще деревьев, замерла, переводя дыхание и прислушиваясь, а потом устремилась к обрыву. В темноте сложно идти быстро, глаза видели лишь тени. А свет от горящих окон не доставал до меня. Я догадывалась, кто не спит в такой час. Король вообще мало спал, не больше пяти-шести часов в сутки. И много работал, занимаясь составлением очередного пакета законов по реформе деда.

Ночная тишина никогда не бывает полностью глухой. Слышны ночные птицы, стрекот цикад и кузнечиков, писк грызунов и треск веток. Что-то падает, ухает, скрипит. От ветра молодая листва создает причудливые очертания, и кажется, что среди деревьев полно странных шепчущих фигур. Но я была здесь одна.

Достигнув обрыва, перед которым не было никакого ограждения и где только оттенки черноты выдавали тонкую грань между небом и землей, я остановилась, оглядываясь по сторонам. Здесь должен

проходить патруль, но я не знала во сколько, поэтому просто прислушивалась.

Проклятье, да здесь громче, чем в самой людной комнате! Снизу волны так и бились о скалы, ветер пронизывал до костей, а сердце готовилось порвать грудную клетку. Полная какофония звуков, и я не сдержалась, плюнула на все, разбежалась и прыгнула вниз.

Кого я обманываю: мое самое искреннее желание – вновь почувствовать полет! Прошло несколько дней после превращения, и кожа буквально зудела от предвкушения стать драконом. Это настолько естественное чувство, что нет никаких сомнений – я просто делаю это!

Косточки приятно растягиваются, как это бывает по утрам после сладкого сна. Немного чешется задняя сторона шеи, спускаясь до лопаток, где зуд трансформируется в облегчение во стократ сильнее, чем когда вытаскиваешь занозу из пальца. И если кажется, что человеческое тело легкое – тело дракона еще легче. Оно будто наполнено воздухом. Мозжечок головного мозга включается новыми способностями, и я по-другому ориентируюсь в пространстве. Усиливается способность понимать темноту – эхолокация, мне иначе доступна ночь. Теперь я точно знаю, где находится патруль, и легко ухожу к воде ближе к скалам, чтобы меня не заметили.

Полет длится секунд двадцать, может, чуть дольше, но я не могу уйти в облака или дальше в море – белый цвет как пятно во мраке, слишком заметно. Поэтому я поднимаюсь со стороны женского крыла, ухожу дальше в парковую зону и на границе с лесопарком падаю на землю человеком.

Над приземлением еще работать и работать.

Откашлявшись землей, отряхнувшись, я постояла немного на месте, прислушиваясь, а после устремилась ко дворцу. Крадучись двигаясь к назначенному месту, я услышала приглушенный разговор и поняла, что Кали пришла не одна. Выглянув, я увидела Алисту.

– Мама? – спрашиваю я осторожно, выходя из-за деревьев. Заметив меня, мама застывает на месте, но все-таки подходит и очень крепко прижимает к себе.

– О, милая моя Сэлли, как же все так обернулось... – прошептала она, обнимая меня сильнее.

Ее объятия по-матерински полновесны и тяжелы, из них не хочется выбираться, и я вспоминаю, как в детстве с сестрой мы

вбегали по утрам в родительские покои и прыгали к ним в кровать, и они нас обнимали крепко-крепко. Мир снаружи казался таким маленьким, а их руки – огромными и теплыми. Сейчас невольно вспомнились те времена, когда мама еще умела беззаботно улыбаться.

Отпуская меня, мама обращается к нам обеим:

– Я уезжаю. Ваш дед забылся, начал относиться ко мне как к своей собственности, будто я вдова из его дома. Но я зеленый дракон. У меня есть свой дом. Я возвращаюсь на родину. Если Кристан не сможет поступить, он также вернется домой, и мы перейдем под опеку дяди. Это лучше, чем быть рядом с Брошином.

– Ты бросаешь нас? Так же легко, как готова была отдать меня ему? – обращаюсь я к ней с вызовом.

– Я не знала, что есть иные варианты. Брошин очень влиятельный дракон, у которого много друзей. Вы и половины не знаете о его возможностях. Но против короны он не пойдет, так что, Сэлли, ты в безопасности, а ты, Кали, просто не покидай до замужества пределов дворца. После с Деяном вы уедете, так что Брошин не достанет вас.

– Ты что-то недоговариваешь, – проницательно заметила Калиста, потянувшись к матери, но та отшатнулась, с горечью глядя на нас.

– Зря я вас вывезла сюда. Если бы вы остались дома, никто не посмел бы вас тронуть. Не дотянулись бы. Но я хотела бо́льшего для нас всех. Вот и поплатилась. Теперь мы не увидимся еще много-много лет, пока вы не станете совсем взрослыми, – мама коснулась наших щек, и на ее лице появилась печальная улыбка. Только сейчас я заметила на ней дорожный костюм и поняла, что сегодня ночью она совершила побег из поместья Адегельских.

– Калиста, я рада, что ты нашла единственного приличного серебряного дракона, который действительно полюбил тебя и взял под свое крыло. Надеюсь, став его женой, ты обретешь все, о чем мечтала. Тебе предстоит увидеть мир, побывать в удивительных странах на другом континенте – береги себя, не забывай нас, пиши письма и навести, как только будет такая возможность, – Алиста с любовью обняла не сдержавшую слез Кали, а потом обратилась ко мне:

– Селеста, я помню, как ты не хотела ехать в столицу. Прости, что я привезла сюда, не поверив твоей интуиции. Прости, что предала и сделала выбор в пользу твоей сестры, но на тот момент я видела, что твое счастье – точно обернется для нее несчастьем. Однако вышло

наоборот, и для меня это облегчение. Хоть и горькое, так как в итоге я потеряла вас обеих. Став подопечной короны, ты теперь на долгие годы будешь заперта в столице. Твои крылья – не просто белый цвет, это символ нашего королевства. Многие нашли упоминания о белокрылых, и это как воскрешение легенды. Сейчас под защитой короля ты в безопасности, но как сложится твоя судьба – я не знаю. И не знаю, как уберечь тебя от грядущего, ведь тьма надвигается.

– О чем ты?

Мама оглянулась по сторонам и плотнее обхватила нас за плечи, притягивая к себе. В темноте я почти не видела выражения ее лица, только блеск глаз от луны, вышедшей из-за туч. Но было ясно – она крайне серьезна.

– Что-то такое за закрытыми дверями говорил Брошин. В воздухе витает беда. Кто-то пытается разорвать наши отношения с подводными. Неладное творится в лесах вокруг столицы. Ходят слухи, что вернулись морвиусы, последователи старых богов. Кто знает, чем это закончится. Король молод, а ведет радикальную политику против аристократов. Его поддержка простолюдинов оборачивается разорением для тех семей, кто живет за счет землевладения, – мама заговорила не своими словами, и за тревожной интонацией скрывалось чужое недовольство.

Ох, прав был Артан, сомневаясь в действиях короля, но кто мы такие, чтобы решать, как править? Никлос не просто наш повелитель, он единственная реальная сила нашего мира. И если верить словам Томара, не так уж и неправы те, кто считает нориус проявлением божественной силы, а не просто видом магии.

Мама еще раз обняла Кали, покрепче сжала ее, поглаживая волосы, поочередно поцеловала оба глаза, лоб и щеки, она будто не могла насытиться своим ребенком, но все-таки отпустила ее.

– Возвращайся во дворец, дорогая. Нам с Селестой нужно переговорить с глазу на глаз, – добавила она.

Кали не стала возражать, и мы договорились завтра встретиться у Мирты. Я помахала ей на прощание, а мама заговорила, только когда сестра скрылась среди деревьев.

– Ты ведь наверняка спрашивала себя, как так получилось, что твои крылья – белые? – ее голос спустился до льда. До глубочайшего сожаления, смешанного с обидой. – Это сделал твой отец. Не знаю как,

но это была сделка с эльфами. Он заключил ее во время моей беременности. Не говорил, в чем суть, но заставлял меня ходить на границу, где эльфы поили парным молоком единорога. Я пила его вплоть до родов. А когда вы появились на свет, эльфы посмотрели на вас и велели приносить только тебя. Они продолжили поить меня молоком, а потом к нему добавились какие-то травяные смеси. Пойми, я не возражала только потому, что знала – Милош ни за что не причинил бы тебе вреда. Это основа слияния, которое ты скоро поймешь на себе, – мама замолчала, укрдкой смахивая с лица слезу.

– Когда отец умер, они пришли за тобой. Они сказали, что это часть сделки. Что так они спасут мир от беды. Они обещали вернуть тебя, но... я не смогла тебя отдать. Я нарушила сделку. И они стали забирать нашу территорию. Их экспансия остановилась после твоего похищения. Последние годы они не забрали ни метра нашей земли, но и не отдали уже забранное, – Алиста притянула меня к себе, осторожно касаясь моих мокрых и покрытых морской солью волос.

– Я не знаю, зачем и как они сделали это с тобой. Знаю, что это очень важно, иначе Милош не пошел бы на эту сделку. Будь осторожна, милая моя. В тебе есть нечто особенное, чего многие желают. Тебе придется стать очень сильной, чтобы отвадить всякую шваль. Твое будущее, не в пример сестринскому, будет в разы сложнее и опаснее. Жаль, я не смогу быть рядом и помочь тебе. Наоборот – я твоя слабость. Тебе придется научиться жить без меня. И я благодарю святую Клэрию, что тебя одарила слиянием с таким драконом, как Артан Гадельер. Он может постоять за себя и за тебя, – в отличие от меня, она сдержала рвущиеся наружу слезы, и даже смогла унять дрожь боли.

Я поняла то, что не доходило до меня прежде. Детство действительно закончилось.

Глава 15

«Всея отец»

Никлос

День клонится к закату. Напряженная работа над очередным законопроектом подошла к концу, малое собрание завершено, отчеты прочитаны, последние подписи проставлены. Прощения приняты и отклонены, слухи пресечены, спланирован следующий Совет, как и встреча с представителями Подводного мира, на которой будет обсуждаться новая торговая дорога.

Никлос довольно потирает руки, составляя план Северного пути. Тогда не придется платить налог прибрежным государствам за торговлю с северными странами на другом континенте. Можно отправлять корабли по северному маршруту: это сократит время доставки, увеличит объемы товаров, плюс завяжутся отношения с новыми королевствами. Новый путь даст толчок к развитию удаленных прибрежных провинций. Перспективно и выгодно.

Бесконечные записки, заметки, наброски – мысли короля улетают далеко вперед, а переутомленный секретарь Богарт уже валится с ног, едва-едва поспевая записывать, что нужно сделать, уточнить, поправить и проконтролировать. Проведение документооборота реформы оказывалось неподъемным для одного независимого серого дракона.

– Богги, как считаешь, твои одноклассники готовы побороться за место под солнцем? – задумчиво протянул король, разглядывая молодого, но такого упертого дракона. Усталость выражалась в синяках под глазами и вспухших венах на руках, парень сильно похудел за прошедший месяц и отчаянно нуждался в отпуске.

Встрепенувшись, секретарь мотнул головой:

– Мы все готовы служить вам, Ваше Величество. Так, как вы скажете и где вы скажете.

– А что именно вы чувствуете? Серые драконы тысячелетиями находились в тени полноцветных, как вы относитесь к изменениям?

Глаза Богарта наполнились непоколебимой уверенностью и даже фанатичностью:

– Я скажу за всех нас. Вы и ваш отец – лучшие короли за все время существования королевства. Вы открываете перед нами настоящее будущее. Возможность нашим детям достичь полноценного существования. Стать личностями, иметь право голоса, право отстаивать независимость, как и свои достижения и умения. Уже сейчас серые драконы открыто заявляют о своих успехах, раньше такое было невозможным. Раньше полноцветные всегда присваивали наши заслуги, и мы не могли никак защититься. Проводимая реформа меняет это. И мы готовы денно и ночно трудиться над ней, чтобы сравнять серых и полноцветных, – секретарь говорил с пылом, с жаром личности, перед которой открылись все дороги. Усталость слетела вмиг, обнажая истинную причину, по которой Богарт целиком отдавался работе. Он знал, что поставлено на кон, и изо всех сил старался достичь поставленной цели.

Король неторопливо вертел в руках перьевую ручку. Он сознательно не смотрел на помощника, сосредоточившись на его словах и на своих мыслях. Понимал ли Богарт, почему проводится эта реформа? Понимал ли он, что причина не в добрых намерениях короля, а в материальном благополучии королевства? В его дальнейшем процветании и прогрессе? Если и понимал, то не подавал вида, демонстрируя лишь исключительную преданность королю и его делу.

Закат подсветил лицо Никлоса, и Богарт инстинктивно отшатнулся. Король не знал, что, когда мысли заполняли его голову, глаза окрашивались чернотой. Нориус выбирался на свет, защищая носителя в период раздумий.

– На данный момент самые важные детали очередного законопроекта мы обсудили, а также составили план дальнейших действий. Все последующие задачи могут взять на себя младшие секретари, – начал говорить Никлос, подняв голову. – Знаешь, поначалу я хотел дать тебе небольшой отпуск, чтобы ты мог подумать о будущем и подыскать себе невесту, но ситуация изменилась. Артан – отличный маршал, но он не умеет думать... как слуга. Он не понимает особенность мышления сотрудников Секретариата. В отличие от тебя.

– Вы хотите направить меня в помощь кэрру Артану? – спокойно уточнил Богарт.

– Да. И чтобы ты набрал надежных серых драконов – выпускников академии себе в помощь. В дальнейшем, если вы справитесь с поставленной задачей, я собираюсь назначить тебя главой Секретариата. Соответственно, взамен провинившихся сотрудников, ты сам сможешь сформировать новые звенья данной организации.

Если бы не безупречная выдержка секретаря, он бы точно упал. Но он только качнулся вперед, сохраняя равновесие. Зрачки расширились, парень облизнул губы.

– Эти должности всегда занимали полноцветные... – пытаюсь внести ясность, произнес он. Король кивнул, оглядывая своего помощника.

– Один из заключительных пунктов реформы, которых нет в документах, – ликвидация разделения между полноцветными и серокрылыми. Включая сами понятия «аристократия» и «наследные должности». Каждый дракон будет иметь возможность получить достойное образование и занять высокий пост, вне зависимости от места рождения.

В кабинете воцарилась звенящая тишина. Богарт переваривал свалившуюся на него информацию. Он то сжимал, то разжимал пальцы. А Никлос встал, обойдя стол, чтобы поддержать парня, когда тот буквально пал на колени перед королем и склонил голову в глубочайшем поклоне.

– Ваше Величество, я склоняюсь перед вами и клянусь служить вам до последней капли крови. И каждый серый дракон пойдет следом за мной, так как нет в мире более желанного, чем быть достойным вашей милости.

* * *

Оставшись в одиночестве, Никлос раскурил трубку и стал возле приоткрытого окна. Закат догорал светло-фиолетовым цветом поверх деревьев, из лабиринта доносилось залиvistое пение перелетных птиц. Они прилетали каждый год и всегда забирались в самый центр живой изгороди, сооружая гнезда и заводя птенцов. Они знали, что на

королевскую территорию редко забредают хищники: во время сна носителя нориус частенько расползается до самой усыпальницы. Поэтому и был создан лабиринт – место, где тьма могла беспрепятственно блуждать, не покидая территорию дворца. Это не означало, что король не мог ее контролировать, и не означало, что она способна сама решать, что делать и кого убивать, но нориус имеет хищную природу. Охота на ночных зверей – как развлечение для сонного разума.

Сейчас Ник позволил тьме разойтись по кабинету, щупальцами проверяя каждый предмет, будь то чернильница, чашка с кофе или книги на полках шкафа. В конце концов нориус, словно тонкая ткань, покрыл каждую поверхность комнаты, окрашивая все в абсолютно черный цвет, поглощающий свет из окна.

А король докуривал трубку, его мысли были черны, как и его вечный неразумный спутник. Он думал о предателях, что отравили невинную невесту. Думал о лживой Сэлавелии, только делающей вид, что хочет союза, а на самом деле мечтающей заполучить Селесту. Думал он и о Брошине, который откровенно мутил воду, но никак не мог быть предателем, так как не имел доступа в королевскую часть дворца, что еще больше портило настроение короля. Он прекрасно понимал, что всего несколько домов поддерживают его реформы, остальные явно или скрытно пытались вставлять палки в колеса, сопротивляясь грядущим изменениям.

В мыслях король все возвращался к предсказанию эльфов, он думал о проклятых морвиусах, о шелки и мертвых морских животных. Думал о ближайших и далеких планах. Размышлял, что нужно сделать вместе с Томаром, чтобы помочь Мирте.

Он думал и об Арте с Селестой. Он уже видел, как легко девушка отбирала внимание друга, и скоро они покинут его, создав семью. Слияние не оставит в их жизни места для короля, а значит, он останется один.

И это больно било по самолюбию Никлоса. Он создавал в голове тысячи комбинаций, как отсрочить их союз, и рушил созданное, понимая, как это неправильно – мешать близкому человеку обрести счастье. Эти две крайности боролись в нем, и он бесился, что не мог отказаться от этих мыслей.

Закончился табак, весь кофе выпит, король уже собирался сходить в библиотеку и почитать еще об истории своего рода, когда почувствовал какую-то тень среди деревьев. Он ничего не видел, но нориус радостно разошелся вокруг него, завиваясь спиралью от предвкушения.

После знакомства с ариусом тьма перестала пытаться убить Селесту, наоборот – нориус тянулся к ариусу, как к старому другу. И это было довольно приятным чувством.

– Наша маленькая белокрылая решила сбежать из дома? – насмешливо протянул Ник, оглаживая тьму и не давая ей покинуть комнату. – Посмотрим, куда она собралась?

Со стороны невероятно забавно было наблюдать, как молодая драконица якобы совсем незаметно пытается добраться до воды. Предупредив охрану, Никлос на приличном расстоянии следил, как Селеста прыгает в море и превращается в дракона, чуть не шлепнувшись о камни, а затем, загребая крыльями воду, выравнивается и медленно летит вдоль скал. Это было даже мило, ведь ясно – она нервничает и боится каждого подозрительного звука, потому что летит совсем низко, периодически касаясь лапами волн. Она смешно отфыркивалась, когда пена попадала в нос и глаза, даже чихнула пару раз, не догадываясь, как это громко звучит со стороны.

Патрульные все слышат, но старательно делают вид, будто не подозревают, что совсем неподалеку летит молодой дракон. Они отводят глаза, когда девушка поднимается к лесопарковой зоне и в полете превращается обратно в человека. Треск ломаемых веток, шумное падение... Для Ника это было самое забавное событие за последние несколько дней.

Он следовал за девушкой на расстоянии, чтобы она не увидела его, думая, что встреча будет с Артом, и можно будет здорово напугать обоих своим внезапным появлением, но на месте его ожидала весьма трогательная сцена прощания Винцелей.

Наблюдая за объятиями, король думал: «Какая странная все-таки сложилась судьба у этого семейства. Обе дочери покинули дом, сын отрицает связь с матерью, видя в ее действиях предательство рода, а мать, которая пыталась устроить жизнь каждого ребенка, в итоге бежит домой, оставляя их самих решать свою судьбу». Ник пытался вспомнить, каким был Милош, и в памяти возник очень справедливый

и серьезный молодой человек, которого вечно шпыняли братья и которого недолюбливал отец.

Никлос заметил, что Алиста осталась наедине с Селестой: мать крепко обнимает дочь и что-то втолковывает громким шепотом. Король тотчас направил к ним нориус и успел ухватить суть слов кэрры Винцель.

Вот, значит, что. Сделка с эльфами. Мать все-таки знала, что делал муж. Не знала причин, но участвовала в этом. Неприязнь короля к женщине возросла. Дочери любили мать, но со стороны она выглядела неприятной особой, как, впрочем, и многие иные матери аристократок.

Король про себя отметил, что нужно обсудить узнанное с Томаром. А еще поговорить с Селестой о недопустимости подобных прогулок.

Вообще ему было сложно понять, что он чувствует к ней. Все его действия несли рациональное зерно и сухую логику. Но став попечителем, король вдруг понял, что Селеста теперь часть его семьи. Он несет за нее ответственность. И это было новое волнительное чувство, с которым он пока не знал что делать.

* * *

Ник вернулся во дворец только после возвращения Селесты. Он дождался, когда девушка ляжет спать, а сам направился в библиотеку, где которую ночь над массивными фолиантами корпел Томар Бай. Колдун бережно относился к книгам из тайной комнаты, он не делал записей, не выносил тома за пределы помещения, аккуратно листал страницы и регулярно отчитывался о прочитанном.

Томар не подозревал, что есть еще одна книга, о существовании которой ему не дано узнать. Книга, которой и не должно быть. Которая открывается только с помощью нориуса и ариуса и в которой есть вся информация о белых и черных драконах. Но эту книгу нельзя просто взять и открыть. Об этом говорил отец, которому говорил его отец и так до первого Карга, запечатавшего свой дневник, который можно вскрыть только в случае всеобщего бедствия. В случае, если воскреснут старые боги. В случае, если небо и земля поменяются

местами. А мертвые станут живыми. И один проклянет другого, а другой простит первого.

Именно такую непонятную тарабарщину передавали сквозь поколения Каргатские короли, сопровождая еще одной фразой: «Да не нарушь сделку, коль была она заключена». И от этого мороз шел по коже, а короли выскабливали из памяти драконов книгу сделок. Так как каждый понимал, чем может обернуться нарушенная клятва.

А пока Ник доверял Томару, надеясь, что в других книгах он узнает больше о белых драконах. На что они способны. Почему эльфы и русалы так вцепились в них. Почему вокруг белых столько суеверий. И еще он хотел знать, насколько опасны белые крылья.

По периметру библиотеки горят магические сферы, подсвечивая определенные стеллажи, чтобы Томару было удобнее вытаскивать тот или иной том. Он разместил по центру комнаты огромный круглый стол, обложился книгами и с упоением читал то одну, то другую, помечая магическими закладками важные места. Колдун хмурился, раздражаясь, что никак не может найти полезную информацию. Что даже книги из личной коллекции Никлоса не принесли необходимого, а лишь больше запутали.

Когда король появился на пороге, волшебник сидел, откинувшись на спинку кресла, смотрел в окно округлой крыши и задумчиво грыз кончик карандаша. Только что он отправил дочери список книг, которые она должна будет разыскать, и теперь отдыхал, размышляя над противоречивой информацией.

– Нашел что-нибудь интересное? – с порога поинтересовался король. На его глазах колдун подавил зевок, и украдкой посмотрел на время. Почти два часа ночи, а значит, пошел восьмой час, как он сидит в этой библиотеке в поисках истины.

– И да, и нет, – уклончиво ответил маг, вставая из-за стола и подходя к небольшому буфету, из которого вытащил бутылку с коньяком и два стакана. Разлив янтарную жидкость, протянул один стакан королю, и собеседники разместились на диванчиках возле потухшего камина.

Отдав должное напитку, Томар озвучил уже известные данные по белым драконам и добавил, что ариус теоретически по силе не уступает нориусу. Однако чем больше между ними расстояние, тем меньше в ариусе силы.

– Странная связь.

– Это как-то связано с первоначальной биологией белого и черного драконов. Что-то из совсем древних времен. Название связи ариуса и нориуса было стерто из книги, с пометкой, что она видоизменилась из-за особенности этого мира. И самих отношений между первыми драконами.

– О чем ты говоришь? – ставя на просвет стакан и разглядывая золото янтаря, спокойно спросил король. Он уже знал, что ему ответит Томар.

– Обычные драконы потеряли магию, но обрели разум. Это получилось благодаря тандему Карга и Клэрии. Если объединить нориус и ариус, вместе вы способны вернуть драконам магию. Открыть границы нашего мира. Выйти за пределы самой основы этого мироздания. Словом... если сейчас люди считают, что нориус – это сила Бога, то вместе с ариусом вы им в прямом смысле станете. Даже есть вероятность, что сможете обрести бессмертие.

Ник от удивления приоткрыл рот, видя, как несет колдуна. Тот говорил с таким восторженным пылом, что сложно было не увлечься этой идеей. Всевластие для всевластного. А маг словно трясся от предвкушения самой возможности увидеть нечто подобное. Однако сомнения не оставляли короля.

– Подожди, но ведь была же пара – Алесса и Вернон. Почему они не достигли таких высот?

Это остудило пыл Томара, и тот разом приуныл.

– Я не знаю. В книгах об этом нет ни слова.

– И хорошо, – заключил король. – Потому что, если остальные решат, что Селеста способна дать нам нечто подобное, страшно представить, сколь многие захотят убить ее, или... ради возможности такого союза – Арта.

– А он тут при чем? – удивился колдун.

– Слияние.

Новость заинтересовала Томара. Он до дна выпил коньяк и опустил стакан на столик, вытирая мокрые губы. Вернулся за круглый стол, на ходу пальцем водя по воздуху, будто разворачивая клубок ниток. Тем же скольльзящим движением прошелся по раскрытым книгам, бурчал под нос: «Да где же это было...», а не найдя, окинул комнату цепким взглядом. Упершись в стеллажи на втором этаже,

ткнул куда-то туда указательным пальцем, и книга как птичка сама спланировала к нему в руки. Колдун вернулся к королю, перелистывая страницы.

– Вот оно. Слияние. Любопытственный остаточный эффект от первоначальных способностей зеленокрылых. Выступает компромиссом к излишней плодовитости. Примерно половина драконов остается без потомства, так как не получается слияния с выбранным партнером, – почитав еще, Томар глянул на скучающего короля. – Ваше Величество, очень странно, что Селеста имеет эту особенность, ведь ее крылья – белые. Интересно, как так получилось...

– Кровь не водица. Она дочь своей матери.

– Досадно, – заключил Томар, возвращаясь к янтарному напитку. – Она идеальная пара для вас. Даже если не думать о тандеме черного и белого, остаются голые факты. Все белокрылые в истории становились королевами. Это естественное притяжение тьмы и света. Нориуса и ариуса. Что думаете?

В глазах короля разлился огонь, и комната, и без того натопленная, будто воспламенилась его злостью, а колдун пожалел, что заговорил об этом. Ему казалось, что он видит в королевских очах огни тысячи костров, но ведь это всего лишь отсвет от камина. А зловещее молчание – только дань насыщенному коньяку, что по капле цедил Никлос.

– Нет никакого предначертания или тандема. Селеста – моя подопечная. Ее способности – дар или проклятье для нашего королевства, что именно – откроется спустя годы. А пока она будет учиться и жить во дворце. И если захочет – станет женой Артана Гадельера, если нет – то найдется способ разрушить это слияние, которое имеет сугубо биологические корни, а вовсе не является каким-то знаком избранности или судьбы.

– Да, Ваше Величество, вы, безусловно, правы, – поспешно согласился Томар.

Напряжение чуть-чуть сошло на нет, и король переключился на более важный вопрос. Астерия Брунцкая.

– Кэрра была под воздействием. Небольшое усиление эмоций, немного дезориентации, все на грани чувствительности. Ювелирная работа, – соскользнув с острой темы, маг вернул былую уверенность и

увлеченность. – Я не могу подтвердить, что это работа эльфов, так как их магия мало изучена, да и сами они почти никогда не покидают своих лесов. А вот подводники... Принято считать, что вы, драконы, невосприимчивы к обычной магии, кроме эльфийской, за ее связь с силой природы, однако подводные создания имеют несколько схожих ответвлений в своих магических искусствах. И это дает некоторые вариации...

– Хватит говорить уклончиво. Ты считаешь, это сделали подводники?

Томар поднял бокал, допил остатки. Его нерешительность была оправданна, как и усталость от тяжелых дней. Он понимал, как много поставлено на кон.

– Нет. Извините, Ваше Величество, но я не могу обвинять кого бы то ни было, не имея железных доказательств. Так что не знаю, кто заморозил кэрру Астерию. И вряд ли узнаю, простите.

– Спасибо за главное. Сам факт ворожбы указывает на внешнего врага, – задумчиво протянул король, вставая с места. Ему хотелось разобраться, откуда все пошло, а главное, почему сейчас.

Никлос воспринимал королевство как продолжение себя. Быть королем – значит нести ответственность за свой народ. Так его учил отец. И так учил дед, которого Ник почти уже не помнил. В семье всегда правление было важнее родных. И для маленького принца единственный шанс видеть отца – быть рядом на заседаниях Совета, следовать за ним на приемах, встречах с послами, в Военной академии на плацу, среди простолюдинов, в толпе и на скалах. Быть рядом – значит постоянно учиться на ходу. Очень рано начать приказывать и принимать решения. Быть принцем, а не ребенком.

Он хотел стать достойным Каргатом, как отец. Хотел видеть гордость в глазах матери. Хотел стать лучшим. А потом они умерли, и он остался один на один с толпой придворных, которые ему стали ненавистны. Каждый аристократ пытался умаслить молодого короля, втереться в доверие, получить выгоду от трагедии Никлоса, и это буквально втаптывало его в грязь, которую он просто не хотел уже видеть. Низменность окружения деморализовала короля, но и придала ему сил.

Отвращение побудило более рьяно взяться за реформы деда. Он хотел быть среди достойных людей, а не прихлебателей, которые

держатся за свои кресла только благодаря тому, что им повезло родиться в благородной семье.

Ник понимал, что встретит сопротивление. Случившееся в Секретариате лишь подтверждение тому. Но открытое нападение на невест... нет, не вяжется, ведь это иной удар по королю. Внешний. Как преддверие войны.

– Значит, и да, и нет, – протянул он, прохаживаясь вдоль стен и касаясь корешков книг. Про себя же он думал, как удачно, что Виклош Адегельский сейчас находится на весенних учениях, ведь скоро Артан навестит их, чтобы посмотреть, как все продвигается. Если что, можно быстро мобилизовать первые отряды в поход. Вопрос только куда? И против кого...

Глава 16

Маленькое приключение

Селеста

Кабы я была птичкой певчей,
Был бы ты моим ястребом золотокрылым.
Вместе поднимались бы к восходу яркому,
Да взлетали бы, падая на перину небесную,
Солнцем подсвеченную, лучами его согретую.
И не знали бы ни печали, ни забот,
Только как легок и прекрасен полет.
Я бы пела тебе песнь влюбленную,
Ты бы одаривал перьями звездными.
Так хотела бы сиять с тобой поднебесными птичками,
Легкими, перелетными да беззаботными.
Только крылья мои да твои – перепончатые.
Вместо клювиков – пасть и клыки жутко острые.
А над глазами – гребни колючие, твердые.
И вместо пения – огонь ясный да жаркий.
И не быть ни тебе, ни мне птахой свободной,
Коли души наши звериные, злобные.
И не зная пощады, до крови жадные!
Так и будем по небу да по земле ходить,
Да летать, тьмою свет загораживая, пряча.
Кабы птичкой я была – да не была и не буду –
Я драконом живу, тем и рада.

– Какое странное стихотворение, – задумчиво протянула девушка. Она лежит, обложенная сотней воздушных подушек, а в руках держит супницу со свежим творогом, который с аппетитом поглощает, слушая, как я читаю стихи.

Мирта всегда выглядит лучше после визитов короля. И даже мне пока неясно, что помогает лучше – сам Ник или его магия. Во всяком

случае, ей легче. И веселее, насколько это вообще возможно в королевском дворце.

Прошло несколько недель после отъезда матери и, по словам сестры, Брошин был в ярости из-за оставленной записки с горкой украшений и прочих дорогих подарков Адегельского. Мама поступила мудро, ничего чужого не взяв. А старику оставалось только кусать локти, так как и Калиста перестала покидать дворец, оправдываясь уходом за Миртой. Ее навещали только внуки Брошина, в частности, Деян любил вытаскивать ее на прогулки в парк, где лабиринт и где так много укромных местечек... До свадебного цикла осталось чуть меньше месяца, и несмотря на печальные события, в воздухе уже царили предсвадебные настроения.

Пока наша небольшая компания «невест» в очередной раз собралась в комнате Мирты, и мы поочередно читали стихи. Я, будучи подверженной песчаным настроениям, зачитывалась поэзией бурых песков. Они сильно выбивались из общей канвы, так как и Кирнан, и Милан, и даже Калиста предпочитали романтику известных стихоплетов из Бирюзового дома. Только Анка поддерживала мой выбор, сама увлекаясь такой литературой, но сейчас ее с нами не было – девушка вышла на тропу войны с собственной семьей и сейчас активно отстаивала право остаться в столице.

Голубоглазая блондинка в пепельно-розовом платье сморщила носик, говоря:

– Ох, Сэлли, это так трагично. Такая грусть запрятана в этих строчках. Безднадежность. Ты это чувствуешь? Ловушку?

Формально слова звучали как поддержка, но каким тоном они были сказаны! Скривившись, будто съела незрелый лимон, я ответила ей в тон:

– В этом больше сожаления от того, что мы, драконицы, не можем так же свободно летать, как птички. Вот скажи мне, сколько раз ты взлетала после Равновесия? – оглядев поочередно каждую, я удовлетворенно кивнула. – То-то и оно. Вроде прутьев нет, как и запретов, а никто не летает. Анка поняла бы меня. Семья пытается заставить ее вернуться домой, но девушка встала в позу. И кто знает, к чему ее жажда свободы приведет.

Мы замолчали, и комната погрузилась в меланхоличную тишину, нарушаемую звяканьем ложек и вилок, птичьим пенем из открытого

окна да вежливым покашливанием томящихся от скуки невест. Какое многообещающее было начало Равновесия, и какой грустный финал. Хотя, глядя на розовые щечки Мирты, хочется уже надеяться, что все как-нибудь разрешится.

В дверь постучали, и на пороге появилась моя бывшая горничная Анишка с сообщением, что меня ожидают в другом месте по делам короны, так что я с некоторой радостью покинула это унылое чаепитие. Только перед уходом расцеловала Мирту, пообещав вернуться либо вечером, либо завтра утром.

Скоро начнутся занятия, и время на визиты совсем сократится.

По дороге Анишка ни на минуту не умолкала. Будучи дворцовой служанкой, она неплохо зарабатывала для девицы, но ей, как и многим девушкам, хотелось завести семью. И недавно это стало возможным. Ее жених, окончивший Королевскую академию общих наук, получил новую работу, да с таким окладом, что теперь они смогут не просто пожениться, а и домик в городе купить, да и семьям помочь, и своих детей завести. Словом, девушка была на седьмом небе от счастья, и без устали благодарила короля за такую возможность для простых серых драконов.

По ее словам, сейчас каждый серый дракон зубами рвет учебники, чтобы поступить в академию. Конкурс бешеный, но и шансы открываются просто сумасшедшие!

Анишка провела меня в королевскую часть замка, ведя коридорами слуг, чтобы я не попадалась на глаза аристократам. Там она довела меня до оранжереи и на входе оставила, напоследок сделав очень странный жест. Горничная взяла меня за руку, сама наклонилась вперед и приложила мою ладонь ко лбу, будто я храмная дева и могу благословлять. От растерянности я никак не прокомментировала случившееся, а как опомнилась – ее и след простыл.

Войдя в оранжерею и проскользнув мимо пары внимательных стражников, я оказалась в огромном помещении с прозрачными стенами и потолком, во влажной жаркой атмосфере среди разливных мини-озер и пологих водопадов. До потолка вздымались причудливые деревья с волосатыми стволами, без ветвей почти до самой макушки, а вдоль узких тропинок росли незнакомые мне кусты и другие растения с пахучими красочными цветами.

По ощущениям это было как попасть в мокрую сауну, только в расшитом золотом платье и с тяжелой прической на голове. От жары я моментально взмокла, и ткань неприятно прилипла к коже.

– Сэлли! – знакомый голос прозвучал совсем близко, но обладатель его появился не сразу – его скрывали густые растения. А когда он вышел, тут уж я не сдержалась и бросилась вперед, чтобы сжать его в объятиях.

– Арт! О, святая Клэрия, как же я соскучилась! – простонала я, с наслаждением погружаясь в него разумом и чувствуя его внутри себя.

Это родство сравнимо с отступающей болезнью, от которой было трудно дышать и ломило голову. Только рядом с Артом я чувствовала себя здоровой и почти счастливой.

– А как я соскучился, малышка, – прошептал он, слегка отстраняясь, чтобы поцеловать меня в губы, а затем методично пройтись по каждой черточке моего лица, так что мне стало щекотно, и я рассмеялась совсем беззаботно, словно сбросив с себя ярмо обязательств.

Рядом с ним так хорошо... Чувствовать прикосновение колючей щетины к своей коже, ощущая прерывистое дыхание, вдыхая аромат его парфюма, сквозь который проступал его настоящий терпкий запах мужчины. Я осязала Арта каждой клеточкой своей души, и это было возвращением домой.

Мы виделись каждый день, но даже коснуться друг друга не могли. Сидели напротив друг друга за столом рядом с Ником, и словом не перемолвившись. Арт днем навещал Мирту: приходилось держать дистанцию – вокруг невесты и слуги. Между нами – стена, и мы не имели права ее разрушить. Брошин никому не рассказал о слиянии, только взглядом показывал, что держит этот козырь в уме, когда мы сталкивались взглядами на Советах, куда я теперь ходила как зритель по указке короля.

Поэтому эта долгожданная встреча обернулась появлением...

– Ариус! – прошептала я, осторожно выбираясь из объятий маршала и пятясь назад. Арт слегка побледнел, когда белый туман выбрался из меня и тотчас обвил его тело, особенно запястья и горло.

– Нет, нельзя! – процедила я, напрягаясь и делая упор на височную область, как подсказывал Ник. Эти дни были непростыми еще и оттого, что ариусу нужно было привыкнуть к моему телу, а мне

обрести над ним хоть какой-то контроль. Пока помогало то, что ставило Ника в тупик, – я разговаривала со светом.

– Он – свой. Он – близкий. Я – доверяю ему. Я... люблю его, – слова впервые прозвучали вслух, и я обескураженно уставилась на Артана, даже не чувствуя, как расслабляется туман и рассеивается, возвращаясь обратно в тело.

Маршал сорвал с куста маленький красный цветок, подошел ко мне, посмотрев с такой волшебной нежностью, что я немного покраснела, а затем ловко высвободил мои волосы из плена невидимок и заправил за ухо цветочек, нежно пройдясь подушечками пальцев по моей щеке и шее, касаясь бьющейся жилки. Он притянул меня к себе и вновь поцеловал.

И поцелуй вышел совсем-совсем иной. В нем появился какой-то странный жар, огненный пыл, от которого по телу прошелся ток и в животе разлилась река тепла. Я обмякла, позволяя ему увлечь себя по этому пути, почти не стесняясь его рук и движений и сама с жаром набрасываясь в ответ. Мне хотелось бо́льшего, но я не понимала, чего именно.

– Я без ума от тебя, Сэлли, – прошептал Артан, и не думая останавливаться. Его пальцы забирались под вырез платья, и я рассмеялась от щекотки.

Не знаю, до чего бы мы дошли, если бы за нашими спинами не раздалось деликатное покашливание. Артан отскочил от меня как ошпаренный, и я впервые увидела, как мужчина способен за секунду окраситься в цвет помидора. Лихорадочный блеск глаз смешался с таким отчаянным стеснением, что я прыснула, оборачиваясь и сталкиваясь с взглядом внимательного крупного старичка.

– Так это и есть знаменитая кэрра Селеста, – прокаркал старик, с прищуром изучая мою растрепанную внешность.

Желание собрать выпавшие заколки, одернуть раскрытый ворот, подтянуть корсет и оправить юбки было невыносимо, но я сдержалась, только выше подняла подбородок, а сама склонилась в почтительном реверансе.

– Добрый день, кэрр...

– Кэрр Рупер Свенский к вашим услугам, милое дитя, – подсказал он, подходя ко мне, чтобы лучше рассмотреть меня. – А она прелестна, Арт. Я рад, что тебе так повезло.

– Селеста, это мой наставник и учитель. Отставной маршал Свенский, – сказал Артан.

Седовласый кудрявый господин все так же оглядывал меня с довольным выражением лица.

– Вижу, я смущаю очаровательное дитя, так что оставлю вас наедине. Хотя в наше время такое уединение было доступно лишь женатым, – с намеком заметил Рупер. Уловив наше смущение и заметив, как виновато мы переглянулись, старик поджал губы. – Эх, а я надеялся погулять на вашей свадьбе. Видимо, король чересчур ревностно относится к своим обязательствам. Жаль, очень жаль. Ну, да ничего не попишешь.

Бывший маршал взял нас за руки и подвел друг к другу, встав напротив и копируя благословение храмных дев. Пристально заглянув каждому в глаза, кивнул своим мыслям и прочитал над нами слова напутствия, а затем поочередно расцеловал в обе щеки.

– Да благословит вас святая Клэрия. Да будут дни ваши наполнены любовью и счастьем, и ни горести, ни беды не переступят порог вашего дома, – заключил он, улыбаясь и показывая заостренные зубы дракона. Затем он отошел в сторону и как по волшебству вытащил из кустов небольшой горшочек. Внутри оказалось колючее, как драконья чешуя, растение с красным цветком. Отставной маршал протянул его мне.

– Растение погибнет после цветения, но появятся детки, – и он заговорщически подмигнул.

Оставив меня наедине с подарком, Рупер отвел Арта в сторону посекретничать, а после, задумчиво покивав, обнял парня и помахал мне на прощание, скрываясь среди деревьев.

Пока они беседовали, я повертела в руках подарок, укололась до крови об острый край, и спрятала растение среди невысоких плотных кустов, планируя забрать на обратном пути.

– Обо мне сплетничали? – шуточно ткнула я в плечо Артана, когда он вернулся. А он обнял меня в ответ, поцеловав в макушку.

– О делах. Знаешь ведь, я сейчас веду расследование в Секретариате. Всплывают все новые и новые подробности. Хорошо, что Ник выделил в помощь шустрых служащих из серокрылых. Их результатам хотя бы можно верить, а то Сторен такого наворотил в отчетах, что и за год не разобраться. И стоило ему понять, что этим все

не ограничится, – подался в бега. Сейчас его разыскивают люди Врана, – Арт опять нахмурился. По лицу видно, какая-то мысль пришла в голову, но не отчетливая. Смутная и неясная.

Я требовательно потерела его за воротник, отрывая от неприятных дум.

– Ты хотел устроить какой-то сюрприз!

Арт очнулся, взъерошил мои волосы и повел меня за собой, по пути расспрашивая, что я делала эти дни, и рассказывая, что делал сам. Я поведала о сомнительном внимании со стороны подводной принцессы. Сэлавелия каждый день присылала разные подарки: будь то необработанный жемчуг или ракушки, кораллы и морские звезды. Даже морских ежей прислала вместе с инструкцией, как их готовить, для повара. А еще письма, в которых рассказывала о красотах подводного мира. Мне запрещено было отвечать, отчего она «печалилась», но продолжала вести односторонний разговор.

– Как сказал Ник, подводные с пиететом относятся к белым. Они пошли на невероятные уступки в переговорах, когда узнали о твоём существовании. Будь осторожна. Мы мало знаем о подводном мире и на что русалки способны, – сказал Арт, подводя меня к затененному гроту, перед которым находилась выцветшая до зелени и покрывшаяся мхом статуя девушки, прижимающей руку к груди. Она смотрела себе под ноги, и со стороны казалось, что она плачет.

Эта часть оранжереи находилась на темной стороне и была скрыта от солнечных лучей, наполнена влажным стелющимся под ногами туманом и легкой дымкой среди плотных, сплетенных в узлы деревьев, из-за толщины которых сторонние звуки почти терялись, а водяная капля звучала приглушенно и убаюкивающе мирно.

– Что там находится? – спросила я, когда мы остановились возле входа.

– Там выращивают теневые растения для магических ритуалов, – вместо Арта ответил неслышно подошедший Томар Бай. Сегодня на нем была форма ректора – черное с серебром развевающееся одеяние. Он сбрызнул лаком волосы, зачесав их назад, и теперь выглядел довольно сурово. Под моим удивленным взглядом он слегка стушевался, прокомментировав: «Экзамены у выпускников».

– Итак, что же за сюрприз вы мне подготовили? – спросила я нетерпеливо, подергав Артана за рукав.

– Да свершится магия! – улыбнулся на мою настырность Томар, щелкнув пальцами. Из-за его спины показалась веснушчатая Маля.

– Здорово, клыкастые! – звонко воскликнула девица, вызвав страдальческую мину на лице отца. – Че-то давненько мы с тобой не виделись, беленькая! – все с той же запанибратской беспечностью выпалила она, по-свойски обнимая меня. – Не пишешь, в гости не заходишь! Совсем с этими злыднями пропала? Ей-богу, коли не была бы сама драконицей, ну чисто по сказке жила бы. Дескать, заточили бедняжку в башенке да дракошу у дверей посадили. Ей-ей, ждем прекрасного рыцаря во спасение бедолажки, – взгляд колдуньи сделался подозрительным, она с ног до головы оглядела стоящего рядом Арта и добавила: – Али уже есть сокол ясногоглазый? Да ты не смотри на меня таким бешеным взглядом, я ж любя! – а сама два шажочка сделала назад, но глазенки все такие же ехидные и смешливые.

– Маля, я видела тебя всего раз, но ты прямо в сердце западаешь! – рассмеялась я, порывисто обнимая несносную девчонку. Позади Томар того и гляди воспламенится, таким взглядом он смотрел на дочь.

– Какими судьбами, дорогая?

– Мой конек перевоплощения. От маманьки досталась склонность ко всяким притворствам и муляжу. Вот и проявилась природная способность, – деловито разъяснила она, а сама давай лицо свое мять, и оно ну чисто глина течет да под умелыми руками вылепляется иными фигурами. Вот нос-картошка, глазенки узенькие, лоб то широкий, то узкий, а губищи – чисто спелые помидорины! Закончив с демонстрацией, она одной рукой вернула все как было и подмигнула нам.

– Прошу извинить фамильярность дочери, – не выдержал колдун, встав рядом с ней и больно дернув дочь за руку, когда девушка потянулась к Арту с очередной шутейкой. – Она молода и неопытна. Не привыкла к приличному обществу. В этом моя вина – не уделял достаточного внимания, весь в работе да в науке. Вот и получилось, – он строго поглядел на выделывающуюся дочь и еще раз тяжело вздохнул.

– Понимаю, – кивнул Артан, совершенно не обиженный и не расстроенный.

Я вновь потянула его за рукав, и тогда Арт, наконец, раскрыл суть сюрприза: он придумал, как вывести меня из дворца, чтобы не поставить под удар. Маля под присмотром отца изменит нашу внешность, мы переоденемся в заокеанскую одежду и сойдем за отдыхающих купцов. Так Артан собирался показать мне столицу, в которой я жила уже почти три недели, но так ни разу и не видела ее улиц, а ведь было на что посмотреть! Даже в Сатуральских долинах говорили о центре Каргатского королевства как о настоящем городском чуде!

От радости я подскочила, захлопала в ладоши и расцеловала Арта в щеки, при этом смущаясь Томара и беззастенчивых комментариев Мали.

– А король как к этому отнесся? – спросила я осторожно, вспомнив серьезное лицо Никлоса.

Артан слегка поморщился, переглянувшись с Томаром.

– Будет здорово, если это останется между нами, – буркнул он. – Официально сейчас ты находишься в обществе Амалии Бай и Рупера Свенского. Изучаете оранжерею.

Я быстро-быстро закивала головой, даже и не думая возражать. Еще чего! Отказаться от такого шанса! Пока мой телохранитель все еще пребывал на больничной койке с сильнейшим сотрясением, а Ник и не вспоминал о необходимости замены, я была готова хоть на край света бежать, настолько осточертело мне сидеть во дворце!

Первым делом Амалия взялась за маршала. Как пояснил Томар, такого рода магия способна влиять на нас, так как не причиняет вреда. Это временное изменение, часов на десять-двенадцать, но с одним главным условием: не смотреться в зеркала. Стоит дракону увидеть, что он выглядит иначе, – пиши пропало, магия сойдет.

– А тот, кто украл Черную пьетту, мог таким образом попасть в оранжерею? – спросил Артан, пока Маля старательно упрощала его внешность, добавляя излишек жира на щеки и подбородок, укрупняя нос и делая глаза раскосыми. Теперь Арт выглядел как самый обычный человек.

– Нет, – вместо отца ответила Амалия, внезапно скинув маску пацаненка. – Чтобы так точно изменить внешность, колдуну нужно не только обладать соответствующими способностями, но и видеть перед собой лекало, по которому он будет работать. То есть оригинал должен

несколько часов быть рядом, чтобы маг мог детально воспроизвести его внешность. Словом, никак не сделаешь без ведома «образца».

Артан кивнул, благодаря за разъяснение.

Амалия и правда оказалась талантливой девушкой, всего за пятнадцать минут она полностью изменила его внешность, и, если бы я не чувствовала Арта сердцем, в жизни не поверила бы, что передо мной стоит королевский маршал. Как она объяснила, ее работа была легкой в том плане, что она просто меняла Арта по своему желанию, а не вылепляла что-то конкретное. Поэтому и получилось так быстро. Она говорила как профессионал, убедительно и твердо, а сама все время поглядывала на отца, ища у него одобрения и поддержки. Но Томар остался равнодушным. Его больше интересовали проявления ариуса, чем безупречная работа дочери.

Тем временем Артан скрылся в пещере, чтобы переодеться, а Маля приступила ко мне. Только ее руки коснулись моего лица, как внутри будто шарик надулся и лопнул, отшвырнув ее прямо в отца. Вместе они повалились на пол, а над ними воспарил ариус, раскрывшись как капюшон у змеи. Он и звуки издавал похожие, этакое приглушенное шипение.

– Нет, нельзя, назад! – крикнула я, предчувствуя нападение.

Моя рука непроизвольно вошла в белый дым, и ариус потерял форму, разлетаясь в разные стороны. В этот момент я впервые почувствовала связь с этой сущностью. Осознала, что у нее нет разума, что она не живая, что она не животное и не какое-то магическое существо. Нет, в действительности ариус – это я. Моя суть как двойственная суть драконицы, что защищает, когда я сама не вижу угрозы. Реагирует на яркие эмоции, действуя как вырвавшееся подсознание. То, что скрыто. Вот что такое ариус.

Стоило это осознать, как кристальная ясность пропала, оставив только пришедшие в голову мысли, но без чувства правды в них. А ариус, повинувшись моей просьбе, вернулся обратно в тело.

– Поразительно, – прошептал Томар, вставая и помогая подняться дочери. Он во все глаза смотрел на меня, не веря увиденному. – Вы потрясающе быстро учитесь. Совсем не как Каргатские короли осваивают нориус. Просто невероятно.

Его слова отозвались во мне довольной ухмылкой. Я сама чувствовала, с какой быстротой проникаю в ариус. А когда мы с Ником

начнем-таки заниматься, смогу и управлять этой силой. Но что я буду с ней делать?..

* * *

Когда со мной закончили, Артан вывел меня через потайной ход прямым сквозь подземный лабиринт под фамильным склепом Каргатских королей. Здесь на удивление тихо и сухо, почти нет пыли из-за низких сквозняков, неприятно холодивших лодыжки.

Я сжимала теплую руку Арта, и где-то внутри как будто горело солнышко, удивительно приятное чувство. С Равновесия мы впервые остались наедине, и это было так странно. А скоро выйдем в город, где будем предоставлены сами себе: не драконы, не аристократы, а замужняя пара заурядных купцов.

В то же время было немного боязно: Арт втрое старше меня, и это было заметно по его покровительственному отношению. По его поведению, манере говорить, в его знаниях и суждениях. Между нами пропасть, и страшно представить, насколько молодые жены на самом деле одиноки.

От дурных мыслей помогает слияние. Оно же будет сглаживать острые углы и недопонимание. Лед сойдет, а мы останемся. Навсегда.

Я сильнее сжимаю его руку, и он оборачивается, оглядывая меня с вопросом. В ответ мотаю головой, убирая с глаз непослушные пряди волос, и забываю обо всяких глупостях, оставляя только предвкушение развлечения.

И правда, Арт придумал истинное искушение для неопытной новоявленной горожанки. Он уверенно вывел меня за пределы дворца к роще, где нас поджидала пара гнедых лошадей, так что ехать предстояло верхом.

Мы остановились на постоялом дворе небольшого ресторана с забавным названием «Морские Пампушки», у которого верхний этаж отдан под гостиницу. Как объяснил Арт, он когда-то знал хозяина и был уверен в его порядочности. Правда, мы не представились, просто сделали остановку, чтобы перекусить.

Пышнотелая официантка улыбалась во весь рот, лукаво поглядывая на нас и давая сотню советов, куда сходить после обеда. А

под конец выставила перед нами две чекушки со сладкой настойкой, сопроводив комментарием: «Пирату и его избраннице от Клычка с наилучшими пожеланиями». Арт звонко рассмеялся на это, поднимая стопку и на расстоянии чокаясь со стоящим у барной стойки хозяином ресторана. Тот, оглаживая куцую бороденку, довольно щурился в ответ.

А мы направились в самую глубь квартала развлечений. Арт благоразумно вел нас в сторонке от подозрительных подворотен и ярко-красных зданий, следуя исключительно по дороге фокусников и студентов-магов, останавливаясь возле кукольного театра, а потом заводя в небольшой зоопарк с редкими животными.

Мы прошли здание насквозь и вышли на улицу художников, где меня нарисовали с удивительной проницательностью: сквозь пышногрудую блондинку с соломенной косой проступали мои черты. Бедный творец! Он так краснел, когда пытался понять, почему я не похожа на рисунок. Даже отдал его бесплатно, хоть Артан и настаивал на оплате. В конце концов, он незаметно сунул в сумку художника монеты, а картину сложил и спрятал за пазухой, подмигнув мне.

По дороге мы собирались зайти в зал кривых зеркал, но не стали рисковать, мало ли что проявится, а вместо этого купили яблоки в карамели и направились в сторону набережной понаблюдать за входящими в гавань кораблями.

– Вот бы полетать сейчас! – протянула я с тоской, наблюдая, как со стороны дворца над морем летит одинокий дракон. – Ник совсем-совсем против полетов, а ведь это моя суть! Почему мне нельзя?

– Боится сопутствующего риска. Из-за того, что случилось с Миртой, – помрачнел Артан, смачно откусывая от яблока. Осколки карамели посыпались под ноги, и к ним бросились маленькие рыжие ящерки.

– Представляю, как он разозлится, если узнает, что мы сбежали из дворца, – проворчала я себе под нос, разглядывая каменистый обрыв за парашютом.

Погода на берегу – взъерошенная, как маленькая птичка, ветерок то бросается в волосы, спутывая их в мокрый от соли ком, то выпускает солнечные лучи сквозь грязно-серые тучки, вынуждая сильно щуриться. Мелкие барашки на воде ближе к побережью превращались в бодрые волны, бьющиеся о скалы, и сквозь них виднелась поднятая со дна грязь вперемешку с зелеными водорослями.

– Пожалуйста, давай не будем о нем, – как-то грустно сказал Арт, выбрасывая в море остатки яблока. Он облизнул липкие пальцы, совсем по-простецки вытер их об рубашку и обнял меня за плечи.

– Расскажи о себе, – попросила я, испытывая томление и такую осязаемую нежность, от которой хотелось смеяться как маленький котенок. Но я стеснялась: вокруг прогуливались другие люди и нелюди. И пока мы вели себя как все, все было нормально. А проявление ярких чувств точно привлечет ненужное внимание.

– Что ты хотела бы узнать?

– Все! – ответила я откровенно. – Я же почти ничего о тебе не знаю. Тогда как ты знаешь обо мне такое, что я никому больше не рассказывала...

– Я сбежал из дома в семнадцать, когда отец ясно дал понять, что не считает меня достойным заниматься семейным делом. Он видел во мне исключительно «принеси-подай», и я удрал в столицу. Мне повезло, на родине я кое-кому помог, и он выдал рекомендательное письмо предыдущему канцлеру тайной полиции...

Мы успели трижды пройти по набережной из конца в конец, и все это время Артан с какой-то затаенной обидой рассказывал о своей семье. О том, сколь много он пытался дать родным, а в ответ чувствовал, как его используют. Он тянулся к близким, и только племянники отвечали искренностью в ответ. До самой смерти отца Арт так и не дождался признания. Сверт Гадельер был упертым как сто баранов и считал, что сын поступил подло, опозорив семью своим побегом. И никогда не давал отцовского благословения, даже будучи при смерти.

Потом Арт рассказал о службе в Заокеании, о жаркой погоде, которая сводила с ума, так что его отряд постоянно превращался в драконов, чтобы хоть как-то переносить экваторный зной. Еще рассказал о снаряженной экспедиции на Север к ледяным троллям и дальше. Ее возглавил легендарный дракон Сёдов Лицкой из Бирюзового дома, о котором говорили даже в Сатуральских долинах, настолько интересно было читать его дневники о путешествиях.

Арт пообещал меня с ним познакомить, когда команда вернется из последней экспедиции.

– Семья всегда так странно на нас влияет, – протянула я задумчиво. – Поступки родителей закрепляются в нашем характере и в

наших отношениях...

Я рассказала Артану о сделке отца. О том, что мои белые крылья – следствие магии эльфов, что все это не случайность, а их план. Что отец пожертвовал мной, чтобы защитить долину. Горько признавать такую правду, но факты неумолимы.

Мы обнимаемся, доверчиво склоняя головы и слушая единый ритм биения наших сердец. Нет нужды говорить, достаточно чувствовать друг друга, чтобы стало легче. Чтобы жизнь казалась ярче. А в момент, когда я хотела спросить, куда отправимся дальше, откуда-то раздался женский крик.

Он шел с правой стороны, где заканчивалась речная набережная и где был длинный, идущий до самого основания королевской горы, галечный пляж. Это огороженное место, куда драконы обычно не заходят, считая неприличным купаться на виду, тогда как обычные люди с удовольствием в жару залезали в воду, не покидая пределов города.

В апреле было еще рано для купания, пляж пуст, и поэтому, по чистой случайности, одна женщина заметила нечто странное в воде. Она спустилась по узким ступенькам и внизу осознала, что видит.

Весь пляж был покрыт телами выбросившихся из воды дельфинов, тюленей, косаток и акул.

Глава 17

Проявления силы и слабости

Никлос

Когда король не занят государственными делами, то предпочитает уединение или совсем малый круг приближенных, поэтому частенько коротает время в библиотеке, или в игровой комнате за партией в шахматы или нарды, или в карты, или еще за какой интеллектуальной игрой. Будучи в хорошем настроении, он мог посетить выставку, театральную премьеру или сходить на скачки. Словом, вел жизнь довольно тихую, за исключением совместных тренировок с Артаном. Впрочем, порой он изъявлял желание поохотиться как дракон, посещая королевский заповедник, где мог дать волю внутренней тьме.

Сегодня Никлос поддался уговорам канцлера сыграть в нарды. Кэрр Вран принес коробку вишневого табака из Верского княжества с каким-то особым привкусом, и всю первую половину игры рассказывал различные хохмы со службы, отправляя восвояси каждого, кто пытался нарушить их уединение, чтобы Никлос окончательно расслабился и отвлекся от своих дел. Чуть позже планировалась дегустация летнего меню от королевского повара, а на вечер пригласили известного оперного певца. Словом, день однозначно можно было назвать идеальным.

Пребывая в благостном настроении, король спокойно реагировал на очередную проигранную партию, уделяя больше внимания новому вкусу табака. Развалившись в кресле и попыхивая трубкой, он запрокинул голову, разглядывая деревянный потолок в форме прямоугольных геометрических узоров. Мысли текли неспешно, и он все больше наслаждался чириканьем воробьев на деревьях за окном, почти не слушая, что бубнит себе под нос Вран.

– Прекращай во всем винить подводных! – немного раздраженно проворчал он, когда прислушался к словам канцлера.

После пары выигранных партий Вран изменился. Ушли легкость и веселье, он заговорил о делах, уделяя особое внимание проблеме подводников. Его беспокоила беспечность короля по отношению к

Сэлавелии и то, какие виды имеет русалка на Селесту. И как мало удалось узнать об отравлении невесты. Канцлер постоянно облизывал толстые губы, хмурясь и постукивая перстнем на среднем пальце по деревянной поверхности круглого стола.

– Не буду оправдываться, но факты неоспоримы. Нет ни одного достойного подозреваемого. Только косвенные улики. Подводные явно были нацелены на Селесту, но исполнитель перепутал девушек, и пострадала Мирта.

– Сэлавелия знала, что одна из девиц станет белокрылой. Под водой к ним относятся с уважением и почтением. Сейчас от русалки бесконечным потоком идут подарки Селесте, а в письмах полно намеков: «Коли что не по тебе – море примет тебя такой, какая ты есть!» – король передразнил голос принцессы. Щелкнув пальцами, он призвал слугу с кофейником и получил новую порцию отборного черного напитка, который сверху посыпали корицей и украсили листочком мяты. Отсалютовав, будто пьет бурбон, он пригубил горячий кофе, испытывая истинное наслаждение от процесса.

И только ворчание канцлера сбивало благодушный настрой, отчего король ощущал нервное подергивание колец нориуса у сердца. Ник даже пожалел, что согласился на партию. Если бы он знал, что все так обернется, то лучше бы вытащил засевшего в Секретариате Артана и отправился вместе с ним на охоту. Иногда Грацбургский бывает просто невыносим!

– Так что пока у тебя не появятся неоспоримые доказательства их вины – говорить не о чем. Кстати, а ты не пробовал связать происшедшее со скандалом в Секретариате? Может, ниточки оттуда тянутся? – король многозначительно посмотрел на оппонента, бросая кости и довольно потирая руки: выпало крупное число, а значит, можно далеко отправить шашки.

Вран погрузился в молчание. Он потер пальцами пепел из самокрутки (канцлер предпочитал их делать самостоятельно), павший на зеленое сукно, вшитое в поверхность стола. Осталось грязное пятно, и он бросил это занятие, потянувшись за стаканом для игральных кубиков.

– Фиолетовые, конечно, те еще жуки, но они не предатели. Ваше Величество, я буду говорить как есть. Ни один дракон не посмеет пойти против вашей воли. Совершить подобное – это измена короне.

Вы верите, что подданные на такое способны? Не взяточничество, кумовство или воровство, а измена? – дождавшись слегка заметного отрицательного знака, Вран удовлетворенно хмыкнул. – Вот то-то и оно. Я, разумеется, ни одну версию не отверг, тщательно изучил улики, допросил свидетелей. Все указывает на чужую магию: эльфы или подводники. Эльфы столетиями не ступают на нашу территорию, в столице их не видели... сколько? Сто лет? Двести? А подводные, вот совпадение, прибыли аккурат в тот день, когда была отравлена кэрра Мирта Гадельер. К тому же шелки утверждают, что русалы в шторм способны проходить мимо подводных дозоров.

– Я бы с тобой согласился, но все это косвенные улики. – Непонятно отчего короля прошиб холодный, склизкий пот, и он потер шею, пытаясь сбросить неприятное, как тонкая паутина, ощущение. – Сейчас принцесса выказывает истинное радушие. Она идет на диалог по всем нашим вопросам, и все, что ей нужно, – Селеста. Русалка готова ждать сколько потребуется, прежде чем я отпущу подопечную в Подводный мир с ответным визитом. Северный путь, помнишь? Еще мой прадед пытался добиться прохода к северным странам, и ничего. Сейчас пишется договор на двести пятьдесят лет об открытии этой дороги. И никакие инсинуации не помешают нам его заключить.

– А как же Мирта? – осторожно спросил канцлер, стараясь не глядеть в глаза короля, вокруг которого поднимались клубы дыма. Он переставил фишки, отказываясь от хитрого маневра, чтобы Ник победил в этой партии. Вран был умен и знал, когда нужно отступить.

– Мне искренне жаль девушку. Вместе с Томаром мы делаем все, что в наших силах, чтобы спасти ее. Но она умрет. И к тому моменту ты придумаешь тех, кто сделал это с ней. Чтобы это успокоило аристократов. И не породило новую бурю, – довольный удачно складывающейся партией, холодно продолжал король. Если бы он знал, как сильно почернели белки его глаз, то Ник серьезно задумался бы над своими решениями. Ведь сейчас в нем говорил нориус.

– А если окажется, что это подводники, и потом, пользуясь нашим доверием, они набросятся на нас? – предпринял еще одну попытку Вран.

– Тогда мы осушим океан и уничтожим их как вид, – черные прожилки пошли по лицу Никлоса, и канцлеру пришлось приложить все силы, чтобы не отшатнуться в ужасе. Фишка выпала у него из рук,

встала на ребро и покатила по сукну, после чего шлепнулась на деревянный пол одновременно с громким стуком в дверь.

Это отрезвило Никлоса, тьма ушла с его лица, а когда двери открылись и на пороге появился встревоженный Богарт, и вовсе скрылась обратно под кожу.

– Ваше Величество, канцлер, случилось несчастье, – срывающимся голосом заговорил переминающийся с ноги на ногу секретарь. – На городском пляже найдены тела сотни убитых морских существ. И с каждым часом вдоль берега появляются новые трупы. Об этом уже известно принцессе Сэлавелии, она собирает экстренный Совет.

* * *

Королю потребовалось не больше пятнадцати минут, чтобы переодеться в официальный костюм со всеми регалиями из золота и серебра. Встав перед зеркалом, он надел тонкий невесомый обруч из неизвестного науке металла, переходящий в королевской семье от отца к сыну, начиная с самого Карга I.

Скрипнув зубами и поджав губы, Ник с ненавистью уставился на свое отражение. Сила кипела в нем, бурлила, захлестывая с головой. От нахлынувших чувств он кулаком ударил зеркало, и по нему побежали глубокие трещины, а в костяшках застряли осколки, и на пол пали первые капли крови.

Через тридцать секунд раны затянулись. Вытерев платком ладони, король сделал несколько вдохов, пытаясь успокоиться. Если он в таком состоянии появится на Совете, жди беды. Он не сможет сдержаться, а тогда всем планам конец.

Остро пожалев, что нельзя сейчас сделать вытяжку из Черной пьютты, он вновь поморщился, но удержался от употребления коньяка. Поправив воротник рубашки, король быстрым шагом вышел в коридор, где его уже дожидался канцлер Вран, а чуть поодаль Богарт и еще несколько советников.

Встав по правую руку, на бегу, кэрр Грацбургский заговорил, вываливая все, что удалось узнать за эти минуты:

– Первые тела появились около полудня. Все с глубокими рваными ранами, нанесенными острыми когтями. Предположительно животные были убиты рано утром далеко в море, не у берега. Поэтому тела и прибило вместе с приливом. Принцесса убеждена, что это сделали шелки. Она, скорее всего, будет требовать разорвать договор с этим видом, чтобы подводники могли напасть на них и перебить.

Король грязно выругался. Шелки теоретически были способны на такое, но на практике ни под каким соусом так не поступили бы. Просто абсурд! Но возникает вопрос – кто это сделал? Кто способен уничтожить такое количество морских существ за такое короткое время?

– Речь идет о сотнях, не так ли? – резко затормозив, переспросил Ник. Услышав утвердительный ответ, продолжал: – Как получилось, что так много животных оказалось в одном месте?

На этот раз ответа не последовало, а до короля дошло, что все действительно очень и очень скверно.

– Где кэрра Селеста? – внезапно задал вопрос король, но и на это ему не смогли ответить. – Найдите ее, немедленно! И Артан? Они обязательно должны быть на Совете. Разыщите обоих!

– Думаете, это заставит смягчиться принцессу? – переходя на быстрый шаг, спросил канцлер, тогда как несколько советников ринулись выполнять приказ.

Мрачный взгляд был ему ответом, а тем временем показался королевский вход в зал Совета.

* * *

Артан

Как только стало ясно, что они видят перед собой, маршал увел Селесту с пляжа, и они вернулись во дворец. Расставание получилось скомканным и тревожным. Даже девушка понимала, что быть большой беде, хоть Арт и не успел объяснить случившееся. В оранжерее стянув через зеркала личины купцов и переодевшись, они успели обняться на прощание, и маршал ринулся в покои, которыми пользовался, когда

задерживался во дворце и не спешил возвращаться в пустой городской дом.

Вот и сейчас он только-только успел сменить костюм на официальный военный сюртук с регалиями да пригладить взъерошенные волосы, как раздался требовательный стук в дверь. За порогом его ожидал советник из Коричневого дома, который и ввел его в курс происходящего, добавив, что не только Артана ждут в зале Совета.

– Зачем там Сэлли? – едва слышно протянул он. Арт считал, что молодой девушке не стоит присутствовать на собрании. Он сильно переживал за то, что ей пришлось увидеть столько мертвых тел, а тут еще политические дразги!

Зал Совета находился параллельно большому бальному залу, их разделял небольшой внутренний дворик, боковые коридоры и основание дворца – круглая башня, ведущая на самую высокую площадку для превращений.

В этом зале не устраивались роскошные приемы, но велись дискуссии, была трибуна для выступлений, напротив которой располагалась королевская ложа, а по бокам находились ряды стульев и столов для заседающих. В помещении не такие высокие потолки, а окна в пол находились со стороны обрыва, так что по утрам здесь было довольно сумрачно, а к летнему вечеру становилось жарко. Зимой помещение отапливали через трубы, по которым пускали магически подогретую воду. А в жаркую пору размещали ледники в специальные ванночки под потолком, где создавался искусственный сквозняк, остужавший зал.

На стенах портреты королей, позади трибуны вывешен Каргатский штандарт, по бокам которого – знамена домов, развешанные по степени давности присоединения. Помещение выдержано в черно-белых с золотом тонах, пол покрыт толстым ковром, приглушающим звуки, а над головами сеть небольших люстр, на закате загорающихся ярко-белым светом.

Сейчас зал заполнен наполовину, и из боковых дверей появлялись новые советники и чиновники, а также главы домов, поднятые по тревоге. Артана удивила молниеносность собрания. Здесь в полном составе присутствовали представители людей и иных жителей Каргатского королевства, включая мэра столицы. Напротив уже

разместилась делегация Подводного мира во главе с жутко сердитой Сэлавелией, которая постоянно отмахивалась от своего советника, все пытающегося что-то ей втолковать.

Заметив маршала, девушка скрипнула зубами и посмотрела на него с холодной усмешкой. Она открыто демонстрировала свою неприязнь, что также было недобрым знаком. Слишком молода принцесса для своей роли. Слишком эмоциональна.

Заняв место рядом с пустым креслом короля, Арт подхватил со стола кувшин с водой, наполнил стакан и осушил в два приема. Его с возвращения во дворец мучила дикая жажда, и он все никак не мог напиться. Внутренний компас показывал, что скоро появится Селеста, и вот удивительно – она подходила к королевскому входу, который находился прямо под штандартом позади трибуны. Таким образом, становилось понятно, для кого поставили еще одно кресло рядом с королевским. Оно было идентичным, и по традиции его занимала королева.

Тем временем зал заполнился до отказа, не было ни одного свободного места, за исключением кресел, отведенных для шелки, которые по объективным причинам отсутствовали. По левую руку от короля сел встревоженный Вран, утирающий капли пота со лба, чуть поодаль еще несколько представителей Синего дома, а позади Артана вся верхушка дома Серебряного во главе с невозмутимым Брошином. Только его прямой наследник отсутствовал: Виклош находился на учениях, и Арт планировал на днях отбыть на Весейские равнины, чтобы оценить военную подготовку регулярной армии.

Его место занимал неприятный Артану младший сын Акрош, чьи глаза сверкали недобрым азартом из-под крупных черных с серебром бровей. Этот дракон любил поиздеваться над окружающими, используя острый как бритва язык. Его ничто не могло остановить, и он охотно когтями и клыками отстаивал право на дерзость. Когда-то они сошлись в драке из-за кэрры Винелии Барбской, но эта история уже поросла былью, оставив лишь взаимную неприязнь и максимальную дистанцию между ними.

На маленьком помосте в скрытой боковой части трибуны появился герольд. Самый невозмутимый дракон из Коричневого дома сейчас выглядел бледным как полотно и таким же напряженным. Прочистив горло, он трижды опустил посох на специальное медное

углубление, и по залу прошелся низкий глухой стук, причем с каждым ударом становилось все тише и тише. Когда над помещением разлилась полная тишина, герольд объявил:

– Его Королевское Величество Никлос Каргатский со своей подопечной кэррой Селестой Каргат!

Раскрылись двери, и на пороге под руку появилась ослепительная «полюсная» пара.

Никлос в черном сюртуке до колен, расшитом золотым узором, под которым двубортная рубашка также черного цвета со стоячим воротником, утяжеленным золотыми наконечниками, и в обтягивающих брюках. Рядом шла белоснежная красавица в весьма красноречивом наряде. Ее плечи накрыты декоративными доспехами из мелких острых пластин золотого цвета, скрепленных золотыми цепочками вокруг шеи. Талию обвивали тонкие обручи в виде ветвей, которые поддерживали развевающийся, как облачко, низ платья.

На голове короля традиционный обруч черного цвета, тогда как лоб Селесты украшала совсем миниатюрная диадема, от которой до переносицы спускался маленький золотой камешек с черным сердцем – символ Каргатских королей.

При их появлении тишина стала совсем звенящей.

Арт почувствовал на себе тяжелый взгляд и, обернувшись, увидел Врана, который смотрел исключительно на него. И в его глазах читалось нечто такое, что было совсем несвойственно канцлеру. Как и та собственническая жадность, с которой он перевел взгляд на Никлоса с Селестой, когда те заняли свои места.

Сэл вблизи совсем бледненькая, кулачки плотно сжаты, она смотрит перед собой. А мысленно тянется к нему. Рядом с ним паника сходит на нет, но девушке все равно тяжело дается первый торжественно-официальный выход в свет в качестве подопечной короны.

– Принцесса Сэлавелия, дочь короля Агондария, наследница Вольных морей и океанов. Вы созвали это собрание по исключительному поводу, и мы готовы вас услышать, – почтительно, но с нотками безоговорочной властности заговорил Никлос.

Русалка кивнула, вставая с места и выходя на трибуну. Окинув злобным взглядом присутствующих и скривившись, когда заметила отсутствие шелки, она задрала подбородок и, чеканя слова, выпалила:

– Мы требуем от Каргатского королевства разорвать сделку с шелки, этими темными созданиями, чьи боги – это старые боги, чья суть – это насилие, кровь и убийства. Они одержимы этой жаждой, из-за чего последовательно нарушают Каргатские договоренности и методично истребляют невинных морских существ. Сегодняшняя бойня стала последней каплей нашего терпения. Мы дали вам время разобраться со своими союзниками, но вы ничего не сделали. Не наказали виновных. С попустительством отнеслись к их деяниям. И, несмотря на наши новые соглашения, вы ни единого шага не сделали нам навстречу, – принцесса перевела глаза на Селесту, и ее взгляд смягчился, но ненадолго. – В связи с этим мы выносим ноту протеста.

Девушка кивнула своему советнику, который, поджав губы, передал королю запечатанный конверт.

– Если вы в течение трех дней не разорвете сделку с шелки и не присоединитесь к нашей войне против этого вида, то все заключенные договоренности будут ликвидированы вплоть до полного закрытия морских путей Каргатского королевства.

В зале поднялась буря из возмущенных криков, обвинений и выражений недовольства, тогда как король молча вскрыл конверт, прочитал его содержимое по диагонали и, выдержав драматичную паузу, на глазах русалов демонстративно порвал его на мелкие кусочки.

– Этого не будет, – негромко выдал он совершенно ледяным тоном, и в зале вновь стало тихо.

От злости принцессу перекосило, и она, едва сдерживаясь, уставилась на короля.

– Мы так и не получили ни единого доказательства вины шелки. Ни единого, уважаемая Сэлавелия. Все, что слышали, это голословные обвинения, подкрепленные личной неприязнью подводного народа к шелки, которые являются единственным разумным видом, обитающим в морских водах и не являющимся частью вашего королевства, что вам явно не по нраву. – Не давая принцессе и слова сказать, король добавил: – Впрочем, это не первые обвинения, которые я слышал за последние недели. Как вам такое: подводники появились в день, когда было совершенно дерзкое нападение на невесту с использованием такой магии, что доступна только русалкам или эльфам. Вы можете доказать свою невиновность в этих событиях? Нет, не можете. Ведь

это необоснованное обвинение, к которому я не прислушиваюсь, пока не будет реальных улик. Так почему вы поступаете иным образом?

– Возмутительно! – вскипела принцесса, по ее лицу прошлась яркая рябь и на секунду проступили рыбы черты. Тяжело задышав и опершись о стойку, она с трудом продолжила говорить на языке наземного мира: – Вы нанесли тяжелое оскорбление и поставили под сомнение годы нашего сотрудничества...

– Которое никогда не строилось на языке дипломатии. Всегда в полутени. Кажется, в Подводном мире давно существует мнение, что наземные вообще не имеют права пользоваться верхними водами даже возле берегов своих земель и рек? – едко вклинился канцлер Вран, и со всех сторон послышались одобрительные возгласы. – Даже нынешнее сотрудничество составляется с такими формулировками и одолжениями с нашей стороны, что возникает вопрос: а сотрудничество ли это? Или временное перемирие, угодное лично вашему отцу? Ведь ваши «невинные» хищники частенько нападают на суда, действуя под защитой ваших слов об их неразумности.

Сэлавелия и правда стала походить на рыбу, выброшенную на берег. Она переводила глаза с одного дракона на другого и просто не находила слов от ярости. Наконец, собравшись, она уставилась на молчавшую Селесту, которая побелевшими пальцами впиалась в подлокотники кресла, пытаясь унять бешеное биение сердца.

– Теперь мне ясна изначальная позиция драконов в отношении Подводного мира, – заявила принцесса. – Как уполномоченный представитель короля Агондария, заявляю, что с этого момента будут заморожены все имеющиеся соглашения между нашими королевствами. Планируемые договора и сделки отменены. А остальные сохранятся до момента урегулирования возникшего конфликта. Как и было объявлено, вам дается три дня на то, чтобы выполнить наши условия. В противном случае, любое появление подданного Каргатского королевства в морских водах будет расценено как вторжение и объявление войны.

Только одна искра несогласия прошлась по лицу советника принцессы, но русал сдержался и сдержал остальных представителей Подводного мира. Однако Артан понял, что и под водой не все согласны с выдвинутыми обвинениями.

– Ваше Величество? – в поднявшемся шуме голос маршала совсем утонул, и он наклонился к Никлосу. – Скажите хоть слово?

Но король не успел ничего сказать, потому что Сэлавелия заговорила вновь:

– Существует одно исключение, которое способно восстановить былые отношения и вернуть нас к конструктивному диалогу, – она вновь устала на Селесту, которая заерзала на кресле, поминутно оглядываясь то на Артана, то на короля. – Если белый дракон навсегда перейдет под опеку Подводного мира, мы готовы забыть все обиды и обвинения. Даже против шелки, с условием, что они прекратят свои... действия. Или же Каргатский король найдет, кто мог подставить этих существ, и тех, кто напал на невесту в Равновесие. – Дождавшись, когда слова дойдут до каждого дракона, она уточнила: – Вам понятны мои слова?

Селеста переглянулась с Никлосом, и тот еле заметно кивнул. Она глубоко вздохнула, внутренне ища поддержки у Артана, встала с места и вышла на небольшое свободное пространство перед трибуной.

– Как подданная Каргатского королевства, подопечная Каргатского короля и являясь кэррой Селестой Каргат, заявляю со всей ответственностью за свои слова: ваше предложение не является ветвью мира и согласия и, будучи чистым вымогательством, ярко демонстрирует истинное отношение Подводного мира к своим соседям. Не признавая установленные рамки, ставя под сомнение состоятельность Каргатского короля, вы в буквальном смысле ставите условия таким образом, что показываете всю мерзость своей игры в обвинения. С самого начала вы оказывали мне знаки внимания, также действуя и на наши дипломатические соглашения, в которых явно писали, что именно является для вас ценностью. И чего вы хотите на самом деле. Так вот, – прочистив горло, Селеста заговорила еще громче, чем до этого: – В нашем королевстве нет, не было и не будет никакого вида работорговли. Ни одно разумное существо не будет считаться товаром ни в каких отношениях с соседними государствами!

С каждым словом девушка распалась все больше и больше, и под конец, когда заговорила на одном дыхании, из ее тела тонкими змейками выползли белые нити ариуса, которые расползлись в разные стороны, будто тонкий каркас невидимых крыльев. И каждая ниточка весьма агрессивно покачивалась в сторону русалов.

Сэлавелия с благоговением осенила драконицу жестом святой Клэрии и, обогнув кафедру, опустилась на колени, видя, как все выше и выше поднимается дым, разлетаясь белым облаком и заполняя пространство перед трибуной.

Селеста тяжело задышала, пытаясь утихомирить и вернуть в себя ариус, но у нее не осталось сил даже слово вымолвить, и она могла только сдерживать его, чтобы он ни на кого не набросился. Она сама медленно опустилась на колени.

– Что это за чертовщина? – в шоке вымолвил Брошин Адегельский, вставая с места.

– Называется ариус. Такой же был у святой Клэрии, – ответил ему Вран, а затем, обращаясь к Никлосу, спросил: – Ваше Величество, мне кажется или Селеста сейчас может развязать войну, невольно убив принцессу? Видно же, она с трудом контролирует белую тьму.

– Арт, оставайся на месте, или и тебя заденет, – быстро сказал Ник, останавливая Арта, готового ринуться на помощь к любимой.

Сам же уверенно пересек пространство до Селесты, насквозь проходя белый дым и выпуская из себя нориус. Каждый шаг – и каждая нить тьмы захватывала, сплетаясь с белой нитью, ариус, подавляя его, зажимая в тисках. Никлос остановился позади девушки, положив руки ей на плечи.

– Уходите, – приказал он Сэлавелии. – Отныне вам не рады на территории Каргатского королевства. Любое нарушение с вашей стороны действующих договоренностей будет расценено как объявление войны. Я повторюсь, один потопленный корабль или утащенный на дно житель Каргатского королевства – и начнется война. Вы меня поняли? – он говорил жестко, держа в захвате Селесту, которая под его влиянием еле-еле успокаивалась, втягивая в себя ариус.

Сэлавелия встала, окинула присутствующих болезненным взглядом бессилия. Ее манила сила Селесты, но она ничего поделать не могла. Даже ответить достойно, ведь сейчас принцесса транслирует волю отца, а не свои желания. Поэтому девушка молча кивнула и удалилась из зала через балконные двери, откуда вместе со свитой сиганула прямо в разбушевавшийся океан.

– Я не справилась? – тихо спросила Сэл, с помощью Ника вставая с колен. – Мне пока плохо удается сдерживаться, когда эмоции

зашкаливают...

– Нет-нет, что ты! Ты большая молодец, я горжусь тобой! – мягко ответил король, обнимая ее и отечески целуя прямо в черную капельку на переносице.

– Они отлично смотрятся, – едва слышно заявил Вран, вставая близко за спиной Артана. – Как вы считаете, кэрр Гадельер?

– К сожалению, но их свадьба невозможна, хотя лучшую претендентку на звание королевы и представить нельзя, – протянул медоточиво Брошин, вставая с другой стороны. – В день Равновесия случилось слияние между нашим маршалом и прелестной Селестой, так что девушке не видать королевского венца.

– Если все так, то кэрра Артана можно поздравить? Когда будет объявлено о помолвке? – разговор шел между канцлером и Брошином и не требовал ответов от маршала, да и велся в таком тоне, чтобы максимально позлить его, не переходя на откровенность.

– Наверное, Никлос не считает, что Селеста должна так скоро обручиться. Видимо, есть причины, препятствующие этому браку, – якобы задумчиво протянул старик Адегельский, сходя с места и вставая напротив Артана.

Позади говорящих раздалось презрительное фырканье. Акрош окинул каждого насмешливой улыбочкой и удалился, насвистывая фривольную мелодию, чем вызвал скрежет отцовских зубов. Видимо, Брошин недолго любил младшего сына и эти чувства были взаимны. Чтобы выместить на ком-то свою злость, старик вновь переключился на молчащего Артана, чье внимание было приковано к шепчущимся у трибуны Никлосу и Селесте.

– Кстати, а вы скоро отправитесь на учения к моему сыну? Он обещал показать невероятное зрелище! Думаю, поездка затянется минимум на месяц... Хорошо, что король так здорово заботится о вашей возлюбленной? Ей будет не так одиноко...

– Ваши инсинуации... – начал было Арт сквозь зубы, но тут боковые двери распахнулись, и на пороге показался встревоженный Томар Бай.

Найдя взглядом короля, он быстро пересек комнату, начисто игнорируя спорящих чиновников, буквально расталкивая их в стороны, легко проходя заторы между рядами кресел. Он подошел вплотную к королю и Селесте и что-то зашептал им на ухо.

– Я пойду с вами! – громко воскликнула Селеста, а когда Ник попытался возразить, заметила: – Она моя подруга! Я не оставлю ее!
Тогда до Артана дошло – речь идет о Мирте.

Глава 18

Исцеление во тьме

Селеста

Тук-тук-тук-тук-тук. Вот так быстро-быстро бьется сердечко. С той самой секунды, как на меня напялили жутко тяжелый и острый наряд, из-за которого вся шея в царапинах и порезах. Мне больно, неудобно, некомфортно и очень страшно. До морвиуса страшно быть подопечной короля! Сидеть на королевском кресле с идеально прямой спиной и непроницаемым лицом. А потом выступать перед всеми, и в особенности перед принцессой Сэлавелией, говоря такие чудовищно сложные слова, которые вбил в голову Никлос перед входом в зал. Он все предугадал. Рассказал, чего хотят подводники, что, скорее всего, именно они стоят за отравлением Мирты, что если я сделаю все правильно, то это даст время предотвратить войну.

Поэтому я собрала каждую частичку души в мешочек и сжала его до камешка, чтобы выдержать напряжение и высказать все, что надо и как надо. А ведь даже появление ариуса было спланировано Ником, ведь подводники одержимы белым дымом, видя в нем проявление святой Клэрии. Какое дремучее суеверие! И оно сработало.

Однако ничего не вышло бы, не будь рядом Артана. Тот канал, что между нами открылся, придал сил пережить самый тяжелый момент. И я обращалась к нему каждую секунду, когда казалось, что страх захлестывает с головой.

К сожалению, когда ариус вырвался из-под контроля, канал закрылся, и я осталась наедине с этой неуправляемой мощью. Только появление нориуса предотвратило катастрофу, ведь ариус – это чистая энергия, которая уничтожила бы сначала подводников, а потом и всех остальных в зале. И все потому, что я не могу взять под контроль свои эмоции. В этот момент я действительно осознала, что нуждаюсь в обучении. Что мне нужна помощь Никлоса, который когда-то справился с нориусом.

Именно об этом мы говорили, когда Томар сообщил, что Мирте совсем худо и ей нужна помощь короля. Разумеется, я поспешила

следом, как и Артан, догадавшийся, что речь идет о его племяннице.

Никлос пропустил нас вперед, а сам остался, чтобы дать указания своим приближенным, как действовать в сложившихся обстоятельствах. Еще он приказал разыскать Флаксу и немедленно доставить ее к нему.

А я, только покинув пределы зала через коридор слуг, моментально стянула с себя металлические украшения и всучила их в руки стоящему у входа стражнику.

– Сэл, что это? – в изумлении воскликнул Арт, увидев сочащиеся кровью порезы на шее и наливающиеся синевой гематомы на плечах.

– Следы величия, – ответила я мрачно, хватая его под руку и таща следом за Томаром. – Это не прихоть, а какой-то символ. Ник не успел объяснить, но для подводников – важный знак.

– Не надо было тебе лезть во все это, – проворчал он, с нежностью касаясь моего предплечья и обходя наиболее пострадавшие места. В его глазах столько тепла и заботы, что вся тяжесть сошла, и я перевела дух, сбрасывая скопившееся напряжение. А под пальцами его кожа едва заметно засветилась, и вот чудо – синяки буквально на глазах уменьшились, а вскоре и вовсе исчезли вместе с порезами. Только остались следы засохшей крови.

– Ты мое исцеление, – прошептала я с теплотой.

Томар шел впереди, так что не видел случившегося. Возле комнаты Мирты столпились невесты, включая Калисту. Девушки было потянулись к нам, но замерли, повинувшись жесту колдуна. А мы вошли внутрь.

Возле дочери сидела бледная заплаканная кэрра Трана Гадельер. У окна стоял ее муж Варт, а поодаль сын Клост. Все трое с надеждой взглянули на вошедших.

– Дэр Бай, где же король?! Мирте совсем плохо! – со слезами протянула Трана, наклоняясь к раскашлявшейся девушке. Мать заботливо обтерла рот дочери от черной слизи, следы которой виднелись повсюду.

– О святая Клэрия! – вырвалось у меня невольно, и я зажала рот рукой.

Мирта выглядела ужасающе. Частый кашель с мокротой измотал ее так, что у нее не было сил даже слегка приподняться, чтобы облегчить дыхание. Из нее вырывался черный дым, который не

рассеивался, а собирался под потолком в кружащуюся тучку. Темно-синие вены проступили на коже и, казалось, пульсировали черной жижей. Девушка приоткрыла глаза, но никого не увидела и вновь опустила веки, прерывисто дыша и теряя связь с реальностью.

– Но ведь еще утром все было нормально! – воскликнула я, подходя к Мирте с другой стороны кровати и опускаясь на колени. – Что произошло?

– Чудо, – мрачно ответил Томар, указывая на потолок. – Под названием Черная пьетта. Растение, размножающееся в теле живого существа. Достаточно склониться над бутоном и сделать глубокий вдох, как споры попадут в легкие, а затем, питаясь жизненными соками, превратятся в подобие жидких, летучих семян. Когда они полностью созреют, то покинут носителя и разнесутся по земле, прорастая новыми смертоносными цветами.

– Спасибо, дэр Бай, за краткий урок биологии, – неожиданно жестко отреагировал кэрр Варт, отходя от окна. Крепкий и широкий, с крупной челюстью и маленькими глазками, прячущимися под тяжелыми надбровными дугами, кэрр Гадельер выглядел довольно пугающе, будто кожу слишком сильно натянули на череп, так что теперь видна каждая выемка и косточка. Совсем не красавец. Жесткий, властный человек, вот каким был нынешний глава Зеленого дома.

– Вы так много узнали об этом проклятом цветке, что, может, скажете, как его вытащить из моей дочери? – продолжил он, подходя вплотную к колдуну, который стоически выдержал этот натиск.

– Сожалею, но процесс нельзя остановить, – ответил Томар, глядя на дракона.

– То есть моя сестра умрет? – тоненький голос Клоста разрядил обстановку, и Варт, опустив голову, отступил к Артану, который крепко обнял зятя, что-то негромко говоря ему на ухо.

– Послали за Вестом? – спрашиваю я осторожно у безутешной Траны. Женщина в ответ кивнула, не переставая гладить дочь, все время то поправляя подушку, то вытирая темный пот со лба, то обмакивая тряпку в почерневшей воде.

Сообразив, я вскочила с места, поднимая грязный тазик, и устремившись в ванную за свежей жидкостью. Вода не смешивалась с пьеттой, которая темными сгустками, будто живая, плавала в тазу. Опустив палец вниз, я заметила, как слизь быстро разошлась в

сторону, чтобы не соприкоснуться с кожей. Подняв голову, уставилась в зеркало, отмечая проступившие синяки под глазами.

Пару часов назад я была до безумия счастлива рядом с Артаном. Казалось, все удастся преодолеть, все беды окончены и все будет хорошо. Реальность ворвалась так быстро, что я никак не успеваю перестроиться.

Слив воду и налив свежую, я вернулась в комнату, где уже был Ник. Он приказал всем, кроме Томара, удалиться. И будто повинувшись инстинкту, не стал противиться, когда я осталась.

– Ох, кэрра Гадельер, простите, что подвел вас, – тихо шепнул Никлос, наклонившись над девушкой и проведя рукой по все еще шелковистым волосам. – Я попытаюсь помочь, но будет больно. Адски больно, поэтому собери все свои силы, хорошо? Держись за меня, я постараюсь вытащить из тебя эту дрянь.

Переглянувшись с Томаром, король обхватил руки Мирты и с силой сжал их, закрывая глаза и призывая нориус.

Со стороны заметно, с каким трудом он вкладывал тьму в Мирту. Совсем не так, как это происходило в предыдущие разы. С надрывом, от которого он до крови прикусил нижнюю губу, так, что и лицо искривила судорога невероятного напряжения. Томар, встав напротив, делал руками пассы, бормоча заклинание, от которого замигал свет и ощутимо потянуло запахом, как перед летним дождем.

Все шло не так. Нориус то проникал под кожу Мирты, вытаскивая за собой сгустки черноты, то ронял их, и они либо возвращались под кожу, либо взлетали вверх к туче, либо оставались на поверхности, растекаясь по постели. Мирта кричала от каждой попытки. Сначала громко, очень громко, но потом все тише и тише. Ее ломало от боли, так что Нику приходилось удерживать девушку на месте, но и это теряло смысл: иссякли силы, исчезала воля к борьбе.

– Мы теряем ее! – прохрипел Никлос, сплевывая кровь на пол. – Томар, давай вместе, как говорили!

– Это опасно, ее разорвет на куски! – затряс головой Томар, обрывая очередной речитатив. – В таком виде показать ее родным?! Пусть лучше своей смертью умрет, чем такое...

– А если получится? – заупрямился Ник. – Надо попытаться!

И колдун, напряженно замерев на месте, все-таки медленно кивнул, соглашаясь. Ник поднял голову и уставился на меня:

– Сэл, уходи. Ты ничем не можешь помочь, а видеть такое... не стоит.

– Я остаюсь.

– Сэл...

– Я остаюсь! – крикнула я, и на крик из-под кожи вновь выполз ариус.

– Морвиус тебя подери, Сэл! – взъярился Ник, но остался на месте. Переглянувшись с Томаром, они синхронно наклонились над Миртой, и король сдернул с девушки одеяло, накрыл руками грудь и живот, тогда как Томар – шею и голову.

Колдун запел новое заклинание, от которого под его руками возникло серое подобие нориуса, тогда как Никлос выпустил плотный дым, медленно обвивающий руки и ноги девушки в чернильный кокон.

От их действий забеспокоился ариус, а туча под потолком задрожала, будто от страха.

– Я должна что-то сделать, – пробормотала я, лихорадочно думая над тем, что вижу. Подсказка была такой откровенной, но я не знала, как ею воспользоваться.

Тем временем от совместных действий короля и Томара Мирта пришла в себя, зашевелилась, пробуждаясь от смутной темной дремы. И закричала. Да с такой болью, что крик оборвался надсадным хрипом. Тело заходило ходуном под руками мужчин, и там, где расходилась тьма, виднелись вены, выпирающие из-под кожи. Они прорывали ее будто перезрелый фрукт, сочась кровью и темной слизью.

– Нет, так нельзя, вы убиваете ее! – закричала я вновь, срываясь с места и падая прямо на короля, сбивая его руки с тела девушки.

Ариус соприкоснулся со слизью Черной пьетты.

И закричала тьма. Заголосила, завопила со всех сторон. Туча под потолком ринулась прямо на меня, но столкнулась со щитом нориуса и не смогла прорваться. А там, где ариус касался тела Мирты, бесследно исчезала слизь, дым шипел и шкворчал, будто вода, попавшая в кипящее масло. Все ускорило, замельтешило, зарябило в глазах.

Я бы и хотела остановиться, но не могла сопротивляться, не могла контролировать ариус, не могла управлять тем, что он делал. А он покидал меня. Действовал как сода, столкнувшаяся с уксусом, –

обезвреживал заразу, но не мог остановиться. И больно становилось уже мне.

Сначала я терпела. Пока был разум, пока видела, что от ариуса Мирте буквально на глазах становится легче. Я видела, с какой надеждой смотрит Ник. Как поддерживает девушку Томар, помогая ариусу проникать в каждую зараженную клеточку тела драконицы.

Я держалась изо всех сил, но боль стала невыносимой. Будто из меня жилы тянут, а вместе с ними вытягиваются и внутренние органы. Вот такая эта была боль. Агония. И я застонала. Сначала неслышно, упрямо сжимая губы и зубы, и кулаки, сжимая глаза до щелочек. Но больше не могла терпеть.

И соскользнула на пол. Я видела, как из меня продолжает вылезать ариус. Чувствовала, как поднял мою голову Ник, кладя к себе на колени, что-то пытаюсь сказать, но я уже ничего не слышала. Последнее, что увидела: черную тучу сжимает нориус, выволакивая сквозь открытые окна наружу. Последнее, что почувствовала: руки короля на своем лице. Теплое присутствие тьмы, которая аккуратно вталкивала в меня ариус. Последнее, что услышала:

– Держись, малышка! Не уходи, слышишь? – голос Артана, и его присутствие внутри меня, которое стянуло боль в одну точку, и я уплыла.

* * *

В детстве я считала себя папиной дочкой. Между нами всегда была какая-то связь, нечто особенное, чего не было ни с Калистой, ни с Кристаном. Когда у папы было время, он брал меня на рыбалку, и мы отправлялись в удаленную часть нашей долины к Арийскому озеру, находящемуся на границе с эльфами. На побережье была выстроена маленькая рыбацкая хижина, в которой мы ночевали, чтобы на рассвете спустить на воду лодочку и выйти на середину озера.

Мы могли часами рыбачить, не проронив ни слова, наслаждаясь тем, как с утренней зорькой над водой стелется туман, ходят по поверхности водомерки, в отдалении квакают лягушки и чирикают утренние птицы. А наловив рыбы, отец разводил на берегу костер, пока я разделывала и чистила тушки, натирая их солью, специями и

приправой. Вместе с припасенной заранее картошкой получалось необычайно вкусно. После отец рассказывал о своем детстве, как он плохо ладил с родными, как часто сбегал из дома и из академии, как устроился на рыболовное судно обычным матросом, чтобы посмотреть мир и увидеть Заокеанские государства. Как наперекор желанию семьи женился на Алисте, и как же здорово, что появились мы.

Папа учил меня отстаивать свое мнение, объяснял, как важно думать головой и быть собой. Мне нравилась наша близость, но я не знала, почему ее не было с братом и сестрой. Почему отец словно сознательно выделял меня из своих детей.

После рассказов матери о том, что он сделал, становится ясно – он знал, какой я буду. Возможно, виной тому эльфы. А папа хотел привить мне чувство исключительности, особенности, привычку быть не такой, как все. Ведь кроме рыбалки, мы ходили и на охоту, он показывал, как ставить силки, как подстрелить оленя и разделать тушу.

Думаю, именно эта дозволенность сделала меня той, кто я есть. И думаю, что только уроки отца помогут выжить, если когда-нибудь придется выживать.

* * *

Я погрузилась в глубокий, как океан, сон. Надо мной проплывали рыбы-голоса из реальности, подводные течения – прикосновения чужих рук, попытки накормить, обмыть, получше устроить в постели... Иногда я отмечала течение времени, но чаще просто дремала на дне, понимая, что нужно восстановить силы, прежде чем просыпаться.

Мой личный подводный мир постепенно заполняли белесые пульсирующие нити-паутинки. И чем больше их становилось, тем легче было дышать. А на поверхности бушевали шторма.

– Ник, как ты мог вовлечь ее в такое?! Она же молодая невинная девушка, ей не пристало заниматься политикой. Ты говорил о защите, а сам нарисовал у нее на груди мишень! – разорялся Артан, и его злость красными вспышками отражалась в моей сонной реальности.

– Это ты не понимаешь, что именно происходит! – в ответ цедит сквозь зубы Ник. – Ты видишь в ней хорошенькую девчушку, которую

нужно любить, холить и лелеять, защищать от внешнего мира, держать в замке, где она будет вышивать гладью и строгать детишек, как это положено для дракониц из высшего общества. Да, возможно, ты видишь будущее не таким однообразным, но признайся, у тебя и в мыслях нет позволить ей получить мужское образование? Научиться защищаться самой. Иметь свое мнение. Быть независимой. Ведь все это так не свойственно аристократкам, не так ли?!

– Она драконица, а не колдунья, зачем ты пытаешься наклепать на нее всю эту мишуру? Ей больно от всего, что с ней здесь происходит! Сам посмотри, куда привела ее независимость! Она влезла, куда не следует, а теперь не может проснуться!

– Она белый дракон, Арт! Моя подопечная! Ей придется научиться быть сильной, если она хочет выжить. У нее просто нет другого выбора, иначе ее поглотит кто-то более сильный...

– Например, ты? – со злобой в голосе перебивает Артан. И я чувствую, как возрастает напряжение, доверху наполняя комнату огнем. – Вы ведь так отлично смотрите вместе! И, разумеется, ты способен позаботиться о ней...

– Ну и дурак, – спокойно отвечает король, а в голосе его столько усталости. – Ты мой друг, и ты должен знать меня лучше всех. Так скажи мне, Артан, ты действительно веришь в свои слова? Веришь, что я желаю чего-то подобного?

Красное сменяется фиолетовым, и до меня доносится эхо эмоций любимого, его смущение и вина.

– Прости... я так испугался, когда увидел, что случилось, да еще и Вран на пару с Брошином наговорили всякого... морвиус побери, ты вправе злиться на меня за такие обвинения!

– Иди домой, проспись. Пока не вернется Калиста с Кристаном, я посижу с ней. А ты отдыхай – у тебя под глазами целый океан бессонницы!

И мое персональное солнышко удалилось, оставив рядом прохладную тьму. Ник положил руку на мой горячий лоб, и я погрузилась в глубокий сон.

Следующая полудрема совпала с появлением брата и сестры. Их перепалка закончилась взаимными извинениями и объятиями, обещаниями поддерживать друг друга. Я чувствовала, как становится легче от их присутствия, и радовалась, что они помирились.

В этом странном полусне я осознавала присутствие гостей, даже если не всегда слышала все, что говорят. Знала, что меня регулярно навещают оставшиеся невесты. Особенно часто это делала Паули, которая получила идеальные уши, чтобы рассказывать все сплетни столицы. В какой-то день она поделилась со мной радостной новостью: она помолвлена с желтым драконом и с нетерпением ждет свадебного цикла, который перенесли на середину мая.

Ко мне приходила Маля, она даже как-то заглянула в мой сон и передала увиденное почти круглосуточно сидящему возле моей постели Артану. Колдунья обрадовала меня тем, что поступила в Магическую академию и стала взаправдашней первокурсницей. И она успела уже поцапаться с комендантшей из-за поздних возвращений в общагу и из-за излишне вольной трактовки студенческой формы.

Заходили и служанки, и даже Анишка забегала. Как и Томар Бай, который определял количество ариуса в крови, высчитывая, сколько еще мне осталось спать. И когда Артана не было рядом, появлялся Брошин Адегельский с племянниками. Хотя ему я не была рада.

Словом, я совсем не чувствовала себя одиноко. Наоборот, временами казалось, что вокруг слишком много людей и они все что-то от меня хотят. Но я не понимала, что именно. Я видела странные яркие огни, слышала звон посуды, стуканье дверей, какие-то щелчки, непонятное звучание, лишь отдаленно напоминающее музыку. Сквозь весь этот шум я вдруг услышала очень громкий женский возглас: «Свободная касса!», а следом потянулись возмутительные кисло-сладкие ароматы вместе с жаром, от которого я вся вспотела.

И проснулась в своей постели.

Стояла глубокая ночь, снаружи ревел ветер, бросая на стекло пригоршни дождя. Под сжатыми пальцами – край мягкого одеяла, отпустив его, чувствую легкое покалывание и онемение. Во всем теле присутствует странная, противная слабость, которой я совсем не ощущала, пока спала.

Я попробовала пошевелиться, но не смогла даже пальчик согнуть, словно полностью потеряла контроль над телом от бедер и до кончиков ног. Тяжело задышав, я попыталась успокоиться, ощущая свою беспомощность. Хотелось позвать на помощь, но я постеснялась кричать. Такая тишина в противовес настоящему урагану за окном.

– Привет, Сэл, – раздался голос откуда-то сбоку. Повернувшись и приглядевшись, вижу объемную тень на небольшом кресле у окна. В такую мрачную ночь и лучика лунного света не дождешься, поэтому я только по голосу распознала, кто там сидит.

– Сэлавелия. Как вы здесь оказались? – голос от долгого молчания звучит глухо, чуждо и неестественно. Горло пересохло, и мне нестерпимо захотелось пить. А еще в туалет. И поесть... и так страшно, что всего этого хотелось сию же минуту!

– Не могла не зайти проведать. Твоя болезнь напугала нас всех, – чарующе мягким голосом продолжала она. – А уж как взволновала новость об исцелении Мирты. Ты совсем как святая Клэрия – противостояшь тьме. Такой уникальный дар... – ее голос помрачнел, теряясь среди шума. Мелькнула череда зарниц, и я разглядела ее лицо. В темноте оно было серым, а глаза казались совсем-совсем черными.

– Вы здесь незаконно, – заметила я резко, собираясь с силами. – Уходите, пока я не кликнула стражу.

– Ты видишь во мне врага, – печально протянула русалка. – А ведь я хочу быть другом. Хочу защитить от того, что грядет. Пойми, тебе опасно здесь оставаться. Скоро все начнет меняться. Эти изменения витают в воздухе. Смерть невинных, убийства, запах крови в переулках столицы... деревья дышат мглой, надвигается конец эпохи. А черный король – не тот, кто останется на стороне добра. Нет в нем этого. И как бы Никлос ни привлекал своим внутренним огнем – он опаснее всех.

– Уходите, – повторила я вновь, устало откидываясь обратно на подушки. Боль поднялась от поясицы до плеч, и я стиснула зубы, подавляя крик. Что же это такое? Почему я так страдаю?

– Идем со мной, Сэл. Подводный мир огромен и прекрасен. У нас есть такие места, куда никогда не проникнет тьма. Никогда не спустится ни один враг. И как бы Никлос ни кичился силой нориуса, Подводный мир в состоянии противостоять ему.

– Хватит приравнивать его к врагам. Я не знаю, кто убил ваших животных, но это были не мы. Не Никлос. Прекращай свои дурацкие попытки. Мне нечего делать в твоём мире, так как мое будущее здесь, рядом с кэрром Артаном Гадельером. Мы связаны, – эта речь потребовала так много сил, что глаза стали закрываться, медленно увлекая меня обратно в сон.

– Так возьми его с собой, – шепот раздался совсем близко, и я широко распахнула глаза, после чего увидела над собой нечеловеческое лицо русалки. Я совсем не чувствовала ее веса на теле, а она уже обхватила мое горло, подавляя нарастающий крик. – Ну же, что тебя держит? Скажи, и мы найдем выход. А в Подводном мире так красиво и спокойно... тебе понравится. Очень понравится. Там тоже есть драконы. Не такие, как земные, но вы найдете общий язык.

Мой страх должен был активировать ариус, но вместо этого я ощущала странные *спайки*, из-за которых лишилась связи с белой тьмой. И Сэлавелия знала об этом, поэтому и действовала так уверенно. До меня дошло, что русалка не собирается отступать и, если потребуется, будет действовать силой, а я даже не могу ударить ее – настолько ослабли руки!

В отдалении усилился шум дождя, и в комнату потянуло свежестью. Скосив глаза, вижу тени, выползающие из окна.

– Прости, что так, – извиняющимся тоном говорит Сэлавелия, немного ослабляя хватку. – Но мы больше не можем ждать. Так что либо ты идешь добровольно, либо...

Единственное, чего не предугадала русалка, это слияния с Артом. Никто, кроме зеленых, не знает, что это такое. Не в курсе, насколько сильна эта связь. И каким может быть беззвучный крик, летящий по связующим нитям.

Она не знала об этом, но услышала топот ног за дверями и поняла, что не успевает осуществить задуманное. Девушка спрыгнула с моей груди и в два прыжка оказалась рядом с сообщниками, когда распахнулись двери и в золотом сиянии от горящих за спинами ламп появился Артан с подмогой. Его люди бросились к окну, но русалы уже выпрыгнули наружу прямо под проливной дождь. Охрана последовала за ними, а Артан устремился ко мне.

– О, святая Клэрия, как же это получилось?! – зло воскликнул он, опускаясь возле меня на колени и беря за руку. Он целует каждый мой пальчик, и я вижу гремучую смесь вины и радости в его глазах. – Я не отходил ни на минуту, а тут... вдруг вызвали, и, главное, меня не было всего пару часов!

– Видимо, они ждали подходящего момента, – отвечаю я едва слышно. Мне требовались все силы, чтобы не погрузиться обратно в сон. – Ты успел вовремя, спасибо...

Видя, как смыкаются мои веки, он улыбнулся и поцеловал меня в лоб.

– Спи. Доктор сказал, ты должна спать столько, сколько хочется. Это нужно, чтобы восстановилась связь с ариусом. Когда это случится, ты выздоровеешь.

– О... мне снятся такие странные сны, – говорю я спросонья, вновь погружаясь в сладкую безболезненную дрему. – Там был ресторан, такой громкий, людной... там много кричали, и музыка, и все такое...

– Спи, любовь моя, – мягко перебивает меня Артан, целуя в губы. – А когда проснешься, все снова будет хорошо.

Глава 19

Чистота и грязь помыслов

Никлос

Последствия приснопамятного Совета ощущались весь остаток апреля. Столицу лихорадило, слухи множились, превращаясь из безобидных шушуканий в настоящих монстров, которые привели к неприятным последствиям. Шелки стали изгоями, их и так еле терпели, но после случившегося – утопленницам попросту стало опасно выходить из воды, и теперь они были вынуждены скрываться не только от русалок, но и от рыбаков и торговцев. Даже спешный приказ короля не изменил ситуацию: все понимали, что эта ненависть всегда была нарывом на теле королевства. Никлосу необходимо разрубить этот узел, но он пока не придумал как.

И вообще на фоне остальных проблем сложности с шелки казались несущественными, несмотря на все призывы Верховной. Никлос отдал приказ им самим разобраться с гибелью морских животных. Найти доказательства своей невиновности.

А сам вел бой со своими же подданными, которые жаждали войны против русалок. И если канцлер после горячей отповеди притих и сосредоточился на своих ошибках и поисках отравителей, то Брошин заслужил ссылку в собственные владения с запретом на посещения дворца вплоть до свадебного цикла, перенесенного на середину мая.

Но даже это было не самой большой неприятностью.

Случившееся с Миртой чудесное выздоровление, которое видели невесты, слуги и родственники, а также последовавшее за ним падение Селесты, вызвали такой мощный взрыв в головах подданных, что пришлось поставить двойную стражу у покоев последней, чтобы туда не проникли верующие. Это в любом случае произошло бы, ведь девушка еще на Совете показала, на что способна, но исцеление, на которое не способен сам Никлос... словом, сейчас поговаривали, что драконица – это воскресшая святая Клэрия.

Зная аристократов, Ник понимал, что идея со временем заглохнет, когда вспомнят о предыдущих появлениях белых дракониц, но

подозревал, что родится иная. И вот ее следовало искоренить. Как? И этого он тоже пока не знал.

Из-за разрыва с Подводным миром вся дедова реформа полетела морвиусу в пасть, и Ник ночами сидел, перебирая варианты, как можно сократить нанесенный ущерб, чем можно пожертвовать, чтобы все-таки получить сообщение с отдаленными Заокеанскими странами. Пока в голову приходило только небо.

Нужно было придумать что-то такое, похожее на крылья драконов, со способностью чувствовать потоки, а также сильное и выносливое, чтобы нести груз. И бережное, чтобы не разбить его. Надо подкинуть задачку первокурсникам академий. Свежие головы способны на оригинальный подход и могут создать нечто новое. То, что позволит немного охладить пыл русалок и вернуть их за стол переговоров.

К сожалению, но и этот план также оказался несовершенен...

* * *

– Как это могло произойти?! Как они проникли во дворец? Ну и что, что была буря! Это не оправдание! – Никлос буквально кричал на начальника охраны, сурового двухметрового дядьку, который был выше короля, но на фоне нориуса казался совсем крохотным. Алфабэр Адгель занимал этот пост более двадцати лет и впервые получал по шапке за проступок, достойный разве что мальчишки. Настолько возмутительно было то, как он проморгал появление подводников.

– Ваше Величество, они пришли с дождем. Что-то было в воздухе, из-за чего охрана впала в сон. Мы уже сталкивались с этим раньше, но тогда я решил, что охранник сам виноват...

– Что? – перебил Ник, замирая на месте напротив Адгеля. В отдалении стояли остальные охранники Селесты, за исключением личного телохранителя Владиса, который после выздоровления неотлучно находился подле подопечной.

Кашлянув и вытянувшись по стойке смирно, Алфабэр пояснил:

– За неделю до Равновесия один охранник заснул на посту. Он клялся, что не виноват, что не мог так опростоволоситься, но я ему не

поверил. А сейчас думаю, может, это неспроста? Он дежурил возле оранжереи. И в его дежурство шел сильный дождь.

– Передай это канцлеру со всеми подробностями, – поразмыслив, ответил Ник. – А после свяжись с дэром Бай, пусть колдун осмотрит твоих ребят. Если подтвердится – будем работать над тем, как этого избежать, а если нет... пеняй на себя, Алфабэр.

Начальник охраны кивнул, отдал честь и вместе с подчиненными покинул кабинет короля. А Ник присел на край стола, выудил из ящика коробку с сигарами и закурил. Мысль была слишком непривлекательной, так что вполне могла оказаться правдой.

Настоящее доказательство вины подводников. Связь с попыткой похищения Селесты. Ложные обвинения для общественности. Все указывает, что русалы хотят войны. После сегодняшней ночи простолюдины забудут о шелки и переключатся на подводников. Еще бы! Попытка похищения новоявленной святой! Такое не прощают.

От резкой вспышки гнева Ник ударил по столу, и все предметы подскочили в воздух.

– Проклятье! – воскликнул он, ломая сигару в руках и смахивая на пол угольки и табак. Ему не нравилось, куда все шло. Он не хотел воевать. Особенно с русалками. Именно мира с ними и добивался дед. Когда Ник был маленьким, Вернон часто брал внука на руки, подводил к глобусу и показывал размеры океана, говоря, какой маленькой является драконья страна на фоне Подводного мира. Рассказывал, какие чудеса и тайны скрываются под морской толщей. Предупреждал, как опасно ссориться с водой. И убеждал, сколько всего откроется, если подружиться с ними. Теперь вопрос мира отойдет на столетия, если не больше. Если удастся избежать войны. А если нет...

Нориус лениво выполз из тела короля и совсем вяло расползся по комнате. Он еще не восстановился после попытки исцелить Мирту, а после остановить Селесту на краю от гибели.

Ник никогда не расскажет девушке, насколько безрассудно было ее желание спасти Мирту. Не расскажет, с каким трудом он смог вытащить ее саму. Нет. Такой благодарности от кареглазки ему не нужно...

Король остановился возле давешнего глобуса и крутанул наугад. Тот остановился четко на долине Винцель и границе с эльфами. И в голову пришла неясная мысль.

– А ведь это выход, – пробормотал Ник, успокаиваясь.

В дверь постучали, и на пороге появился Богарт.

– Ваше Величество, простите, что отвлекаю, но ваша подопечная просила передать, что хотела бы видеть вас. Когда вам будет угодно, разумеется.

– Она еще не может ходить? – уточнил Ник. – Жалко... тогда подготовьте инвалидное кресло. – Заметив недоуменный взгляд секретаря, он пояснил: – Спроси у старших слуг. Они вспомнят, куда подевалось кресло моей матери.

* * *

Ник осторожно катил коляску по светлой стороне оранжереи. Пока говорить не хотелось ни ему, ни Селесте, оба чувствовали неловкость, оставшись наедине.

Когда Никлос только увидел ее после пробуждения, то сразу не нашелся, что сказать, настолько бледно и немощно выглядела Селеста. В том состоянии, в котором она находилась, было сложно кормить девушку, а то, что попадало в желудок, исторгалось вместе с черной слизью – остаточным эффектом от ее поступка. В результате она сильно исхудала, а истощение ариуса привело к частичному параличу.

В ее глазах читался отчетливый страх перед собственной слабостью. Особенно после настолько страшного пробуждения. Девушка вся сжалась, стремясь стать маленькой и незаметной. Словом, ничего не осталось от решительности, с которой она выступала на Совете.

Вот и сейчас Селеста мялась, не зная, с чего начать. И вместо нее заговорил король.

– Рад, что ты очнулась. Жаль, что при таких обстоятельствах. Гарантирую, что такое не повторится. Теперь территорию охраняют не только драконы, но и колдуны, так что магия русалок не сработает. – Скупно роняя слова, король направил коляску в дальнюю часть огромного помещения.

Им навстречу попадались садовники, несколько придворных дам, парочка слуг, охранники. Разумеется, все спешили убраться с королевского пути, но Ник решил, что сегодня довольно многолюдно,

что неудивительно: все дни, начиная с незабываемого Совета, не переставая лил дождь, и только этим утром он прекратился и вышло солнце. Однако сейчас еще рано выходить в парк – земля мокрая и грязная, поэтому многие потянулись сюда, где среди прекрасных цветов и растений чувствовался аромат надвигающегося лета.

Король вез Селесту в ту часть оранжереи, что находилась рядом с внутренним дворцовым двориком, на входе в который стояла охрана. Войдя туда и миновав небольшой сырой коридор, гости оказывались у массивных, обитых металлом дверей, запертых на десятки замков. Стоит только попытаться взломать их – и все будет получаться, каждый замок откроется, но пока занимаешься ими – испачкаешься в масле, которое вызовет отравление организма, и через несколько десятков минут умрешь, так и не узнав, что двери – фальшивка, а открыть нужно боковую стенку, которая легко проворачивается под определенным наклоном, впуская гостей в темное вытянутое помещение, где под потолком горят несколько тусклых фиолетовых магических светильников, озаряя комнату, и с десятков растений раскрываются узкими и вытянутыми цветками, пахнущими...

– Как кровь, – впервые нарушила тишину Селеста, хмуря брови. Она не понимала, зачем король привез ее сюда.

– А если вытащить их из земли и поставить в вазу, то, разлагаясь, они начнут пахнуть едким дымом, распространяя свои споры, – добавил Ник. Он оставил кресло с девушкой и прошел вглубь комнаты, нежно касаясь каждого цветка.

– Впервые меня сюда привели лет в десять. Когда только-только появился нориус, и я еще был слишком юн, чтобы понимать, как с ним управляться. Отец на моих глазах вырвал растение с корнем, очистил в раковине, перемолол в ступке до жидкой кашицы, а затем раздел меня и натер тело получившейся мазью. И бросил здесь, – Ник повернулся к Селесте, его глаза влажно сверкнули в темноте, и девушка нервно сглотнула.

– Несколько дней я провел в этой комнате без еды. От голода начал рвать цветы и есть их. Это было больно. Вкус крови надолго поселился во рту, вместе с острой резью в животе. Такое отравление пробудило нориуса защищать меня, изгоняя яд из моих пор. Он же выбил дверь и освободил меня. Так началось обучение, – подчеркнув голосом последнее слово, проговорил Ник. – Основа контроля – это

смесь яда и концентрации внимания. Еще несколько лет я обязан был каждый день спускаться сюда, восстанавливая популяцию Черной пьетты. Голыми руками копал землю, пересаживая растения в благодатную, наполненную сажей почву. Руками протирал листья, регулярно смазывал их свежей кровью животных, а также собственной, тем самым вырабатывая иммунитет к отраве. Я даже спал здесь, – и Ник указал в самый темный угол комнаты, где виднелись очертания небольшого дивана. – Чувствуешь, как здесь сыро? Слышишь капель? В дальней части помещения есть запасной выход, который ведет вниз по выдолбленным в камне ступеням до небольшого грота. Один из потайных ходов из дворца, на случай беды.

– Зачем ты мне это показываешь? – не выдержала Селеста.

– Ты действовала импульсивно, не зная, что именно делаешь, и находясь под влиянием ариуса, который является антиподом нориуса. Для нас Черная пьетта не смертельна, но ядовита. Она отравляет тело, нарушая контакт с нашей силой. Именно поэтому черные драконы с ее помощью обучают детей контролю. Но для белого дракона все сложнее. Твоя сила пыталась уничтожить Черную пьетту, как свет подавляет тьму. Но так как ты слишком молода, после этой схватки яд остался в тебе.

Король вырвал один черный лепесток и вернулся к Селесте. Он опустился на колени, чтобы оказаться на одном уровне с девушкой. Он протянул ей лепесток, и она несмело коснулась растения. От прикосновения побежали мурашки по девичьей коже, и волоски на руках встали дыбом.

– Чувствуешь холод? Черная пьетта – это всего лишь цветок. Он не способен думать или чувствовать. Но он несет в себе нечто сродни морвиусу, а, как известно, нориус ближе к силе смерти, чем ариус, который способен исцелять. Я не мог вылечить Мирту, так как моя сила лишь вытягивала споры цветка, не залечивая нанесенные раны. А ты – смогла. И вместе с тем отравилась, – Ник холодно смотрит в глаза Селесты, водя лепестком от пальцев до локтя. – Ты еще долго не сможешь ходить. Приступы головокружения, тошноты и острой слабости будут преследовать тебя каждый день, напоминая, чем ты рисковала. Отсутствие ариуса будет как холодная ладонь возле сердца – это чувство соединится с беспомощностью и доведет тебя до отчаяния. А потом и до депрессии. И это будет длиться день за днем,

месяц за месяцем... год? Может, два? – король приподнялся, чтобы еще ближе придвинуться к девушке.

– Как тебе такая жизнь, Сэл?

– Вы... ты говоришь так, будто обвиняешь, – Селеста отвернулась, сдерживая подступающие слезы. Она оттолкнула руку короля, и лепесток упал на колени, осыпаясь пеплом. – Но в чем моя вина? Я не знала о последствиях, не знала, что так будет... Да даже если бы и знала, разве я могла оставить ее? Ведь речь идет о жизни и смерти, не понимаю, в чем моя вина?

– Я не обвиняю, – с обманчивой мягкостью ответил Никлос, отстраняясь от девушки. Ему хотелось закричать на нее до хрипоты, до сорванных связок, минуя всякую логику, оставив только чувство: «Как ты посмела так рисковать собой?!», но он сдержался. Как и прежде, затолкал чувства глубоко внутрь, оставив на поверхности лишь голые факты.

– Разумеется, все вышло случайно. Но последствия будут аукаться нам еще очень долго. Возможно, скоро начнется война с Подводным миром. Они пытались похитить тебя, такое нельзя спускать. Недавно эльфы в открытую заявили о твоей связи со святой Клэрией и моей неспособности защитить тебя от морвиусов, которые якобы ошиблись и отравили Мирту, а не тебя. Но больше такой ошибки они не совершат. Эльфы хотят, чтобы ты перешла под их защиту. Несколько человеческих государств также выступили с аналогичным предложением. За исключением королевства, где тебя называли белым предвестником смерти... И все это, не считая того, что происходит внутри границ. Аристократия отчаянно хочет войны с подводниками, а увидев, что ты обладаешь магией, еще больше загорелись этой идеей. А ведь мы так и не нашли тех, кто на самом деле прислал Мирте цветок, не узнали, почему Секретариат вел странную изоляционную политику в отношении дальних земель королевства, и кто все-таки убивает морских животных. Но знаешь, что я вижу? Тебя. В самом центре всего этого. Белая бабочка, которая ничего не делает, но от взмаха ее крыльев рушатся воздушные замки...

На бедную девушку жалко было смотреть, настолько потрясенной она выглядела. Селеста совсем не ожидала, чем все обернется, хоть Ник и предупреждал, что ее прежняя жизнь никогда не вернется, но о таком повороте она и не думала.

Вот и сейчас драконица вжалась в спинку кресла, чуть не плача, сгорая со стыда и мечтая исчезнуть, оказаться дома и забыть обо всем...

Ник осторожно берет ее за подбородок и разворачивает к себе лицом. Он улыбается приветливо, но она видит в этой улыбке угрозу.

– Но не бойся, маленькая белая бабочка. Пока есть я – тебя никто не тронет. Ты снова станешь на ноги, научишься контролировать ариус, получишь мужское образование, натренируешь мозг и тело, поймешь, как постоять за себя. Да, Сэлли, все так и будет. А пока – ты должна во всем слушаться меня, понимаешь? Никакой самостоятельности. Никаких побегов с Артом за пределы дворца. Никаких отлучек из комнаты после полуночи. Никаких исцелений. Никаких детских игр. Будешь сидеть в своей комнате, окруженная телохранителями и слугами, и потихоньку выздоравливать. Все поняла?

Селеста в ответ несмело кивнула, и Ник осклабился, демонстрируя скорее оскал, чем улыбку. Он поднялся и поцеловал ее в лоб, прошептав:

– Ты – моя семья, Сэлли. Моя подопечная. И моя задача – защитить тебя от зла. И вместе с тем – вырастить сильной, достойной фамилии Каргат, – теперь он поцеловал ее в макушку.

И что-то внутри девушки изменилось, будто своими словами он задел в ней какую-то струну. Она ответила с дрожью, но безапелляционно:

– Плохой из тебя вышел защитник, мой король. Ты говорил, что, перейдя под твою опеку, я обрету безопасный дом и никто не тронет меня. Однако прошлая ночь показала, из какого материала собран этот дворец. Только связь с Артом помогла мне избежать беды, – и в глазах Селесты загорелся нехороший огонек, она вся как-то выпрямилась, подалась вперед. – Я на стороне Каргатов, мой король. Я выступила в твою защиту на Совете. Я помогла спасти Мирту. Я заслуживаю доверия, Никлос, а не такой злой отповеди, что ты мне устроил.

Король с непередаваемым выражением лица смотрел на нее, молча, внимательно слушая слова девушки.

– Я буду следовать твоим приказаниям, ведь я под твоей опекой. Но не думай, что я буду бессловесной овцой, которой легко управлять.

Рано или поздно я встану на ноги и в прямом, и в переносном смысле. И тогда мы поговорим вновь и пересмотрим нашу сделку.

– Ты так в этом уверена?

Вместо ответа Селеста вытянула правую руку и сжала ее. Она напряглась изо всех сил, и наградой стала белая струйка дыма над побелевшими пальцами. Из носа потекла кровь, а она исподлобья глянула на короля.

И этим все было сказано.

* * *

Артан

Как бы Артан ни хотел быть рядом с Селестой, но он не мог отложить свои обязанности, поэтому торчал в академии, принимая очередной отчет от Богарта по делам Секретариата. В то же время к нему заходил Диос по делам ректората, а на столе лежала пачка донесений от Виклоша, и перед маршалом стояла дилемма: ехать или нет? По роду службы – необходимо его присутствие, а по факту Арт чувствовал – нельзя уезжать, а наоборот, следует отправить приказ о возвращении офицеров и солдат в столицу.

Слушая рассказ Богарта о налоговых махинациях Фиолетового дома, об аресте ряда представителей аристократии, о всплывших подлогах, взятках и иных проступках чиновников, Артан все отчетливее понимал, что прав был Клычок, говоря о личном круге короля. Такое не могло долго оставаться незамеченным, а судя по датам, это началось во время войны с пустынными демонами. Значит, у фиолетовых был покровитель, которого они до сих пор не выдали, несмотря на все старания Врана.

И тут начиналось самое интересное. Кем мог быть этот человек?

Самое очевидное – сам Вран Грацбургский, занимающий влиятельный пост канцлера. Проблема в том, что во время войны с демонами пост занимал Андрэ, более чем лояльная короне персона.

Следом шла Астерия Брунцкая, вдова видного коричневого дракона из казначейства. После его смерти она вернулась в родной дом и так и не вышла больше замуж. Интересная кандидатура, учитывая

изначальные сомнения на ее счет. Беда в том, что после снятия обвинений она удалилась в провинцию к желтым драконам, где находился отличный курорт с изумительными горячими источниками, и возвращаться не намеревалась еще как минимум лет семь, так ее шокировали обвинения короля.

Еще одним подозреваемым был Брошин Адегельский, но какой мотив?

На этом Арт всегда спотыкался. Он не видел мотива. Не видел логики в убийстве зеленого дракона. И кого именно хотели убить таким жутким образом – Селесту или все-таки Мирту?

Ответа не было ни у Арта, ни у Врана, ни у короля, а время шло. Мелькала мысль, что все они сидят на пробуждающемся вулкане, который вот-вот рванет.

– Если позволите, у меня есть одна парадоксальная идея о происходящем, – вмешался в его мысли невозмутимый Богарт.

Этот серокрылый дракон сильно изменился за прошедшие недели. Черноволосый парень, худосочный, весь состоящий из прямых, тонких линий, в серых костюмах, без украшений и каких-либо иных знаков отличия, походил скорее на тень, чем на живого человека. Безупречная преданность королю мешалась с острым, ироничным умом, который он умело прятал от стоящих выше по званию. Но для Артана, который бок о бок проработал с секретарем почти три недели, он открылся, и, видя, что маршал не из заносчивых придворных, а действительно умный и достойный доверия дракон, все чаще позволял себе откровенность, которую ранее допускал только в исключительных случаях перед королем.

– Валяй, – щелкнул пальцами Арт, погружаясь в огромное кресло ректора и предлагая парню присесть напротив. На столе обоих дождался вкусный кофе с десертом и конфетами. Еще одна раскрывшаяся страсть Богарта – шоколад, поэтому перед приходом секретаря Артан всегда извлекал из своих запасов заокеанские сладости.

Богарт деликатно отпил из чашечки, раскрыл фантик и целиком погрузил конфету в рот.

– Я думаю, все происходящее тесно завязано на реформе Вернона Каргатского, – лаконично выдал он, не переставая работать челюстями и наслаждаясь редкой в Каргатском королевстве сладостью.

– Пояснишь? – подкидывая сахар в чашку, поинтересовался Артан.

– Все дело в давности этой истории. Я думаю, заговорщики запустили свои щупальца не только в Секретариат. Полагаю, нужно провести ревизию всех государственных учреждений, и особое внимание стоит уделить тайной полиции и казначейству. Первое – это страх. Второе – деньги. Два замечательных инструмента влияния. А именно ради этого все и было затеяно.

– Не получится, – мотнул головой Артан. – Только не сейчас. Такая проверка и в мирное время говорила бы об исключительном недоверии, а сейчас... король не пойдет на это.

– Как удобно, не правда ли? – задумался Богарт, потянувшись за следующей конфетой. – Именно сейчас обострился конфликт с подводными. Сейчас, когда все внимание должно было быть сосредоточено на случившемся в Секретариате.

В словах королевского секретаря был резон, и Арт задумался над рядом совпадений. Он чувствовал, что является одной из целей заговорщиков, что его попытаются убрать тем или иным способом. А значит, нужно действовать на опережение.

Глава 20

Соль и горечь пепла

Селеста

Мое возвращение из царства сновидений и кошмаров встречали с помпой. И если бы не строгая диета, назначенная доктором, просто бы закармлили лакомствами и вкусностями, которые в изобилии поступали к дверям моей комнаты с самого первого дня пробуждения.

Мне желали скорейшего выздоровления. Дарили цветы, подарки, сладости. Подарили радужную канарейку и маленького полосатого котенка. Редкие пряности, сборники стихотворений заокеанских поэтов, отрезки шелка, вышивка, вязаные накидки, украшения из редких металлов и камней, меха и бархат, шкатулки и зеркала. Словом, мир сошел с ума!

И с каждым подарком шли витиеватые записки, между строк которых читались предложения дружбы, поддержки, участия. А также вскользь намеки о неблагонадежности черного короля, опасности нориуса и общей лихорадочной обстановке в Каргатском королевстве. И не стоит ли мне отправиться в более безопасное место? Например, к ним в гости? А заодно попрактиковаться в целительстве, ведь у меня такой замечательный дар...

Именно эти надушенные листы бумаги объяснили все, что недоговорил Ник. Моя ценность измеряется ценностью ариуса. Мой дар – мое же проклятье до момента, пока я не обрету независимость. А это будет ой как не скоро...

Тем временем меня переселили в другие покои, в более строго охраняемое помещение, подальше от океана, поближе к парковой части – в женское крыло. Так что как-то незаметно, начиная с визита сестры и Паули, ко мне потянулись и остальные невесты. Но первой была Мирта, которая прорвалась сквозь все заслоны и прибежала в первый же день. Ее лицо расцвело красками, вернулись ямочки на щеки, глаза заблестели, а губки порозовели. И вся она светилась здоровьем.

Как оказалось, я не просто вытащила из нее яд, но и вдохнула больше жизни, да так, что первые несколько дней она вообще не могла спать и была как заведенная. Доктору пришлось прописать ей частые полеты и бег вокруг дворца, чтобы сбросить лишнюю энергию и попросту выключить разум, чтобы не сойти с ума от внутренней бури.

Посетителей было действительно много. Ко мне приходили родители Мирты. Заходили двоюродные братья, навещали кэрры из Совета Женевры, заскакивал Вран с женой, приходила Винелия Барбская, которая обрадовала известием, что, как только я встану на ноги, она устроит для меня небольшую вечеринку, и, дескать, разрешение от Никлоса уже получено.

Каждый день, утром и вечером, со мной был Артан. Он окружил меня таким вниманием и заботой, что становилось стыдно, ведь я отнимала у него столько времени: за порогом комнаты все время дожидались его помощники, а в особо загруженные дни и вовсе все разговоры разворачивались в моей комнате, чтобы экономить время.

Но я не возражала, мне нравилась суета, так как я все еще была прикована к постели. Регулярный массаж, тренировки, фрукты, овощи, магические эликсиры, работа с пробуждением ариуса – выздоровление шло крайне медленно, и я никак не могла на это повлиять.

За эти дни только два человека не навещали меня. Это Никлос и мой брат. И если отсутствие короля объяснимо, то почему брат не заходил ко мне – никто ответить не мог. Мне в уши лили оправдания, что до экзаменов осталось совсем чуть-чуть, и он очень сожалеет, но все время уходит на подготовку. Эта сказочка дивно звучала, учитывая отсутствие писем. И присутствие Веста, который всего один раз, но забежал навестить сестру, а заодно и меня.

Сегодня же был просто аншлаг, и я догадывалась почему. Через неделю выходит замуж Милан Свенская, ставшая первой из нас. Кирнан, о которой все думали, что именно она станет первой, так и не обзавелась женихом. И вообще, глядя на нее, складывалось странное впечатление, что она резко переменялась. Она больше не выступала с заносчивыми речами, не красовалась дорогими нарядами и украшениями, а все больше тихо сидела в углу, склонившись над книжкой или занимаясь совсем уж несвойственным: вышиванием. А вчера я и вовсе случайно заметила под приоткрывшимся рукавом свежий синяк.

О таких вещах не принято говорить. Такое игнорируют, но я не могла не почувствовать к ней жалость. Особенно сейчас, когда так внезапно посватались к Милан. Причем так выгодно: младший сын Брошина Адегельского, заядлый холостяк Акрош, сделал предложение, и девица из боковой ветви Синего дома входит в ключевую семью Серебряного. Повод возгордиться, что она и делала последние несколько дней.

Очередное солнечное утро легким ветерком лезло в комнату, распространяя весеннюю свежесть. В малом саду уже распустились цветы, зацвели яблони и вишня. На подоконниках и столах в вазах расставлены красивые голубые незабудки, тюльпаны, примулы и очаровательные ландыши, которые я попросила поставить у изголовья кровати. Рядом со мной, играя с мотком ниток, лежит полосатый котенок, а возле окна в высокой клетке заливается пением канарейка, стремящаяся перекричать уличных птиц.

Мои посетительницы разместились на небольших диванчиках, окруженные отрезами тканей, наборами украшений, альбомами с силуэтами свадебных платьев и пробниками косметики и духов. Разумеется, почти все уже было выбрано и сделано, но девушкам нравилось перебирать образцы, фантазируя, кто в чем пойдет и как это будет.

На второй день я уже откровенно скучала во время этих сборищ, но сама компания меня устраивала. С недавних пор я побаивалась оставаться одна, так что ночью под боком спала либо сестра, либо Паули, либо одна из горничных.

– Моя мама изначально думала, свадьба будет скромной, классической, как задумано по общей концепции кэрры Винелии. Без каких-либо добавлений. Но кэрр Акрош разом отменил всю программу! Сказал: «Мы начинаем свадебный цикл. Негоже представителям самых знатных домов королевства скромничать. Это первый год без траурной ленты по Женевре. Так что будем праздновать на широкую ногу!» – закатив глаза, вдохновенно вещала пепельная блондинка.

До неожиданной помолвки она держалась в тени более яркой представительницы дома и всегда была позади, скромничала, не лезла на рожон, казалась такой серой мышкой. А теперь расцвела, раскрылась: платье нежно-розовое с серебристым отливом, волосы спускаются длинной волной, частично прячась под кружевную

шапочку на затылке. На лице легкий румянец, глазки подведены, на губах помада, в ушах длинные серьги, а на груди символ помолвки – двойное украшение с гербами ее рода и Адегельского. Тугой корсет со специальной вставкой под грудью как подчеркивал достоинство юной девы, так и притягивал взгляд к главному украшению.

– И я с удовольствием сдалась на волю желаний. Так что в середине мая нас ждет сногшибательное представление! – заулыбалась девица, манерно качая головой и обжигая взглядом каждую, кто, по ее мнению, недостоин находиться в этой комнате.

К примеру, Анку, которая отказалась досрочно возвращаться домой с сестрами и вернулась в женское крыло. Или Мирту, вынужденную отклонить несколько заманчивых кандидатур из-за отсутствия слияния. И, разумеется, Паули, чья грядущая свадьба уже у всех на слуху: к ней по специальному приглашению прибудет королевская чета волчьих оборотней из Андора, небольшого лесного королевства рядом с Ангусским побережьем: принцесса Герда со своим мужем.

Для международного сообщества их территория считалась нашей, но желтые драконы, присоединяясь к Каргатскому королевству, заключили соглашение, по которому учитывалось право на государственный суверенитет этих оборотней, тем самым получив ряд преференций и вечную благодарность маленького Андорского королевства.

– Даже не знаю, чему ты так радуешься, – ворчливо и звонко высказалась Паули, вытаскивая из плетеной корзинки засахаренную вишенку, с удовольствием отправляя ее в рот и облизывая испачканные пудрой пальцы. Ее глаза лукаво блестели, когда она смотрела на сморщившуюся от недовольства Милан. – Он же известный ловелас! Ни одной юбки не пропустит, не говоря о его любви к дракам и картам. Вот разорится на скачках, и что с тобой будет?

– К тому же поговаривают, Акрош не просто так долго оставался холостяком... – заметила Анка, сидевшая на другом диванчике и лениво перебиравшая серебристые отрезки тканей. – Он постоянно перечил отцу, за что был сослан в Заокеанские степи бить троллей. Говорят, вернувшись, стал сам не свой. А еще говорят, что сердце его принадлежит одной совсем незнатной особе из Бирю...

– Вздор! – рассвирепела Милан, бросая скомканные листы с образцами платьев.

Они разлетелись во все стороны, а несколько попало под ноги вскочившей разгневанной невесты. Она собиралась выдать отповедь хихикающим девушкам, но наткнулась на скрытую за вышивкой улыбку Кирнан, и это моментально отрезвило ее, наполнив ядом сердце девицы «второго сорта».

– А чему ты улыбаешься, Кир? – медово-едким голосом заговорила Милан, изобразив злобную ухмылку. – Может, мой муж и не образец нравственности, и имеет в прошлом грешки, но он из богатого и знатного семейства. Со мной будут обращаться с уважением, я буду жить в столице, купаясь в роскоши, а мои дети будут одними из первых! Это отличная сделка. А что есть у тебя?

Милан оглядела каждую из нас и вновь сосредоточилась на Кирнан, неторопливо надвигаясь на нее.

– Наша первая красавица! Все лучшее – Кирнан! Кирнан – ясное солнышко. Нужно слушаться синекрылую Грацбургскую, ведь от нее зависит будущее каждой из нас! – и Милан торжествующе развела руками. – Помнишь, как ты вlepила пощечину в первый день из-за того, что я случайно наступила на твой подол? Ты сказала: «Такой деревенщине нечего делать на столичном Равновесии! Не видать тебе удачного замужества!»

Кирнан сознательно игнорирует Милан. Она крепко сжимает в руках пальцы, медленно-медленно продевая иголку, и вроде бы со стороны сама невозмутимость, но если присмотреться, дрожит подбородок, пальцы уже исколоты, а в глазах вот-вот появятся слезы.

– Ну и кто из нас остался ни с чем? – рассмеялась Милан. – Вы все наезжаете на меня за мою кичливость и высокомерие, но неужели вы забыли, кто действительно был высокомерен? Я урвала кусок не по моему рту и до морвиуса счастлива этим! Не смейте издеваться надо мной из-за этого! Я – не она! – и девица ткнула пальцем в Кирнан. – Не наша будущая королева, которая с первого дня вела себя так, будто уже вышла замуж за Каргата и села на трон. Посмотрите на нее – жалкий павлин с куцым хвостиком. Мне даже...

Лопнуло терпение синекрылой, она вскочила с места и швырнула вышивкой в Милан, а сама опрометью бросилась из комнаты. Кирнан яростно грохнула дверь, оставив позади себя гробовую тишину, в

которой отчетливо раздался тихий вой Милан: беглянка успела-таки под конец подгадить нашей своенравной невесте – пальцы острым концом угодили в бровь девушки и уже пошла кровь.

Для меня это стало последней каплей, и я разогнала курятник под предлогом того, что устала от склок, сплетен и дурных поступков. И если кто захочет вновь вернуться, так пусть впредь ведет себя в рамках приличия, а не то я не буду присутствовать на их свадьбах!

* * *

Разболевшаяся после тренировок голова досрочно уложила меня в постель, так что я не дождалась Артана, отпустила вечернюю горничную и не стала приглашать к себе сестру, устав от разговоров. Против страхов – Владис дэ’Дьякович, дежуривший за дверями, плюс Маля на днях соорудила замечательный ночник со звездочками, чтобы не страшно было засыпать.

Так что я махнула рукой, и надо мной по потолку разбежались разноцветные звездочки, увлакивая в сон, который... Как ловушка, как капкан. Вязкий, тягучий, словно застывающая смола. Руки и пальцы вязнут, голова раскалывается тончайшими иглами, прибивающими меня к мутному, илистому дну. Я задыхаюсь в этом видении от обжигающего жара, который мячиком скачет по телу от бедер до сердца и головы. Эта горячка томительна, даже притягательна в своей животной истоме, в которой так и хочется раствориться, забыть как свое имя, так и то, кто я есть.

И то, что поначалу казалось топким болотом, теперь теплая глина на морском дне. Надо мной колышутся волны, то приподнимая, то опуская изнеженное тело. Эта мерная качка – щекотка ниже живота: до ноющей сладости, до дрожи в каждой клеточке вспотевшей тушки. На губах – соль и горечь пепла.

Никак не остановить это странное движение. Оно становится все сильнее и сильнее... до головокружения, до ярких точечных вспышек под закрытыми глазами. Напряжение возрастает, и я забываю, как дышать, меня накрывает последняя волна, вытягивая за собой на поверхность. И вместе с тем приходит лед наружного воздуха – он жжется, и я взрываюсь изнутри.

– Сэлли, – шепот вытягивает из вязкой дремы. Спросонья не узнаю голос, будучи еще во власти ночных чувств. Мое тело совсем деревянное. Каждая мышца отзывается растянutoй болью, будто весь день я бегала, прыгала и подтягивалась. Я ощущаю свой запах и не узнаю его – он изменился, в нем появились терпкие ноты, смешанные с пахучей сладостью пота. Кажется, что я с ног до головы пропотела, потом высохла и теперь покрыта противной коркой.

Эти ощущения были настолько физически яркими, что хотелось забраться под одеяло и не вылезать из-под него. Что я и сделала.

Но заботливые мужские руки мягко отогнули край, подставляя мое лицо ярким дневным лучам солнца. За спиной Артана окна, так что я щурюсь, глядя на него, еще не понимая, где я, кто я и вообще что происходит.

– Просыпайся, соня, – шепчет он, наклоняясь ниже и целуя меня в лоб. – Кто-то ну очень долго сегодня спал! Даже горничные не смогли тебя разбудить, а доктор и вовсе сказал – не стоит трогать, сама проснется. И я как почувствовал твоё пробуждение – сразу пришел, – продолжает говорить он, опускаясь обратно в кресло, и расправляет одеяло так, чтобы видеть мое заспанное лицо.

Осознание пришло как молния, и я стыдливо отвела глаза. Еще не понимая значения сна, я чувствовала в нем пиршество для стыда и отвращения к собственному телу. Это такой позор... но я даже не знаю, в чем именно он выражается и что именно мне снилось. И почему сейчас стало так легко, будто наконец я продышалась, полностью открывая легкие горному воздуху. И боль в мышцах – не как от изнурительной тренировки, а совсем наоборот – такая приятная, волнительная... и сосредоточенная внизу, между ног...

– Сэл, с тобой все в порядке? – осторожно спрашивает Арт, чувствуя, что со мной что-то не так.

Я в ответ глупо улыбаюсь, убирая с лица мешающие пряди. Киваю головой, прикусив нижнюю губу. Теперь как-то по-иному смотрю на него. Теперь чувствую, что не просто хочу целовать его, ощущая горячие руки Арта на своей талии. Мне хотелось большего. Хотелось почувствовать разгорающиеся угли в себе, ощутить жар пламени от его поцелуев. И я бы потянулась к нему прямо сейчас,

чтобы хоть капельку урвать от этого огня, но кроме нас в комнате были люди. Горничные перебирали альбомы с образцами свадебных платьев, совсем тихо переговариваясь между собой, чтобы не привлекать внимания.

Несмотря на слабость ариуса, нам нельзя было с Артаном оставаться наедине. Так что все его визиты проходили под присмотром либо прислуги, либо патронесс, либо хотя бы невест. Только не вдвоем.

Поэтому никаких поцелуев, за исключением тех, что украдкой, пока никто не смотрит. Официально мы еще не скоро сможем объявить о помолвке. Хотя наша связь давно ни для кого не секрет. Более того, об этом говорили за нашими спинами, выстраивая дикие теории о ревности короля, который не хочет отпускать подопечную к лучшему другу. Дескать, Никлос безответно влюблен в меня и наше слияние ему поперек горла встало. Вот он и ставит палки в колеса.

Эти слухи настолько немислимы, что я не находилась, что сказать, когда иносказательно либо Мирта, либо Паули, либо сестра спрашивали об этом. Я не понимала, зачем фантазировать о настолько нелепых вещах.

– Сколько я проспала? – спросила я, протирая глаза. Потянувшись, получила от Артана стакан с водой и мелкими глотками осушила его.

– Сейчас почти полдень. Тебя пытались разбудить часов с восьми, – мягко ответил он. – Как себя чувствуешь? Сегодня ночью было маетно, душно...

Почесав затылок, я задумалась и звонко чихнула, когда пяточкой коснулась выбравшейся из одеяла пушинки.

Я замерла, задержав дыхание и уставившись на ровную белую ткань. Вот – опять движение! И еще раз! И еще!

– А-арт, – протянула я ошарашенно, поочередно напрягаясь и понимая – работает! Все работает!

От потрясения у меня вырвался непроизвольный смешок, и я вцепилась в руку Арта, кивком головы указав на торчащие под одеялом ноги. Снова движение!

– Это то, что я думаю? – восторженно спросил он, вскакивая и одним движением стаскивая с моих ног одеяло, что вызвало протест у горничных.

Девыцы бросились к нам и замерли, когда увидели, как я сначала двигаю пальцами, потом напругаю колени, а потом и сгибаю их! И приподнимаюсь, и выбираюсь из постели, совершенно не чувствуя слабости или вялости. Будто и не было месяца в коме, не было обездвиженности и всепоглощающей усталости от каждого напругения. Я была совершенно здорова, чтобы босиком пуститься в такой быстрый пляс, что ночное платье встало куполом! Подхватив под руку Артана, закрутила вокруг себя, а после втащила в круг девушек, затеяв самый настоящий хоровод.

Отпустив руки, я стремглав бросилась к окнам, распахнула створки и закричала во все горло:

– Я здорова!

– Сэлли, ну не так же громко! – рассмеялся счастливый Арт, возвращая меня обратно и обнимая крепко-крепко.

Закончилась моя изоляция. Я могу показаться аристократам и придворным во всем своем великолепии и силе. Никаких больше сомнительных шушуканий по углам за моей спиной. Никаких драматичных пауз при появлении. Концерт слабости окончен. Я свободна!

* * *

Впервые после такой долгой изоляции я оказалась за пределами дворца. Со всей возможной осторожностью меня перевезли в Магическую академию, где находился единственный во всем королевстве зал, обожженный нориусом и защищенный от любой волшбы, творимой в его пределах. Здесь запирали магию и спускали с себя запреты.

Поэтому в лабораторном зале принимали экзамены у студентов, проводились эксперименты, открывались новые заклинания и изучалась физическая магия. Только в этом месте Томар Бай согласился осмотреть меня, чтобы понять, что происходит с ариусом.

Я увидела круглое мрачное помещение без окон, освещенное исключительно природным огнем, отчего толстый слой копоти образовался на потолке и стенах. Здесь были ряды скамеек, как в

анатомическом театре, и утопленная в песке сцена, от которой пахло сажей и чем-то гнилым.

Странное место. Темное. Здесь запрещалось находиться тем, в ком не было хотя бы крупицы магии, поэтому уборку проводили сами студенты, а глобальную чистку устраивали всего раз в году: она засчитывалась за один из экзаменов для абитуриентов. Чем дольше продержишься здесь – тем больше шансов поступить.

И все из-за остаточной магии. Она как-то влияла на людей, им мерещилось всякое.

В тот миг, когда Томар открыл дверь, раздался громкий хлопок, и мы все инстинктивно пригнулись, а над нами пролетела огромная фиолетовая клякса, звучно впечатавшаяся в противоположную стену. Она стекла вниз, будто липкий и склизкий слизняк, а за нашими спинами раздалось подавленное «ой!».

– Амалия! – прошипел по-змеиному моментально взъярившийся Томар. – Сколько раз я говорил – отмечайся в журнале посещений! Какого морвиуса ты тут делаешь в неурочный час?! Хочешь стать первой студенткой, исключенной еще до начала занятий?!

Обернувшись, вижу в дверях перепуганную и оттого очаровательную Маю. Она с ног до головы покрыта разноцветной слизью, а за ее спиной прятались еще две девчонки в аналогичном прикиде.

– Что вы тут делаете? – шипит ректор на выходящих первокурсниц.

Маля, как более опытная в проказах, быстро пришла в себя и отвечает дерзко:

– А мы тут занимаемся, – и ухмыляется, попутно стирая с плеча уж больно крупную слизистую каплю. Ее маневр оказался на диво удачным – она точно попала на лакированные туфли отца, отчего в коридоре воцарилась могильная тишина. Глаза девушки расширились, а ее подружки синхронно шагнули в разные стороны, дескать – мы не с ней!

Лицо Томара приобрело фиолетово-малиновый оттенок, вздулись вены на шее и лбу, а затем раздался ректорский рык:

– Вон отсюда, и чтобы я тебя здесь до самых занятий больше не видел!

А девицы и рады стараться, рванули прочь как подстреленные, не забыв сделав малый книксен. Маля подмигнула мне, шепотом добавив, что скоро навестит, и побежала за подружайками.

– Все лето заставлю драить лабораторный зал. Будет знать, как шальной магией развлекаться, – ворчливо заговорил Томар, заходя в комнату и делая резкие пасы рукой, от которых слизь, будто студень, забавно задергалась, заворчала человеческими голосами и со звоном лопнула, без следа растворяясь в воздухе.

Без задней мысли я ступила через порог и моментально оказалась дезориентирована. Пошатнулась, хватаясь за подоспевшего Владиса. В руках возникла противная, льдистая слабость, легкой судорогой разошедшаяся по телу мокрым холодом, от которого застучали зубы и в голове забили молоточки боли.

– Что со мной? – со стоном спросила я у подошедшего Томара, пока Владис пытался удержать меня на ногах. Сквозь полуприкрытые веки увидела заинтересованность на лице ректора и тревогу.

– А что вы чувствуете, кэрра?

– Будто кто-то отсек половину меня и запечатал каждую пору кожи, – потребовалось время, чтобы точно сформулировать свои ощущения. Владис помог мне дойти до выхода, но Томар остановил нас.

– Боюсь, кэрра, придется пройти через эти ощущения. Только в этом месте я могу заглянуть в вас, чтобы дать отчет королю, – он говорил мне, но объяснял все же Владису, и тот кивнул, продолжая поддерживать меня.

– Что? – прошептала я негромко, пытаюсь остановить головокружение.

– В этой комнате маги способны влиять на драконов. В этой комнате не работает ариус. И... иные связи тоже обрываются, – Владис не знал о моем слиянии с Артом, поэтому Томар иносказательно объяснил, что именно происходит и почему мне так плохо.

Чем дальше я находилась в этом диком помещении, тем мне становилось хуже. Томар шуршал вокруг меня как паучок, мотающий кокон вокруг пойманной птички, – именно так воспринималась его магия. Чтобы мне было легче, Владис притащил кресло и водрузил в центре зала. Он принес стакан воды, и я жадно приникла к нему –

слишком сухой воздух давил на горло, и от него моментально трескались губы.

– Хватит, – не выдержала я осмотра, превращающегося в пытку. – Я больше не могу!

Томар не ответил или не услышал, так тихо звучал мой голос. Колдун насквозь прошивал мое тело темными, бестелесными иглами, отчего казалось, что я вся истыкана тонкими занозами, и каждое движение отражалось резкой болью.

– Дэр Томар, хватит! – воскликнула я громче, а он только нахмурился, сощутив глаза, словно видел перед собой нечто мне недоступное.

Из-за вскрика я напрягла мышцы живота, и внутри все перевернулось, словно я оказалась на мчащемся сквозь шторм корабле. Я окончательно утратила ориентацию и поплыла, теряя чувствительность. Головой стукнулась о ручку кресла, и меня стошнило завтраком на песок.

В тот же миг неприятные ощущения пропали, а я оказалась в коридоре на руках Владиса. Тьма перед глазами рассеялась золотистыми искорками, и я увидела обеспокоенный взгляд телохранителя.

– Кэрра Селеста, с вами все в порядке? – тревожно спросил он, аккуратно опуская меня на пол.

А я даже ответить не в силах – сразу на выходе из комнаты на меня обрушился водопад из чувств и ощущений. Вернулась полнота жизни. Все обострилось, пьяня истинным наслаждением. Будто я вышла из темноты к свету.

– Дэр Томар Бай, я буду вынужден доложить о случившемся королю, – сурово заявил Владис вышедшему следом магу. – Вы не имели права подвергать здоровье королевской подопечной такому риску!

– Моя вина, – раскаиваясь, заявил колдун. Растирая онемевшие от сложной волшбы пальцы, он сел рядом со мной. – Кэрра Селеста, простите мою оплошность. Я и не думал, что все так будет плохо!

– Что вы имеете в виду? – прохрипела я, приподнимаясь и облизывая вновь пересохшие губы. Жестом попросила Владиса принести еще воды, и мы с дэром Бай остались наедине.

– Ариус спит. Боюсь, он еще не скоро вернется к вам, а до тех пор вы беззащитны. Я попытался расширить каналы, по которым путешествует свет из вашей души наружу, но потерпел неудачу. Мои попытки лишь усугубили проблему, простите, – со всей возможной искренностью проговорил он, печально глядя мне в глаза.

Поднявшись с его помощью и оправив испачканное платье, я еще раз уточнила, чтобы понять, что со мной не так:

– То есть вы хотите сказать, что я стала обычной драконицей? Как долго это продлится?

– Год, может, два, а может, и больше, – не сразу нашелся с ответом колдун.

Глава 21

Сладкая сила тьмы

Артан

Настроение Артана колебалось от страстного желания надраться в обществе короля до не менее пламенного – сбежать из дворца куда подальше. В облике дракона полетать над королевским заповедником, поохотиться, отдохнуть от человеческой суеты, пожив как зверь. Такое желание посещает каждого военного, и под это дело выдавалась строго регламентированная увольнительная. Беда в том, что чем более высокий пост занимаешь, тем реже можешь воспользоваться таким правом.

Когда пытаешься везде успеть, неизбежно приходится чем-то жертвовать. Артан не сразу сообразил, что этим чем-то стало общение с королем. Ушли совместные тренировки, распитие спиртных напитков, игра в карты и охота на оленей.

Теперь маршал чувствовал вину за то, что последний месяц почти не видел Никлоса в приватной обстановке, так как был полностью погружен в работу и заботу о Селесте. Но наконец-то видится свет в конце тоннеля. Массовые увольнения и сокращения в Секретариате ознаменовали начало масштабных кадровых перестановок плюс набор новых сотрудников. Сбор улик и обличительных документов завершился благодаря стараниям Богарта и команды самого маршала, так что дела были переданы в Королевский суд, а обвиняемые сели в тюрьму для аристократов Лакраш.

Вспоминая, как все началось, Арт никак не мог взять в толк, как же они умудрились проморгать подобное! А главное, среди документов всплывали фамилии и роды весьма уважаемых семейств, вплоть до Грацийского и Адегельского. Также следы вели в казначейство, и пока неясно, в курсе ли там, что многие запросы, поступавшие из Секретариата об отмене сбора налогов или переводе средств на различные негосударственные счета, незаконны, или же и там были сообщники Арнела Брунцкого? И на какую глубину засели противники реформы Вернона?

Словом, работы полно. А еще оставались весенние учения, Виклош уже неоднократно писал о необходимости присутствия маршала, и дальше тянуть было нельзя. Но Арт просто не мог покинуть столицу! Селеста толком еще не встала на ноги, а после неудачной попытки похищения Артан не был готов оставить любимую.

Да и ректорские дела требовали внимания. Начались первые экзамены у абитуриентов, и перед ним встала во весь рост дилемма в виде Веста и Кристана. Оба демонстрировали блестящие результаты, на голову превосходя остальных. Дружба подстегивала обоих стремиться к большему, и они шли ноздря к ноздре, ставя ректора в затруднительную ситуацию.

Видимо, пришла пора увеличить Гадельерский стипендиальный фонд, а также распространить его на удаленные провинции. И открыть филиал академии в Сатуральских долинах. Не все же Адегельским занимать видные посты, пора и другим дать шанс проявить себя!

Все эти идеи блуждали в голове Артана, и он то и дело чувствовал себя белкой в колесе: нужно везде успеть. А еще до него доходили некрасивые слухи из-за границы. Без объяснения причин Заокеанские страны высылали каргатские отряды, и буквально на днях вернулось еще несколько кораблей. Капитаны не могли объяснить, в чем дело, утверждая, что здесь замешана политика. Это вызывало смутную тревогу, которой Арт хотел поделиться с Ником.

Поэтому, прихватив бутылку рома, привезенную в качестве дружеского подарка одним из бывших сослуживцев, маршал под вечер направился к королю. Тот сидел в кабинете, окруженный толстыми папками с документами, и в медитативном состоянии безучастно глядел на очередной отчет. В руках Ник держал одну из самокруток Врана, но не притрагивался к ней, отчего пепел падал на исписанные листы, а огонек почти дошел до пальцев короля.

Появление Арта привело его в чувство, и Никлос затушил в пепельнице самокрутку.

– Артан, привет, давненько ты ко мне не заходил! Вижу, не с пустыми руками пришел, это похвально, – хрипло заговорил Ник, и Арт, повинаясь жесту короля, опустился в мягкое кожаное кресло возле окна. Достав бутылку, показал королю этикетку, на что тот

одобрительно кивнул, вытаскивая из нижнего ящика пару пыльных стаканов.

Дегустация новинки прошла в молчании. Обоим это было необходимо. Они заговорили, только когда раскурили трубки, а первая порция рома подошла к концу, и Арт разлил по второй.

– Скверно все, Арт, – нарушил тишину Ник, вода вновь опустевшим стаканом по высокому стеклянному столику. Сейчас в сумерках его лицо подсвечивали заново разогретый камин и одна из магических ламп на столе, отчего оно имело фиолетово-красный оттенок, а хмурая складка между бровей расходилась как глубокий каньон с множеством расщелин.

Король побарабанил пальцами по деревянному подлокотнику кресла, а затем взял со стола одну из черных папок и протянул Арту.

– Почитай. Эти письма пошли почти сразу после происшествия с Селестой. Ее болезнь дорого обошлась нам. Король Агондарий на пару с дочуркой время зря не терял.

Перед Артаном оказалась пачка официальных документов, в которых союзные страны заявляли, что временно разрывают дипломатические отношения с королевством до прояснения ситуации с подводниками. А по комментариям Ника стало ясно, насколько постыдно все это проворачивается – ни один посол не выступил лично, все документы доставлялись с обычной почтой. А дипломаты покидали посольства чуть ли не под покровом ночи, страшась вызова во дворец.

В ответ Арт разразился нецензурной речью. По его мнению, все это чистой воды подлость и предательство. И не нужны Каргатам такие союзники, что бегут как крысы с тонущего корабля!

– Только мы не тонем. А на грани войны, – холодно ответил Ник. Он допил третью порцию рома и внезапно скривился. Сахарная сладость напитка вмиг опротивела, и он отставил стакан в сторону. – Так что вызывай в столицу Виклоша, проводи ревизию складов, проверяй судоверфи, корабелов, наведайся опять в Секретариат с инвентаризацией, словом – запуская военный протокол.

– Ник, подожди. Ты серьезно говоришь об этом? – тихо переспросил Артан, видя, как лихорадочно блестят глаза друга.

Король казался полностью расслабленным, спокойным, даже безмятежным. Если не знать его. Если не видеть деталей. Не замечать,

как быстро наполняются чернотой и сдуваются сосуды под кожей лица. Не обращать внимания на легкую дымку нориуса, растекающуюся вокруг тела повелителя. Только слепец не заметит, что его величество на грани срыва. Что короля от чистой ярости отделяет одно неверное слово.

– Да, морвиус его подери! – рявкнул Никлос, сверкнув глазами. – Знаешь, мой дед был мудрым правителем, и он всегда хотел мира с подводниками и эльфами. Он придумал, как именно это сделать. Реформа должна была показать, что мы поборники мира и закона, но беда в том, что на самом деле это никому не нужно. Подводники голословно обвинили шелки в гибели животных, и весь мир это сожрал. Так почему мы должны прогибаться под них? Ведь русалы уже показали свою беспринципность, когда попытались украсть мою подопечную, между прочим, твою возлюбленную! Так скажи мне, почему нам не стоит показывать нашу силу?

Артан не нашелся, что ответить. От одного упоминания о Селесте у него вскипала кровь и он забывал все доводы рассудка.

Однако он не стал бы маршалом, если бы подчинялся зову крови. Подавив злость, он глубоко вздохнул, чтобы вернуть себе равновесие. Заново раскурил трубку, сделал несколько глотков рома и только после этого заговорил.

– Тогда забудь о реформе. Забудь обо всем, что сделал для серокрылых. Забудь о Северном пути. О новых школах для простолюдинов. О снижении налогов. О развитии сообщения между городами. Помнится, ты собирался открыть новые морские и речные пути в дальних провинциях вплоть до Сатуральских долин? Оставь эту задумку на бумаге. Может, ты забыл, но война – очень дорогое удовольствие. На нее уйдет много денег. А ведь последние годы ты не мелочился, открывая по всему королевству филиалы Академии общих наук. И это мелочь по сравнению с самой реформой. И...

– Хватит! – оборвал его Никлос. Исподлобья глядя на друга, король признавал его правоту, но не мог так же легко успокоиться. И не хотел. Он видел только один выход из ситуации и не намеревался искать компромисс.

– Войны не будет, как только русалы и все остальные поймут, что мы настроены серьезно. Когда увидят, что мы готовимся воевать. Когда вспомнят, кто на самом деле Каргатские короли. Когда увидят,

что белокрылая здорова, сильна и на моей стороне. А увидев нашу силу, они отступят.

– А если нет? – тихо спросил Артан.

– Тогда мы сотрем их в порошок.

* * *

Никлос

Давно ушел маршал. И Богарт, заскакивающий с ворохом очередных дел, был отправлен спать. И свет во множестве комнат дворца погас. И медленно спустилась тишина, накрыв тревожный, как улей, город. За окном весенняя ночь, пока еще темная и сырая, переполненная дождями и ветрами, но готовая принять первую огненную майскую грозу, сухую жару июня, полуденный зной и ярость летних бурь.

Ник держит в руках нетронутый стакан с коньяком, глядит в ночную тьму, мыслями витая далеко отсюда. Ему вспоминается одна из ночей, когда он почувствовал чужое присутствие в лесу, когда увидел шарахавшуюся от собственной тени девушку, пробирающуюся к обрыву. Вспомнил, как неуклюже она превратилась в дракона, с каким старанием пыталась быть незаметной и насколько громкой оказалась в итоге.

Сейчас, вглядываясь в темень, король пожелал увидеть ее, хоть и знал, что девушка находится в другой части замка, что частичный паралич еще не сошел, да и красться в потемках ей больше незачем. Ее мать была перехвачена на границе столичного округа и совсем другим маршрутом доставлена в Винцельскую долину в сопровождении управляющего дэра Аскол дэ'Маринье, который должен помочь с хозяйством. Кроме того, он везет распоряжение об отмене налогов с долины Винцель сроком на десять лет.

Мать Селесты весьма благодарная женщина. Осознав расположение короля, она передала с поверенным письмо, в котором подробно рассказала об отношениях мужа с эльфами. И о том, что они делали с дочерью. Так она показала, на чьей стороне.

Но эти новости ничего не меняли. В свете грядущего проблемы с эльфами отходили на задний план. На днях король получил очередное письмо от короля Агондария с требованием отдать Селесту, иначе быть войне.

Потерев нахмуренный лоб, Ник собирался уже ложиться спать, когда услышал шаги за стеной, а после совсем легкий стук в дверь, и на пороге возникла прелестная юная блондинка. В полумраке ее лицо сияло как маска, а приблизившись, преобразилось в заплаканное личико кэрры Кирнан Грацбургской. Она прижимала руки к груди и смотрела на короля с таким отчаянием, что его сердце дрогнуло, и он не стал гнать девицу прочь из мужских покоев.

– Ваше Величество, пожалуйста, – дрожащим голосом попыталась заговорить она, но не смогла продолжить, потому что слезы градом покатались по щекам.

Король подошел к ней, всучил стакан с коньяком и, поддержав голову девушки, вынудил сделать глубокий глоток. Разумеется, она подавилась, раскашлялась с непривычки, лицо покраснело, но поток слез сменили всхлипывания и попытки восстановить дыхание. Приобняв гостью за плечи, он довел Кирнан до углового диванчика, усадил на него, и, повинуясь его жесту, она вновь глотнула янтарь, понемногу приходя в себя.

– Что случилось, кэрра? – осторожно спросил он, убирая с ее лица спутанные шелковистые пряди. Вблизи, несмотря на слезы, она выглядела такой красивой, почти совершенной. Темно-синие глаза смотрели с запредельным доверием и чистотой. Она дрожала, когда подступала истерика, и король растирал ее плечи, возвращая присутствие духа.

– Простите, но я больше не знала, к кому идти, – заговорила она, возвращая собеседнику стакан, и король поставил его на маленький столик. Девушка не выпускала руку из его пальцев, и так она поведала ему свою историю.

Кирнан рассказала о том, что родители сознательно кормили ее магическими смесями, чтобы задержать развитие и не дать созреть раньше срока. О том, что с детства ее готовили в жены королю, и любые попытки отстоять свои права оборачивались скандалами и наказаниями в виде голодовки и изоляции. Ее учили быть жестокой, сдержанной и преданной семье, втапывая в грязь любое инакомыслие

и своеволие. Ее растили послушной марионеткой, чтобы, став королевой, она осталась преданной семье. А в том, что именно она станет следующей Каргатской владычицей, никто не сомневался. Ведь она – красавица, умница, с блестящим образованием и из самого знатного рода. Казалось бы, что могло пойти не так?

– Мои родители на многое пошли, чтобы у меня не было достойных соперниц. Некоторых девушек прямо по их указке убрали с Равновесия. Они постоянно говорили, как это необходимо нашей семье. Что я должна пойти на все, чтобы стать королевой. Они верили, что я сумею очаровать вас, влюбить в себя и все будет так, как они мечтают. Им и в голову не приходило, что это невозможно, – говорила Кирнан, заламывая брови и мелко подрагивая, отчего Ник вновь протянул ей коньяк, а затем и вовсе ненадолго покинул ее, но быстро вернулся с пузатой бутылкой и еще одним стаканом.

Теперь они пили вместе, и Кирнан более спокойным и медленным голосом говорила, что началось сразу после превращения Селесты в белокрылую. Как жестоки были родители в попытках навязать ее обществу королю. Каким рисовали будущее, если она потерпит неудачу. Как расписывали, что с ней сделают, если она опозорится.

Девушка закатала рукава облегающего серого платья, демонстрируя глубокие темно-синие с желтоватым отливом синяки. Она стянула с шеи вязаное украшение, обнажая еще более страшные следы пальцев.

– Только лицо никогда не трогали, – прошептала она, от стыда пряча взгляд.

А Ник попросту не знал, как на это реагировать, только гнев поднимался в его душе при мысли, что это сделали родители с собственной дочерью.

– Ко мне сватались, несмотря на очевидность их планов, – глухо продолжила кэрра. – Но они дали всем от ворот поворот. И теперь угрожают отдать меня в храмные девы.

Кирнан подняла глаза, решившись.

– Ваше Величество, пожалуйста, помогите мне. Вы ведь помогли Селесте и ее семье. Вы уберегли их от Брошина Адегельского. Защитили... – она запнулась, подбирая слова, порывисто схватила королевскую руку и сжала изо всех сил. В ее голосе сквозила надежда: – Пожалуйста, сделайте то же самое для меня. Я на все согласна,

только не дайте им запереть меня. Я не смогу так жить. Попросту не смогу! – и она вновь заплакала.

Никлос молчал. Он не реагировал на ее слезы, гадая, что ей надо. Король чувствовал – девушка искренна в своих словах, но не мог ей поверить. И она это понимала, потому что больше не пыталась молить его о помощи. Кирнан все больше погружалась в пучину отчаяния, коря себя за то, что посмела прийти, нарушив все возможные правила.

Никлос уже собирался отправить ее восвояси со словами, что поможет, чем сможет. Что есть такие храмы, где она будет чувствовать себя в безопасности. Что жизнь на этом не кончается. Но заворочался нориус. А за окном зазвучала невидимая гроза, и в этом звуке слышались барабанные перекуты. Тишина вокруг заострилась, а свет будто насытился кровью. И именно это проступило в глазах Кирнан – рубиновый красный отблеск. Он заморозил Никлоса, и тот остановил порывающуюся встать девушку.

Из его кожи выступила тьма, она обвила запястья юной кэрры, легонько сжав, и девушка замерла, как кролик перед удавом, не понимая, что происходит.

– Останься, – хрипло молвил король, все еще пытающийся удержаться от крови, от металлического привкуса во рту, от барабанного боя, что так ярко и явно бьется под кожей, затрудняя дыхание. Теряется связность мыслей, усиливается желание плоти, а рядом такая юная, свежая и напуганная девчонка, что так доверчиво смотрит, распахнув ресницы и приоткрыв нежные розовые губки.

Нориусом притянув ее к себе, он выбил из ее рук стакан, и в воздухе разлился терпкий аромат коньяка. Кирнан вздохнула, пытаясь что-то сказать, но не успела – ее остановил властный королевский поцелуй.

Это было жадно, алчно и собственнически. Как и его руки, опустившиеся на ее груди. Как и щупальца нориуса, забравшиеся под нижнюю юбку. Треснула материя – от платья остались одни лоскуты, а на коже набухли первые красные порезы – монаршая любовь бывает ненасытной. И Кирнан рада была бы отстраниться, взять паузу, прийти в себя, но король подавлял все попытки сопротивления.

Он подхватил ее на руки и отнес на кровать, покрывая каждую обнаженную частичку тела пьяняще страстными поцелуями. И в этом злом вожделении скрывался голод, перед которым не устоять, от

которого не спрятаться. Можно только сдаться. Особенно когда нориус касается там, где никто прежде не касался. Когда внутри души Кирнан просыпается нечто новое, незнакомое, но такое приятное. И первый стон срывается с ее уст, она прикусывает до крови губу, расслабляясь под умелыми мужскими руками.

Кирнан сдается под его натиском, когда он кусает ее соски, раздвигает ноги, стаскивая чулки и разрывая нижнее белье. Она поддается нориусу, вновь обхватившему ее запястья и разводящему руки в стороны. Она подчиняется, а он берет ее как игрушку, не заботясь о ее чувствах, о том, что ей не только сладко, но и больно.

Король входит в нее, по-звериному кусая за шею, и она вскрикивает от нахлынувших чувств. Ее крик забивает тьма, а Никлос не останавливается – он уже ничего не слышит от барабанного грохота за стеклом. Невыносимая пульсация в ушах, перед глазами сплошь бордово-красное, и только тягостное исступление наслаждения как патока соблазняет повелителя, заглушая разум, не давая вернуться, замереть, прекратить это надругательство.

Ник следует по дороге безумия, и каждый шаг опускает его все ниже и ниже. Он чувствует, что под ним есть кто-то еще. Он не видит Кирнан, не чувствует ее боли и сладости. Только женское тело, трепещущее в мужских руках. И красный цвет блестит, сияет как рубины, а внутри пылает драконий огонь. Король движется все быстрее и быстрее, до крови целуя грудь девушки, вбивая в нее свою страсть. Ощущает, как расползается по телу огонь и как быстро он перетекает в их невидимого спутника. Он слышит женский сладкий стон, и в ответ пламя взрывается белой вспышкой. С королевских губ срывается имя:

– Селеста!

* * *

Утро началось поздно. Обычно Ник просыпался всегда самостоятельно. С помощью колокольчика призывал слуг, если ему что-то требовалось. И к завтраку всегда спускался вовремя.

Но не сегодня.

Король проснулся с дикой головной болью и ощущением, будто всю ночь пил с капитанами во время похода против песчаных демонов. Во рту стоял неприятный металлический привкус, и Нику казалось, что он с кем-то подрался, настолько ломило тело и неприятно было шевелиться. Когда он пытался вспомнить вчерашнее, перед внутренним взором возникал красный цвет, слышалась странная ритмичная музыка, и чувствовалось... он был с женщиной?

Оглянувшись, он заметил, что вся кровать смята, хотя обычно он занимал только часть и никогда не ворочался во сне. Притянув соседнюю подушку, король почувствовал легкий аромат женских духов. А осмотревшись, заметил под прикроватной тумбочкой женский чулок.

Не успев сопоставить факты, Ник был окончательно разбужен требовательным стуком в дверь, а после и вовсе бесцеремонным вторжением маршала с довольной ухмылкой на устах.

– Ник! Какого морвиуса ты еще в постели делаешь? – радостно заговорил с порога Артан. Он быстро пересек комнату и раздвинул тяжелые шторы на окнах, впуская яркий солнечный свет. – Сколько лет тебя знаю, а в последний раз ты так долго спал... лет шестнадцать назад. Ты в порядке?

Дождавшись кивка и заметив пустые стаканы, а также початую бутылку коньяка, Арт задумался, а затем просиял:

– Ты был не один. И явно это был не Вран и не Томар. С кем же ты мог пить в собственной опочивальне? Неужели нашлась прелестница тебе по душе? – Увидев смятение в глазах друга, Артан рассмеялся. – Ладно, не буду мучить. Захочешь – поделишься, кто это было. А ведь я пришел с хорошими новостями! Даже с отличными!

– Ну говори, говори, чего тянешь, – проворчал король, прикладывая холодную ладонь к пылающему лбу, когда Арт замолчал, выдерживая паузу.

– К Селесте вернулась чувствительность. Паралич сошел, и она снова может ходить, – восторженно выпалил Артан, а сам жестом пригласил в комнату слуг, несущих подносы с завтраком. – Теперь они все заткнутся! Она в порядке.

– Пусть это Томар подтвердит, – поблагодарив за завтрак, заметил Ник. В его груди поселился странный червячок сомнения. Ему показалось, что случившееся как-то связано с его частичной потерей

памяти. Отложив эти мысли, он приступил к еде и одновременно раздавал приказы как Артану, так и подошедшим секретарям.

Он упустил так много времени, пора наверстывать. А еще – планировать официальный выход Селесты. Она точно должна будет открыть свадебный цикл. Таким образом все увидят, что она выздоровела. Но это если подтвердит Томар. Ведь не только физическое благополучие волновало короля. Гораздо важнее было состояние ариуса в ней.

И только когда Никлоса оставили одного и он поднялся, чтобы принять душ и одеться, он увидел под одеялом крупные следы крови на простыне. Затем в его памяти всплыл женский крик и имя.

– Селеста... – прошептал он, прижимая пальцы к губам.

* * *

Весь день король провел как на иголках. Он чувствовал, что случилось нечто непоправимое, но что именно – не знал. Окольными путями он разузнал, что Селеста не покидала своих покоев этой ночью, охрана не засыпала, все было тихо. Впервые Ник пожалел, что его комнаты без стражи и ночью на территории короля всегда безлюдно. Нориус в состоянии позаботиться о носителе.

И вопрос, с кем он был прошлой ночью, оставался открытым.

Его нервозность передалась окружающим. Ник буквально летал по дворцу, активно корректируя планы с учетом выздоровления Селесты. Были разосланы письма соседям с приглашениями посетить свадебный цикл и намеком, что с Каргатским королем лучше дружить, а не то... – и для каждой страны индивидуальный подход, что именно не то.

Ужин Ник собрался провести в компании Артана и Селесты, о чем отдал соответствующие распоряжения. Когда он уже завершал свои дела и собирался отправиться в малую обеденную комнату, его остановил испуганный Богарт. Он прошептал пару слов на ухо королю, вызвав у того легкий ступор.

– Ты уверен? Как он попал в мой кабинет?

– Не могу знать, Ваше Величество, – с изумлением ответил секретарь. – Но он вас ждет.

– Хорошо. Передай тогда Артану, что я задержусь, – сказал Ник, про себя напрягаясь – последнего, кого он ожидал увидеть в столице Каргатского королевства, так это эльфа.

Глава 22

И грянул барабанный бой

Селеста

Настроение – хуже некуда. Ощущение непоправимого не отпускало, и на нервной почве казалось, будто десяток мелких противных букашек ползает по спине. Я постоянно расчесывала руки и запястья, тянулась поправить воротник платья, подтянуть корсет, расправить манжеты, разгладить некрасиво топорщившийся подол...

Я себя чувствовала как нашкодившая школьница в кабинете директора. Он не мог пройтись розгами по нашим с сестрой спинам за сорванный урок, а вот долго и нудно отчитывать до прихода наставника Брута – запросто. И именно такое чувство преследовало меня на протяжении всего дня после случившегося в академии. Ожидание наставника и наказания.

Плюс ко всему, меня накрывало с головой странное чувство голода, и ни один фрукт или булочка не могли утолить его, даже наоборот – от еды немного мутило, и я могла только пить соки.

После вчерашних и сегодняшних событий я была не готова принимать гостей, кроме самых близких. Поэтому вечернее чаепитие проходило в узком кругу: Мирта и Калиста присоединились ко мне, когда я вернулась из академии. Странное чувство – мы приехали зелеными драконицами, а в итоге оказались по разные стороны границ домов. Родные чужачки. И, несмотря на разный цвет, мы все равно чувствуем себя близкими подругами, связанными одной историей. И свадьбой. Без Милан можно было спокойно говорить на разные темы, а в центре внимания оказалась Калиста.

Сегодня передо мной открываются новые грани сестры, вскользь сказанные слова показывают ее уверенность в выборе. Она действительно готова стать женой кэрра Деяна Адегельского.

Пока мы с Миртой пили цветочный чай и лакомились булочками с шоколадом, Мирта послушной куклой вертелась в руках кэрра Маркла, подгоняющего по фигуре воздушное платье кремового оттенка. Это первый официальный наряд, в котором девушка имеет право обнажить

верх груди через неглубокий вырез. Показать локти, туже затянуть корсет на талии, внести больше драгоценных камней, золота и серебра как в прическу, так и в декоративные элементы платья.

Вот и сейчас Кали с любовью поглаживает роскошный пояс с прекрасными изумрудами и серебряные подвески на плечиках, благодаря которым держалась невесомая ткань, прикрывающая руки чуть выше локтей.

В Калисте возникло столько силы, что и не скажешь, что совсем недавно она жалась ко мне, боясь остаться одной среди невест. Глядя на сестру, я жалела, что мамы нет рядом, ведь это и ее день тоже – первый ребенок входит во взрослую жизнь. За эти недели до меня дошло только одно письмо от нее: полное надежд и пожеланий, с кратким пересказом домашних событий и совсем крошечной припиской: как сильно она надеется увидеть нас вновь...

Чуть позже мы втроем обсуждали варианты причесок, соглашаясь со стилистом, что будет лучше, если сестра оставит волосы распущенными и лишь пару прядей украсит красивой фамильной подвеской. Маркл записывал наши замечания и пожелания, по ходу постоянно подбрасывал новые идеи, все время присматриваясь то ко мне, то к Мирте, и сетуя, что такие красавицы пропустят этот цикл. Мы лишь скромно переглядывались. Что поделаешь, я не имею права перечить королю. Если он считает, что нам с Артаном не стоит жениться – значит, так и должно быть.

Хоть я знала, что главный довод утратил свою актуальность, но понимала – это не переубедит Никлоса. Но попробовать стоит...

Наконец Маркл ушел, а мы решили выбраться на летнюю веранду. Майское солнце впервые одарило настоящим теплом, так что в вязаных накидках стало жарковато, и мы отложили их в сторону, оставшись в теплых платьях.

Буквально через пару минут на парковой дорожке появилась Паули, шедшая под ручку с Милан. Судя по их лицам, они помирились. Не дожидаясь приглашения, девушки поднялись на веранду и разместились за соседним столиком. К ним направились служанки с подносами, на которых лежала выпечка и стоял целый чайный сервиз с заваренным пахучим липовым чаем.

Первым делом Милан извинилась за вчерашний скандал, объяснилась, что была не в себе из-за волнения перед неожиданной

свадьбой и вообще пребывала в расстройстве чувств. А Паули, выпив чаю и закусив медовым рулетом, свернула на любимую тему – сплетни.

– Ой, я сегодня такое услышала! – патетично заявила она и замолчала, вновь уткнувшись в фарфоровую чашечку. Мы с сестрой переглянулись, улыбнувшись. За эти недели все успели привыкнуть к манере разговора Паули, так что уже не спешили выуживать из нее новости, чем немного раздосадовали девушку, любящую быть в центре внимания.

– Представляете, впервые за много лет король проспал, – заговорщически поделилась она громким шепотом. Дождавшись нашего недоумения, усмехнулась и разъяснила: – А еще уборщица нашла под королевской кроватью дамское исподнее. Не дешевое.

Мирта слегка напряглась, со звоном поставила чашечку на блюде и недовольно обратилась к Паули:

– Хочешь сказать, король был ночью не один?

– А почему тебя это так удивляет? – вопросом на вопрос лукаво ответила Паули. Сидевшая рядом Милан прыснула:

– Наша Мирта очень высокого мнения о короле. Видит в нем почти святого. Даже в мыслях не допускает, что и ему ничто земное не чуждо. – Напоровшись на мой укоризненный взгляд, она потупилась и переключилась на десертное желе.

– Значит, мы можем порадоваться за повелителя, что спустя столько лет он нашел близкого человека. – Я попыталась быть рассудительной, но по глазам невест прочитала: «Дурочка». Ну да, столько лет, близкий человек... я, как и Мирта, слишком наивна.

– Есть еще один деликатный момент, – добавила Паули, поочередно оглядывая каждую из нас, когда мы немного успокоились, переваривая новость и гадая, кто же это мог быть. – Может, и пустяк, но пропало постельное белье, причем горничные почуяли в комнате запах гари, а в камине было подозрительно много свежего пепла.

– Зачем королю сжигать постельное? – не выдержала Калиста. Только Паули хотела ответить, как ее перебила напрягшаяся Милан:

– Потому что оно было испачкано чем-то непозволительным. Недопустимым. Порочным. – Девушка отодвинула вмиг опротивевшее лакомство и с неприязнью уставилась на него, продолжая говорить: – Неужели не видишь ассоциацию, Кали? По традиции новоиспеченные

мужья сжигают простыни после первой брачной ночи. Из пепла в пепел.

– Из пепла в пепел, – протянула следом Мирта, и мы все как прозрели. – А кто сегодня внезапно отправился домой?

– Кирнан, – прошептала я, до боли сжимая запястье. Иное встревожило меня.

* * *

После чаепития я перехватила у выхода сестру, дождалась, когда остальные отойдут подальше, и прямо спросила:

– Где наш брат?

Калиста передернула плечами, немного растерянно глянув в ответ, а затем выдала старую байку:

– Он на экзаменах. Много занимается. Крис отказался от королевской стипендии, а Вест показывает отличные результаты, вот брат и учится изо всех сил. Ему нужна Гадельерская стипендия.

Я не разделяла спокойствия сестры и, больно ухватив ее за локоть, притянула к себе.

– Кали, хватит врать, это оскорбительно! – прошипела я ей прямо в лицо, и она поморщилась. – Либо ты говоришь правду, либо я обращаюсь к королю!

– Не надо, – мгновенно побледнев, пробормотала она, а после воровато огляделась и, убедившись, что Владис стоит в стороне и не подслушивает, разъяснила: – Он нашел работу. Только это тайна! Кристан решил, что если не сможет получить стипендию, то будет работать до тех пор, пока не заработает на обучение.

– Ему всю жизнь горбатиться придется, чтобы оплатить хотя бы первый курс! Что за работу он нашел, что так уверен в своих силах? – изумилась я, отпуская сестру. Та досадливо потеряла локоть и поджала губы.

– Я не знаю, чем именно он занимается, но дело стоящее. Ему уже выплатили первый аванс. Это хорошие деньги.

– Да он с дуба рухнул? – воскликнула я громко, заслужив внимательный взгляд своего телохранителя. Отмахнувшись от него, я вновь надела на Кали: – Где он сейчас? Я должна с ним поговорить.

Морвиус подери, он ни на одно мое письмо не ответил! И я не видела брата с тех пор, как приехала в столицу!

– Он и правда очень, очень занят! – проговорила сестра, ободряюще поглаживая мое плечо. Мы вышли наружу, спустились по ступенькам в парк, и следом за нами на расстоянии пошел Владис. – Сама знаешь, сейчас время такое беспокойное. Мы с Деяном вообще оказались в дурацкой ситуации: границы закрываются, послов высылают. А значит, остаемся в столице с дедом.

От воспоминания о Брошине меня всю передернуло, и я скривилась.

– Он так воодушевлен. Только и ждет, когда король объявит о начале военных действий против Подводного мира, – шепотом продолжала сестра. Накинув на плечи серебряную накидку, она расправила ее и зябко укуталась в нее. – А мне страшно. И хочется домой. Мы так близко от моря...

– Король не допустит войны, – упрямо мотнула я головой. – А подводники не так глупы, чтобы идти против нориуса.

– А если они идут не против, а за?.. – начала Кали, искоса поглядывая на меня.

В моих руках появляются сорванные с кустарника зеленые листики. Я растираю их между пальцев, ощущая приятный кислый аромат свежей зелени.

– Я потеряла ариус, – ответила я негромко. – Так что теперь для всех стала бесполезной. По словам Томара, еще не скоро белая тьма вернется ко мне. Вот будет сюрприз для русалок, а? – я горько улыбнулась, хотя самой было больно от одной мысли об этом. Лишиться ариуса оказалось все равно что лишиться руки, я и не подозревала, что мне станет настолько одиноко. Только тепло слияния напоминало, что я не одна.

Сестра странно отреагировала на мои слова. Она резко остановилась, огляделась по сторонам, взглядом вынуждая Владиса замереть, а после крепко обняла меня и прошептала на ухо:

– Будь осторожна, Сэлли. Может, я и не самая лучшая сестра в мире, но умею чувствовать опасность. И тебе стоит поостеречься. Я знаю, сейчас серые мышки короля снуют по коридорам дворца и закоулкам столицы, выискивая предателей, да только ничего серьезного они не найдут. Я боюсь, что наш дедушка задумал нечто

страшное. И ты нужна ему, понимаешь? Скажи об этом королю, иначе... – она захрипела, теряя голос и от страха боясь договорить. Ее последние слова были на грани шепота, и в них звучал затаенный ужас: – Иначе скоро у нас не будет короля.

* * *

Впервые с того ужасного разговора в оранжерее я должна была встретиться с королем. Наш первый совместный ужин с Артаном и Никлосом за очень долгое время. Теперь я совсем свыклась со своей новой ролью. Мне все проще удастся командовать слугами, легче отшивать непрошенных «дружелюбных» аристократов, носить роскошные платья и стильные костюмы. Несмотря на болезнь, я много читала книг по этикету, вспоминала основы геральдики, консультировалась у более образованных невест: какие порядки есть в столице, какой род занимает более высокое место в условном таблице о рангах.

Так что сейчас, освоившись и вновь встав на ноги, я чувствовала себя великолепно. Прошлая ночь отдавала сладким привкусом на губах и странной легкостью в области живота и груди. Отсутствие ариуса воспринималось как потеря, но ее сглаживало постоянное присутствие у самого сердца Артана. Стоило только подумать о нем, и становилось легче дышать, думать и чувствовать. Такая волшебная щекотка, будто на нос и щеки падают мягчайшие пушинки, а сквозь них светит солнышко, и ты постоянно щуришься и не можешь удержать смех.

Вот и сейчас, покрутившись у зеркала в новом золотисто-черном костюме, пробуя скользящую подошву красивых тапочек с острыми носами, я подмигнула сама себе, настраиваясь на хороший вечер. Слова сестры нет-нет да всплывали в голове, и я знала, что обязательно предупрежу Ника о ее опасениях, но что-то подсказывало – он не поверит. Ему нужны весомые улики, а не страхи молодой невесты. Скорее всего, он скажет, что это лишь фантазии, и потом, Брошин действительно хотел, чтобы я стала частью его дома.

Но сейчас дед поуспокоился. Не появляется во дворце и как будто ничего не замышляет.

По крайней мере, мне искренне хотелось в это верить.

Так получилось, что мы с Артаном одновременно подошли к дверям обеденной комнаты короля. Я отпустила Владиса, наказав зайти через пару часов, и как только осталась с маршалом наедине, бросилась в его объятия, целуя его и с наслаждением вдыхая родной запах.

– Я так соскучилась! – прошептала я, прижимаясь к его груди, пока он зарылся носом в мои волосы. – Клянусь, еще одно официальное приветствие на дистанции «дядя моей подруги», и я взвою!

– Тише-тише, солнышко, не надо выть, все образуется, – засмеялся он, целуя меня в лоб. Он поднял мое лицо за подбородок, и его голубые глаза блестели в темноте от радости. – Мы обязательно будем вместе. Не через десять лет, и не через пять. А намного раньше. Я сделаю все, чтобы это случилось в этом году, – внезапно посерьезнев, объявил он, водя указательным пальцем по моим щекам. – Так что не вешаем нос!

А я пропускаю слова мимо ушей и вновь тянусь к нему. Его губы почему-то соленые, как море, но такие притягательные. За ними следуют более крепкие объятия. Руки его спускаются ниже моей талии. А мои наоборот – зарываются в его золотистые волосы, колючие, будто перекасти-поле. И никак не остановиться. Никак не прерваться, ведь так сладко, слаще, чем пробуждение утром...

– Голубки, я, конечно, понимаю, любовь не спрашивает, где и как, но все-таки имейте совесть! Ваш король не ел с самого утра, перед ним блюда с аппетитной курочкой в кисло-сладком соусе и жареной бараниной, а поесть никак – вас дожидаясь! – раздается насмешливый голос, и, обернувшись, мы натываемся на лукавый с прищуром взгляд короля.

Мне почти совестно, и я старательно вытираю губы, а вот Артан, наоборот, сильнее прижимает меня к себе, и я чувствую, с какой укоризной он смотрит на Ника. Только сочный запах ужина заставляет нас разомкнуть объятия, и мы идем за королем в комнату и садимся за стол, заставленный тарелочками, вазочками, бокалами и чашечками. Аромат курицы с молодой картошечкой и зеленью надолго отбил

желание разговаривать, и поэтому только стук приборов нарушал тишину, да единственный тост в начале ужина: «За нас!»

Чуть позже я собрала грязную посуду и отнесла на свободный столик у окна, пока Артан разливал по бокалам вино, а Никлос раскладывал карты. Тасуя колоду, он задумчиво смотрел на мокрое темное окно, за которым скрывался лабиринт. Казалось, будто он сам застрял среди ветвистых колючих деревьев, не в силах найти выход.

– Томар сказал, что произошло, – начал он после первой карточной пересменки. Артан искоса глянул на меня, словно чувствуя за собой вину в случившемся.

– Вот так я стала бесполезной и беззащитной. Осталось донести эти вести до подводников, и они угомонятся, верно?

– Все зашло слишком далеко. Они вынесли конфликт за пределы отношений двух стран, и теперь весь мир начинает делиться на стороны, решая, кто сильнее, – хмуро ответил Никлос, выкладывая козырь на стол и делая приличный глоток вина. – И они не отступятся, пока сами не поверят, что ты больше не обладаешь силой белокрылой.

– Это ведь временное ослабление, разве нет? – уточнил Артан, и Ник кивнул. – Тогда они в любом случае не отступят, даже наоборот: сейчас самый удачный момент, чтобы начать войну.

От этих слов я поежилась и уставилась на карты, сосредоточившись на партии. С каждым разом мне все лучше удавалось играть, но пока Арт и Ник побеждали. Они брали опытом, а я свежестью взгляда. Хорошая игра.

Отдав пару фигур, я потянулась за конфетами через стол и столкнулась пальцами с Ником, поднимавшим для меня корзинку. Прикосновение как током прошло, и я вспомнила: король был ночью не один.

Сунув шоколад в рот и запив его непозволительно терпким вином, я набралась смелости и спросила:

– А куда пропала Кирнан? Говорят, родители забрали ее, но зачем?

В ответ Ник закашлялся и уставился на меня, будто мысли читая. Укоризна так и сочилась из него, а Артан заговорщически подмигнул мне.

– Любовь нечаянно...

– Заткнись! – резко выпалил Ник, и мы оба вздрогнули. Переглянувшись, мы испуганно уставились на короля. В порыве

злости он опрокинул бокал, и теперь карты на столе стали липкими и мокрыми. – Я не собираюсь обсуждать с вами такие вещи. И к вашему сведению, родители Кирнан собирались отправить дочь в храм Святой Клэрии. Сегодня я подписал согласие. Так что Кирнан скоро станет храмовой девой, с чем ее и поздравим, – он поднял бокал, наполнил его вином до краев, осушил одним махом и звонко опустил обратно на стол. Оглядев нас глазами, полными недовольства, король громко фыркнул и вытер испачканные пальцы. – Подобные инсинуации не красят и монашку, так что воздержитесь от сплетен.

Я видела, как Арт хотел что-то сказать, но не решился, с тревогой поглядывая на друга. Партия окончена, нам больше не хотелось играть, а проводить время с вином и сигаретами – удел мужчин, а никак не женщин. Так что я собиралась уже уходить, решив позднее рассказать о подозрениях сестры, когда в дверь постучали.

Мне захотелось спрятаться, настолько настойчиво прозвучал стук, и словно вдогонку за окнами раздался отчетливый грохот. Началась первая настоящая майская буря. Тот самый период, когда обычно невесты превращаются в драконов и на пару с женихами гуляют среди молний по небесам, заряжаясь электричеством и силой природы. Волнующий период всепоглощающей мощи.

А вместо этого каждый столичный дракон сидит дома, ведь на днях ввели комендантский час и прогулки после захода солнца запрещены.

В комнату зашел по-деловому собранный Брошин Адегельский. Я давно не видела его, так что для меня стало неприятным сюрпризом то, как он преобразился. Будто втянулись старческие морщины, волосы заблестели серебристой чернотой, а глаза засияли серым светом. Движения резкие, точные, военный костюм облегает спортивную подтянутую фигуру. Дед горел идеей, перед ним возникла четкая цель, и он шел к ней.

И сейчас он не пытался показать, что известия плохие, наоборот – он гордился тем, что именно ему выпала честь сообщить королю страшную новость.

– Ваше Величество, мой король, Подводный мир объявил нам войну. Они вероломно напали на оставшиеся в море корабли и потопили их. Никто не выжил. Одновременно они принялись отлавливать шелки, отчего Верховная была вынуждена вступить в

неравный бой. Им удалось оттеснить русалов вглубь моря, но Флакса сильно пострадала. Сейчас она находится в Нимфеуме под присмотром дэра Томара Бай, – закончив говорить, Брошин протянул королю папку с документами. При этом он покосился на меня, бросив в мою сторону какой-то странный многообещающий взгляд, от которого Арт сжал мою ладонь и сам с вызовом уставился на Адегельского.

Король по диагонали прочитал документ, после чего передал его Артану.

– Вижу, тебе не терпится сказать: «Я же говорил». Так вот, не стоит, – холодно объявил король Брошину, поднимаясь с места и подходя к окну. – Где сейчас твой старший сын?

– Как только получил приказ от маршала, тронулся с места. Большой частью армия идет по воздуху и сквозь пространство, так что завтра они будут уже здесь. Если, конечно, майская гроза утихомирится, – ответил Брошин, также подходя к окну. – Такая буря опасна для скольжения.

– Морвиус, – процедил Ник, и наружу показался нориус.

– Ваше Величество, если подводники вновь нападут, некому будет вести шелки. Без Верховной они не способны действовать как единый организм... И даже когда появится Виклош, мы не сможем вступить в морской бой, мы не готовы.

Ник посмотрел на Артана, читающего донесения. Я видела через плечо, что в них писали о множестве нападений подводных существ на рыбаков. Один из кораблей был за несколько минут потоплен неизвестным существом невиданных размеров.

Получается, все началось еще днем? Пока я чаевничала с невестами, целовалась с Артаном, ужинала с королем и играла в карты, на море гибли люди. Из-за того, что подводники захотели заполучить ариус?

– Он прав, – хрипло ответил Артан. – Но не все так плохо. Последние годы мы проводили совместные учения с магами. Они смогут связать воду до прихода армии и выздоровления Флаксы. Только Селесту нужно перевезти отсюда вглубь материка. Ей опасно находиться на краю. И закрыть Клэрию. Составить приказ для мэров городов о посильной помощи и принятии столичных жителей. А в освободившихся домах разместить армию.

– Действуй, – кивнул Никлос, полностью разворачиваясь к нам лицом. – Но Селеста останется здесь.

– Ваше Величество, девушке...

– Это не обсуждается, – король оборвал Брошина на полуслове. – В этой войне главное, что подводники начали первыми. Теперь всем ясно, кто настоящий агрессор.

Подойдя к столу, Ник поднял колокольчик и вызвал слуг. Он отдал приказ вызвать во дворец ряд министров, а также своих секретарей во главе с Богартом. Аналогичную команду дал Артан, собирая своих заместителей и генералов.

– И разыщите Врана! Что-то я давно его не видел, – напоследок приказал Ник. Только потом король заметил, что я все еще нахожусь в комнате. Я съежилась под его тяжелым, немигающим взглядом, предчувствуя какую-то пакость.

И когда в комнату зашел мой телохранитель, Ник сказал:

– Владис проводит тебя в оранжерею. Теперь спать будешь рядом с Черной пьеттой.

– Но это... – я растерялась, не зная, что сказать.

Артан о чем-то говорил с Брошином в стороне. И хоть ему было неприятно, но разговор шел сухо и по-деловому. А я как не пришей кобыле хвост. И Ник присаживается рядом, отправляя Владиса за дверь.

– Сэл, пойми, я не могу отпустить тебя домой. Особенно сейчас, – мягко заговорил он, касаясь моих ледяных рук. – Ты не пробудешь там долго. Пару ночей, пока не придумаем что-нибудь получше.

– А моя сестра? И брат? И остальные?

Лицо Ника превратилось в маску.

– Невесты, по желанию их семей, либо досрочно без церемоний выйдут замуж, либо отправятся домой. А твой брат, как и все абитуриенты, поступит на ускоренный офицерский курс, как было во время войны с песчаными демонами.

– Он отправится на войну? – мой голос сорвался, и диалог на заднем плане оборвался.

– А для чего еще нужна Военная академия, милая внучка? – вкрадчиво заговорил Брошин. – Если твой брат хочет стать офицером, ему придется воевать. И я не рекомендую женской мягкостью и любовью препятствовать ему в этом.

Таким образом, Брошин подавил на корню мое желание упростить Никлоса отправить брата домой. И в то же время я осознала, что и сестра останется здесь. В самой гуще событий под прицелом подводников. Они уязвимы, как члены моей семьи. Хотя официально мы втроем теперь принадлежим к разным домам...

Чувствуя ледяное отчаяние, я кивнула и поднялась с места. Ник не хотел отпускать меня, его пальцы были такими горячими, и вокруг них клубился нориус. Я вижу смутную тревогу в глазах короля, а сама чувствую себя прутиком в бушующей речке – вот-вот начнутся пороги, а за ними и обрыв.

* * *

Несмотря на то что все в курсе нашего романа, Артан не стал в открытую провожать меня. Только когда мы с Владисом завернули в боковой коридор, он нагнал нас, чтобы попрощаться и сообщить, что в ближайшие дни не сможет меня навестить. Что он постарается организовать встречу с Кристаном, но ничего не может обещать.

Из всего сумбурного потока его слов я запомнила только сильный, почти болезненный поцелуй – мы расставались, и никто не знал, что будет дальше.

– Так не бывает, – сказала я Владису, когда мы остались одни. Отовсюду доносился шум. Открывались и закрывались двери. Кто-то что-то кричал неразборчивым голосом. Загорался свет, дворец просыпался от вечерней дремы. В воздухе была разлита тревога.

– Что именно, кэрра?

– Вот так просто. Раз – и война. И вроде ничего не изменилось, а поменялось вообще все, – заговорила я, потирая плечи. Владис снял с себя пиджак и накинул на меня. Несмотря на тепло, морозило, и я плотнее укуталась в него.

– Не волнуйтесь, кэрра. Его Величество справится с любой напастью. Нориус невозможно победить, Подводный мир просто зарвался оттого, что давно никто не видел тьму во всем ее великолепии, – ответил Владис чересчур официальным и отстраненным голосом. Он повел меня вниз, в сторону оранжереи. Мы шли путями слуг, чтобы не попадаться никому на глаза.

– Тридцать с лишнем лет назад закончилась война с песчаными демонами. Я читала мемуары Рупера Свенского. Тогда тьма поглощала города, укутанные песком. Пугающее зрелище.

– Король Словен и половины от силы нориуса не использовал. Политика короля Вернона. Чтобы мир не считал Каргатов чудовищами.

Воспоминания о прочитанном оставили во рту неприятный холодный привкус. Мне показалось, что вокруг сомкнулись стены, и откуда-то сбоку потянуло свежестью. По инерции я сделала несколько шагов вперед и лишь затем поняла, что именно ощутила. Вкус крови.

Обернувшись, я вижу, как замятво падает Владис. У него раскурочена грудная клетка, выбито сердце – оно валяется под моими ногами, и все вокруг окрашено красным. Тапочки мои моментально промокли. Я даже успеваю понять, как именно все случилось, но не вижу, кто это сделал – горевший в коридоре свет померк, оставляя лишь смутное чувство узнавания. И мрак обрушился на меня.

Глава 23

Идеальный шторм

Селеста

Здесь гулко. Поглощенные звуки не проникают сквозь плотный, как вымя коровы, пузырь. Только вибрация ощущается, разлетающаяся по всему шару. Почти нет света, воздух теплый и спертый, им противно дышать, он отдает тухлой рыбой и тиной. Давление напрягает барабанные перепонки, и мне кажется, что в ушах полно воды. Как и снаружи, где ее – целый океан. В котором проплывают рыбы, их совсем мало, как и ракушек, и морских ежей, сжирающих дочиста подводные джунгли из водорослей.

Меня захихнули сюда без единого слова с грубостью, от которой брала оторопь. Накрыли чем-то, связали и бросили в воду, словно я мешок с картошкой. Без кислорода я продержалась секунды три-четыре, а после начала просыпаться драконья натура, и тогда вокруг сомкнулись тяжелые, как резина, стены. И моментально отрубил вторую суть. Будто и не было ее никогда, будто все, что есть у меня – это руки, ноги, голова и туловище. А крылья – всего лишь мираж.

Я не знаю, сколько времени я провела на дне, в этом безжизненном месте. Не знаю, где это дно находится. Понимаю, что недалеко от берега, так как пару раз замечала шустрых каланов, спускающихся за ежами.

Мне хотелось пить. И есть. И спать, потому что из-за того, что я сидела на мокром песке под давлением, у меня болела голова, и я попросту не могла уснуть. Еще хотелось в туалет, так что весьма скоро пришлось забыть о стыдливости.

Но больше всего хотелось заглушить страх. Он одолевал каждую секунду, проведенную под водой. Каждая тень в отдалении напоминала очертаниями русалок. Каждый громкий звук ассоциировался с трезубцами подводников, и я замирала как маленькая бесцветная рыбка, попавшая не в свою среду.

Это продолжалось и не прекращалось. От напряжения я искусила губы, вдоль и поперек исходила пузырь, даже пару раз пыталась

пробить его насквозь. Сначала ногами и руками, потом камешками, которые вырыла из песка. Но что бы я ни делала, он только расширялся, а затем с громким хлюпаньем сжимался обратно. И я прекратила свои попытки, сосредоточившись на воспоминаниях.

Мне очень хотелось понять, кто убил Владиса. Я знала этого человека. Чувствовала, что знакома с ним, и сейчас мне даже казалось, что он насмеялся надо мной. Что исполнилась его мечта отомстить... или это какое-то другое чувство?..

И снова кровь. И тело Владиса, вмиг ставшее игрушечным, словно тряпками набитое, и взгляд – пустой и неживой... В те недолгие мгновения, когда организм сдавался и засыпал, я опять в подробностях видела его гибель, которая наполняла меня оцепенением. Как поражение перед грядущим.

По кругу, вновь и вновь. Чтобы острее почувствовать свою беспомощность.

Подводники точно рассчитали время, когда надо за мной прийти. Когда вместо страха появится покорность, когда я достаточно поварюсь в пузыре, как в бульоне из собственного сока, что их приход не вызовет истерики, но сломает меня. И можно будет делать со мной что угодно.

Так и случилось. Вернее, так могло показаться со стороны.

Им невдомек, что кроме страха перед неизвестностью, кроме ожидания боли и насилия, и издевательств, да чего угодно, есть нечто, им неподвластное. Тихий-тихий голос внутри, там, где сердце. Он не говорит человеческим языком, и не разобрать слов, а можно только чувствовать и переводить эмоции в речь: «Терпи, родная. Я скоро буду рядом».

Подсознательно я знала – не стоит показывать уверенность или спокойствие. Хотя я и не вижу их глаз, но знаю – за мной наблюдают. Поэтому храню в сердце образ Артана, и он согревает меня на ледяном мокром песке. Уберегает от отчаяния. От желания сдаться.

* * *

Пузырь внезапно тронулся с места. Он приподнялся, частично захватив песок со дна, и бодро понесся вперед в открытое море,

подальше от прибрежных зарослей, и чем глубже мы забирались под воду, тем быстрее он плыл, меняя форму на овальную. Меня прижало к задней стенке, и движение ощущалось приятной негой: я совсем не чувствовала тяжести собственного тела.

Когда я осталась в полной темноте, то перестала бояться, и вместо страха пришло странное любопытство. Я никогда не была под водой. Вообще мало кто видел города подводников, и мне было интересно увидеть их мир, попытаться понять, что ими движет. Так что я была готова к встрече со своими похитителями. И ждать мне пришлось недолго.

Мой защитный пузырь плавно снизил скорость, когда вдалеке показалось сияние, при приближении разбивающееся на сотни огоньков, очертаниями напоминающих огни наземного города. За время пути я успела немного вздремнуть – в дороге было легче переносить тяжесть давления, и сейчас я с интересом разглядывала первый в своей жизни подводный город. К сожалению, плотная структура пузыря скрывала детали, оставляя только общее представление о том, где нахожусь. И я могла видеть лишь размытые тени быстро приближающихся существ.

Вблизи я распознала Сэлавелию, и то по косвенным признакам: она была в обличье русалки. Прижавшись носом к стенке пузыря, я с любопытством рассматривала ее, ведь и русалок мне прежде не доводилось видеть.

Сейчас передо мной возникло странное существо, какая-то дикая смесь из человека и рыбы. У нее невероятно длинный, зеленый рыбий хвост, метра два в длину, широкий, распадающийся в конце на несколько частей. С плавниками по бокам и у основания хвоста, а также на локтях перепончатых рук, которые в движении плотно прилегали к телу русалки. Человеческая часть покрыта чешуей, грудь хоть и была, но совсем крошечная и без сосков, и выглядела скорее как наросты на туловище, под которыми скрывался двойной жаберный ряд. Аналогичный присутствовал на шее, но меньшего размера.

Принцесса была лишена своей роскошной красно-рыжей шевелюры, и вместо нее на голове начинался красный плавник, скрывающийся за спиной. У нее не было носа, а глаза увеличились раза в два и занимали почти целиком все лицо, тогда как губы совсем запали и больше напоминали широкую щель. Ее чешуйчатое тело

имело синеватый оттенок, переливающийся как перламутр под светом маленьких флюоресцентных рыбок, резвящихся вокруг морского создания.

Я ждала реакции. Сложно понять, какая она, ведь у русалки совсем не было лицевой мимики. Она была хладнокровна, как настоящая рыба. А когда совсем приблизилась к пузырю, странно развела руки в стороны, после чего медленно с натяжкой свела их вместе, посылая волну в мою сторону. И тогда рядом со мной появилась фигура Сэлавелии в человеческом обличье.

– Привет, Сэл! – дружелюбно сказала она, улыбаясь. Ее спутницы подплыли ближе, протянули руки сквозь защитный купол, и принцесса подхватила плотные резиновые мешки. Она опустила их, раскрыла и достала оттуда вполне земные фрукты.

– Ты, наверное, голодная, – как ни в чем не бывало заявила Сэлавелия, протягивая мне сочное красное яблоко. – Прости, что пришлось так надолго оставить тебя одну. Небось страшно было? Мы не хотели, чтобы все так получилось, но иначе нельзя. Каргат объявил войну, не сдержал обещаний, его шелки вновь напали, и в этот раз их целью оказались русалки. Девочки-подростки, между прочим. Сильный жест, – в голосе принцессы зазвучал металл, она холодно уставилась мне в глаза, поджав губы.

По мановению руки из песка выросли плотные песчаные кресла и столик, на который она поставила еду и напитки, а сама села, жестом предлагая присоединиться к ней.

Я взглянула за ее спину и увидела другую Сэлавелию, опустившуюся на песок и, кажется, задремавшую. Ее спутницы отбыли, так что мы остались наедине.

– Не обращай внимания, я – аватар самой себя. Одна из разновидностей нашей магии – создавать миражи, – добавила она, удовлетворяя мое любопытство. Сэла потянулась, разминая кости, и неожиданно замычала на очень низкой горловой ноте. Тогда же вокруг русалки появились новые копии. Они двигались по-разному, но были идентичны. И исчезли через пару секунд.

– Забавный фокус, – молвила я в ответ, опускаясь на край кресла. – Зачем я здесь?

– Тебе не стоит быть рядом с королем. Он опасен, – вновь мягко заговорила русалочка, и в ее глазах появилось сочувствие. – Тебе

запудрили мозги сказками о доброте черного короля, но все это ложь. Сам по себе Никлос привлекателен и даже, возможно, добр, но в нем сидит нориус – а это чистая тьма. Яд, медленно отравляющий короля. На днях достигший предела, – грустно добавила принцесса.

– Кто вы такие, чтобы решать за меня? – я демонстративно отставила яблоко и скрестила руки на груди, показывая, что не собираюсь ничего принимать от них, несмотря на усиливающийся голод. – Вы убили моего телохранителя. Похитили меня. Напали на жителей Каргатского королевства и объявили нам войну. По-моему, очевидно, кто тут настоящий злодей.

– Сэл, ты все видишь в неправильном свете, – упорствовала Сэлавелия. – Ты – олицетворение силы света. В тебе ариус, способный исцелять недуги и отгонять тьму.

– Хватит! – мой голос сорвался на визг, а я потеряла равновесие и вскочила с места. – Довольно этого бреда, слышишь? Ты искажаешь правду! Чхать я хотела на то, что ты во мне видишь, проклятая русалка! – истеричные ноты никого не красили, но я уже не могла остановиться. Я нависла над принцессой, вцепившись ногтями в податливые песчаные ручки кресла. – Ты похитила меня. Убила моего телохранителя. Напала на мое королевство. Угрожаешь моему королю. Все, что ты скажешь, – ложь и притворство. Так что больше не утруждайся, а оставь меня в покое, пока за мной не придут! – я попыталась говорить размеренно, но в конце опять сорвалась на крик.

И терпеливо выслушавшая меня Сэлавелия ответила:

– Мне жаль, что ты так все это видишь. Но мы знали, что ты не сразу поймешь. – Она встала с места и вынудила меня отступить. – Сейчас ты уязвима как никогда, и в первую очередь для Никлоса. Барабаны впервые подействовали на него, значит, путь проложен и назад король не свернет. Мы хотели, чтобы ты чувствовала себя как гостья, но, видимо, тебе придется побыть пока пленницей, прости за это. Мы постараемся, чтобы ты чувствовала комфорт и заботу, – с заботой говорила принцесса, собирая рассыпавшиеся по песку фрукты. – И ты веришь, что король спасет тебя? Разумеется, он попытается, но не преуспеет, – она виновато улыбнулась, разводя руки, и пригласила меня оглядеться. – Видишь? Вас здесь сотни...

Подойдя к оболочке, я всмотрелась в темноту. Не сразу, но глаза привыкли, и я увидела потрясающую картину. По всей подводной

долине, окружающей город, были разбросаны сотни пузырей, и в каждом можно было разглядеть нечеткую женскую фигуру.

– Фантомы, – прошептала Сэла, встав за моей спиной, отчего я вздрогнула, напуганная открывшейся картиной. – Он никогда не найдет тебя.

И словно в ответ на ее слова откуда-то со стороны города раздался приглушенный трубный рев. Обернувшись, я вижу побелевшую от страха принцессу. И рядом с нами снаружи встрепенулся русалочий оригинал.

– Что это такое?

– Причина, по которой ты нужна нам, – помертвевшими губами ответила девушка. – Прости, я думала, у нас будет больше времени и я смогу хоть что-то объяснить, но не получается. Позже я приду за тобой и уведу в более комфортное место, а пока... постарайся вести себя тише. Иначе **они** услышат.

На этих словах девушка растаяла, а русалка махнула хвостом и невероятно быстро исчезла во тьме, направляясь к городу.

– Кто они? – тихо спросила я, опускаясь на песок и подтягивая к груди колени. Вместе с русалкой уплыли и светящиеся рыбки, и я оказалась в кромешной холодной тьме.

* * *

Никлос и Артан

Дела множились с огромной скоростью. Только-только поступила информация, что Виклош не в состоянии пронзить пространство, так что он и его солдаты направляются в столицу, реквизируя у местных жителей лошадей, что вызвало сильное недовольство граждан. Одновременно с этим поступила шокирующая информация: в результате сильнейшего урагана, вызванного первой настоящей майской грозой, был разрушен Нимфеум. Томар Бай чудом выжил, сумев долететь до берега, несмотря на разразившуюся бурю. Кроме него спаслись две медсестры-драконицы, они сумели превратиться и поднялись в небо. А остальной персонал утонул. Верховная пропала без вести. И теперь шторм идет на город.

Следом, как насмешка, исчез Вран Грацбургский. Его жена Пиетта примчалась во дворец сообщить, что уже два дня не видела мужа. Сначала она решила, что он занят делами государства, но, когда за ним пришли, поняла, что дело нечисто.

Сейчас бедная женщина находилась с невестами в подвальной части дворца – из-за надвигающегося шторма слуги заколачивали окна и закрывали верхние этажи.

– Морвиусная буря столетия! – в сердцах молвил Арт, с ненавистью глядя на чернильную ночь за окном, подсвечиваемую сотнями ударов молний. Гроза била почти каждую минуту, усложняя сбор Военного совета.

– Скорее всего, подводники бьются, – пожав плечами, ответил Никлос. – Если хочешь, иди поспи. Совет начнется через час, возможно, это последняя передышка перед работой. Или навести Селесту, я ее так грубо выставил, а девушке нужна поддержка.

Артан скрипнул зубами, присаживаясь за стол. Ему пришлось умолкнуть – в кабинет со стуком вошли деканы Магической академии. Никлос скупно передал информацию по Врану, объяснил, где искать его жену, чтобы она могла помочь в поисках. И подписал документ о всесильной поддержке уважаемым магам. Когда посетители ушли, явился Брошин и сообщил, что из-за грозы прервалось сообщение с его старшим сыном, после чего добавил, что на прием пришел мэр столицы. А тот доложил, что в городе начались волнения. Несмотря на ураган, люди покидают дома и уходят подальше от моря. Городская стража не справляется: мародеры опустошают брошенные здания и нападают на магазины и рестораны. Начались грабежи, так что не мог бы король посодействовать в разрешении этой проблемы. Помог Арт: подписал указ, мобилизующий старшие курсы Военной академии в помощь страже.

За всеми этими неотложными делами незаметно прошел один час, потом второй, а за ним и третий. И только наши герои собрались отправиться на совет, как дворец потряс сильнейший грохот с западной стороны.

Выяснилось, что от мощнейшего порыва ветра рухнула одна из полетных площадок, разрушив пустую часть женского крыла и полностью уничтожив амфитеатр в королевском парке.

Совет вновь пришлось отложить.

Только к концу следующего дня Артан понял, что все не так. Казалось, будто проблемы никогда не закончатся, и каждая требовала пристального внимания и принятия срочных решений. А еще не отпускало странное ощущение в области сердца. Бесконечная тревога, которую он объяснял происходящим, но уже не мог от нее отмахиваться.

Закончился Военный совет, прошедший не просто в тягостной атмосфере, но и еще с излишне лихорадочной нервозностью и суетливостью. На нем тоже все было не так. Поэтому маршал с Ником постоянно переглядывались, пытаясь сообразить, что именно обоих так сильно напрягает.

– Ты тоже это заметил? – тихо спросил Ник, когда они покинули зал заседаний, отдав последние указания собравшимся министрам и генералам.

– Дело не только в Брошине. Они будто были готовы. Никаких вопросов, сомнений. Наоборот – четкая уверенность в своих действиях, – подтвердил Арт. – Я боюсь предположить, но, кажется, они давно готовились к войне.

Неподалеку появилась странная парочка. Девушка, шедшая вперед как упрямая лошадь, и парень, тащившийся следом на буксире. В конце концов он сдался, и она поспешила к королю, в последний раз отмахнувшись от жениха.

– Кэрра Калиста? – удивленно воскликнул Никлос. – Я могу вам чем-то помочь?

– Где моя сестра? – требовательно обратилась к нему девушка, скрестив руки на груди. – Я была заперта с остальными невестами до самого вечера. Нас заблокировало плитами, когда рухнула площадка, а когда мы освободились, я первым делом побежала к ней, но ее не оказалось ни в нынешних покоях, ни в предыдущих. Более того, ни один слуга не смог мне сказать, куда она пропала. Никто не видел Селесту со вчерашнего дня! Где она?

Ник переглянулся с Артаном. Да, ночью он отдал приказ спрятать девушку в оранжерею, но... один взгляд на Деяна подсказал: что-то не так.

– Кэрр Деян, вы подозрительно встревожены, – заметил он, в упор глядя на Адегельского. Тот, хоть и хорохорился, но было заметно – сильно нервничал. Невеста испуганно глянула на жениха и облизнула пересохшие губы. Они не держали друг от друга секретов, а предчувствия были одни на двоих.

– Ваше Величество, – медленно заговорил парень, тщательно подбирая слова. – Боюсь наговорить на... близких мне людей... но... я подозреваю, что... помимо всего случившегося... кое-что еще произошло прошлой ночью.

Артан переменялся в лице. Он не услышал новых вопросов Ника, не заметил окрика Калисты и не обратил внимания на тех, кто последовал за ним, а просто побежал в сторону оранжереи. Тревога расцвела в груди, и он осознал, что именно чувствовал все это время.

Это был страх Селесты.

Вбежав в оранжерею, он пропустил вперед Никлоса, точно знавшего, где находится комната с Черной пьеттой, и последовал за ним. Следом за маршалом на расстоянии бежали Деян и Калиста. Им всем приходилось несладко – прошедшая буря выбила в помещении все стекла, повалила деревья и кустарник, и все вокруг было в воде из разлившихся миниатюрных прудов и речек. Откуда-то слышались голоса, и, кажется, доносились причитания кэрра Рупера, потерявшего свое детище и пытающегося вместе с садовниками управиться с последствиями урагана, но им было не до того. Они пересекли по диагонали зал и добрались до нужного коридора.

Ник открыл стену, а Артан закричал:

– Селеста, ты здесь? Отзовись! – В комнате было на удивление спокойно – толстые каменные стены без окон не пустили шторм и растения совсем не пострадали.

– Здесь пусто, – сухо резюмировал король, обойдя помещение по периметру. Остальные замерли у входа, не рискуя зайти внутрь. – Она не дошла до оранжереи.

– Что это значит? – спросила Калиста, рискнув сунуть нос в дверь. Ее тотчас ухватил за талию Деян и оттащил подальше от опасных растений.

– Мою подопечную похитили, – холодно ответил Никлос. Прямо на глазах его лицо наполнилось тьмой, и во все стороны разлетелся нориус.

Одно из щупалец подхватило Деяна, оттолкнув насмерть перепуганную Калисту, и впечатало в стену напротив, прижимая до того момента, когда король вплотную подошел к испуганному дракону.

– Говори, – зло процедил Никлос. Белки глаз покрылись чернотой, и казалось, что сама тьма обрела обличье в лице короля.

– Я не знаю, – прохрипел в ответ Деян. Щупальце слишком сильно сжало гортань, и ему было больно. – Мой дед... он, кажется, знал, что русалки похитят Селесту. Я не...

– Ваше Величество, пожалуйста, отпустите его, – всхлипнула напуганная Калиста. – Мы скажем все, что знаем, прошу!

И словно в подтверждение ее слов из-за спин появился Тьен. Парень, словно пришибленный, шел к королю, и по мере приближения стало видно – он весь покрыт синяками и порезами. Из сломанного носа сочилась кровь. Он еле-еле успевал подносить руку к ноздре и громко хлюпал, отчего страдальчески морщился.

– Кто это сделал? – глухо спросил Артан, преградив парню путь и вынудив его остановиться. Лицо маршала превратилось в застывшую маску. Весь он был направлен вовнутрь, отчаянно искал Селесту в своем сердце и пытался понять, где она может находиться снаружи. Сейчас больше не чувствовался привычный теплый шарик, а значит, она была слишком далеко от дворца.

Парень оттолкнул маршала, упрямо продолжая идти к королю. Нориус опустил на пол Деяна, который в изнеможении прислонился к стене, теряя нить происходящего. К нему поспешила Калиста. Поравнявшись с королем, девушка чуть не упала в обморок, видя изменения в лице и повадках повелителя и ощущая могильный холод, идущий от извивающихся нитей нориуса. Из-за накатившей на нее слабости она упала рядом с женихом на грязный пол, не в силах оторвать глаз от изменившегося Никлоса. В нем как будто совсем ничего человеческого не осталось.

Отпустив одну жертву, король устремился к другой и схватил Тьена за грудки.

– Говори, – глухо сказал Ник, и парень ответил для такого состояния неожиданно четким голосом:

– Я готов под присягой заявить, что Вран Грацбургский причастен к похищению Селесты русалками. Он сделал это с целью не дать

развязать войну между нашими государствами. – Он перевел дыхание, и Никлос отпустил его.

Король и маршал недоуменно переглянулись.

– Что? – переспросил Ник.

Тьену пришлось опереться о стену и запрокинуть голову – из носа вновь потекла кровь, и он даже отхаркнул ею на пол, вызвав брезгливую гримасу на лице Калисты.

– Вран вступил в сговор с подводниками, он лично напал на телохранителя Селесты, убил его и помог русалкам похитить белокрылую. Я случайно заметил это и не успел объявить тревогу – на меня напали и избили. Вран пытался склонить меня на свою сторону – он говорил, что эта война губительна для всех. Мол, Селеста в руках русалок – гарант мира между нами. Когда он понял, что я не присоединюсь к нему, то отдал приказ устранить меня, но мне удалось сбежать. И я сразу направился к вам.

– Где сейчас Вран?

– Я не знаю... – и Тьен медленно по стене сполз вниз – его сознание угасло от перенапряжения.

Оглядев братьев, Ник приказал Калисте позаботиться о них, а сам пошел на выход, и Артан последовал за ним.

– Морвиус и все его прихвостни! – зло выпалил король, когда они остались одни. – Но ничего, Вран получит свой огонь, и русалки суповое море! Я спалю все дотла! – голос повелителя спустился до опасных модуляций, а в воздухе возник отчетливый привкус серы.

– Я не могу ее почувствовать – она слишком далеко, – обреченно простонал Артан, сжимая голову руками. – Придется прочесывать море квадрат за квадратом, а это как искать иголку в стог сена! Вечность уйдет!

– Нет, – процедил король, хватая друга за плечо и приближая к себе. – Они совсем идиоты, раз считают, что могут спрятать ее от меня. Нориус чует ариус за сотни, даже тысячи километров. Я выпущу его как ищейку по следу, и через пару часов найду ее и верну домой.

– Я с тобой, – объявил Артан. Король попытался возразить, но маршал отмел его сомнения: – Брошин хоть и гад первостатейный, но умелый военный. Он сумеет проконтролировать организационные моменты. И, как видишь, предателем оказался не он.

– Не могу поверить, что им оказался Вран. Это совсем не в его стиле, – недоверчиво протянул Ник, в сомнениях остановившись в центре оранжереи. – Да и Деян больше говорил про Брошина...

– Все это сейчас не имеет значения, – отрезал Артан, поднимая глаза на короля. – Селеста у подводников, они могут сделать с ней все что угодно. Мы ведь даже не знаем, зачем она им нужна! Зачем им ариус?

На это Ник промолчал, только сильнее закрутился нориус вокруг их тел.

Глава 24

Перейти Рубикон

Никлос и Артан

Еще когда Артан только соединился с Селестой, Ник как-то спросил, что это вообще такое – слияние. Ответ до безобразия прост: две половинки одного целого.

Слияние – это полное принятие партнера со всеми его недостатками и достоинствами. Это понимание поступков возлюбленного. Отсутствие негативной реакции на промахи. Поэтому и слово такое появилось – слияние. Даже если партнеры очень разные, даже если вообще не понимают друг друга, слияние выравнивает это различие, соединяя их. И каждый начинает видеть, почему другой таков, каков он есть.

Вместе с этим приходит чувствительность. Одна боль на двоих, как и радость, и тепло, забота, грусть, ненависть. Разумеется, это не эмпатия, не то, что ты чувствуешь головную боль любимой по утрам, например. Это касается более тонких чувств. Так что секс у них просто невероятен!

Тогда Ник ничего не понял. Слова звучали как кривой перевод с одного языка на другой, бессмысленно, но почему-то так притягательно. Зрительно он видел, как Арт и Селеста тянутся друг к другу. Что маршал поднимает голову в сторону дверей еще до того, как они откроются, зная, что идет Селеста. Их лица расцветали счастьем, и не было ни единого человека во всем дворце, кто не знал бы о происходящем. Эту тайну нереально утаить, но... и отпустить обоих тяжко до невозможности.

Сейчас Ник отдал бы все на свете за то, чтобы вернуть Селесту Артану. Друг посерел от одиночества, от невыносимой тоски. И как же трудно признаться, что и сам испытываешь нечто подобное. Что перед глазами стоит маленькая женская фигурка в белом, такая миниатюрная, почти крошечная... которая исчезает в бушующем океане, растворяясь, как вода...

Но в отличие от Артана, у Ника сохранилась связь с Селестой: нориус раскинулся на многие километры над волнами, словно плотный черный ковер. Он сжирал рыбу и млекопитающих, поднимающихся вверх за кислородом, и перемалывал тушки в жидкий фарш. Так Ник мстил подводникам за их преступления. Его буквально вымораживало ненавистью за то, что они посмели вероломно напасть сначала на его корабли, а после и на его подопечную. Такое простить нельзя.

Сейчас он чувствовал, что совсем близко подошел к месту, куда поместили Сэл. Единственное, что его смущало, – странное поведение нориуса. Он начал метаться из стороны в сторону, будто цель размножилась, и он не мог определить, кто именно ему нужен.

В обличье дракона говорить невозможно, это самый главный недостаток их второй ипостаси, поэтому Ник только головой мог показать летящему следом Артану, что они достигли цели.

Прочная, но в то же время легкая чешуя позволяла выдерживать глубинное давление, однако отсутствие кислорода являлось серьезным препятствием, так что пришлось обратиться к помощникам Томара, так как сам колдун находился в лазарете: людям нельзя летать, это слишком опасно для их внутренних органов. Первой на помощь пришла Амалия, которая, несмотря на робость перед королем, сумела сохранить свой уникальный стиль общения:

«Ваше благородие, данная масочка, ну чисто для дракона созданная, даст заряда часа на три-четыре. Сидит плотненько, ладненько, и легко тащить ее по воздуху. А главное – когтем вот здесь поддел, и она сама поймет, что время пришло! Удачи со спасением Селесты! Будем держать кулаки и натачивать рыболовные крючки! Пора надрать эти чешуйчатые задницы!»

Самому Нику такая штука не была нужна. Его черное массивное тело дракона покрылось маслянистой пленкой нориуса, насыщая кислородом с первой же секунды погружения под воду. Артана пришлось тянуть на буксире, пока он не разобрался и не перестроился.

Ошибочно считать, что драконы в воде беспомощны. Если на суше тела кажутся неповоротливыми, то в воде все с точностью наоборот. Немного практики и ускорения перед погружением, а дальше дело техники. И скорость развивается до ста километров в час,

сохраняя поразительную маневренность благодаря подвижной шее и умению плотно прижимать крылья к туловищу.

Путь на дно занял больше получаса, и вскоре перед глазами незваных гостей предстала странная картина, казалось бы, невозможного события. Разрушенный подводный город. Буквально стертый до основания, словно по нему прошлись гигантской кувалдой. Еще при подлете Ник заметил странные блестящие следы на воде, а здесь их стало больше, и они раскрылись частичками тел русалок, сверкающих при свете тысяч флюоресцентных рыбок, лихорадочно снующих по всему океанскому дну.

Переглянувшись, Арт и Ник осторожно поплыли над городом, по пути подмечая новые детали случившегося. Чем бы это ни было, оно напало внезапно. И словно со всех сторон. Оно зачищало небольшой город квартал за кварталом, ломая коралловые домики, как фарфоровые фигурки. Повсюду кровь и черная жижа, собирающаяся как масло в овальные фигуры, медленно поднимающиеся на поверхность.

Приглядевшись, Ник внезапно сообразил, что все это случилось совсем недавно. Иначе обломки успели бы подняться, и он заметил бы их с неба. Такое открытие заставило напрячься даже нориус, который немного сжался, собираясь плотнее вокруг короля. Здесь нужно держать ухо востро.

Проплыв над городом, они оказались в плотной дымке из мелких коралловых частиц, течением сносимых в сторону. Из-за этого они не сразу увидели необычное поле, почти по линейке заставленное круглыми шарами, которых было штук сто, не меньше.

«Селеста», – как током ударило Никлоса, когда он понял, что видит перед собой. В каждом пузыре сидела девушка, которая при их появлении встрепенулась и подбежала к краю своей подводной тюрьмы. Она начала молотить по стенке изо всех сил, с отчаянием оглядывая остальных.

Перед ними оказалась сотня белокрылых дракониц, и именно в этом и заключалась проблема нориуса. Почему-то он чувствовал ариус в каждой из них, и невозможно понять, где же была настоящая Селеста. Потыкавшись носом из стороны в сторону, пока Артан замер на месте, опустившись на песок, Ник был вынужден признать, что совершенно не знает, что делать.

Словно в насмешку, пузыри зашевелились, из-за чего девушки синхронно упали, доказывая свою иллюзорность, а после медленно стали подниматься в воздух. Страшная догадка пришла на ум королю, и он потянулся к ближайшему шару, когда тот резко стартовал с места, набирая приличную скорость. За ним последовали и остальные, хаотично выбирая путь движения. Заметавшись, Ник в раздражении выпустил струю подводного огня и замотал головой. Нориусом нельзя было ухватить всех, только несколько, и они лопались, когда он дотрагивался до стенок.

«На это уйдет вечность», – осознал масштаб проблемы Ник. Он еще не догадывался, что решение у него под носом. Как, впрочем, и русалки.

Арт сидел совершенно неподвижно, игнорируя мелких рыбешек, которые пытались привлечь его внимание. Он чувствовал притяжение, близкий зов, почти слышал биение сердца любимой. Перед закрытыми глазами лишь в одном из пузырей горело солнышко. И когда они поднялись вверх, чтобы разлететься кто куда, он четко увидел цель.

Она звала его, и он поспешил навстречу.

Это заметил Никлос. Догадавшись, что и русалки поймут маневр Артана, он сорвался с места и почти змейкой направился следом, теперь тоже понимая, в каком именно шаре сидит отчаявшаяся Селеста.

Стоило русалкам осознать, что их план провалился, как со всех сторон раздался пронзительный, будто лопающееся стекло, крик. В ответ все ложные пузыри взорвались, а наперерез драконам из ниоткуда выполз огромный темно-красный кальмар с туловищем метров в десять длиной и пятнадцатиметровыми щупальцами, которыми он попытался ухватить шустрого Артана. Аналогичная бестия материализовалась позади Ника и была моментально уничтожена вспышкой нориуса, услышавшего крик Селесты, предупредившей об опасности.

Девушка закричала вновь, и уже от ее вопля лопнул сдерживающий ее пузырь. Она раскрылась прекрасным белоснежным зверем, засиявшим под водой как истинный свет, от которого второй кальмар сжался, не успев даже дотронуться до Артана, и тотчас скрылся в темной толще воды.

Что удивительно, ей не потребовался кислород: ариуса хоть и было совсем чуть-чуть, но достаточно, чтобы вытянуть из воды воздух, поэтому она быстро перестроилась и потянулась к Артану. Их головы столкнулись в наклоне, и влюбленные закружились на месте, освещая подводный мир ярчайшим белоснежным светом слияния. Видимые в тени русалки расплывались в разные стороны, прячась как от света, так и от наступающего нориуса.

* * *

Селеста

До самого дворца я летела в плотной связке между Артаном и Никлосом. Потеряв меня однажды, они боялись потерять меня вновь, и это читалось в каждом их движении. Они подталкивали меня крыльями, помогая не терять равновесие: от случившегося у меня разыгралась мигрень, и мне было тяжело держаться в небе под ярким вечерним солнцем.

Мандраж от пережитого накрывал с головой. Страх заполнял мышцы тела, из-за чего полет выходил неровным и рваным. Одно воспоминание о тьме и криках, и мне самой хотелось скулить от невыносимого ужаса. Я не знаю, что именно произошло под водой. Я ничего не видела, но слышала абсолютно все. Звук разносится на многие километры, так что был отчетливо слышен вопль каждого жителя погибшего города. Все случилось так быстро, я даже опомниться не успела, только сжалась, пытаюсь зарыться в песок, как краб, скрывающийся от монстров.

Чем бы ни было это явление, оно ушло, и стало так тихо, будто никто не выжил и от города ничего не осталось. Так было до появления нориуса. Он что-то сотворил под водой, из-за чего со всех сторон раздалось возмущенное шипение, а мой пузырь вместе с ложными поднялся вверх. Я пыталась дозваться, привлечь внимание, но аватары в точности копировали мои движения, показывая бессмысленность моих попыток.

И я бы вновь погрузилась в отчаяние, если бы не соприкоснулась с Артаном. Глоток свежего воздуха, приток сил, мягкость и

уверенность, что мы со всем совладаем. И с подводными демонами, и с наземными предателями. Сейчас это чувство осталось тлеющим огоньком в груди, создавая маленький островок покоя внутри шторма.

Ко дворцу мы подлетали уже в грязно-серых сумерках: надвигалась очередная гроза, и от полуденного солнца не осталось и следа. Холодало, скоро должен пойти дождь. Путь держали прямо, пока в нескольких километрах от берега не свернули вправо, уходя в сторону от дворца. Тьма нориуса превратила нас в крупную тучу, скрывая от наблюдателей. Недоумение я решила приберечь до спуска. Сейчас я и так была измотана как голодом и бессонницей, так и первым длительным полетом.

Никлос завел нас в небольшую бухту с нависающими скалами, которая со стороны моря казалась совершенно неприступной, так что мы садились на воду и дальше добирались вплавь, превратившись в людей только у каменистого берега.

Выбравшись на твердую почву, я заметила боковое углубление, в котором прятались гигантские спящие головы. Скрытый в скалах грот был совершенно незаметным, пока не подходишь вплотную к берегу, неприступному из-за крупных камней, будто нарочно разбросанных по всей бухте. Ни один моряк не рискнет подвести лодку к этому месту: слишком бурное течение, слишком велики шансы сесть на мель или разбиться о скалы.

Так короли обезопасили тайный проход во дворец.

Я набросилась на Артана сразу, как немного пришла в себе. Или это он притянул меня, а может, все случилось одновременно. Наш первый разрыв оказался невероятно болезненным, и мы пытались заново ощутить друг друга. Сияние окутало тела, подсвечивая темное пространство грота и высвечивая новые детали драгоценных фресок на стенах. Сверху раздался недовольный писк, и, приглядевшись, мы увидели тысячи летучих мышей, собравшихся в огромную стаю, напоминавшую живой ковер.

– Я верила, что вы найдете меня, – заговорила я, когда мы крадучись прошли по светлой стороне пути и свернули в узкий коридор. Здесь Ник зажег один из магических фонарей, висящих вдоль стен, и запустил цепочку света, сразу гаснущую позади нас.

Рука сжимает теплую ладонь Артана, я чувствую, как он нежно ласкает мои пальцы. Его нежная забота заставила меня прикусить губу,

чтобы не расплакаться. Я дома, но чувство опасности осталось внутри: утрачено доверие к этим стенам.

– Только благодаря командной работе все получилось. Без Ника я бы искал тебя до скончания веков, а он без меня не смог бы узнать тебя среди сотен фальшивок, – сказал Артан, проводя рукой по моему лицу. И в нем тревога звучала набатом. Как и в молчавшем и о чем-то напряженно размышлявшем Нике.

– Почему мы прилетели сюда, а не во дворец? – спросила я.

– Потому что я больше не доверяю собственным подданным. Я не собираюсь показывать тебя, зная, что среди нас есть пособник русалок. Пора вскрыть этот нарыв и узнать, кто же такой умный оказался, что столько лет гадил исподтишка.

– Как говорится, делайте ваши ставки, – пробурчала я в ответ, опуская глаза.

– Ты о чем?

– Владиса убили не русалки. Это сделал дракон. Я не видела лица, но узнала его, и смогу назвать имя, когда встречу вновь, – объяснила я прерывистым голосом, когда закончили подниматься по ступенькам и остановились у выхода. За дверью оказалась небольшая пыльная комната, заставленная старой мебелью. И я, вся мокрая и грязная, рухнула на диван, подняв столп пыли, отчего звонко чихнула.

Тем временем Артан как следует осмотрел помещение, заглядывая в шкафы и шкафчики. В одном из них обнаружили женские выходные платья в защитных магических чехлах. Ник объяснил:

– Кажется, это наряды одной из королев. Старые забытые вещи. Здесь полно таких комнат.

– Кстати, на подлете к дворцу я заметила нечто странное со стороны женского крыла. Куда делась взлетная площадка? – спросила я заинтересованно, пока Артан продолжал исследовать помещение.

Мне рассказали все, что произошло за время моего отсутствия. Жуткий ураган, военное положение, мои поиски... Тем временем Артан обнаружил ванную комнату, и я моментально вскочила, вытащила из шкафа самое простое платье и скрылась за дверцей ванной, заслужив негромкие смешки. Но мне было все равно, потому что здесь была горячая вода и даже нашлись косметические принадлежности.

Уединившись, я смыла с себя рыбное амбре, грязь и песок. А закончив, высушила руками волосы, расчесала их и, найдя небольшой женский набор под раковиной, даже слегка прошла по коже пудрой, маскируя синяки под глазами и общий усталый вид.

Взгляд в зеркало, однако, не внушал оптимизма. Мне больно осознавать, что вот эта бледная немочь и есть я. Такая жалкая канарейка. Одно успокаивало и в то же время будоражило: мой крик. Тот момент, когда я увидела, что на Ника сзади надвигается огромный монстр, понимание, что он может не успеть... словно не я закричала, а вся моя суть восстала против происходящего и встрепенулся ариус. Дважды. И эта сила, порвав русалочки силки, вырвалась огромным белым шаром и разрушила магию подводников. Вот и сейчас, стоит вспомнить о случившемся, как между пальцев появляется белый дымок. Он вернулся ко мне, но пока я придержу это в тайне ото всех.

Даже от Артана.

Натянув плотный халатик, я вернулась в комнату и заметила ее полное преобразование. Пока меня не было, мужчины расчистили пространство, чтобы мы могли занять несколько диванчиков. Нашли запасы консервированного мяса и пару бутылок вина, а также несколько головок сыра и яблоки. Все это годами поддерживалось магическими аккумуляторами, так что нас ожидало настоящее пиршество.

После меня в ванну отправился Никлос, а затем и Арт. Они тоже изрядно пострадали от водных приключений, так что горячий душ был нужен нам всем. Ужинали в молчании, каждый погруженный в свои мысли. Я разместилась в обнимку с Артом, вытянув ноги, а Ник, развалившись напротив, полностью занял диван.

– Я все никак не могу кое-что уложить, – неожиданно заговорил Никлос, возвращаясь в вертикальное положение. – Отравление Мирты.

– Отравитель ошибся комнатой, – пожав плечами, ответил Артан.

– Ты сам в это не веришь. За все время больше никто не пытался убить Селесту. Заполучить – да, но не убить. А вот отравление Мирты было вызовом нам обоим. Моей власти, твоему положению в армии. Удар по репутации плюс попытка вывести из строя мою потенциальную невесту.

Я приподнялась и с напряжением посмотрела на короля. Что-то новое звучало в нем. Что-то тайное, чего я не видела прежде.

– Я знаю, что будет дальше. Знаю, чего они хотят достичь, и знаю, как они попытаются это проверить. Но они ошиблись, причем много раз, так что придется доиграть по их правилам эту игру, выведя всех заговорщиков на чистую воду, – резко продолжил Ник. – Я могу справиться и без вас двоих, но нельзя доводить ситуацию до крайности. Так что попробуем по-простому. Во-первых, нужно добыть доказательства предательства. Арт, ты ведь уже догадался, кто может с этим помочь?

Я обернулась, замечая, как похолодел Артан. Его изыскания дали плоды, но яблоки эти – с отравленного дерева.

– Все вертится вокруг оранжереи. Проклятой оранжереи, которой заведует синий дракон, – медленно выговорил маршал, сильнее прижимая меня к себе, словно ища у меня поддержки.

– Значит, предатели – Грацбургские? Или Свенские? – удивилась я, вспоминая добродушного Врана, его жену и остальных представителей Синего дома. – Но как же так?..

Ник не успел ответить, потому что в дверь постучали странным, ритмичным стуком, после чего вошел бледный Богарт, с ног до головы одетый в черное. Оглядев нашу компанию и заметив меня, он непроизвольно выпалил:

– О, святая Клэрия, какое чудо! Ваше Величество, вы вернули ее! – Облегчение отразилось на лице секретаря, он даже попытался улыбнуться, хотя внутреннее напряжение искривило его улыбку до странной гримасы.

– Ты бы не стал проверять эти комнаты, не случись нечто важное, – пронизательно заметил король, допивая подогретое вино и вставая с места. – Началось то, о чем мы говорили?

– Да, Ваше Величество, – кивнул напряженный парень, вытягиваясь в струнку. – Вас вызывают на срочный Совет. Весть о пропаже белокрылой разнеслась по столице. И все пошло в точности как вы говорили.

– Инициатор, – Ник вперился взглядом в секретаря, ожидая имя, как приговор.

– Это кэрр Вран Грацбургский, – ответил Богарт, и Ник устало кивнул, однако парень замялся, вызвав безмолвный вопрос у нас всех. – И... остальные.

– То есть?

– Там будет весь цвет аристократии. Все старые дома: Синие с побочным Голубым, Коричневые, Серебристые и Фиолетовые. На собрание не допустили никого из представителей других видов. Нас, серых, отстранили от всех занимаемых постов. Красные в полном составе покинули столицу. Бирюзовые отошли в сторонку, а Желтых не пустили во дворец. Семья Гадельер скрылась, и, по слухам, их нигде не могут найти.

По озлобленному и застывшему лицу Ника я догадалась, что это не совсем то, чего он ожидал.

– Что это значит? – спросила я тихо у Артана, чувствуя, как он застыл, переваривая информацию Богарта.

– Низложение. Они собираются настаивать на том, что действия короля несут вред королевству, – едва слышно объяснил Арт, целуя меня в лоб и руками будто кокон свивая вокруг меня, который призван защищать от внешних невзгод.

Я зажмурилась, прикусив губу и пытаюсь унять приступ паники. С того момента, как меня похитили, меня не покидало ощущение, что я постоянно теряюсь и падаю вниз. Вновь и вновь. Ухватив за локоть Артана, я сжала его, пытаюсь найти опору, и приступ прошел. Пока Арт рядом – я не упаду в пропасть.

– Дураки, – процедил сквозь зубы Ник и неожиданно снес один из диванов, вызвав оглушительный грохот и мой не менее громкий крик. Диван развалился на части. – Они сами развязали мне руки.

Успокоившись, Ник подошел к нам, избегая недовольного взгляда Артана. По глазам видно – ему опять нужна моя помощь. Я тяжело вздохнула, выбралась из объятий Арта и встала напротив короля. Слова, которые он собирался сказать мне, все же лучше слушать стоя.

– Сэл, по возможности я хотел держать тебя подальше от открытого столкновения, ведь без ариуса ты слишком уязвима. Но в данной ситуации придется вновь привлечь тебя, как это уже было на Совете. Ты справишься?

Я нерешительно кивнула. Меня колотила дрожь, внутренности сворачивались узлом, и немного подташнивало. Но я согласилась. Я не могла ему отказать.

– Тогда слушайте, как мы поступим.

И именно во время его речи я внезапно осознала простую до невозможности истину. Я думала, что королю плохо даются азартные

игры. Это подтверждали все, с кем он садился за игорный стол. Но сейчас, видя, какую комбинацию он выстраивает, я понимаю, что либо все это время он притворялся, прикидываясь, что не умеет выстраивать стратегию, либо передо мной уже не Никлос, а кто-то совсем иной, раскрывшийся под гнетом предательства и лжи.

* * *

Артан

Сердцем Арт чувствовал, что нельзя оставлять Ника и Селесту. Однако ум оказался сильнее, как и понимание – король знает, что делает. Поэтому маршал ушел выполнять королевские поручения, как и Богарт, отправившийся за стилистом Марклом и достойными костюмами для Совета.

«Я вернусь еще до того, как вы закончите готовиться», – сказал Артан, прижимая к груди Селесту, вдыхая аромат ее волос, слушая, как быстро бьется ее пульс. В его объятиях она казалась такой маленькой, беззащитной и трогательной. И после всего, ею пережитого... ну как можно снова бросать девушку в гущу событий? Она как ребенок на арене борьбы за власть!

Арт доверился королю. Ушли сомнения, осталась преданность короне и другу. Он верил, что Никлос защитит Селесту, если что-то пойдет не так. И поэтому Арт оставил возлюбленную, хотя сам пообещал себе никогда ее не оставлять.

Сейчас, спускаясь по темному коридору к разрушенной оранжерее, он шарахался от каждой тени, понимая, что действовать надо тайно. Не дойдя до самого сада, Арт свернул в боковой коридорчик, заканчивающийся рядом подсобных помещений и одной большой комнатой. Постучав в дверь и услышав негромкий ответ, Арт вошел и увидел Рупера Свенского. Того самого синего дракона, с которым когда-то мог говорить обо всем на свете. Который знал все и вся, а сейчас был почти развалиной, разбитый временем и утратой должности.

Мог ли Арт поверить, что его учитель – один из заговорщиков? Что тот не простил отставки из-за совсем зеленого юнца? Нет.

Никогда. Поэтому он спокойно опустился в кресло напротив Рупера, который склонился над горшком со странным растением, через увеличивающие стекла внимательно рассматривая стебель и недовольно цокая языком.

– Проклятый шторм! Половину коллекции уничтожил, мои любимые энелии скоро сдохнут, не прожив и недели! – возмутился старик, даже не глядя на бывшего ученика. – А ты с чем пожаловал? Денег нет, мне уже передали. Восстановление – своими силами. Я уж подумываю привлечь личные средства, хотя в последнее время их стало совсем мало.

– То есть? – удивился молодой маршал, чувствуя, как сжимается сердце. Оказавшись рядом с учителем, не хотелось мучить того расспросами. – У вас же огромное состояние, и совсем не благодаря маршальским заслугам.

Рупер негромко рассмеялся, искоса глянув на Арта.

– А то ты не знаешь? – Но, поняв, что ученик и правда не знает, он сощурился, отрываясь от цветка. – Три поколения Каргатов планомерно уничтожали основу Синего дома – крепостничество и драконье право вето. Раньше люди, гномы и оборотни, даже серокрылые, не имели патентного права, не могли распоряжаться своими достижениями, а в авторских спорах всегда проигрывали цветным драконам. Отсутствие свободного передвижения у людей давало землевладельцам огромные возможности для безжалостной эксплуатации. А то, что называлось днем Перемещения, было замаскированным невольничьим рынком. Плюсом шли преференции от государства, которые достигались за счет предыдущих жен королей, – и Рупер рассмеялся, будто вспомнил замечательную шутку. – Женевра стала неприятным сюрпризом для своей семьи. А я ведь знал, что эта девчонка-сорванец не из тех, кто будет прогибаться под родителей, так что Грацбурийские не получили выгоды. Как и Грацбурские в случае с Кирнан. Бедная девочка, – глаза старика потемнели, но он опомнился, возвращаясь к предмету разговора. – Так что все старые дома сейчас пускают пыль в глаза королю и остальным. Подделывают канцелярские отчеты. Благодаря своим постам в казначействе и Секретариате уклоняются, как могут, от уплаты налогов. Но ветшают. Не получается приспособиться, ведь те, кто столетиями был угнетен старой аристократией, скорее с голоду помрут,

чем добровольно будут с ними работать, – и Рупер вновь улыбнулся, нежно поглаживая стебель растения. – А я вот не могу. Родственники. Поэтому годами я давал им деньги на всякие прожекты, а теперь вот расхлебываю последствия собственного расточительства, – и он вздохнул, убирая руку от растения. – Арт, а чего ты на ночь глядя пришел? Ты давненько просто так не заскакивал.

– Что ты знаешь о Черной пьетте? – осторожно спросил Арт, шокированный полученной информацией.

Кусочки головоломки сошлись, и теперь он знал, что именно происходит в королевстве. Жаль, что так поздно. И во время войны с подводниками. Внутренние дразги слишком опасны с таким непредсказуемым врагом.

– Это растение короля, которым отравили Мирту, – Рупер устало вздохнул, откидываясь на спинку кресла. А когда тишина стала совсем звенящей и он понял, что Арт не уйдет, не услышав всего, опустил глаза, прикрыв их тяжелой рукой. Бывший маршал сгорбился, будто на его плечи опустились неподъемные блоки из каменоломни.

– Я не мог пойти против семьи, – устало заговорил старик, с печалью глядя на бывшего ученика. – Но задай ты вовремя правильный вопрос – ответил бы.

– Ты знаешь, кто отравитель?

– Нет, – покачал головой бывший маршал. – Но знаю, что плантация короля – не единственная. Лет десять назад, когда я только-только взялся за эту работу, предыдущий главный садовник из Коричневого дома говорил, что по поручению короля Вернона необходимо увеличить количество этого цветка. Поэтому была оборудована еще одна комната, в которой сначала предыдущий садовник, затем я экспериментировали с цветком, создавая устойчивое растение, способное к быстрому размножению. У меня получилось, – сняв с лица увеличительные стекла, Рупер поднялся, опустил их на стол и жестом предложил Арту следовать за ним.

Они вышли в коридор, прошли его насквозь и замерли перед стеной сбоку от главного входа в оранжерею.

– Это очередной потайной туннель дворца, – объяснил Рупер, открывая вход и приглашая Арта пройти внутрь. Перед ними уходила в темноту лестница, и маршал зажег свет от одной из ламп. Они медленно спустились вниз и остановились перед порогом, за которым

открылось длинное вытянутое помещение в два раза больше, чем то, в котором Арт был днем.

Разоренная плантация с вырванными под корень растениями. Рупер безучастно оглядел сломанные цветки и вьющиеся в воздухе черные смерчи. Мужчин от них отделяла тонкая, плотная и прозрачная ткань, не выпускающая пыльцу Черной пьютты наружу.

– Я не сразу понял, что меня обвели вокруг пальца. А потом... я увяз в этом по самую глотку. Ведь именно я придумал, как заставить расти это растение без нориуса. Как научить его размножаться, сохранив свои опасные свойства. Это все был я. А семья стала шантажировать меня моими собственными успехами, видя, что хочу все прекратить, – старик в изнеможении прислонился к стене, пока Арт с паническим трепетом взирал на полутемное помещение, осознавая, что можно сотворить с таким количеством яда.

– Надо предупредить короля! – хрипло воскликнул он.

– Прости меня, Арт, – прошептал Рупер. – Я не смог их остановить.

И что-то сзади набросилось на маршала и толкнуло его вперед, разрывая пленку.

Глава 25

Обманщик среди лжецов

Никлос

Отец учил Никлоса уважению. Он говорил, что обладатель огромной власти должен смирать гордыню и учиться быть с подданными на равных. Уметь слышать их потребности, не запугивать, а принимать их идеи и решения. Эта политика выстраивалась не через голословные заявления, а путем обучения истории их семьи. Никлос узнал о том, сколько ошибок совершали предыдущие короли, захватывая силой новые территории. В древности не было мирного присоединения земель, нет, нориус захватывал город за городом, страну за страной, останавливаясь только перед территорией эльфов и океанами подводников.

Благодаря такой тактике рядом с королями оставались только самые хитрые и изворотливые. Те, кто умел приспособливаться, кто заботился только о себе. И получилось, что старая аристократия подмяла под себя все лакомые кусочки, делясь только с Каргатами, как с более сильными зверями, а остальных – прижимали и убивали. Выживет сильнейший! Таков девиз предыдущей политики Каргатских королей.

Она не выдержала проверки временем. Свободные богатые земли закончились либо были отсечены территориями эльфов или водными преградами. И чтобы завоевать их, нужно вложить столько денег и усилий, что Каргаты решили, что в этом больше нет нужды. Последняя крупная война, которая принесла королевству достаточные финансовые вливания, – война с песчаными демонами.

И в ней было нечто такое, чего не знали многие подданные короны. Что, к примеру, демоны не желали воевать. Они вывесили белый флаг сразу, как только увидели силу нориуса. Но... война была нужна Словену и велась по заветам Вернона. На страницах дневников присутствовали подсчеты, сколько нужно денег для задуманной реформы, которая способна освободить страну от завоевательной тактики преумножения благосостояния. Единственный способ

получить деньги – забрать у других. Принцип меньшего зла. Да и демонов никто не любил...

Вот их и уничтожили.

Ник знал, что именно от этого пыталась уйти его семья. Знал, что нельзя все время воевать. И делал все, чтобы стать лучше своих предков. Он почти преуспел, но проблема была куда острее, чем он думал. И были бы живы отец с матерью, они бы заметили надвигающуюся катастрофу и сумели бы придумать способ, как предотвратить ее. Но они умерли, вогнав в штопор сына, который на несколько лет потерял контроль как над своим королевством, так и над нориусом. Несколько лет, в течение которых единственным управителем был Артан, который не подозревал об истинном лице старой аристократии. Откуда ему было знать, ведь он обычный провинциал и выскочка?..

Этих лет оказалось достаточно, чтобы аристократы смогли укрепить свой идеальный план, как вернуть старые порядки. И начали действовать, когда все было готово.

Сейчас Ник, входя в зал заседаний, видел их надменные лица и остро понимал, что они собираются сделать. Идиоты. Неужели они думают, что он и дальше будет оставаться в придуманном правовом поле? Что он не уничтожит их, как только кто-нибудь заикнется о смене власти?

Однако стоило доиграть этот фарс до конца. Поэтому Никлос спокойно прошелся по сцене и сел в выставленное специально для него кресло, напротив самых ярких представителей старой аристократии.

А ведь здесь были все. Абсолютно все главы семей старой знати, даже несколько женщин-вдов присутствовало. Они сидели, хотя должны были стоять, пока не сядет король. И в их глазах горело презрение. Волки, почуявшие слабость вожака.

Впереди всех находился Брошин, а рядом с ним Вран. Чуть поодаль Викр и Сторен, и даже Астерия нарисовалась, с гадкой ухмылкой на губах. И множество других драконов, еще утром низко кланяющихся королю, а на прошлом военном Совете горячо поддерживающих все решения Никлоса. Сейчас они бросали вызов самой тьме и не понимали этого.

В зале царила звонкая, как лезвия отравленных ножей, тишина. Они ждали его первых слов.

– Так по какому поводу вы посмели оторвать меня от дел? – невозмутимо, но в то же время зло спросил он.

Король был один. Совсем один против слаженной группы своих подданных. Он отпустил Богарта, чтобы не вмешивать его в дела короны, велел Селесте ждать, не пустил в зал тех немногих, кто готов был встать на его защиту. Он пришел, чтобы напомнить присутствующим, против кого они выступают.

Нориус проходил одежды насквозь, выбирался из-под черной рубашки, просачивался сквозь плотную ткань пиджака, клубился в штанинах брюк, словно пряча под собой костер. Тьма кольцами расходилась вокруг Никлоса, но сдержанно, выжидательно, желая подавить волю восставших против короля.

– Ваше Величество, вам известно, что прошлой ночью была похищена ваша подопечная кэрра Селеста Каргат? – с холодным вызовом заговорил Брошин Адегельский, встав с места и пройдя вперед. Рядом с ним не было внуков, но присутствовал младший сын Акрош, который сидел на месте Виклоша и явно чувствовал себя не в своей тарелке.

По рядам пробежал негромкий недовольный ропот, и Ник понял странную вещь – они не выказывали привычного страха перед нориусом. Даже когда тьма приблизилась к первым рядам, они не дрожали как осиновые деревца, только внимательно следили за черными дымчатыми щупальцами.

– Разумеется, я в курсе, – кивнул Никлос. – Мне передал эту информацию ваш внук, кэрр Тьен Адегельский не далее как сегодня утром. Он говорил, что это сделали подводники и что им помог Вран Грацбургский.

– Вздор! – взъелся, но как-то наигранно, Вран. Его жена сохраняла абсолютную невозмутимость, только легкая невинная усмешка промелькнула на ее устах.

– Мы можем узнать у Тьена, когда он вернется. Сейчас он занимается важными государственными делами, – закивал Брошин, с чувством превосходства глядя на короля. – Однако суть в том, что мы обеспокоены случившимся. Мы потеряли белокрылую драконицу! Целительницу, деву, которая даже внешне похожа на святую Клэрию.

Символ благополучия. И нашей силы, – резонно закончил он. – А ведь говорили, что нужно защитить девушку от подводников. Сначала они пытались убить ее, но ошиблись. Потом пытались соблазнить дарами моря. А потом похитить. Я лично предлагал вам наказать русалок за их дерзости, но вы ничего не делали! – зал разразился громким недовольным гудением, даже топотом, и Ник цепким взглядом прошелся по лицам подданных. Они не отводили глаз. Это был настоящий вызов. И уверенность Никлоса дрогнула.

– И теперь ее нет! Да, мы знаем, Селеста потеряла много сил после исцеления кэрры Мирты, но она восстановится. А подводники сумеют заставить ее выступить против нас. С ее поддержкой к ним на помощь придут и другие государства! – скорбно вещал Брошин, обращаясь к аудитории, а после лично к королю: – А вы их не остановили! Не предотвратили случившееся! Война уже началась, но вы ничего не делаете. Не используете свои силы, чтобы подавить зарвавшихся рыб. Ваше Величество, да вы как будто не воспринимаете всерьез угрозу, нависшую над нашим королевством! – воскликнул глава Серебряного дома, и его сторонники одобрительно закивали, чуть ли не хлопая в поддержку своего предводителя.

Следом вышел Вран, и его лицо, полное трагедии и сочувствия, искажилось в притворном участии:

– Мы понимаем, вы так рано потеряли семью, а ведь ваши отец и дед завещали выстроить дорогу мира к подводным обитателям. И сейчас вы пытаетесь найти баланс и выполнить волю предков. К несчастью, но этот путь обречен, ведь они не желают добра. Они с самого начала обвиняли нас в покушениях на своих существ и нарушении природного баланса. Потом дерзкие выпады в сторону прелестной Селесты, а потом нападение на наши корабли. Они призвали жуткий шторм и уничтожили Нимфеум – единственный символ дружбы между нашими королевствами! – как заправский оратор, Вран склонил голову набок, ловко манипулируя вниманием публики. Он прошелся из стороны в сторону, словно раздумывая над собственными словами, хотя Никлосу ясно – эта речь была отрепетирована. И не единожды.

– Боюсь, ваша добросердечность завела королевство в тупик. Если мы не будем сильными перед нашими соседями, никто не будет уважать Каргатских королей. И если вы не хотите проявлять истинную

силу нориуса, я вижу только один выход, – будто с тяжестью в голосе резюмировал Вран, трагично глядя на короля. Позади Брошин негромко добавил: «Да-да, это единственный выход», будто и ему в голову пришла похожая мысль.

– Я вас внимательно слушаю, – Ник сохранял спокойствие и невозмутимость. Легкая улыбка скользила по его губам, расцветая при особо ярких эпитетах двух главных заговорщиков. Подумать только – они объединились! А ведь оба – сильные лидеры, не терпящие компромиссов. Интересно, что их свело вместе?

Пропуская между пальцев нориус, Никлос отвел небольшую нить за спину, чтобы она незаметно для окружающих покинула зал и спустилась в потайную комнату, где ожидала своего выхода Селеста.

– Наше королевство базируется на силе нориуса. Разумеется, мы ни в коей мере не собираемся бросать вызов вашему могуществу. Но считаем, что необходимо создать баланс между силой и ответственностью, – расплывчато заговорил Вран. Его голос предательски дрогнул, обнажая нарастающее волнение канцлера. На лбу выступили первые капельки пота, и он протер его платком.

– В чем это выражается?

Дальше продолжил Брошин:

– Мы считаем, что назрело создание правительственного Совета из старейших представителей аристократии. Парламентская монархия, – в голосе старика прозвучал опасный металл, в отличие от Врана, он не сомневался. Как и большинство аристократов, которые чуть ли не подпрыгнули от радости при мысли о такой форме власти.

– Лихо вы тут решили изменить политический строй королевства! – Ник даже крякнул от удивления, хотя он предполагал, что они совсем зарвутся и предложат ему полностью отказаться от трона.

– Вы поймите, мы думаем только о благе королевства! Такая форма власти открывает большие перспективы перед нами. Более того, она перекликается с предлагаемой реформой короля Вернона, – мягко проговорил Вран, который изначально опасался, что Ник не станет слушать, а просто махнет рукой, и нориус их всех уничтожит.

– Это все? – Ник оглядел присутствующих. В ответ ему высказали еще ряд условий: отмена ряда необдуманных законов, снижение налогов со старой аристократии, выдача премиальных для

присутствующих, как передовиков в войне с подводниками. Был еще ряд желаний попроще, но король уже не вслушивался. Он передал Селесте наказ идти за нориусом.

Представление продолжается.

* * *

Селеста

Если бы не Маркл, я в жизни не смогла бы собраться так быстро и выглядеть настолько хорошо. Уже привыкнув к черному и золотому, я с удовольствием касалась ажурной плотной вышивки на облегающей верхней части платья, которая формой напоминала военный сюртук с плечиками и фальшивыми двубортными пуговицами.

Черные свободные штанишки под низом дополняли вызывающе деловой стиль. Весь костюм украшен золотыми элементами, цепочками, брошками и кольцами. Все вместе совсем не характерно для женщины. Странное нарушение этикета – вызов обществу.

Такой наряд не сшить за несколько часов, его разрабатывали неделями, а значит, Ник изначально планировал довести меня до такого уровня власти и ответственности. Чтобы никто не видел просто девушку и подопечную короны. Нет, я выгляжу как представитель силы. Причем в костюме нет ни единого элемента света, только знаки отличия Каргатов. Тем самым Никлос показывал, что в первую очередь я принадлежу к его семье. И ариус – не свободная сила, а продолжение нориуса. Умно.

– Великолепно! – благоговейно шепчет Маркл, заканчивая с макияжем и отходя в сторону, чтобы полюбоваться на дело рук своих. Я благодарю его, а он заискивающе спрашивает: «Позвольте?», и, дождавшись моего согласия, берет меня за руку и прикладывает пальцы к своему лбу, что-то бормоча под нос.

– Вы же понимаете, что я не святая Клэрия? – осторожно уточняю я, когда он с какой-то просветленной миной отходит в сторону. В ответ Маркл лишь улыбается и удаляется с поклоном.

Я не успела понервничать, хотя чувствовала себя странно с тех пор, как ушел Артан. Маршал обещал быстро обернуться, но, видимо,

дел оказалось больше, чем он думал. В комнату через щель под дверью медленно вполз нориус. Он закружился вокруг ног, сжался на моем запястье, словно браслет, и потянул за собой.

Подходя к залу заседаний, я слышу громкие возмущенные голоса. На входе охрана изумленно смотрит на меня: вот уж действительно сюрприз так сюрприз. Мило улыбаюсь, и их губы сами расплываются в ответных улыбках. Один из них разворачивается и с заговорщической ухмылкой громко стучит, привлекая внимание внутри, а потом раскрывает двери и четким, поставленным голосом объявляет:

– Кэрра Селеста Каргат!

И в зале стало тихо.

Я призвала на помощь все свое мужество, сделала глубокий вдох и медленно, но уверенно вошла в зал. Застываю ненадолго на пороге, пройдясь взглядом по лицам присутствующих, поднимаюсь к королю на трибуну и встаю рядом. Мне странно видеть так много знакомых и незнакомых лиц, ведь, по словам Ника, все присутствующие являются предателями. А здесь почти весь цвет старой аристократии! Главное, что и Брошин, и Вран, застывшие как соляные столбы, держатся вместе. То есть мы все были неправы, размышляя, кто заговорщики. Получается, что они заодно.

– Итак, с чего же вы начали? – медоточиво заговорил Никлос, обнимая меня за плечи и целуя в лоб. – Похищение Селесты. Недоверие к власти, к моей неспособности защитить подопечную. Законы, нарушающие баланс в королевстве... что-то еще?

Первым опомнился Брошин. Он вышел вперед, уставившись на меня с какой-то нехорошей ухмылочкой, которую быстро стер с лица, заговорив самоуверенно:

– Боюсь, Ваше Величество, что это ничего не меняет. Преступление было совершено. Как и ряд других, таких, как отравление кэрры Мирты Гадельер, допущение подстрекательных действий со стороны русалок, в результате которых пострадал имидж наших главных водных защитников – шелки. Глобальные махинации в Секретариате. Игнорирование запросов мэра столицы по поводу возникших ячеек секты приверженцев старых богов.

– Вы очень удачно перекладываете на меня собственные ошибки, что заставляет задуматься, кто в действительности несет за них

ответственность.

– Но ведь есть еще одно преступление, – мягко перебил короля Вран, цепляя на лицо фальшивую печаль. Обернувшись, он кивнул жене, и Пиетта пошла к дальним дверям. – Непростительное. Жестокое оскорбление.

Задняя дверь открылась, и в зал вошла Кирнан. Такой трогательный невинный тюльпанчик во всем белом. Ни грамма косметики или украшений, все как в день первого бала. Только мне видно недоступное мужчинам – над ней тщательно поработали. Каждую важную деталь подчеркнули, выделили синяки на коже, царапины, следы укусов. Ее подготовили к представлению невинной жертвы, и она с блеском исполняет новую роль.

Трагический излом бровей, одинокая слезинка у правого глаза, легкий румянец на щеках, приоткрытый ротик и такая печаль во взоре, что невольно начинаешь верить.

Посмотрев на короля, вижу – и правда верит. Я беру его за руку и сжимаю с силой, вынуждая отвести глаза от обманчивой невинности. И медленно качаю головой, говоря мысленно: «Это ложь». И он, соглашаясь, кивает в ответ.

– Кирнан пришла ко мне вчера днем вся... израненная. Она долго не решалась рассказать, что с ней случилось, боясь того, что с ней сделают, если она признается, – заговорила Пиетта, обхватывая «олenenка» за плечи. – Она боялась, что никто не поверит ее словам, кто это сделал с ней. Но мне удалось убедить ее признаться. Ведь мы живем в справедливом королевстве, где ни один преступник не уйдет от наказания. Кем бы он ни был, – жестко закончила женщина, оглядывая присутствующих пылающим жаждой справедливости взором. Она подтолкнула девушку вперед, и та, словно эту сцену много раз репетировали, вышла четко под перекрестный свет магических ламп, подчеркнувших ее болезненную бледность и хрупкость.

– Меня... – тихо, но в наступившей тишине звонко, начала говорить Кирнан, опустив глаза и прижав руки к животу, – позапрошлой ночью силой взял... Его Величество король Никлос Каргатский, – голосок надломился, и она с болью уставилась на замершего на месте мужчину.

Это должно было сокрушить Никлоса, сломать его, но рядом была я. И слова Кирнан взбесили меня, ведь я знала правду. **Действительно** знала.

– Да неужели, – громко воскликнула я, выходя вперед и возвышаясь над трогательным ягненком, который с тревогой уставился мне в глаза. – Так уж он тебя и изнасиловал? Как будто ты сама не пришла ночью в королевские покои, изображая трогательную, попавшую в беду невестушку? Не говорила королю, что тебя избивают родители, грозясь отправить в храм, если не станешь королевой? А может, расскажешь, как ты вообще оказалась в ту ночь в королевском крыле и попала в опочивальню Никлоса, минуя всякую охрану? Или же поделишься, как ты кричала от наслаждения, когда раздвигала ноги? – я буквально избивала ее словами, зная, что говорю чистую правду. Это было видно по ее лицу. По лицам Врана и Пиетты. И всех остальных причастных.

Хрупкая история о поруганной невинности развалилась на куски. Ни одна девица не посмеет заявиться в спальню мужчины.

Кирнан расплакалась, обхватив себя за плечи. Как бы сильно ни хотела семья использовать ее, они не учли, что уже сломали девушку и она попросту больше не умеет играть. Она заревела во все горло, со всхлипами говоря «простите» да «извините», и опрометью бросилась из зала, выскользнув из рук попытавшейся схватить ее Пиетты.

– Театральный номер завершен, что еще вы приготовили? – перекрывая гул голосов присутствующих, спросил Ник, явно вновь обретший присутствие духа. А я вернулась к нему, взяла за руку и заметила его задумчивый взгляд, от которого вздрогнула. Я была слишком убедительна для той, кто ничего не знает.

– Либо вы соглашаетесь на наши условия, либо придется прибегнуть к более жестким мерам наведения порядка в королевстве, – буркнул недовольный Брошин, упрямо стоя на своем.

– Да, я тоже думаю, что этот разговор зашел в тупик, – согласился Никлос, и тень, видимая до этого мгновения только мне, проявилась для всех присутствующих в зале, оказавшись у каждого возле горла. И если большинство испуганно вздрогнуло, то Вран и Брошин остались стоять на своих местах, продолжая твердо глядеть на короля.

– Нет, значит, нет! – хрипло воскликнул Брошин. И странно кивнул головой.

В то же мгновение магические световые шары под потолком взорвались мелкой черной пылью, засвистел ветер, а дым бросился на нориуса, будто сторожевой пес, увидевший цель. И стоило пьетте набраться веса, как она сместилась на Никлоса, впиваясь в его тело и отбрасывая меня в сторону. Повернувшись на полу, я приподнимаюсь и вижу Ника, отчаянно борющегося с помощью нориуса с тьмой Черной пьетты. Я ощущала знакомый пепельный привкус на губах и не понимала, почему эта дрянь летит только на Ника.

Поглядев на Брошина, я увидела, с каким наслаждением он наблюдает за происходящим.

– Сейчас я сотру эту ухмылочку с твоих губ, – процедила я неслышно, и белый дым за клубился меж моих пальцев, а после одним махом поднял меня на ноги и поставил напротив главарей-заговорщиков. Моих сил недостаточно, чтобы разогнать пьетту, их хватало только не подпускать ее ко мне, когда дым почуял ариус. Но главное было отвлечь ее внимание, чтобы она не успевала вгрызаться в тело Ника, который уже кричал от боли, когда пьетта делала очередной укус. Черная кровь орошала пол, и дым поднимался на местах падения капель.

– Значит, вот как вы служите королю? – закричала я, сдавливая глотки Брошина и Врана и поднимая их в воздух. Остальные присутствующие в ужасе замерли на местах, боясь шевельнуться: те, кто имел неосторожность двинуться, попадал под действие либо ослепленного нориуса, либо Черной пьетты, которая не трогала только членов семей главных заговорщиков.

– Он никогда не был настоящим королем, – хрипло возразил Вран, забавно дрыгая ногами. – Он всего лишь носитель силы Каргатов! Нориус должен принадлежать истинным правителям королевства!

– Это мы еще посмотрим, кто здесь правитель! – процедила я, одной рукой управляя ариусом, а другой вытирая кровь из носа – приходилось прикладывать все больше усилий, пьетта захватывала ариус в кольцо, а это влияло на мое сознание.

– Дави их, Сэл! – закричал Ник, опять падая на пол и выгибаясь всем телом, когда пьетта забралась к нему под кожу.

– А я бы не стал этого делать, – зазвучал голос от королевских дверей. Обернувшись, я увидела Тьена, держащего у ног бессознательного Артана. В руках двоюродный брат держал склянку с

чем-то белым и демонстративно помахал ею передо мной. – Отпусти их немедленно, иначе твой возлюбленный сдохнет от Черной пьетты.

И я опустила руки, в шоке глядя на него. Совершенно невозмутимого, спокойного, в шикарном костюмчике, выглядевшего гораздо увереннее старших членов семьи. Видя, что я мешкаю, он поднял свободную ладонь, затянутую в серебристо-черную перчатку, и легонько сжал, отчего к нему подлетел сгусток пьетты, обвился вокруг шеи Арта и приподнял его, вынудив хрипеть и давиться черным дымом.

– Это был ты, – внезапно прозрела я, когда точно такие же сгустки по мановению его руки окружили меня, сжимая, но не сдавливая запястья. – Ты убил Владиса!

– Да-да-да, – проворчал Тьен, отмахнувшись от моих слов и входя в зал. Одно движение – и такие же кандалы сжались вокруг рук и шеи Никлоса, прекратив причинять ему боль. Нориус растворился, оставив короля без защиты. – Это всегда был я, но какая разница? – и он лучезарно улыбнулся. – Вот это все происходящее – абсолютно излишне! Главное – что будет дальше. У кого какие мысли?

– Тьен, что ты задумал? – я вижу хмурое недоумение на лице встающего с пола Брошина. – Действуем по плану. Ты молодец, свое дело сделал, дальше...

– Нет! – и парень с демонической ухмылкой на губах помахал указательным пальцем. – Прости, дедушка, но ты со своими идиотскими планами давно вышел в тираж, – и он махнул рукой, а вокруг Брошина, от которого отпрянули все остальные, образовался мини-смерч из шариков пьетты. Старик закричал не своим голосом, когда она вцепилась в его кожу, отгрызая кусочки, раздирая на части. Он пытался вырваться, заметался, но пьетта только подняла его вверх, а дальше я зажмурила глаза и услышала дикий, надрывный крик.

– Никто не покинет этот зал, пока я не закончу! – прикрикнул Тьен, и, открыв глаза, я вижу, как аристократы попытались скрыться через задние двери, но у них ничего не вышло.

Как будто в насмешку, с улицы раздалась иные крики. Дядя Тьена, Акрош, оказавшийся смельчаком, подошел к окну. Он ощутил шок, когда до него дошло, что именно он видит.

– Они пошли в атаку. Проклятые русалки атакуют город! – помертвевшим голосом заявил он.

– Значит, времени осталось мало, – усмехнулся Тьен, – а жаль, я заготовил такую речь! Ну ничего, перейдем к самому вкусному, – и он многообещающе подмигнул мне. – Морвиус-нориус-ариус! – его голос наполнился драконьими модуляциями и как набатом прошелся по залу. Будто ветер встрепенулся между занавесок, льдом и снегом дотронувшись до наших лиц, и прямо перед Тьеном в воздухе возникла Книга Сделок.

Глава 26

Скованные одной силой

Селеста

«Не следуй по этому пути, Селеста», – всплывают в памяти полузабытые слова. Перехватывает горло, а взгляд прикован к толстому корешку книги. Все отошло на задний план. Только еле-еле чувствуется вибрация, проходящая по всему дворцу, – это русалки пробивают укрепленное магией основание скалы.

– Не отвлекаемся! – Тьен щелкнул пальцами перед моим носом. – У нас еще куча дел, и появление русалок лишь облегчает задачу.

– Чего ты хочешь? – раздался с пола слабый голос Никлоса. Король весь искусан, в крови и черной жиже, изо рта свисает тонкая ниточка крови, глаза полуприкрыты, над виском глубокая гематома. Король лежал на животе и только чуть-чуть смог приподняться, чтобы увидеть книгу. В его глазах прошла нечитаемая череда эмоций. Ник отвернулся и закашлялся, харкая кровью и дымящейся чернотой.

– Чего и все – власти, – буднично ответил Тьен, неотрывно глядя на увесистый том.

От его слов над нами резко опустился полог, отсекая внешние звуки и создав легкую дымку. Я вижу, как Вран вопит, пытаюсь добраться до круга, но его отшвыривает в сторону, и он падает на спину. Над ним вырастает Акрош, который не переставая кричит на канцлера, но тот упрямо мотает головой, с гадливым отвращением глядя на Тьена.

Остальные сторонники заговора безуспешно пытались покинуть помещение, но двери не поддавались, а окна оказались заблокированы Черной пьеттой. В конце концов извращенная тьма вынудила их опуститься обратно на стулья и замереть без движения. Обернувшись, я вижу движение рук Тьена и его радушную улыбку.

– Им не стоит разбредаться по дворцу – это слишком опасно, – с ложной заботой в голосе объяснил он. Кто-то привлек его внимание, я вновь вижу Акроша, который вплотную подошел к куполу. Мужчина выжидательно наклонил голову, и секунд десять они сверлили друг

друга глазами. Наконец Тьен скрипнул зубами, сдаваясь, и жестом открыл перед дядей выход.

Пока они были заняты, я мелкими шажками добралась до лежащих рядом Ника и Артана. И если король был в сознании, но без сил, то Арт наоборот – еле держался. Расстегнув рубашку, я вижу пьетту, до самого сердца заполняющую ядом кровеносные сосуды. Вижу, как вздулся живот, слышу прерывистое дыхание с клекотом, и замечаю, как прямо из кожи струится липкий дым, обтекающий мои руки с едва слышным шипением.

Я попыталась призвать ариус, но меня с силой схватил за руку очнувшийся Никлос. Его глаза и голос суровы и беспощадны.

– Не смей. У тебя нет столько сил, ты сама умрешь и нас всех погубишь, – сипло говорит он.

– Да, прелестная Селеста, послушай нашего короля. Не стоит этого делать, – раздается позади насмешливый голос.

Встаю с колен, оборачиваюсь и холодно смотрю на Тьена. Я знаю, что ариуса почти не осталось, что перед глазами бегают черные мушки, что за пределами купола сотрясается дворец и почти слышны крики людей. Чувствую, как манит Книга Сделок, зовет, предлагая раскрыть ее, прочитать страницы, узнать историю рода Каргатского.

Знаю, что Тьен, тот самый парень, который так поддерживал меня на балу, который всегда был добр ко мне и сестре, который казался славным малым и вместе с братом был на нашей стороне, оказался предателем и убийцей. И каким-то жутким повелителем Черной пьетты, которая буквально ластится к его пальцам, просачиваясь сквозь купол.

– Чего ты хочешь? – глухо повторяю я вопрос короля, всласть «налюбовавшись» уродом.

Он делает несколько шагов к книге. Замирает ненадолго и все-таки осторожно трогает обложку, а я решаюсь к ней присмотреться.

Черное пятно под белоснежной ладонью. Серебрятся страницы, словно нитки из песка. Поглощает свет и не дает тени. Чужеродное и в то же время древнее. От нее такое чувство, будто висишь над жерлом вулкана, и скоро будет очередной выброс. Даже голова закружилась от ассоциации.

Я проглотила язык, не смогла даже шепотом сказать: «Не смей открывать. Нельзя, это погубит нас всех!» Тьен перевернул обложку, и

ощущение сменилось на тяжесть. Теперь казалось, будто мы находимся под скалами, в глубоких узких пещерах, без воздуха, без движения и жизни. Окончательно пропали звуки за пределами затемнившегося купола. Исчез наружный свет, и пространство освещалось только белыми страницами Книги Сделок.

Обернувшись, не вижу Артана, на его месте остались только следы черной крови.

– Арт? – запаниковала я, озираясь по сторонам.

– Он не часть сделки, Сэл. Но не переживай, если все пройдет как надо, он выживет, – даже Тьена пробрало, и его голос дрожал. Сейчас он щурился, пытаюсь хоть что-то увидеть в книге, но чужое было ему недоступно. Это знание пришло резко и точно. Ты видишь только свое.

А страницы зашелестели сквозь ладони Тьена, пока он не отдернул руки, замельтешили, побежали быстро-быстро, будто толщина тома не десять сантиметров, а в сто раз больше. И остановились на пустом развороте.

– Род Адегельских, – тихо и почтительно проговорил Тьен, с трепетом проводя пальцами по страницам. – Моя семья ранее не заключала Сделок.

– Вы были слишком незначительны, – прохрипел, поднимаясь, Ник. Кажется, он немного пришел в себя. Хотя запекшаяся у рта кровь и полопавшиеся сосуды в глазах намекали, что дела у короля совсем пропащие.

– Это приятно, – мягко ответил ему Тьен, – быть первым, кто что-то значит. Хотя в списке наследования я последний. Какой крутой поворот, не правда ли?

– Амбиций тебе не занимать, – Ник проходит мимо, лишь легко коснувшись моего плеча в знак поддержки, и встает напротив Тьена. – Так говори, чего хочешь. И как ты намерен это получить.

– О, все просто! Ты отдаешь нориус, а вместе с ним и трон, или я убью ее, – Тьен указывает пальцем на меня. – Селеста, с тобой еще проще: либо ты отдаешь ариус, либо Артан умрет. Противоядие есть только у меня, так что... – он почти виновато улыбнулся, а серые глаза расширились, показывая лукавство и пренебрежение.

В этом проявился настоящий Тьен – лихорадка и жажда внимания. Он не мог стоять на месте, все время то стучал пальцами по странице, то крутил выбившуюся прядь волос. То призывал Черную пьетту, то

отталкивал, и она зеркалила его нервозность, путешествуя по замкнутому куполу, который больше не могла покинуть.

– Как видите, книга сочла мои требования обоснованными, а вас готовыми заключить Сделку. Так что давайте не затягивать процесс, мне еще нужно уничтожить рыбок и явить себя народу.

– Значит, не только амбиции, но и мания величия, – логично заключил Ник, оглядываясь на меня. В его глазах мелькнула какая-то непонятная эмоция. Но я не успела отреагировать.

Черная пьетта вцепилась в меня, несмотря на собственную боль (или что она там способна чувствовать), шипение обострилось, а позже все закричало так страшно, что до меня не сразу дошло – это же мой вопль. Это моя боль! И выворачивает кости, выбивает суставы, снимает кожу, впиваясь тысячами иголок в сердце, разрывая его на кусочки. Я захлебываюсь криком, раздирая горло, улетаю сознанием в бесконечную серость с привкусом меди и железа на губах...

И все кончается.

Вокруг полным-полно черноты. Слизь разошлась по сторонам жирными пятнами. Сквозь слезящиеся глаза почти ничего не вижу. Но чувствую, как Тьен грубо хватает меня за волосы, запрокидывая голову и приставляя к шее кинжал.

– Может, пьетта и не способна ее убить, но старая добрая сталь – вполне! – говорит он, вынуждая меня встать. – Морвиус тебя подери, Никлос! Я же видел, как ты смотрел на нее! А Кирнан рассказала, чье имя ты кричал, когда трахал ее! Неужели ты позволишь своей белокрылой суке вот так сдохнуть?

Мои глаза широко распахнулись, и я невероятно четко увидела Ника. И снова тот странный взгляд, но теперь до меня дошло: он прощается. О, пресвятая Клэрия, он прощается со мной!

– Я не знаю, кто стоит за тобой, Тьен. Кто все это затеял. Но... да, я готов заключить с тобой сделку.

Я падаю на пол, захлебываясь соплями, слизью и кровью. Тьен отпихивает меня носком ботинка, и я со спины вижу, как он встает напротив книги. В его глазах недоверие и опаска, он до крови прикусил нижнюю губу, и маленькая капелька упала на страницу, исчезая в ее белизне. Книга перед ними засверкала ярче. Она соскучилась по своим компаньонам. Так, как умеет скучать вечность...

– Но с оговоркой, – добавил Ник. – Не ради Селесты, нет. В конце концов, она всего лишь белый дракон, – Тьен сощурился, ожидая подвоха. – Вот мое условие: если хотя бы минуту сможешь выдержать нориус как часть себя, то получишь все, что захочешь.

– Это какая-то шутка? Нориус просто уничтожит меня! – с детской обидой возмутился Тьен, недовольно мотая головой, однако книга полыхнула светом, и на поверхность выступили две тонкие серебристые нити. Подтверждение – только таким может быть соглашение.

– Книга Сделок – это гарант честности. И вопреки распространенному мнению старые боги не были обмануты. Они знали, на что шли, когда выступили против Карга. Знаешь и ты, – и Никлос с невероятной твердостью в голосе и движениях вытащил из книги нитку и обмотал вокруг пальца. – Готов поставить свою внутреннюю силу на то, что сможешь подчинить нориус? Учти, иного пути нет. Власть над тьмой не идет от человека, она идет от силы духа.

Над верхней губой Тьена выступила капелька пота, но какая-то мысль пришла ему в голову, моментально успокоив. Он ухмыльнулся, будто разгадал загадку.

– Ник, осторожнее! – воскликнула я, не выдержав, и тотчас закашлялась – Тьен слишком сильно вдавливал лезвие в шею. Остался глубокий, но тонкий порез.

Король дернулся. Он и сам понимал, на какой пошел риск. Не было другого выхода. По крайней мере, он его не видел. Но видела я.

Здесь, в этом пространстве так тихо. Невыносимо тихо! И больно. Будто каждая клеточка вытянулась как гитарная струна и звенит на тонкой, ослепительно-белой ноте. Крутит пальцы, сводит пятки, и болит живот. Вновь выворачивает, но не пьетта тому виной, а книга. Проклятая Книга Сделок, книга, которой нет. На ее месте серебристый клубок, в котором миллионы ниток, и каждая из них – живой разум со всех концов сверкающей, будто бриллиант, планеты. И то, что мы делаем, когда вписываем в книгу Сделку, меняет и разом путает все нитки. И это до морвиуса больно!

Тьен заводит руку над книгой, и рядом точно так же поступает Никлос. Их нити окрашиваются красным, и капли падают на страницы, а я слышу едва различимое дыхание. Оно медленное, почти как сладкий стон наслаждения. Оно плачущее, будто младенца

бросили в ледяную воду. Оно зовущее, как мать зовет потерянное дитя. И оно радостное от долгожданной встречи с... семьей?

Зажмуриваю глаза, а когда открываю, вижу в воздухе Никлоса и Тьена, вижу, как нориус переползает из одного тела в другое, и более того, вижу, как исчезает книга, как растворяется купол, а значит, больше никаких Сделок!

И вижу, как больно обоим от происходящего, как они корчатся, пытаюсь отодвинуться от тьмы, но она их держит, словно близнецов в утробе материнской – скованных одной силой. Оглядываясь по сторонам, замечаю все тех же аристократов, на глазах которых творится страшное, невозможное, жуткое. Но не вижу Артана. Его не было в зале, и я была рада этому, хоть и понимала, что стоит на кону.

Они падают. И если Ник как кулек с костями, плашмя, на живот, звучно приложившись лбом, то Тьен спланировал вниз, поддерживаемый тьмой. Он торжествующе улыбается. А когда нориус заволновался, пытаюсь влезть в поры кожи Тьена и заполонив их тьмой, в ответ выступила послушная Черная пьетта. Вокруг него закружилась двойная тьма.

– Противовес, – рассмеялся Тьен. – Одна сила уравнивает другую! Ты проиграл, Никлос. Еще секунд тридцать, и все будет кончено.

– Нет! – прошептала я еле слышно, вставая на ноги. Дичайше кружилась голова, меня шатало, как при сильной качке на корабле, но я упрямо переставляла ноги, чтобы рухнуть рядом с Ником. Над нами вьются два вида тьмы, завихрения как спирали поднимались то вверх, то вниз, а затем и вовсе устремились к нам, – но после моих слов, после того, как до Тьена дошел их смысл.

– Нориус и ариус всегда вместе, никогда – порознь, – и я вкладываю руку в ладонь Никлоса, и наши тела вспыхивают белым, отражая удар тьмы.

И нориус отступает, разбивая звенья, а Черная пьетта визжит, как перепуганная свинья. Сквозь белый свет мы видим, как влетает в кричащего от ужаса Тьена чернота и испепеляет за мгновение – нет в нем силы Каргатов, чтобы управлять нориусом.

Тьма возвращается в истинного носителя – Никлоса. И наступает исцеление – ариус поддерживает нориус, тогда как нориус поддерживает ариус.

С наших тел исчезают следы ударов. Уходит кровь, пропадают синяки, царапины, порезы. Сходит на нет головная боль. Я еще никогда не чувствовала такую кристальную чистоту сознания. И не слышала с другого конца «моста» Никлоса.

– Мы должны закончить, Сэлли. Мы должны закончить войну.

Остается только следовать за ним, ведь я остро ощущаю, что это не тандем, а поддержка. Ариус следует за нориусом, и сейчас тьма, окруженная белой паутиной, разлетается во все стороны, пока мы держимся за руки, поднимаясь в воздух. Над нами разлетается потолок, а под нами исчезают в ослепительно громкой вспышке оставшиеся в зале аристократы.

Мне бы испугаться того, что сотворила наша сила, но я пуста как сосуд, наполняемый чувством злобы и ненависти Никлоса. Он делился агрессией, которая поступает ко мне будто через масляную пленку, а оттого кажется искаженной, приглушенной почти до безразличия. Сухая констатация фактов. Таким образом, я понимала, что Ник не слышит меня, и сейчас я обычный пассажир, ведомый озлобленным повелителем.

Наши тела трансформируются, и теперь в воздухе зависли два огромных сплетенных дракона – черный и белый, окруженные двусоставным дымом.

Ник ведет меня к городу, туда, откуда доносятся крики людей, и мы попадаем на набережную, полную небольших морских змей, от которых в панике разбегаются люди. Здесь много зеленой и красной крови – драконы в истинном обличье нападают на подводных гадов, плюясь огнем и разрывая их на части. Бой шел на равных, а местами казалось, что побеждают подводники – так много на площади перед портом истекающих кровью и изорванных в клочья тел. Наше появление – грозная вспышка на небосводе – заставило всех замереть и неотрывно щуриться, глядя в небо.

Если бы не воля Никлоса, я бы ничего не смогла сделать. Оставшийся глухим к эмоциям ум прагматично отмечал, в какой момент меня накрыла бы паника. Вместо этого от наших сплетенных тел разошлась во все стороны чернильная волна, завернутая в белый дым. Как покрывалом она накрыла сражающихся, а когда рассеялась, вместо змей на брусчатке лежали белоснежные кости, среди которых застыли от ужаса драконы и оставшиеся в живых люди.

От нас идет новая волна, теперь вывернутая наизнанку. Она касается пострадавших, которые не могли и шагу ступить от сковавшего их страха, и вместо боли приносит облегчение, затягивая и исцеляя раны. А когда волна закончила свою работу, мы взмыли так высоко, что остались точками в небе, удаляющимися в сторону бушующего моря, которое кипит бесконечной битвой между драконами, подводниками и колдунами.

На главном королевском корабле мы видим объединившихся Акроша и смертельно уставшего Томара Бай. Колдун транслировал волю командира посредством щелчков и музыкальных ударов по воде и воздуху: военный шифр, чтобы драконы могли слышать и понимать приказы во время сражения. Рядом с ними несносная Амалия выводила прямо на палубе очередную громоздкую фигуру, прикидывая, как бы ее катапультировать в сторону огромнейшего спрута, в щупальца которого угодило сразу четыре дракона, кричащих от боли. Они медленно погружались под воду, будучи не в силах выпустить даже малюсенькую струю огня.

Таким было сражение. Сплошные склизкие монстры, извивающиеся под пенящимися волнами. И драконы, поливающие море оранжево-красным пламенем, отчего над кораблями стоял плотный, сизый, горький дым. Мелодия звериного крика, шипения огня и низкой трубной музыки, а все вместе это напоминало мощный камнепад в горах во время грозовой бури.

Мы надвигаемся на эпицентр сражения, и там, где мы пролетаем, битва заканчивается. Черно-белый дым вокруг нас ширится, множится, а мы даже намек на усталость не испытываем, будто бесконечность высвобождается из наших тел. Сладкая свобода, пьянящее чувство вседозволенности. Даже напрягаться нет нужды, дым стирает врагов как ластиком. С такой же легкостью исцеляя раненых подданных короны.

Все закончилось в один миг. На наших глазах под звуки тягучего горна огромные спруты, кракены, осьминоги, вытянутые десятиметровые морские змеи, перевернутые медузы, кальмары и крабы-пауки в пенящемся штормовом море скрылись под воду, тогда как над горизонтом возник первый солнечный луч.

Так закончилась ночь, позже окрещенная ночью трезубцев и костей.

Никлос

С того момента, как все завершилось, не переставая болит голова. Никлос пытается остановить эту внутреннюю качку, сомкнув веки, сжав лоб и затылок, но становится только хуже. Перед глазами встают лица предателей. Насмешливые, озлобленные, опьяненные вседозволенностью. В сознании они искривляются чудовищными гримасами, превращаясь в глумливых троллей, псов с оскаленными пастьми. И слышится смех, дурацкий, почти детский смешок, и крепится чувство: «Не всех поймал. Они затаились и смеются надо мной. Каждый день я встречаю их в коридорах и залах дворца, они заискивают, кланяются, но сами хохочут и планируют новую атаку...»

Кабинет Никлоса не пострадал после бури, поэтому в его распорядке ничего не изменилось. Только стало шумнее. Разрушения, вызванные сначала штормом, а после нападением подводников, требовали ремонта. Людей не хватало, многие покинули город накануне Бури столетия, а оставшиеся либо погибли в ночь трезубцев и костей, либо сильно пострадали или были не способны работать.

Так что дворцом занялись не сразу. Сначала по всему городу открылись пункты первой помощи, потом с возвращением горожан стартовала реконструкция. Последние несколько дней во всех концах здания звучал стук молотков, мелодия пил и магические колокольчики. Обещали к концу лета закончить с разрушенной взлетной площадкой.

Все остальное было куда как печальнее.

– Всех вышеперечисленных заключили под стражу и поместили в тюрьму Лакраш. На данный момент остается неизвестным местонахождение Кирнан. Ее родители так и не признались, куда спрятали дочь, – докладывал Богарт. Он вновь выглядел как загнанная лошадь, но уже не так отчаянно молодо. Приобрел больше уверенности, даже злобности в словах и движениях. Пообтерся, почувствовал за собой право решать чужие судьбы. На его груди поблескивала бронзовая медаль отличия перед короной за спасение Артана.

По поручению Никлоса Богарт занимался организацией дворцовой стражи, чтобы стражники, когда король разделается с

заговорщиками, были готовы к арестам и захватам. Во время этого «рейда» он наткнулся на полумертвого Рупера Свенского. У старика было больное сердце, а собственный поступок настолько шокировал бывшего маршала, что он слег, но успел передать Богарту, что Артана забрал Тьен Адегельский и что заговорщики собираются отравить короля и белокрылую.

Никто из предателей не знал, что у Рупера тоже есть противоядие и что он посмеет отдать его серокрылому дракону в надежде, что тот спасет бывшего ученика.

Дальше было еще интереснее. Богарт, опоздавший к началу «представления», столкнулся в служебном коридоре с Акрошем, тащившим на закорках Артана, и тот смог объяснить, что происходит внутри зала. Секретарь, осознав, что ничем не поможет королю, решил отдать противоядие маршалу. Это помогло, но Арт был не в состоянии командовать, а в город уже проник Виклош, так что он передал свои полномочия Акрошу.

Получилось, что Адегельский выступил против собственной семьи. Сначала он присоединился к бастующим ученикам Военной академии, смог обмануть старшего брата и с помощью колдунов обезвредил Виклоша, собирающегося сдать город подводникам. Благодаря его активным и четким действиям та немногочисленная армия, которая уже была в городе, была организована и направлена против нападающих.

– Брат Селесты? – сухо осведомился Ник, подписывая очередной документ о назначении очередного серокрылого на освободившееся место в Секретариате, казначействе или в ином государственном учреждении.

– Так и не был найден. Последний раз его видели утром перед Бурей столетий. Он собирался заниматься за пределами академии, с ним хотел пойти Вест, но парень отговорил его.

– Томар искал?

– Колдун после морского сражения совсем плох. Его помощники пытались отыскать парня – глухо, – доложил Богарт. – Во всей этой неразберихе... нам просто не с чем работать.

– Морвиус! – громко хлопнув по столу, выругался Никлос. Он запрокинул голову и приставил к вискам холодные пальцы, потому что

тупая затылочная боль стала совсем невыносимой. – Как я скажу это Селесте? Уже почти три недели прошло!

– Простите, мы делаем все, что в наших силах, но...

– Ищите лучше, – сурово заявил Ник, возвращаясь к бумагам. – По остальным делам?

– Виклош молчит, хотя к нему применяли... особые методы. Магия не действует, так что...

– Понятно. Проклятье... он единственный выживший из главарей. От Акроша никакого толку – был в ссылке в Заокеании, так что не мог участвовать в заговоре. – Никлос встал из-за стола и подошел к окну. Отодвинув занавеску, уставился на полуразрушенный лабиринт. Его будут восстанавливать в последнюю очередь.

– Есть и хорошие новости. Почти. Деян вылечился. После того, что с ним сделал собственный брат... его лицо, – замялся Богарт. – Он здоров, но...

– Селеста не смогла помочь?

– Ее силы снова заснули. Томар объяснил это перенапряжением, – мотнул головой Богарт.

Король кивнул, потирая подбородок. Отросшая щетина неприятно колола кожу, но Никлос решил не сбривать ее. Слишком долго в нем видели юнца, скорбящего по погибшим родителям.

– Ясно. В таком случае идем дальше по намеченному плану.

Богарт поднялся, собираясь уйти, но замялся. Он потерев корешок излюбленной серой папки и, заметив на лице короля вопросительное выражение, спросил:

– Это правда, что в середине июня все-таки состоится парад невест?

– Да. Я уже составляю списки, за кого выдать незамужних аристократок из потерявших мое доверие родов. А что?

– Милан, – неожиданно решительно и спокойно сказал Богарт. Серые глаза блеснули на свету усмешкой, и Никлос улыбнулся.

– Голубой дом никогда не одобрит этот брак, – протянул Никлос, возвращаясь за стол.

Богарт ничего не ответил. Вопрос о желании самой девушки повис в воздухе, встреченный лишь надменной усмешкой человека, который ощутил привкус власти. Серокрылые еще год назад не смели мечтать о том, чтобы занять ключевые места в правительстве, а уже

сегодня за свою бесконечную преданность могли выбирать невест из старой знати.

Лучший способ очистить кровь от заговорщиков – отдать их женщин за преданных сторонников короны. Именно их дети унаследуют фамилию, титул и все остальное. А горячие головы получают либо плаху, либо ссылку, где сгниют, ничего после себя не оставив.

– А что Акрош?

– Акрош через день после ночи трезубцев и костей разорвал помолвку. Он никогда не хотел этой свадьбы.

– Тогда она твоя, – просто кивнул Никлос.

Глава 27

Судьбы решение простое

Никлос

Оставшись в одиночестве, Ник раскурил трубку и вернулся к окну. Солнце, путаясь в облаках, спускалось по небу к линии горизонта и подсвечивало ветвистые деревья оранжевыми красками. Прислушиваясь к шумному дворцу, Ник завидовал себе прошлому. Странно даже вспоминать, насколько предсказуемой казалась его жизнь до начала Равновесия невест. Было ли скучно? Безусловно! Но в этой скуке оказалось столько всего простого и понятного. Теперь он знал, что просто не было никогда.

Так стало в тот миг, когда на его стол легли толстые папки с отчетами об обысках старых поместий, включая даже удаленные регионы королевства.

Самым большим сюрпризом оказалось то, что война была начата аристократами, а не подводниками. Что она планировалась еще во времена прошлой войны. Что политика его семьи поставила многие семьи на грань разорения, что и породило заговор.

Он узнал, что морских существ убивали аристократы. Что яд предназначался Мирте, и ее смерть должна была стать катализатором начала войны, во время которой его подданные планировали поправить свои финансовые дела, а также отложить или вовсе аннулировать реформы деда. Это был первый вариант, если бы Ник принял решение воевать.

Вторым, более жестким, стала Черная пьетта. Брошин собирался заключить Сделку с Никлосом, по которой король попадал в зависимость от учрежденного парламента из старых фамилий. Когда Ник читал документ, закреплявший положения Сделки, у него волосы шевелились на затылке, настолько запутанными были условия, согласно которым он должен был превратиться в марионеточную фигуру на троне без права голоса. А в случае нарушения Сделки он вообще лишался бы всего.

Планам помешали двое. Селеста, своим появлением дестабилизировавшая обстановку на политической арене, и Тьен, который активно путал карты, намереваясь в нужный момент перехватить рычаги влияния и заполнить нориус.

Что из этого вышло – будет написано в учебниках по истории. Ник уже думал, как преподнести события общественности, чтобы никто не догадался об истинной подоплеке случившегося.

Не стоит людям знать, что суть – это возвращение Книги Сделок. Это рождение кэрры Селесты Винцель. Это слияние ариуса и нориуса. Это начало... конца?..

В дверь поскреблись, и на пороге появилась немного растрепанная Селеста. Теперь, когда во дворце не осталось женщин из Совета Женевры, когда невесты сидят по домам, а само здание лишилось прежнего богатого убранства, она чувствовала себя увереннее. Вот и сейчас, наперекор всем традициям, нарядилась в штанишки и рубашку, поверх которой натянула безрукавку. Волосы, небрежно забранные в хвост, пушились без масел и укладки, и чудно обрамляли курносое лицо.

Несмотря на все, что ей довелось пережить, она была бодрa, полна сил и жажды деятельности. В глазах горело живое любопытство и множество невысказанных вопросов.

После той знаменательной ночи они редко виделись. Селеста постоянно была с Артаном – тому крепко досталось от яда, и он лежал в больнице рядом с Деяном, пострадавшим от нападения брата. А Никлос, наоборот, колесил по столице, развязывая запутанные узлы и сжигая оставшиеся лохмотья заговора. Фактически с той ночи это была их первая спокойная встреча. И ни один не знал, с чего начать разговор.

– Сегодня такая чудесная погода! Может, стоит отправиться в парк? – предложил король.

Селеста нерешительно согласилась, а Ник вместо того, чтобы выйти через дверь, открыл окно и, заговорщически подмигнув, перелез через подоконник. Девушке ничего не оставалось, как последовать за ним, благо опыт имелся, о чем не преминул напомнить Никлос, вызвав мимолетную улыбку в глазах подопечной.

Отойдя от дворца, они оба как будто сняли маски. Сейчас, в вечерних сумерках, их лица выглядели уставшими, даже

подавленными, и каждый отводил глаза, не решаясь начать разговор. Первой не выдержала Селеста, когда они вошли в то, что осталось от лабиринта. Она остановилась и спросила совсем не то, что волновало ее в глубине души. Хотя и эта тревога сильно била по нервам.

– Где мой брат?

Никлос сунул руки в карманы брюк, качнул головой, а после какая-то мысль пришла ему в голову, и он жестом поманил девушку за собой. Селеста повторно задала вопрос, но он отмахнулся, показывая, что на вопросы ответит позже.

Их путь пролегал сквозь густые заросли кустарников. Они продирались сквозь чащи фиолетово-зеленых деревьев, чьи ветви упрямо лезли в глаза и царапали кожу. Едва видимые остатки дороги привели короля и его спутницу в такую глухую часть лабиринта, что солнечный свет лишь едва-едва освещал путь, создавая впечатление, что уже наступила ночь. Здесь не было ветра, не было свежести, и, наоборот, казалось, что они зашли на территорию болот, настолько сгустился воздух.

Селеста собиралась остановиться и потребовать объяснений, когда неожиданно впереди показался ряд мраморных бюстов. Справа шли мужские головы, слева женские, а посередине располагалась небольшая площадка, ныне заваленная листьями и сломанными ветвями. Все это вело к большой усыпальнице из черного с золотом мрамора, на которую упало огромное дерево, придавив высоченные входные двери с кованой решеткой у входа, погнутой во время шторма.

Остановившись, Никлос негромко выругался и стал с сожалением разглядывать нанесенные ураганом разрушения. Конечно, усыпальница его семьи – не то место, о котором вспоминают сразу после войны и бури, но то, что больше чем за полмесяца никто не решился прийти сюда, весьма его опечалило.

Больше огорчал только тот факт, что сам он почти год не навещал родителей.

Дав своей спутнице время осмотреться, король напряг руки, вызвал нориус и направил его к зданию: чтобы попасть внутрь, необходимо убрать дерево и обломки обвалившейся крыши, отогнуть решетку и расчистить вход. Когда с этим было покончено, Ник пригласил Селесту следовать за собой и даже взял ее за руку, видя, как она робеет перед черным проемом.

Внутри оказалось совсем темно, так что Ник провел руками по впадинам вдоль стен сбоку от входных дверей, пуская по тонким желобам магический свет: здесь практиковали устаревший метод освещения помещений.

Король со своей подопечной медленно продвигались вглубь небольшого коридора, а миновав его, так же неторопливо прошли зал с потолочным окном и рядом мраморных скамеек. Затем Никлос свернул в боковую комнату, ведущую к лестнице на подземный этаж. Послушный магический огонек освещал дорогу перед неожиданно заторопившимся королем, однако не поспевал за ним, и только память Ника, а также его крепкая рука не давали девушке упасть.

Он привел ее в укромную комнату, в центре которой находился широкий двухместный гроб. На его крышке были изображены выпуклые фигуры мужчины и женщины, спящих в обнимку. Здесь было очень тепло, и жар будто шел из-под земли, сквозь подошву обуви добираясь до пяток.

– Почему так жарко? – осторожно спросила Селеста, когда Ник прошел внутрь и положил руку на мраморную ладонь своей матери. Он застыл на несколько минут, и девушка боялась нарушить молчание, но духота стала невыносимой.

– Сломалась вентиляция. Отопление вышло из строя, а под нами... тебе лучше не знать, что внизу, – тихо ответил король. – Я не думал, что здесь все так быстро придет в запустение.

– Зачем мы здесь? – вновь спросила Селеста, подходя к Нику и осторожно касаясь его плеча.

– Я подозреваю, что лучший вариант отсутствия твоего брата – это случайная смерть, – резко и совершенно неожиданно заявил король, перехватив руки девушки и не давая ей высвободиться. – Ведь иначе он остается разменной монетой у того, кто все это устроил. Также возможно, что он попал в плен к русалкам...

– Но ведь нам есть что предложить взамен, – резонно заметила Селеста. – Ник, хватит выдумывать злого гения, который стоит во главе заговора. Ты сам говорил, что случайность и глупость – венец практически любого преступления! – она выдернула руки, отошла в сторону и выжидательно уставилась на Никлоса.

– Да, все так, – вымученно улыбнувшись, согласился король, но по его лицу ясно читалось, что он остался при своем мнении. Повисла

тягостная пауза, прежде чем он решился нырнуть в омут с головой.

– Сэл, ты понимаешь, что на этом все не закончится? Серьезно, впереди нет просвета, особенно здесь. В ближайшие месяцы я буду разгребать то, что сам устроил своим невниманием и чересчур доверчивым отношением к аристократам. Грядет «генеральная уборка», и под нее я буду подгонять реформу Вернона. Дальше я займусь Подводным миром. Они будут смиренными... пока она у нас.

– Акрош нашел единственный способ, как избежать заключения в Лакраш, – с горечью заметила девушка, обхватывая себя за плечи.

– То, что он тебе не нравится, еще не значит, что Акрош предатель. Именно он возглавил армию, чтобы остановить подводников, отступился от семьи и брата, помог спасти Артана и поймал Сэлавелию! Более чем достаточно, чтобы доказать свою преданность короне!

Девушка передернула плечами. После разрушительного саморазоблачения Тьена, после того, что он сделал с собственным братом, она уже не могла верить Адегельским. Да и вообще, после всего случившегося ее вера в людей пошатнулась. Теперь Сэл доверяла только Артану и королю.

– Ник, хватит юлить. Скажи, зачем мы здесь и чего ты хочешь от меня.

Никлос кивнул и выпустил нориус. Селеста не отдернула рук, когда тьма коснулась ее. Наоборот, она попыталась скрыть, насколько щекочуще-приятное чувство возникло, когда черный дым скользнул от запястья до локтя, а потом спустился на живот, завиваясь в спиральки. Нежные касания отзывались глубоко внутри сонной истомой, и Сэл знала – это отзывается спящий ариус. После феноменального слияния, когда они с Ником были почти как одно целое, ее сила ушла в глубокую спячку и более не отзывалась. До момента, когда ее нориусом позвал сам король.

– Так и думал, – удовлетворенно выдохнул Никлос. – Он просто спит.

– К чему это?

– Ты возвращаешься домой, Сэл. Более того, выходишь замуж.

– Что?! – возглас погасила духота помещения. Селеста даже немного охрипла от собственного вопля и лихорадочно облизнула губы, не веря собственным ушам.

– Ты выходишь замуж за Артана и возвращаешься домой. Ариус полностью под твоим контролем. Пока он медленно просыпается, ты еще лучше сможешь им овладеть. Так что... если это по-прежнему твое желание...

– Да! – воскликнула девушка, а после спокойнее повторила: – Я уверена. Слияние – это навсегда.

– Для него, – Никлос отвел глаза и даже сделал несколько шагов в сторону, пройдясь вдоль гроба родителей, чтобы Селеста не видела его лица. И голоса было достаточно, чтобы она напряглась. – В конце концов, ты не зеленая драконица, а белая. Как уверял Томар, на тебя не распространяется этот *дефект*.

– Это не дефект, а большая удача. Настоящая любовь. Мне жаль, мой король, что вы так и не поняли, что это такое, – перейдя на вы, она попыталась сохранить голос, но было ясно – этот разговор совсем ей не по душе. И если Ник надеялся, что она не вспомнит слова Тьена, то он ошибся. Она помнила их слишком хорошо.

Отбросив ложные надежды, король нацепил фальшивую улыбку и вышел на свет. Его поступь – как поступь старика, вступающего на путь одиночества. Ник сам себе подписывал приговор. И на то были причины, в которые он верить не хотел. *«Только отпустив ее, ты избежишь того, чего страшишься больше всего...»* – зазвучали в его памяти слова эльфа.

– В таком случае вы, как самая знатная пара, возглавите парад невест. Будь уверена, Маркл сшил идеальное свадебное платье и костюм. Вы будете прекрасны.

– И мы отправимся в Сатуральские долины? – девушка до последнего не верила в слова Никлоса. Вернуться домой? После всего, что случилось? Это казалось слишком невероятным, чтобы быть правдой.

– Я не успел поделиться с тобой замечательной новостью. В день твоего похищения меня навестила прелестная особа по имени Фелия, – заметив удивление на лице Селесты, он кивнул. – Да, твоя подруга из Ауэрских лесов. Она передавала привет и множество пожеланий. Как ты понимаешь, сначала я настороженно отнесся к ее появлению, но она смогла убедить меня в том, что пришла с миром. Более того, именно благодаря ей мы смогли выйти из случившегося с наименьшими потерями. Взамен она попросила только об одном –

чтобы ты вернулась домой. Они готовы к сотрудничеству, и последние несколько дней лишь подтверждают истинность ее слов.

Король обошел по кругу гроб родителей, который как яркое пятно мозолил глаза обоим. Нику – потому что он боялся того, ради чего пришел. Селесте – потому что именно сейчас она чувствовала себя незащищенной в его присутствии. И, несмотря на слова короля, ей было страшно рядом с ним. Изменения в Никлосе происходили скачкообразно, и последний вариант был напористым и озлобленным, а девушка не чувствовала в себе сил сопротивляться. Особенно после того, кем она была в их тандеме. Всего лишь ведомой. Как безмолвное оружие. Селесте до безумия хотелось верить его словам. Ведь если она выйдет замуж за Артана и уедет домой, то весь этот столичный кошмар закончится...

– Так почти все союзники эльфов приняли нашу сторону в этом конфликте. Это как неожиданное спасение, ведь во всем виноваты аристократы. – Ник пересказал Сэл, что разузнали серокрылые, какие документы были найдены. Чем именно занималась старая аристократия. – Когда об этом станет известно – поддержка эльфов будет кстати.

– И ты хочешь, чтобы я переехала к ним? – недоуменно переспросила Селеста, наблюдая, как Никлос как бы невзначай касается крышки гроба. В этой проклятой жаре будто холодом подуло, и стало зябко, так что она вновь обхватила себя за плечи.

– Нет, святая Клэрия, разумеется, нет! – возмутился он. – Мы откроем посольство, как когда-то планировали. Вы будете жить дома, и бывать там наездами. Ты ведь сама этого хочешь, разве нет? Плюс эльфы в силу своего долголетия знают очень много о прошлом Каргатов. Думаю, ты сможешь раскопать что-нибудь и об истинном организаторе заговора.

– Ник, о чем ты говоришь? – улыбнулась девушка, вновь решившись подойти к собеседнику. – Заговор в заговоре, плюс проделки эльфов и подводников... Я столько всего слышала за эти несколько месяцев! Уже похоже на паранойю!

– Да? Тогда взгляни на это! – с мрачной торжественностью объявил Никлос и руками, усиленными нориусом, сдвинул крышку гроба, которую тьма затем аккуратно положила на пол.

– Морвиусное отродье! – выругалась Селеста, в шоке глядя внутрь гроба. Она в ужасе зажала рот, не веря своим глазам.

Там должно было лежать два тела. Мужское и женское, завернутые в расшитый золотом и черным серебром погребальный саван, украшенный драгоценными камнями и бессмертными цветами. Но вместо этого перед посетителями оказалось смрадное черное месиво, от которого желудок Сэл взбунтовался, и она выскочила наружу, прощаясь с обедом, а потом и с завтраком, – настолько непередаваемо гнилостным ощущалось это амбре.

Ник застыл на месте, вглядываясь в черное полотно, покрытое маслянистой пленкой. А потом, закатав рукава рубашки, погрузил руки внутрь, и когда вернувшаяся Селеста увидела это, то опрометью бросилась наверх по лестнице к свежему воздуху. Такое прелестная кэрра вытерпеть не смогла.

Король, преодолевая отвращение, ощупывал дно, пока не наткнулся на твердый продолговатый предмет. Вытащив его наружу, он понял, что это плечевая кость, и судя по размеру, женская. Следующей находкой оказался череп матери. Ник замер, растерявшись и забыв, зачем полез в гроб. Явно не ради осквернения могилы родителей.

Страхнув сомнения и уже догадываясь, что там на дне, Ник пустил нориус в виде импровизированного сита и вытащил наружу останки матери и погребальные драгоценности. Скелет отца закономерно отсутствовал. Ибо как еще заговорщики могли сотворить Черную пьетту, как не из его тела?.. Король мог поручиться, что и могила деда была осквернена.

Но чтобы сделать то, что они сделали, им нужен *знающий* человек. Тот, кто мог проникнуть в это место, – ведь даже Селеста сюда попала только потому, что Ник держал ее за руку, когда вел внутрь. Спрашивается, как удалось неизвестному сотворить свое преступление?

Выйдя на поверхность, король не стал делиться своими мыслями с потрясенной Селестой. Наоборот, он взял с нее клятву, что она никому не скажет об увиденном. Стянув рубашку и оставшись в пиджаке, Никлос насухо вытер руки, и они отправились обратно во дворец.

Им еще многое предстояло обсудить. Особенно теперь, когда оба понимали, что их отношения уже никогда не вернутся в прежнее русло. И с какой бы печалью и надеждой король ни смотрел на Селесту, она не смотрела в ответ.

* * *

Здесь очень тихо. Сверху капает вода, собираясь в небольшие лужи. От стен веет холодом, а под потолком расплзается цветистая плесень, слизью покрывая каменные выступы. Ползают мокрицы и больно кусающиеся блестящие жуки. В темноте слышно, как они перебирают крошечными лапками, рискуя сорваться с поверхности и упасть на голову изможденной пленницы. Девушка не может найти себе места, ходит из угла в угол, звеня цепями, сковавшими ее тонкие ножки.

Ей смертельно хочется пить, но вода здесь – мертвая. Глухая к ее мольбам. И пить – не напиться. А жажда мучает, и она терпит. Верит, что попадет еще в морскую воду, ощутит связь со своей огромной семьей, и все наладится. Так будет. Эта вера удерживала от падения.

Русалка возвращается в пресную воду, погружается на дно, с отвращением поглядывая на человеческие ноги – кандалы мешали трансформации, так что приходилось оставаться в обличье человека. И это она перетерпит. Под водой, где изменения происходят тысячелетиями, терпение – главная добродетель.

В темнице Лакраш, на подземном уровне, среди ледяных камней, пронзительно громких сквозняков, где температура воздуха не поднимается выше десяти градусов, где нет ни мышей, ни крыс, только мерзкие насекомые, обнаженная, остриженная, низведенная до человеческого обличья принцесса подводного королевства Сэлавелия чувствовала себя комфортно.

Она была сильнее изнеженных наземных принцесс. И если король хотел ее унижить, то крупно просчитался. Сэла знала, чем рисковала, но страх, который остался в глубине морей и океанов, куда страшнее темницы, охраняемой драконами. Она попыталась бы вновь.

Тихая какофония подземных звуков расширилась, к ней присоединились крадущиеся шаги неизвестного, но маленького

существа. Принцесса поднялась на поверхность своего миниатюрного бассейна, поставила локти на край и уставилась на входную дверь. Через мгновение комнату, погруженную во тьму, осветил голубоватый огонек в руках сумрачной красавицы.

– Верховная, – прошипела Сэла, заметив ухмылку на лице миниатюрной шелки.

– Сюрприз! – мягко воскликнула та, заползая в камеру, и замерла в тени. – Думали, что прикончили меня? То, что мертво, умереть не может. Тебе ли этого не знать.

Сэлавелия в ответ лишь хмыкнула, продолжая с тихой злобой глядеть на шелки. Та облизнула зубы, демонстрируя безупречный акулий ряд клыков, и наклонила голову, желая еще сильнее разозлить русалку своим сверхъестественным видом. Живая утопленница! Мерзость подводного мира.

– Чего пришла?

– Сказать, что вы были правы, когда обвиняли нас в убийствах этих несчастных дельфинов, морских котиков, тюленей, пингвинов... хм, всех и не упомнишь, – с наслаждением перечислила Флакса, подходя ближе к разъяренной принцессе. – Мы усеяли морское дно трупами, и нам это сошло с рук. Правда, мы классно все провернули?

– Как? – каркающим от напряжения голосом спросила Сэла.

Флакса приблизилась к пленнице вплотную, так что принцесса могла разглядеть мелкую рябь на лице шелки. Серые следы порезов, нанесенных еще при жизни. Кто-то искромсал тело девушки, но смерть все скрыла, оставив глухую, как неутолимая жажда, ненависть ко всему живому.

– Лазейка найдется всегда, главное, правильно попросить, – туманно и нараспев ответила незванная гостья. – Но, впрочем, это уже неважно, не так ли? Мы обе знаем, что творится на океанском дне. Что вновь просыпается, своей жаждой захватывая и поработая морские города... Перед его зовом нельзя устоять. Я знаю, ты уже готова раскрыть карты Никлосу, но мы не можем этого допустить.

И тогда до Сэлы дошло.

– О, святая Клэрия, неужели вы... нет, это невозможно! Они мертвы! Навсегда мертвы! – заговорила она, отходя вглубь бассейна. Ее голос зазвучал громче, она захотела быть услышанной. Русалка звала охрану, осознав, что не ради беседы пришла шелки.

– Везде есть лазейки, Сэла, – назидательно повторила утопленница, соскальзывая в воду. – Прости, но наш друг очень просил остановить тебя. Милый король должен оставаться в неведении. Так будет лучше, когда он будет готов. Ну... ты понимаешь? Очаровательная Селеста поселила в его сердце зерна голода и желания. А предатели разожгли паранойю и гнев. Прекрасный коктейль, – как ни в чем не бывало продолжала она, когда принцесса уперлась в противоположную стенку, выставив перед собой скованные цепью руки. Ее магию на глазах короля заблокировал Томар Бай – чтобы не сбежала, не связалась со своими.

– И когда придет время – он сделает то, что предначертано. А мы поможем, – с маниакальным блеском в глазах прошептала Флакса. За ее спиной показались еще две шелки, словно вышедшие из ее тени. Молчаливые монстры с острыми когтями и жадными ухмылками. – Прости, русалочка, но тебе придется замолчать, чтобы не ляпнуть лишнего... Знай, твоя смерть пойдет на пользу всему миру. Одна из жертв в его честь.

Сэла, потеряв голову от страха, закричала на одной высокой русалочьей ноте, но это длилось всего миг. Кровь брызнула во все стороны, окрасив воду в красный цвет. Шелки деловито разделали тело на множество кусочков, а после совершенно естественным образом принялись его есть. Их пасти раскрывались широко и мощно, почти под углом в 180 градусов. Они ели жадно, но щедро делились с новенькими утопленницами, которые входили в комнату с ведрами воды и тряпками, чтобы убрать следы бойни.

Их друг стоял в тени, и каждая утопленница нет-нет да косилась на него, демонстративно глотая кусочки, и видела его довольную улыбку.

* * *

Колокола радостно трезвонили на обновленной площади. Толпы людей праздновали восстановление города и с помпой встречали первый свадебный кортеж. Столица Клэрия утопала в белоснежных цветах, в небо запускали белых и черных голубей. Повсюду белые ленты на плечах, люди скандировали женское имя, жадно вглядываясь

через невысокие ограждения в пару лошадей. Их притягивало лицо счастливой невесты. Девушка светилась белым – ариус разлетался во все стороны сотней тонких вспышек, и каждого, кого он коснулся, будто окунули в воду свежести и силы.

«Как заново родился! Я словно побывал на небесах! Все болячки сошли на нет! О, да она настоящая святая! Как святая Клэрия! Да здравствует святая Селеста! Вы видели, видели? Она мне улыбнулась!» – слышались восторженные возгласы горожан. А в глубине, подальше от сверкающих главных улиц, перешептывались: «И почему Артан? Он, хоть и маршал, но ничем нам не помог, когда полезли морские гады! Да даже Акрош сделал больше, чем он! Белокрылой было бы лучше с королем! Из них вышла бы идеальная пара! Да они разом заткнули бы всех недовольных и моря под себя подмяли бы!»

Разное шептали и скандировали на улицах. А серые фигуры, как мыши, слонялись по кабакам и закоулкам да записывали: что, как и почему говорят, а потом относили господину с холодными серыми глазами и блестящей медной медалью на груди. Новый канцлер не чета предыдущему – землю носом рыл, выискивая недовольных. Особенно он начал выслуживаться, когда стало известно о пропаже Сэлавелии. Никто не слышал, никто не ведал, как русалка смогла исчезнуть из самого охраняемого здания во всем королевстве.

Но ничего. И в этом канцлер Богарт разберется. Немного поднатореет, пообживется в новой роли. Будет. Все будет! А пока он и сам готовится к свадьбе, хоть его невестушка и плачет по ночам, не веря в то, за кого ей придется выйти замуж. Да что там говорить – глупенькая, не ведает своего счастья!

А колокола все трезвонят и трезвонят, раздражая и без того раздраженного короля, запершегося в своем кабинете с полупустой бутылкой коньяка. Скоро лететь в храм, класть руки на головы новобрачных, говорить напутственные слова, одобряя этот брак. А ему волком выть хочется! Больно – так больно терять обоих... И он пьет, изо всех сил оттягивая роковой момент, хотя часы упрямо показывают – почти полдень, пора идти.

Не знает он, что скоро и эта боль отступит перед более ярким чувством. На него надвигался ненасытный, зверский голод. Начало было уже положено. В полночь при свете полной луны, девушкой, что

бежала изо всех сил вглубь леса, в страхе оглядываясь и до последнего не веря в то, кем оказался ее защитник.

Она подвернула ногу, упала, громко ойкнув, а когда запрокинула голову, увидела вокруг себя закутанные в красные одеяния фигуры с масками из мертвых животных на лицах. Кирнан застонала на тонкой, дикой ноте, почти теряя рассудок, когда ее схватили за руки и за ноги, подняли над собой, и, не обращая внимания на отчаянные крики девушки, потащили обратно на освещенную красным поляну.

Там ее уже ожидал жертвенный стол с колышками, к которым привязали извивающееся тело. От количества морвиусов рябило в глазах, но вот из-за почтительно расступившихся фигур вышел вперед высокий мужчина в черном. Его маска как из масла сделанная, с длинным загнутым книзу клювом и треугольными прорезями для глаз, которые с пылкой яростью взирали на пытающуюся освободиться девицу.

– Пожалуйста, нет! – запричитала она, с мольбой глядя на предавшего ее друга, когда он подошел к ней и положил руку на ее горячий лоб. – Я же все сделала, как вы просили! За что? Я никому ничего не скажу, прошу вас! Нет!

– Тише, милая, – бархатный голос обволакивал и погружал бывшую невесту в транс. – Не сопротивляйся, все идет так, как и было спланировано. Это твой путь, твоя судьба. И разве не прекрасна она? Тебя будут помнить, как отворившую первую дверь. Мы все любим тебя. Твоя жертва не будет напрасной. Мы благодарны тебе за все! – с нежной теплотой говорил он, и она улыбнулась, погружаясь в сладкую негу. Он коснулся ее между ног, и Кирнан прерывисто застонала, изогнувшись ему навстречу.

– Умничка, ты такая молодец, – нахваливал он, свободной рукой поднося к ее носу пахучую жидкость, пока девушка плыла по волнам наслаждения. Она не видела, как к предводителю морвиусов подошла молчаливая Флакса и протянула ему заостренный черный кинжал с непроницаемым стеклянным лезвием, в котором клубилась тьма.

Кирнан легонько вздохнула, когда почувствовала, как вспарывается одежда острым ножом. И не открыла глаз, когда отовсюду послышались голоса:

– Морвиус-нориус-ариус! – Шепот перешел в полусшепот, а потом в негромкий речитатив, а после в легкие возгласы и, наконец, в

громкое пение. Ее глаза раскрылись, только когда нож по рукоятку вошел в грудь, и из ее рта вылетели крупные капли крови.

Она непонимающе уставилась на знакомое лицо под маской, но не смогла и имени произнести – тьма окутала сознание девицы, и душа ее выскользнула из тела, покидая мир живых. Ей не суждено узнать, что именно собирались сделать с ее сердцем морвиусы.

Часы отбивали полночь. И повернулся ключ в клетке. И вздрогнули ресницы спящего. И шепот разошелся над волнами: *«Что делать дальше, возлюбленный мой бог?..»*